

Метод «Джакарта»

Антикоммунистический
террор США,
изменивший мир

Винсент
Бевинс

Посвящается Бу Чиске и Пак Хон Лан Ояй

THE JAKARTA METHOD

WASHINGTON'S ANTICOMMUNIST CRUSADE & THE MASS MURDER PROGRAM THAT SHAPED OUR WORLD

Vincent Bevins

PUBLICAFFAIRS

New York

Винсент Бевинс

Метод «Джакарта»

**Антикоммунистический
террор США,
изменивший мир**

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2023

УДК 94(54)"1945/1990":94(73)"1945/1990"
ББК 63.3(5Инз):63.3(7Coe)6
Б36

Переводчик Наталья Колпакова
Научный редактор Александр Воеводский, канд. ист. наук
Редактор Лев Данилкин

Бевинс В.

Б36 Метод «Джакарта»: Антикоммунистический террор США, изменивший мир / Винсент Бевинс ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2023. — 440 с.

ISBN 978-5-00139-824-0

Американский журналист Винсент Бевинс обнаружил, что между 1945 и 1990 годами США тайно поощряли программы массовых убийств коммунистов, диссидентов и невооруженных гражданских лиц и что только благодаря чудовищным репрессиям им удалось скорректировать в выгодную для себя сторону вектор политического развития сразу на нескольких континентах. Забытые даже местным населением события в Индонезии, когда политики и спецслужбы иностранной державы сознательно обучили своих союзников государственному террору, — ключ к пониманию и модель процесса, который позволил США выиграть холодную войну и создать американо-центричный мир. Полная историй конкретных людей и конкретных семей книга «Метод “Джакарта”» — документальное и убедительное объяснение того, какими средствами, какой кровью и при помощи какой ошеломляющей фальсификации исторической памяти целых народов победила общепринятая сейчас картина мира. Горькая правда Бевинса состоит не в том, что «Джакарта» случилась и больше никогда не повторится, но в том, что именно «Джакарта» сформировала наш мир и снова грядет: раз Америка действовала подобным образом, то и всем остальным тоже все дозволено. Круг насилия замкнулся, и разорвать его может лишь осознание подлинной истории.

УДК 94(54)"1945/1990":94(73)"1945/1990"
ББК 63.3(5Инз):63.3(7Coe)6

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-824-0 (рус.)
ISBN 978-1-5417-4240-6 (англ.)

© Vincent Bevins, 2020
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

Содержание

Предисловие.....	7
1. Новая эпоха господства Америки	17
2. Независимая Индонезия	46
3. Рога пообломаем, и Поуп в небесах	88
4. Альянс ради прогресса	108
5. В Бразилию и обратно	127
6. Движение 30 сентября.....	156
7. Истребление	189
8. В это время в мире.....	218
9. Джакарта грядет.....	247
10. Возвращение Севера	286
11. Мы чемпионы	316
12. Где они сейчас? И где мы?	331
<i>Приложение 1 .....</i>	<i>353</i>
<i>Приложение 2 .....</i>	<i>355</i>
<i>Приложение 3.....</i>	<i>357</i>
<i>Приложение 4 .....</i>	<i>358</i>
<i>Приложение 5.....</i>	<i>360</i>
<i>Благодарности .....</i>	<i>361</i>
<i>Примечания .....</i>	<i>365</i>
<i>Данные, представленные на карте .....</i>	<i>409</i>
<i>Примечание об адресах интернет-страниц.....</i>	<i>411</i>
<i>Предметно-именной указатель.....</i>	<i>412</i>

Предисловие

В мае 1962 г. маленькая девочка по имени Инь Джиок Тан поднялась на борт ржавой старой посуды в индонезийской Джакарте. Ее страна, одна из крупнейших в мире, была втянута в глобальную битву между капитализмом и коммунизмом, и ее родители договорились бежать от ужасных для обычных людей последствий этого конфликта. Они решили направиться в Бразилию, прослышав от других индонезийцев, уже проделавших этот путь, что там можно обрести свободу, шанс на лучшую жизнь и передышку от конфликтов. Однако они почти ничего не знали об этой стране. Бразилия была для них всего лишь идеей — почти мечтой. На протяжении 45 дней терзаемые тревогой и морской болезнью они миновали Сингапур, прошли через Индийский океан до Маврикия, спустились вдоль берегов Мозамбика, обогнули Южную Африку, а затем пересекли Атлантику и прибыли в Сан-Паулу, крупнейший город Южной Америки.

Если они рассчитывали спастись от насилия холодной войны, то трагическим образом ошиблись. За два года до их прибытия военные свергли молодую бразильскую демократию и утвердили жестокую диктатуру. Затем новоиспеченные индонезийские иммигранты в Бразилии стали получать с родины послания, в которых описывались самые ужасающие картины, какие только можно себе представить: вспышка насилия, настоль-

ко жуткого, что сама мысль о нем могла бы сломать человека и повредить его рассудок. Все невообразимое, о чем им рассказывали, оказалось правдой. Из этой апокалиптической бойни родилось заваленное изуродованными трупами новое индонезийское государство — один из самых верных союзников США, чтобы затем практически исчезнуть с исторического горизонта. То, что произошло в Бразилии в 1964 г. и в Индонезии в 1965 г., возможно, самые важные победы, одержанные в холодной войне той из сторон, что в конце концов вышла из нее триумфатором, — Соединенными Штатами и действующей в настоящее время мировой экономической системой. Более того, эти события относятся к числу самых важных в том процессе, который, в сущности, предопределил жизнь практически каждого человека. Обе страны были независимыми, занимая промежуточное положение между мировыми капиталистическими и коммунистическими сверхдержавами, но в середине 1960-х гг. однозначно оказались в лагере США.

Официальные лица из Вашингтона и нью-йоркские журналисты, безусловно, понимали в то время, какую важность представляют эти события. Они знали, что Индонезия, ныне четвертая по численности населения страна в мире, — намного более ценный приз, чем тот же Вьетнам¹. Всего за несколько месяцев внешнеполитическое ведомство США достигло здесь того, чего не смогло добиться за десять кровавых лет войны в Индокитае.

Диктатура в Бразилии, в настоящее время пятой по численности населения стране, сыграла определяющую роль в подталкивании остальных государств Южной Америки в группу поддержки Вашингтона и в сторону антикоммунизма. Советский Союз практически не участвовал в том, что происходило в обеих этих странах.

Самым шокирующим и самым главным для этой книги является то обстоятельство, что события в Бразилии и Индонезии привели к созданию чудовищной международной сети истребления — систематическим массовым убийствам гра-

жданских лиц, охватившим большое число стран, что сыграло важнейшую роль в построении мира, в котором мы сегодня живем.

Если человек сам не живет в Индонезии или не изучает ее профессионально, то, скорее всего, очень мало знает о ней — и почти ничего не знает о том, что произошло в этом государстве-архипелаге в 1965–1966 гг. Индонезия остается огромным провалом в коллективном знании даже среди людей, осведомленных о Карибском кризисе, войне в Корее или Пол Поте либо способных с легкостью перечислить основные факты о самой населенной в мире стране (Китай), второй по населенности (Индия) или даже шестой и седьмой из этого списка (Пакистан и Нигерия). Даже в среде журналистов-международников лишь немногие знают, что Индонезия — крупнейшая в мире страна с мусульманским большинством, не говоря уже о том, что в 1965 г. там действовала самая многочисленная в мире коммунистическая партия за пределами Советского Союза и Китая.

Правда о насилии 1965–1966 гг. десятилетиями оставалась скрытой. Диктатура, установившаяся после него, лгала миру, а выжившие жертвы были брошены в тюрьму или слишком запуганы, чтобы говорить. Лишь в результате усилий героических индонезийских активистов и самоотверженных ученых всего мира мы можем теперь рассказать эту историю. Серьезным подспорьем стали документы, недавно рассекреченные в Вашингтоне, хотя многое из того, что произошло, по-прежнему окутано тайной.

Скорее всего, Индонезия исчезла из мировой политики потому, что события 1965–1966 гг. обернулись для Вашингтона настоящим триумфом. Не погиб ни один американский солдат, ни один человек в самих США не подвергался опасности. Хотя индонезийские лидеры в 1950-х и 1960-х гг. играли колоссальную роль на международной арене, после 1966 г. от ее былой роли страны — возмутительницы спокойствия не осталось ровным счетом ничего. Тринадцать лет работы в качестве

международного корреспондента и журналиста научили меня, что дальние страны, стабильно и надежно занимающие про-американскую позицию, источниками сенсаций не становятся. Изучив документы и посвятив много времени общению с людьми, пережившими те события, лично я пришел к другой, вызывающей глубокое беспокойство теории, объясняющей, почему эти эпизоды были забыты. Боюсь, что правда о случившемся настолько противоречит нашему представлению о том, чем являлась холодная война, что значит быть американцем или как именно происходила глобализация, что проще оказалось ее проигнорировать.

Эта книга адресована тем, кто не имеет специальных знаний об Индонезии, Бразилии, Чили, Гватемале или холодной войне, хотя я надеюсь, что мои интервью, исследования архивных документов и глобальный подход позволили мне сделать ряд открытий, которые могли бы заинтересовать и специалистов. Больше всего я надеюсь на то, что эта история дойдет до людей, желающих узнать, насколько непосредственно формировали нашу сегодняшнюю жизнь насилие и война с коммунизмом, где бы они ни осуществлялись — в Рио-де-Жанейро, на Бали, в Нью-Йорке или Лагосе.

Два события моей собственной жизни убедили меня, что произошедшее в середине 1960-х гг. в огромной мере продолжает влиять на нас — можно сказать, его призрак по-прежнему бродит по миру.

В 2016 г., шестой и последний год работая корреспондентом *Los Angeles Times* в Бразилии, я очутился в кулуарах бразильского Национального конгресса. Законотворцы четвертой по размерам демократии в мире готовились голосовать по вопросу об импичменте Дилме Русеф, бывшей участнице левого партизанского движения и первой женщине-президенту в истории страны. В одном из коридоров я углядел не особо значительного, однако неизменно разговорчивого правого конгрессмена по имени Жаир Болсонару и подошел к нему, чтобы

взять у него короткое интервью. К тому времени было широко известно, что политические соперники пытаются сбросить президента Русеф по формальным причинам и что организаторы ее отстранения от должности повинны в гораздо большей коррупции, чем она сама². Поскольку я был иностранным журналистом, то спросил Болсонару, не опасается ли он, что международное сообщество усомнится в легитимности более консервативного правительства, которое должно было ее заменить, да еще с учетом того, что сама процедура лишения власти законного президента вызывала много вопросов. Его ответы показались мне настолько не соответствующими общепринятым правилам политического хорошего тона, настолько бесцеремонным возрождением духа холодной войны, что я даже не стал включать их в интервью. А сказал он мне вот что: «Мир восславит то, что мы делаем сегодня, потому что мы не допускаем превращения Бразилии в еще одну Северную Корею». Абсурд в чистом виде. Русеф была левоцентристским лидером, и ее правительство можно было упрекнуть разве что в чрезмерном дружелюбии к гигантским корпорациям.

Прошло совсем немного времени, и Болсонару вышел к микрофону в зале Конгресса, чтобы сделать заявление, потрясшее страну: свой голос за импичмент он посвящает Карлосу Альберто Брильянте Устре — человеку, под руководством которого, в бытность его полковником, пытали Русеф во времена бразильской диктатуры. Это была откровенная провокация, попытка реабилитировать антикоммунистический правящий режим страны и стать национальным символом крайне правой оппозиции всему, чему только можно³.

Когда я брал у Русеф интервью несколько недель спустя — она ждала итогового голосования, в результате которого оказалась отстранена от должности, — наш разговор неизбежно обратился к роли Соединенных Штатов в делах Бразилии. Вспоминая о множестве случаев и способов вмешательства Вашингтона с целью свержения правительств в Южной Америке, многие ее сторонники задумывались, не стоит ли ЦРУ

и за этим. Сама она такую версию отрицала, объясняя случившееся результатами внутренних процессов в Бразилии⁴. В определенном смысле, однако, так было еще хуже: диктатура в Бразилии трансформировалась в разновидность демократии, способной самостоятельно избавиться от любого вроде Русеф или Лулы, кого экономические или политические элиты считали угрозой своим интересам, и вызвать демонов холодной войны, чтобы за них воевать, когда им только заблагорассудится.

Теперь мы знаем, насколько успешным оказался гамбит Болсонару. Два года спустя, когда он был избран на пост президента, я находился в Рио. Разногласия сразу же вылились на улицы. Крупные крепкие мужчины орали в адрес татуированных женщин со значками в поддержку соперничавшего кандидата: «Коммунисты! Убирайтесь! Коммунисты! Убирайтесь!»

В 2017 г. я двигался в направлении, диаметрально противоположном тому, которым перемещались Инь Джиок Тан и ее семья много лет назад. Я перебирался из Сан-Паулу в Джакарту, чтобы освещать события в Юго-восточной Азии для *The Washington Post*. Через несколько месяцев после моего прибытия группа ученых и активистов хотела провести небольшую конференцию для обсуждения событий 1965 г., но кто-то принялся распространять в социальных сетях обвинение, будто на самом деле это было собрание с целью возрождения коммунизма — по-прежнему, пятьдесят лет спустя, запрещенного в этой стране, — и в вечер мероприятия толпа направилась к месту его проведения — вскоре после того, как сам я ушел оттуда. Группы, состоявшие по большей части из мужчин-мусульман, теперь нередко участвующих в агрессивных демонстрациях на улицах Джакарты, окружили здание и заперли всех, кто был внутри. Моя молодая соседка Никен, профсоюзный организатор из центральной части Явы, провела в осаде всю ночь, в течение которой толпа колотила в стены, скандируя: «Раздавим коммунистов!» и «Сожжем их заживо!». Перепуганная, она посылала мне сообщения с просьбами привлечь

к происходящему внимание общественности, что я и сделал через «Твиттер». Довольно скоро мне стали поступать угрозы и обвинения в том, что я коммунист и чуть ли не член несуществующей индонезийской коммунистической партии. Я привык получать точно такие же сообщения в Южной Америке. Сходство было неслучайным. Истоки паранойи и там и там можно проследить вплоть до травматичного разрыва в середине 1960-х гг.

Лишь начав работать над этой книгой, беседовать со специалистами, свидетелями и выжившими, я понял, что значение этих двух исторических событий намного больше того факта, что свирепый антикоммунизм до сих пор существует в Бразилии, Индонезии и многих других странах, и что холодная война создала мир правящих режимов, воспринимающих любую социальную реформу как угрозу. Я пришел к выводу, что весь мир — и особенно страны Азии, Африки и Латинской Америки, мимо которых проплыла Инь Джиок вместе со своей семьей, — был преобразован волнами, исторгнутыми из Бразилии и Индонезии в 1964 и 1965 гг.

Я чувствовал огромное моральное обязательство изучить эту историю и изложить ее максимально точно. В каком-то смысле это кульминация десяти с лишним лет моей работы, но именно ради этой книги я посетил 12 стран и проинтервьюировал больше сотни человек на испанском, португальском, английском и индонезийском языках. Я рылся в архивных документах на всех этих языках, разговаривал с историками по всему миру и работал с ассистентами-исследователями из пяти стран. У меня было немного ресурсов для написания этой книги, но я вложил в нее все, чем обладал.

Насилие, захлестнувшее Бразилию, Индонезию и еще 21 страну мира, не было случайным или второстепенным по отношению к основным событиям мировой истории. Смерти не были «хладнокровными и бессмысленными» — или всего лишь трагическими ошибками, которые все равно ничего не изменили⁵. Наоборот! Насилие оказалось эффективным

базовым элементом более общего процесса. В отсутствие полной картины холодной войны и целей США во всем мире эти события кажутся невероятными, непостижимыми или крайне сложными для осмысления.

Прекрасный фильм «Акт убийства» (The Act of Killing, 2012) Джошуа Оппенхаймера и его продолжение, «Взгляд тишины» (The Look of Silence, 2014), открыли черный ящик, куда были заключены события 1965 г. в Индонезии, и заставили людей в нашей стране и за рубежом заглянуть в него. Оппенхаймер в своей работе мастерски использует принцип экстремального приближения. Я намеренно избрал противоположный подход, увеличив поле зрения до всемирного охвата, — и это не что иное, как попытка дополнить картину, созданную им. Я надеюсь, что зрители этих фильмов прочтут мою книгу, чтобы поместить их в более широкий контекст, а читатели посмотрят фильмы после того, как закроют книгу. Я также имею небольшой личный долг перед Джошуа за его руководство моими начальными изысканиями, но намного больше я обязан индонезийцам и другим историкам, особенно Баскара Вардае, Фебриане Фирдаус и Брэдли Симпсону.

На мой взгляд, чтобы в полной мере рассказать историю тех событий и описать их последствия, а именно всемирную сеть уничтожения, которую они породили, нужно попытаться изложить более общую историю холодной войны. Очень часто забывают, что яростный антикоммунизм был мировой силой и что его сторонники преодолевали границы, обучаясь на успехах и провалах повсюду по мере того, как их движение набирало ход и одерживало победы. Для понимания случившегося нам нужно понять природу этих международных партнерств.

Это также история ряда людей, как американцев, так и индонезийцев или латиноамериканцев, переживших эти события, которые в огромной степени изменили их жизнь. Выбранная мной точка зрения и установленные связи, возможно, до известной степени были предопределены людьми, с которыми мне посчастливилось познакомиться, а также

моей собственной предысторией и знанием языков. Однако, на мой взгляд, их история в той же мере является историей холодной войны, что и любая другая, и, безусловно, в большей мере, чем любая история холодной войны, сфокусированная в первую очередь на белых жителях Соединенных Штатов и Европы⁶.

История, которую я здесь рассказываю, основывается на рассекреченной информации, консенсусе, достигнутом самыми осведомленными историками, и убедительных свидетельствах очевидцев. В значительной степени я полагаюсь на интервью, которые лично взял у выживших. Разумеется, я не имел возможности проверить все до единого их сообщения о своей жизни, в частности что именно они испытывали, во что были одеты или какого числа арестованы. Однако ни одна из деталей, включенных мной в книгу, не противоречит установленным фактам более общей истории, которые специалисты уже поведали. Я убедился, что рассказать ее максимально точно, следуя свидетельствам и с уважением к тем, кто все это пережил, возможно лишь при соблюдении определенных условий. Во-первых, история носит подлинно всемирный характер: все жизни на Земле считаются равноценными и никакие страны или действующие силы не рассматриваются априори как хорошие или плохие. Во-вторых, все мы слышали мудрость, что «историю пишут победители». К сожалению, обычно так оно и есть. Однако данная история противоречит этой тенденции: многие из ее центральных фигур относились к числу величайших неудачников XX столетия, — и мы не должны бояться того, что факты из их жизни противоречат общепринятым представлениям о холодной войне в англоязычном мире, пусть даже эти противоречия могут показаться победителям очень неприятными. Наконец, я совершенно отказываюсь от каких-либо домыслов и сопротивляюсь любому побуждению самостоятельно догадаться о том, что покрыто мраком тайны. Приходится признать, что многое в случившемся нам до сих пор не известно.

Таким образом, эта книга не опирается на гипотезы. Когда мы с коллегами натыкались на то, что казалось невероятными совпадениями — пожалуй, слишком невероятными, или на связи, которые мы не могли объяснить, то делали паузу в работе и обсуждали их, вместо того чтобы строить теории об их причинах.

И кое-какие закономерности нам, безусловно, удалось нащупать.

Новая эпоха господства Америки

Соединенные Штаты Америки, колония поселенцев из Западной Европы в Северной Америке, вышли из Второй мировой войны самым могущественным государством на планете. Это стало неожиданностью — и для большинства американцев, и для большей части мира.

США были молодым государством. Всего сто лет прошло с тех пор, как правительство, созданное в бывших британских колониях, завершило процесс включения в новую страну бывших французских и испанских территорий, в результате ее лидеры получили господство над огромной срединной полосой Северо-Американского континента. Для сравнения: европейские правители покоряли заморские территории на протяжении почти пяти веков. Их корабли плавали по всему миру и делили его, к вящей славе своих держав.

Называя Соединенные Штаты колонией поселенцев, мы подразумеваем, что процесс захвата этих земель белыми европейцами на протяжении нескольких столетий отличался от того, как завоевывалось большинство стран в Африке и Азии. Белые поселенцы прибыли сюда, чтобы остаться

навсегда, и коренное население было заведомо исключено из нации, которую те создали. Чтобы могла сформироваться новая страна, белая и христианская, аборигены должны были убраться прочь с дороги. Всем американцам еще в школе объясняют, что мощный религиозный фанатизм был важным фактором в процессе основания Соединенных Штатов. Пуритане, группа глубоко религиозных английских христиан, пересекли Атлантику не для того, чтобы работать на Англию. Они искали такое место, где можно будет построить более чистое, более строгое, пропитанное кальвинистским духом общество, чем у себя на родине. Можно сказать, они жаждали религиозной свободы, но, выражаясь иначе, стремились к созданию еще более однородного, фундаменталистского и теократического общества, чем то, что существовало в Европе XVII в.¹

В конце 1700-х гг. лидеры британских колоний в ходе революционной войны изгнали монархическую власть и создали поразительно эффективную систему самоуправления, существующую в слегка измененном виде по сей день. На мировой арене новая страна стала символом и воплощением революционных, демократических идеалов. Внутренняя ситуация, однако, была значительно менее однозначной. Соединенные Штаты оставались обществом безжалостного белого супрематизма. И поскольку коренное население априори исключалось из процесса государственного строительства, следствием стал геноцид.

На всем Американском континенте, от Канады до Аргентины, европейская колонизация уничтожила от 50 до 70 млн аборигенов — около 90% коренного населения. Недавно ученые пришли к выводу, что истребление это было настолько массовым, что изменило температуру на планете². В новорожденных Соединенных Штатах Америки искоренение местных племен продолжалось еще долго после провозглашения независимости от власти Британии. Граждане США продолжали покупать,

продавать, избивать, мучить и держать в собственности людей африканского происхождения вплоть до середины XIX в. Женщины получили общенациональное право голоса лишь в 1920 г. И если последние хотя бы могли воспользоваться им на практике, то темнокожих американцев, у которых тоже, теоретически, было избирательное право, к голосованию не допускали — посредством расистских кампаний террора и с помощью законов, отсекавших их от возможности реализовать гражданские права. На момент вступления во Вторую мировую войну Соединенные Штаты представляли собой то, что сегодня мы сочли бы обществом апартеида³.

В той войне, однако, на передний план выдвинулись лучшие стороны американского характера. Поначалу это было вовсе не очевидно. В 1930-х гг. некоторые американцы даже симпатизировали нацистам — сверхмилитаризованной, осуществлявшей политику геноцида и гордящейся своим расизмом авторитарной правящей партии Германии. В 1941 г. сенатор от штата Миссури Гарри Трумэн заявил: «Если мы увидим, что Германия побеждает в войне, то должны будем помочь России; если увидим, что побеждает Россия, должны будем помочь Германии, и пусть они уничтожат себе друг друга»⁴. Однако, когда США все-таки вступили в войну в союзе с британцами, французами и русскими против немцев и японцев, их войска сражались за освобождение заключенных из лагерей смерти и спасли ограниченные демократии Западной Европы от тирании. На фронте трагически погибли 500 000 человек, но те американские парни, что вернулись с войны, испытывали чувство обоснованной гордости за свои поступки: их поколение бросило вызов насквозь порочной системе, встало на защиту ценностей, на которых была построена их страна, и одержало победу.

Окончание Второй мировой войны стало началом нового мирового порядка. Европа была ослаблена, мир расколот на части.

Три мира

Второе сильнейшее в мире государство в 1945 г., Советский Союз, тоже вышло из войны победителем. И Советы тоже испытывали огромную гордость, но победа стоила им огромных жертв. Адольф Гитлер, лидер нацистской партии, ненавидевший их левую идеологию, безжалостно вторгся на территорию СССР. Прежде чем Советский Союз наконец-то отбросил немцев назад — в Сталинграде в 1943 г., что и стало, по всей видимости, поворотным моментом войны, за год до высадки американцев в Европе, — он понес катастрофические потери. К моменту, когда Красная армия в 1945 г. дошла до Берлина, оккупировав при этом значительную часть Центральной и Восточной Европы, погибло по меньшей мере 27 млн советских граждан⁵. Советский Союз был еще более молодой страной, чем Соединенные Штаты. Его создала в 1917 г. немногочисленная группа радикальных мыслителей, вдохновлявшихся учением немецкого философа Карла Маркса. Это произошло после того, как революция свергла обветшалую российскую монархию, правившую империей, которая была населена по большей части нищими крестьянами и считалась отсталой по сравнению с развитыми капиталистическими странами Западной Европы, где, как полагал Маркс — и Владимир Ленин, первый советский лидер, — в действительности должна была начаться мировая социалистическая революция. Втянутые в гражданскую войну, длившуюся с 1918 по 1920 г., революционеры-большевики применяли, как они сами выражались, «террор», чтобы сокрушить силы белых — рыхлой коалиции консерваторов, русских националистов и антикоммунистов, также практиковавших массовые убийства. После смерти Ленина, в 1924 г., его безжалостный преемник Иосиф Сталин подверг крестьянский класс насильственной коллективизации, создал экономику на основе центрального планирования и решал проблему реальных и мнимых врагов с помощью арестов и смертных приговоров. В результате массовых репрессий

в 1930-х гг. погибло несколько миллионов человек, в том числе целая когорта первых архитекторов революции, а сам Сталин тем временем подгонял идеологию международного коммунистического движения под свои политические нужды. Однако худшие стороны того, что происходило в стране, по большей части оставались тайной. Быстрая же индустриализация Советского Союза и последующий разгром нацистов — как и тот факт, что зачастую именно коммунисты оказывались первыми и наиболее энергичными в мире борцами и с фашизмом, и с колониализмом, — принесли стране в 1945 г. высокий престиж на мировой арене⁶.

Советы стали второй в мире супердержавой, но были намного слабее Соединенных Штатов во всех значимых отношениях. К концу 1940-х гг. на США приходилась как минимум половина мирового товарного производства. К 1950-м гг. экономика США, видимо, равнялась совокупной экономике всей Европы и Советского Союза⁷. Что касается военной силы, население СССР понесло огромные потери, и особенно они затронули тех, кого можно было мобилизовать для участия в новой войне. Сотни тысяч советских женщин бесстрашно сражались с нацистами, однако к 1945 г. сложился гендерный дисбаланс, по которому можно понять масштабы катастрофы: на каждые десять женщин в возрасте от 20 до 29 лет приходилось лишь семь мужчин⁸. США обладали превосходящей военной силой и, сбросив атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, продемонстрировали, какой апокалиптический ущерб способны причинить с воздуха.

Этот расклад мы и имеем в виду, говоря о «первом мире» и «втором мире» в годы после 1945-го. Первый мир состоял из богатых стран Северной Америки и Западной Европы, Австралии и Японии — все они разбогатели на колониализме. Их ведущая сила, Соединенные Штаты, поздно включилась в эту игру, во всяком случае за пределами Северной Америки, зато играла по-крупному. Молодые Соединенные Штаты получили контроль над Луизианой, Флоридой, Техасом и юго-

западом континента посредством войн или угроз нападения⁹. Затем Вашингтон захватил Гавайи, после того как группа бизнесменов свергла в 1893 г. королеву Лилиуокалани, и взял под контроль Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины в Испано-американской войне 1898 г. Филиппины, вторая по величине страна Юго-Восточной Азии, до 1945 г. оставались официальной колонией США, тогда как Куба перешла в неформальную сферу влияния США в Центральной Америке и Карибском бассейне (куда морская пехота США к 1920 г. вторгалась не менее 20 раз — ошеломляющая цифра!), а Пуэрто-Рико по сей день пребывает в имперском правовом вакууме¹⁰.

Вторым миром были Советский Союз и территории Европы, где разбила лагерь Красная армия. С момента своего основания СССР публично поддерживал всемирную борьбу с колониализмом и не осуществлял заморских империалистических инициатив, однако мир пристально следил за тем, как именно Москва станет реализовывать свое влияние в оккупированных странах Центральной и Восточной Европы.

Был и «третий мир» — все остальные, огромное большинство мирового населения. Этот термин появился в начале 1950-х гг. и первоначально имел только положительные коннотации. Лидеры новых национальных государств, подхватив это определение, произносили его с гордостью; в нем слышалась мечта о лучшем будущем, где угнетенные и поработенные массы возьмут свою судьбу в собственные руки. Термин использовался в том же смысле, что и понятие «третье сословие» во Французской революции, обозначавшее восставший простой народ, который свергнет первое и второе сословия — дворянство и духовенство. «Третий» не означало третьесортный — скорее, речь шла о третьем, финальном акте: сначала первая группа богатых белых стран попробовала свои силы в создании мира, затем вторая, и вот появляется новое движение, полное энергии и возможностей, готовое показать, на что оно способно. Для большей части планеты третий мир был не просто категорией, он был движением¹¹.

В 1950 г. в третьем мире проживало более двух третей мирового населения, за немногими исключениями — под властью европейского колониализма¹². Части этих стран удалось освободиться от империалистического господства в XIX в., другие обрели независимость с уходом фашистских сил в конце Второй мировой войны, третьи попытались сделать это в 1945 г., однако подверглись вторичной оккупации армиями стран первого мира, а для многих война почти ничего не изменила, и они по-прежнему оставались несвободными. Все они унаследовали экономику, намного более бедную, чем в первом мире. После столетий рабства и жестокой эксплуатации они должны были сами о себе позаботиться и выбрать собственный путь к независимости и процветанию.

Согласно простой версии продолжения этой истории, только что обретшие независимость страны третьего мира должны были отбить империалистические контратаки, а затем решить, следовать ли им капиталистической модели, которой отдавали предпочтение Соединенные Штаты и Западная Европа, или попробовать построить социализм и пойти за Советским Союзом в надежде выбраться из нищеты и занять позицию важного мирового игрока так же стремительно, как русские. Однако на деле все оказалось гораздо сложнее, чем в теории. Так или иначе, в 1945 г. еще можно было сохранять иллюзию, что они смогут поддерживать дружеские отношения и с Вашингтоном, и с Москвой.

Вьетнамец по имени Хо Ши Мин, прежде работавший ретушером фотографий в Париже и пекарем в Соединенных Штатах, принял революционный марксизм после того, как проклял капиталистические силы Запада за отказ признать суверенитет Вьетнама на мирной конференции в Версале после Первой мировой войны¹³. Он стал агентом Коммунистического интернационала, прежде чем возглавить Вьетминь — движение сопротивления японской оккупации в 1940-х гг. Однако, прибыв на площадь Ба Динь в центре Ханоя после двух ядерных ударов США по Японии, чтобы провозгласить 2 сентября

1945 г. независимость страны, он начал свою речь следующими словами: «“Все люди созданы одинаковыми. Они наделены своим Творцом определенными неотъемлемыми правами, среди них право на жизнь, свободу и стремление к счастью”. Это бессмертное заявление было сделано в Декларации независимости Соединенных Штатов Америки в 1776 г. В более широком смысле оно означает: все люди на земле равны от рождения, все люди имеют право жить, быть счастливыми и свободными»¹⁴. Хо Ши Мин прославлял завещанные отцами-основателями Соединенных Штатов революционные идеалы, в которые лидеры США до сих пор глубоко верят, и пытался сказать миру, что вьетнамцы просто хотят того же, чего и остальные люди, а именно — права управлять собой самостоятельно. Он также пытался выжить в отчаянной ситуации. Французская колониальная армия вернулась, чтобы закрепить власть белых людей над Индокитаем, и Хо Ши Мин знал: последнее, что ему нужно, — это чтобы его движение за независимость захотела сокрушить еще и самая могущественная страна в истории человечества. Он обращался напрямую к декларируемым ценностям американского народа — так, как это делали в то время многие левые третьего мира.

В конце концов, Соединенные Штаты были союзником Советского Союза в борьбе с Гитлером. Только вот для облеченных властью людей в столице США ситуация виделась уже совсем в ином свете.

На самом деле крестовый поход Вашингтона против коммунистов начался задолго до Второй мировой войны. Сразу после революции 1917 г. в России президент Вудро Вильсон решил присоединиться к другим империалистическим силам, намереваясь помогать белым, пытавшимся отобрать власть у революционеров-большевиков. На то было две причины. Первая и главная — основы американской идеологии представляют собой полную противоположность коммунизму¹⁵. В них делается сильный упор на индивидуальное, а не коллективное и на идею свободы, прочно связанную с правом собственности.

В конце концов, именно на этом основывалась возможность обладать гражданскими правами в ранней Американской республике: только белые мужчины, владеющие собственностью, имели право голоса. Вторая — Москва позиционировала себя как геополитического и идеологического противника, предлагала альтернативный путь, пройдя которым, бедные люди могли осуществить модернизацию, не повторяя американский опыт¹⁶.

Однако в первые годы после Второй мировой войны произошло несколько событий, в результате которых антикоммунизм оказался в самом центре американской политики и обрел новую, крайне радикальную форму.

Реальный антикоммунизм

Начиналось все в Европе, в регионах, опустошенных Второй мировой войной. Вашингтонским руководителям не нравилось, что коммунистические партии победили на первых послевоенных выборах и во Франции, и в Италии¹⁷. В Греции возглавляемые коммунистами партизаны, одолевшие нацистов, отказались разоружиться или признать правительство, созданное под британским контролем, там разразилась гражданская война. Непокойно было и в Западной Азии. В Турции победивший Советский Союз потребовал допустить его к созданию морской базы в Ормузском проливе, спровоцировав небольшой политический кризис. В Иране, северная часть которого находилась под контролем Советов с 1941 г. (по соглашению с западными союзниками), возглавляемая коммунистами Народная партия Ирана стала самой крупной и наиболее организованной политической группой, а этнические меньшинства требовали независимости от шаха, то есть, по сути, короля, поставленного Британией.

Трумэн относился к Советскому Союзу намного менее терпимо, чем его предшественник, и искал возможность всту-

пить в конфронтацию со Сталиным. Греция и Турция дали ему такой повод. В марте 1947 г. президент в специальном обращении запросил у Конгресса гражданскую и военную поддержку для этих стран. Комплекс идей, озвученных в этом выступлении, впоследствии получит название «доктрина Трумэна».

«Самому существованию греческого государства сегодня угрожает террористическая деятельность нескольких тысяч боевиков, которых подначивают коммунисты, — сказал он. — Я убежден, что политика Соединенных Штатов должна состоять в поддержке свободных людей — тех, кто сопротивляется вооруженному меньшинству или внешнему давлению, ставящему себе цель подчинить их»¹⁸.

Артур Ванденберг, председатель Комитета Сената США по международным отношениям, дал Трумэну совет: чтобы получить желаемое, Белый дом должен «до чертиков напугать американский народ» коммунизмом. Трумэн прислушался к этому совету, и он в самом деле прекрасно сработал. Антикоммунистическая риторика неуклонно усиливалась, поскольку сам характер политической системы США создавал очевидные стимулы для эскалации напряжения. После переизбрания Трумэна в 1948 г. для побежденной Республиканской партии попросту имело политический смысл обвинить его в «мягком отношении к коммунизму», хотя это совершенно не соответствовало действительности¹⁹.

Антикоммунизм специфического характера, оформившийся в эти годы, отчасти основывался на оценочных суждениях — широко распространенном в Соединенных Штатах мнении, что коммунизм является плохой или порочной, пусть даже эффективной, системой. Однако опирался он и на определенные оценки того, что представлял собой мировой коммунизм, возглавляемый Советами. Повсеместно распространялись домыслы, будто Сталин хочет вторгнуться в Западную Европу. Никто теперь не сомневался, что Советы якобы готовят революцию во всем мире, а везде, где есть коммунисты, пусть совсем немногочисленные, они спят и видят, как свергнуть пра-

вительство. Слепо принималось на веру и то, что повсюду, где действуют коммунисты, они выполняют приказы Советского Союза, будучи частью единого всемирного заговора по разрушению Запада. Бóльшая часть этих убеждений была попросту неправдой. Остальное — в значительной степени преувеличение. Яркий пример в этом смысле — Греция, конфликт в которой, по сути, был использован Трумэном для того, чтобы начать холодную войну. В действительности Сталин дал греческим коммунистам указание отступить и позволить правительству, за которым стояла Британия, взять власть в стране после ухода нацистов²⁰. Греческие коммунисты отказались следовать этим инструкциям. Борьба с правым правительством, желавшим уничтожить компартию, была для них гораздо важнее лояльности Советского Союза. Похожим образом советский лидер призвал итальянских и французских коммунистов сложить оружие (что они и сделали) и попросил коммунистические силы Югославии перестать поддерживать своих греческих товарищей, уступить власть в своей собственной стране и объединиться с Болгарией (югославский лидер Иосип Тито не подчинился, чем спровоцировал такой мощный раскол в соцлагере, что Сталин попытался его убить)²¹. Лидеры Народной партии Ирана после Второй мировой войны считали, что их страна созрела для революции, но Советы велели им не предпринимать никаких попыток захвата власти, к 1946 г. СССР решил, что и Турция не стоит хлопот. У советского лидера не было планов вторжения в Западную Европу. Сталин, конечно, отступил в этих частях мира не из душевного благородства или глубокого уважения к правам наций на самоопределение. Дело в том, что он заключил в Ялте сделку с силами Запада и слишком боялся настроить Соединенные Штаты против себя, чтобы ее нарушить. И был удивлен, когда Вашингтон стал действовать так, будто он в самом деле объявил Америку своим врагом²².

Правое греческое правительство получило поддержку Соединенных Штатов, однозначно предпочитавших британского союзника левым партизанам, и применило новое хими-

ческое вещество под названием «напалм», только что разработанное в секретной гарвардской лаборатории, чтобы сокрушить повстанцев, сражавшихся против гитлеровских войск. Королевские военно-воздушные силы Греции применили напалм в лесистых горах региона Вицы вблизи границы с Албанией. В Западной Европе, откуда родом предки всех лидеров США вплоть до сегодняшнего дня, Вашингтон представил план Маршалла — блистательно разработанный и невероятно эффективный комплекс мер экономической помощи, поставивший эти богатые страны на рельсы капиталистической реконструкции по американскому образцу²³.

В мире существовало много социалистических, марксистских и коммунистических течений, и даже партии, по идее лояльные Советскому Союзу, действовали независимо, если считали это целесообразным. Марксизм как руководящая идеология, в том числе в марксистско-ленинском изводе, закреплённом Сталиным, безусловно, не требовал от всех своих адептов обязательно совершать революцию. И разумеется, в рамках этой картины мира невозможно было получить социализм просто потому, что кому-то так хочется.

Еще до того, как сам Маркс засел за свои труды, существовала традиция «утопического социализма». Одним из главных моментов в марксизме было отрицание идеи, будто чаемый мир можно воплотить в жизнь одним волевым усилием, и Маркс разработал теорию, согласно которой общества движутся вперед посредством конфликта экономических классов. В «Манифесте Коммунистической партии» Карл Маркс и Фридрих Энгельс воздали капитализму должное как революционной силе, заявив, что появление буржуазии освободило человечество от оков феодализма и раскрыло невидимые прежде силы. Они спрогнозировали, что капиталистический способ производства приведет к развитию рабочего класса, который затем свергнет власть буржуазии в развитых странах. На деле в Европе события развивались по другому сценарию, но Советы продолжали верить в эту теорию, а также в ключевую роль

классового развития и экономических отношений. Необходимо пройти через капитализм, чтобы дозреть до социализма, гласила их теория.

Задолго до революции в России некоторые марксистские партии в Европе, например социал-демократическая в Германии, отвергли революционный путь и посвятили себя отстаиванию интересов рабочего класса в рамках парламентских избирательных систем. Даже открыто просоветские партии нового Коммунистического интернационала, или Коминтерна, действовавшего с 1919 по 1943 г., по-разному интерпретировали официальную идеологию, а способ ее практического воплощения основывался на том или ином сочетании возможностей, зависящих от конкретных условий, толкования учения марксизма и геополитических обстоятельств²⁴.

Важный пример — история Мао Цзэдуна в Китае. Коминтерн занимался подготовкой как его Коммунистической партии, так и Националистической, во главе с Чан Кайши, ориентируя обе выстраивать организацию в соответствии с принципами ленинизма, что подразумевало строгое подчинение и согласие руководствоваться принципом демократического централизма. Москва велела китайским коммунистам работать в непосредственном контакте с националистами в рамках широкого «единого фронта», концепцию которого разработал сам Коминтерн²⁵. Считалось, что Китай — страна нищих крестьян — очень далек от той стадии капиталистического развития, которая позволяет говорить о возможности революции.

Этот подход опирался на опыт более старшей коммунистической партии. Голландец Хенк Снефлит, местный коминтерновский вождь, помог основать первую в Азии коммунистическую партию за пределами бывшей Российской империи — Коммунистическую партию Индонезии — и считал, что китайская партия может извлечь полезный урок из успеха, достигнутого индонезийскими коммунистами совместно с народным движением «Исламский союз»²⁶. Задачей Мао было поддержать «буржуазных» националистов и сыграть вспо-

могательную роль в построении капиталистического государства. Как верный коммунист, Мао повиновался. Для китайских коммунистов это обернулось бедой. В 1927 г. Чан Кайши атаковал их. Бойня в Шанхае была только началом, впоследствии войска националистов убили более миллиона человек. Мишенью «белого террора», волна которого прокатилась по стране в следующие несколько лет, стали коммунисты, крестьянские лидеры и политические активисты²⁷. Китайские коммунисты и националисты снова объединились для борьбы с японскими оккупантами, этот союз продержался до конца Второй мировой войны, а затем Сталин опять велел коммунистам уступить²⁸.

В Восточной Европе Сталин опирался на совершенно другую стратегию, считая территорию, которую его войска отбили у Гитлера, своей законной сферой влияния и важным буфером, защищающим СССР от возможного вторжения с Запада. После провозглашения доктрины Трумэна и начала реализации плана Маршалла Москва организовала коммунистический переворот в Чехословакии. Западные силы, впрочем, тоже вели не самую честную игру на оккупированных их армиями территориях. Когда стало ясно, что множество итальянцев и французов собираются свободно проголосовать за коммунистические партии, США принялись очень серьезно вмешиваться в дела Западной Европы, стремясь гарантированно оттеснить левых от власти. В Париже правительство, сильно зависимое от финансовой помощи США, сместило с должности всех министров-коммунистов в 1947 г.²⁹ В Италии США вливали миллионы долларов в Христианско-демократическую партию и потратили еще миллионы на антикоммунистическую пропаганду. Такие звезды, как Фрэнк Синатра и Гэри Купер, записывали передачи для правительственной радиостанции «Голос Америки». Вашингтон организовал огромную кампанию, в рамках которой американцы итальянского происхождения писали друзьям и родственникам, оставшимся в родной стране, письма с такими, например, утверждениями: «Победа коммунистов разрушит

Италию. Соединенные Штаты прекратят оказывать помощь, и в результате, скорее всего, станет мировая война» или «Если силы истинной демократии проиграют на выборах в Италии, американское правительство больше не станет посылать в Италию деньги»³⁰. Коммунисты проиграли.

К концу 1940-х гг. вся территория, освобожденная Красной армией, состояла из стран с единственной партией — коммунистической, а вся территория, контролируемая западными силами, была капиталистической и имела проамериканскую ориентацию, независимо от того, чего хотели люди в 1945 г.

После знаменитой речи Уинстона Черчилля многие на Западе стали говорить, что социалистические государства Восточной Европы находятся за «железным занавесом». Лидер итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти, партия которого десятилетиями оставалась популярной, сказал, что Соединенные Штаты — это нация, возглавляемая невежественными «рабовладельцами», которые теперь хотят покупать целые страны, как когда-то они покупали людей³¹. Сталин, будучи марксистом-ленинцем, безусловно, считал, что коммунизм со временем победит. Законы истории делали это неизбежным. Однако именно по этой причине — и потому, что Советы были очень ослаблены войной, — у него не было намерения вторгаться в Западную Европу. Сталин считал, что следующая мировая война разразится между империалистическими западными государствами, на что вроде как указывала его собственная теория³².

Однако Мао в Китае решил на сей раз проигнорировать директивы Сталина, продолжив после Второй мировой войны вести войну гражданскую. В 1949 г. он наконец разгромил националистов, чьи продажность, жестокость и некомпетентность давно беспокоили их покровителей в Вашингтоне. Подобно Хо Ши Мину в августе 1945 г., Мао также пребывал в иллюзии, будто может иметь хорошие отношения с Соединенными Штатами. Конечно, он ошибался³³. После его победы опасность возникновения «красного Китая» вызвала в самих Соединенных Штатах яростный обмен упреками.

Мировой маккартизм

Маккартизм назван по имени сенатора Джозефа Маккарти, возглавлявшего дикую охоту на коммунистов в правительстве США в начале 1950-х гг. Однако наиболее правильным было бы осознать, что это не просто политическая кампания, а целый процесс, запущенный еще до оголтелого поношения коммунистов в приснопамятном публичном выступлении этого деятеля и никоим образом не закончившийся после того, как этого человека обвинили во лжи³⁴. Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности (House Un-American Activities Committee, HUAC) начала работать в 1938 г., а закончила лишь в 1975-м. Знаменитые публичные процессы не были обычной «охотой на ведьм», то есть нападениями осатаневших толп на нечто, не существующее в природе: в Соединенных Штатах действительно были коммунисты. Они активно действовали в профсоюзах, Голливуде и некоторых властных структурах, Коммунистическая партия США привлекла много темнокожих и евреев. Они не пользовались особенной популярностью в 1930-е гг., по-настоящему новым после Второй мировой войны стало то, что теперь никто не собирался терпеть их.

Маккартизм был процессом, запущенным сверху — инспирированным в первую очередь президентом и Федеральным бюро расследований (ФБР). В 1947 г. директор ФБР Джон Эдгар Гувер, сыгравший огромную роль в создании и распространении антикоммунистического консенсуса, обратился к HUAC и озвучил ряд основополагающих положений маккартистской картины мира³⁵. Он заявил, что коммунисты планируют в стране военный переворот, который может привести к уничтожению сил полиции и захвату всех коммуникаций. Гувер утверждал:

Бесспорно одно. Американский прогресс, к которому стремятся все добропорядочные граждане и который подразумевает среди прочего пенсионное обеспечение, дома для

ветеранов, помощь детям и многое другое, использует-ся коммунистами как занавес для сокрытия их истинных целей и заманивания в ловушку доверчивых последователей. <...> Неважно, сколько зарегистрированных членов состоит в партии... дело в том, что на каждого члена партии приходится десять человек, готовых, желающих и способных вести партийную работу. <...> Не приходится сомневаться, в чем заключается подлинная верность коммунизму. Это их преданность России³⁶.

Гувер ставил логическую смертельную ловушку. Если вас обвиняют в том, что вы коммунист, или подозревают в связях с коммунистами, защититься невозможно. Вы предлагаете небольшую социальную реформу? Правильно, именно так и поступил бы коммунист, чтобы скрыть свои истинные мотивы. Ваша численность невелика? Это еще одно доказательство вашего коварства, поскольку означает лишь то, что ваши товарищи прячутся в тени. Ничуть не лучше, если вас много или вы не скрываете, что являетесь коммунистом, и гордитесь этим.

С расцветом маккартизма все, хотя бы отдаленно напоминающее коммунизм, было изгнано из приличного американского общества. Молодой актер Рональд Рейган привел к присяге на верность всех членов Гильдии киноактеров Америки — мощного профсоюзного объединения, которое он тогда возглавлял. На всех значимых уровнях власти должностные сохранили лишь фанатичные антикоммунисты — в итоге из Государственного департамента, дипломатической службы США, была изгнана часть умнейших экспертов. В связи с «проигранным» коммунистам Китаем особенно энергично в тайных симпатиях к левому движению обвинялись опытные специалисты по Азии³⁷.

По словам одного бразильского историка, не то чтобы США изобрели эту идеологию, но в годы после Второй мировой войны страну превратили в мировой «оплот антикоммунизма», который тратил значительные ресурсы на продвижение этой

идеи, а также служил ориентиром и источником легитимности для мыслящих подобным образом движений во всем мире³⁸.

К концу 1940-х гг. разграничительные линии между первым и вторым мирами обрели относительную стабильность. А вот будущее третьего мира пока оставалось неопределенным.

Джакартская аксиома

После обнародования доктрины Трумэна и пришествия маккартизма не осталось никаких сомнений в том, что коммунисты и коммунистические правительства — враги Вашингтона. На что бы ни надеялись Хо Ши Мин и Мао в 1945 г., на мировой арене их приветствовать не собирались. С другой стороны, оставалось неясным, как руководители США поступят в отношении растущей волны радикальных движений третьего мира, которые оппонировали европейскому империализму, не были коммунистическими, но отказывались вступать в явный альянс с Вашингтоном против Москвы. Это было очень распространенное явление. Многие лидеры независимых движений третьего мира связывали Соединенные Штаты с их западноевропейскими союзниками-империалистами, другие были убеждены, что Советский Союз — ценный друг в борьбе с колониализмом. Они не желали, чтобы ими правили Советы, но хотели иметь как можно больше союзников.

В 1948 г. исход схватки за власть в бывшей Голландской Ост-Индии, казалось, подсказал вариант возможного разрешения этой коллизии. На острове Ява силы борцов за независимость сражались с армией, прибывшей из Нидерландов и пытавшейся вновь завоевать эти колонии в Юго-Восточной Азии. Во время Второй мировой войны голландцы уступили огромный архипелаг японцам и отказались признать правительство, созданное местными жителями в 1945 г. В ходе войны за независимость республиканские силы — правого толка — схлестнулись с коммунистами, исповедовавшими революционную

идеологию, вблизи города Мадун на востоке Явы. При поддержке независимого лидера Сукарно коммунисты были разгромлены, глава Коммунистической партии Индонезии был убит. Этот инцидент получил название Мадунский мятеж³⁹. Огромная страна, которую Сукарно возглавил после окончательного изгнания голландцев в 1949 г., отныне называлась Индонезия. На тот момент ее готовность подавлять коммунистические восстания представлялась достаточно серьезной, чтобы Соединенные Штаты сочли, что в долгосрочной перспективе это сулит им выигрыш.

При Трумэне деятели внешнеполитического ведомства США видели в рождающейся Индонезии Сукарно яркий пример весьма антикоммунистического и антиколониального движения, поэтому название столицы страны, Джакарта, стало обозначать принцип терпимости к нейтральным странам третьего мира. По выражению историка холодной войны Одда Арне Вестада, Вашингтон принял «джакартскую аксиому»⁴⁰.

Этот баланс сил не был особенно устойчивым, да и сами действия Соединенных Штатов в реальном мире у лидеров нового третьего мира особого восторга не вызывали. Молодому конгрессмену от Массачусетса Джону Кеннеди хватило заинтересованности, амбиций и денег, чтобы, поездив по миру, уловить те чувства, с которыми другие страны относятся к США, и то, что он осознал, оказалось для него неприятным открытием. Джек Фитцджералд Кеннеди, или JFK, был в американской элите белой вороной. Он был католиком и не то что даже «первым ирландским аристократом» — первым представителем американской верхушки, а выходцем из народных масс — тех, что прибыли в страну нищими иммигрантами, а не колонизаторами⁴¹. Его отец Джозеф Кеннеди преодолел предрасудки и заведомо ничтожные шансы на успех, создав огромное состояние в сфере финансов и недвижимости. И к тому моменту, когда юный Джек отправился воевать во Второй мировой войне, он уже успел совершить гранд-тур по Европе, объездить большую часть Южной Америки и окончить Гарвард.

Джо Кеннеди понимал одну основополагающую истину, касающуюся политической власти в Соединенных Штатах: власть можно купить. По словам одного из кузенов, он потратил «ошеломляющую» сумму на кампанию Джека в ходе выборов в Конгресс в 1946 г. Он сказал двоим репортерам: «Политика сродни войне. Для победы нужно три вещи: во-первых, деньги, во-вторых, деньги и, в-третьих, деньги». Деньги помощник Джо — предосторожности ради — предпочитал передавать деловым партнерам в общественных туалетах⁴². Джек, которого, как и его отца, знакомые считали плеябоем, одержал победу играючи. Однако политика США не могла управляться одними лишь деньгами — ему нужно было добиться еще и общественной поддержки. Между тем сам характер его избирательного округа, населенного рабочими-католиками, несколько смещал его в «либеральную» сторону — к альянсу с силами, поддерживавшими «Новый курс» Франклина Делано Рузвельта.

Бесспорно, Джеку было не до красных. В ходе своей первой избирательной кампании он произнес: «Пора: пришло время ясно высказаться по важнейшей проблеме, стоящей сегодня перед миром. Эта проблема — Советская Россия»⁴³. Он считал, что профсоюзы действуют исключительно в интересах своих лидеров и наводнены коммунистами, и не стал скрывать свое мнение на этот счет от них самих на слушаниях в Конгрессе. В 1954 г., когда специальный сенатский комитет рекомендовал обвинить Джозефа Маккарти в нарушении правил Сената, Джон Кеннеди был единственным демократом, который не голосовал против него⁴⁴. Однако то ли потому, что он так много поездил по миру, то ли потому, что был ирландцем и знал, пусть в самой малой степени, каково это — происходить из народа, отчасти угнетенного, но факт тот, что JFK воспринимал третий мир иначе, чем большая часть вашингтонской элиты. Если великое множество других ее представителей квалифицировали малейшее уклонение от открытого альянса с США как коммунистическую подрывную деятельность против мирового порядка, то Кеннеди полагал, что если форми-

рующиеся нации отстаивают свое право идти собственным путем, то это вполне естественно.

В 1951 г. он совершил поездку в Марокко, Иран, Египет, Индокитай, Малайю, Бирму, Индию и Пакистан и пришел к выводу, что Соединенные Штаты не смогли понять важность «националистических устремлений... направленных прежде всего против колониальной политики Запада»⁴⁵.

Позже, в том же году, Кеннеди отправился в очередной длительный вояж, на сей раз в Израиль, Иран, Пакистан, Сингапур, французский Индокитай, Корею, Японию и Индонезию. Он отметил, что США «однозначно ассоциируются с империалистическими силами Европы». Вашингтону было совершенно необходимо установить союзные отношения с формирующимися нациями, но задача осложнялась тем, что американцы «все в большей мере становились колониалистами в умах людей»⁴⁶.

Размышляя о ситуации во Вьетнаме, он пришел к выводу, что Соединенные Штаты «связали себя с отчаянной попыткой французского режима уцепиться за остатки своей империи»: «Если я что-то и усвоил в результате своего знакомства с Ближним, а также Дальним Востоком, так это что на вызов коммунизма невозможно эффективно ответить одной лишь силой оружия»⁴⁷.

В Индии Джек и его брат Бобби получили серьезный урок от одного из представителей новой когорты мировых лидеров. Джавахарлал Неру, первый премьер-министр Индии, подобно Гамалю Абдель Насеру, пришедшему к власти в Египте в 1952 г., отдавал предпочтение построению социалистического общества. Оба эти лидера отвергли ленинскую модель и хотели идти собственным путем, но в критические моменты зачастую предпочитали объединяться с Советами, а не с американцами и их европейскими союзниками. Даже если бы Неру знал о самых страшных трагедиях 1930-х гг. в Советском Союзе, его трудно было бы осуждать за недоверие к западным державам: во время Второй мировой войны британская политика вызвала в Индии голод, унесший жизни 4 млн человек.

Британский премьер-министр Уинстон Черчилль обвинил в голоде, спровоцированном его правительством, самих индийцев, заявив, что те сами виноваты, раз «плодятся как кролики», и осведомился, почему Ганди, которого Черчилль на дух не переносил, до сих пор не умер⁴⁸.

Когда Джек с младшими братом и сестрой ужинали с Неру в 1951 г., индийский лидер, по рассказам Бобби Кеннеди, держался властно, демонстрировал скуку и незаинтересованность и проявил интерес разве что к их сестре Пэт. В ответ на вопрос JFK о Вьетнаме индийский лидер презрительно отозвался о войне с Францией как о примере обреченности колониализма и сказал, что США швыряют свою денежную помощь в «бездонную дыру». Он мягко поучал молодых Кеннеди, словно разговаривая с детьми, и Бобби с раздражением отметил в своих записях, что Неру заявил им, что коммунизм якобы предлагает народам третьего мира «то, за что стоит умирать». Свой конспект замечаний Неру Бобби закончил следующим соображением: «Мы [американцы] можем предложить этим людям лишь статус-кво»⁴⁹.

Улыбающийся Джонс и «банда чокнутых» Виснера

Когда Соединенные Штаты превратились в обладающую беспрецедентной мощью мировую силу, в распоряжении правительства оказалось мало способов взаимодействия с остальным миром. Президент возглавлял Военное министерство, или Пентагон, скоро ставший Министерством обороны. Наличествовал Государственный департамент — Министерство иностранных дел и дипломатическая служба США, действующая с 1789 г. Однако отсутствовала специализированная разведывательная служба — не было постоянного ведомства, занимающегося сбором информации за рубежом и имеющего право на осуществление секретных операций, тайной деятельности, направ-

ленной на изменение хода событий во всем мире. Американцы не имели многовекового опыта управления мировой империей, как британцы, или хотя бы опыта каждодневного оборонительного шпионажа, который Советы унаследовали от Российской империи. Однако Вашингтон очень быстро создал новое разведывательное управление, используя огромное богатство страны, чтобы щедро его финансировать, и имея в своем распоряжении достаточно молодых мужчин, приобретших зарубежный опыт во время Второй мировой войны, чтобы укомплектовать его кадрами.

Одним из самых важных новичков был Фрэнк Виснер. Всякий раз, как его спрашивали, почему он занимается тем, чем занимается, в интересах властей Соединенных Штатов, этот человек рассказывал следующую историю. В сентябре 1944 г. Виснер прилетел в Румынию работать начальником резидентуры в Управлении стратегических служб (Office of Strategic Services), временного шпионского ведомства, организованного Вашингтоном в военный период. Находясь там, он услышал — и поверил в это, — что Советы намерены взять Румынию под свой контроль, но его боссы на родине были не в настроении реагировать на сообщения о злокозненных планах своих союзников. В январе 1945 г. Сталин отдал приказ вывезти из страны в Советский Союз тысячи мужчин и женщин немецкого происхождения с целью «мобилизации на принудительные работы». Некоторых из этих немцев Виснер знал лично. Когда началась насильственная эвакуация, он, по его словам, лихорадочно ездил по городу, пытаясь их спасти, но не смог. Тысячи людей были согнаны в товарные вагоны и отправлены в трудовые лагеря. По воспоминаниям близких Виснера, эти сцены будут преследовать его всю оставшуюся беспокойную жизнь⁵⁰.

Виснер, которого иногда звали просто Виз, родился в 1909 г. в богатой семье, владевшей обширными землями в Миссисипи — одном из штатов американского Юга, где действовали законы Джима Кроу, дискриминирующие афроамериканцев. Он вырос в замкнутом мире привилегированного семей-

ства, и в детстве даже одевался-то не сам: лежа Виз поднимал руки и ноги, а темнокожая служанка натягивала на него рубашку и брюки⁵¹. Любимой книгой Фрэнка был «Ким» Редьярда Киплинга: сюжетная коллизия там разворачивается на фоне Большой Игры между Британской и Российской империями⁵². Виза отправили в аристократическую школу Вудберри-Форест* в Вирджинии. Он рьяно тягал штангу, чтобы нарастить мышцы на своем костлявом корпусе, и отличался исключительным конкурентным духом. В Университете Вирджинии ему предложили вступить в тайное «Общество семи», настолько эксцентричное, что оно раскрывало имена своих членов только после их смерти. Виз был очень собранным, но иногда позволял себе расслабиться, особенно на вечеринках, где алкоголь тек рекой. Он стал юристом в респектабельной юридической фирме на Уолл-стрит. Непоседливость и крепкий нравственный стержень принудили его записаться в ВМФ за год до того, как японцы атаковали Соединенные Штаты в Пёрл-Харборе⁵³. Управление стратегических служб предпочитало нанимать на работу элитных специалистов по корпоративному праву из лучших школ, и Виснер соответствовал их требованиям. Он попал в разведку — с помощью своего старого профессора — и чувствовал себя там будто рыба в воде. В Румынии Виснер не только собирал информацию и пытался спасти немцев. Он быстро оказался на короткой ноге с местной аристократией, жил в поместье, выпивал, танцевал и демонстрировал фокусы⁵⁴. Также он вращался в обществе, где повсюду сновали более опытные советские агенты. После отъезда Виснера из Румынии стало ясно, что там он был под колпаком у русских шпионов⁵⁵.

Вернувшись на Уолл-стрит после войны, Виснер заскучал было и приуныл, однако тут же ухватился за возможность снова послужить своей стране — сразиться с коммунистами⁵⁶. Он возглавил новое ведомство тайных операций с безобидным

---

* Частная мужская школа-интернат, основанная в 1889 г. — Здесь и далее примечания переводчика.

названием «Бюро политической координации» (Office of Policy Coordination) и приступил к работе в Берлине.

Ровно в это же время в Берлин явился человек совершенно иного типа, Говард Палфри Джонс, работавший в другой ветви внешнеполитического аппарата США. Джонс, на этот раз оказавшийся в Берлине вместе с Алленом Даллесом, бывшим боссом Виснера в Управлении стратегических служб, был дипломатом и ветераном, еще на самом раннем этапе развития немецкого национал-социализма не понаслышке знавшим о его жестокости. Во время поездки в Германию в 1934 г. его избili солдаты-нацисты — за то, что не отсалютовал должным образом нацистскому флагу⁵⁷. Джонс был уже в возрасте, когда началась Вторая мировая война, и служил в Германии. Сразу после войны он поступил на службу в Государственный департамент США. В отличие от Виснера, убежденного участника крестового похода против коммунистов, Джонс придерживался совершенно иного подхода по отношению ко всему остальному миру. Он не рассматривал любую ситуацию в черно-белом свете мировой борьбы, а стремился глубоко погрузиться в присущие ей сложности. Его работа приносила ему подлинное наслаждение.

Почти на каждой фотографии Говард Палфри Джонс напоминает огромного добродушного увальня. На лице широкая улыбка, вид такой, словно он просто счастлив здесь оказаться — хоть с яванскими танцорами, хоть бок о бок с коллегами-дипломатами. Современники описывали его аналогичным образом. Он разъезжал по миру в костюмах из блестящей белой синтетики и прилагал все усилия, чтобы говорить на местном языке и со всеми подружиться. Даже те, кто считал его врагом, — а именно коммунисты — называли его Улыбающийся Джонс и призывали товарищей не покупать на его благостный облик⁵⁸.

Джонс родился в 1899 г. в Чикаго в семье, относившейся к среднему классу. Это был город вечной суматохи и хаоса, и он вырос, вытворяя в родном квартале всевозможные про-

делки в пестрой компании друзей — сыновей иммигрантов из Польши, Италии, Богемии и Норвегии⁵⁹.

По мировым стандартам у Джонса было совершенно счастливое детство, однако по сравнению с такими, как Виснер и Кеннеди, он был всего лишь простым парнем. Когда впоследствии его просили рассказать, чем в своей жизни он больше всего гордится, Джонс обращался к тому времени, когда противоборствовал расизму в США. Закончив колледж при Висконсинском университете, он стал редактором газеты в Эвансвилле, штат Индиана. Газета обнаружила, что Ку-клукс-клан (Ku Klux Klan) — жестокая организация, помешанная на идее превосходства белой расы, — руководит сетью преступников и контролирует полицию. Редакторы подготовили разоблачительную статью, и «великий орел» Ку-клукс-клана лично звонил Джонсу с угрозами. Он все равно опубликовал статью. Клан принялся жечь кресты по всему городу, половина рекламодателей порвали отношения с газетой⁶⁰.

Государственный департамент отличался от тех серьезных организаций, на которые работал Виснер, но даже по сравнению с большинством дипломатов в своем ведомстве Джонс отличался способностью к сопереживанию и отзывчивостью. Его прозвали — пожалуй, не без пренебрежения — «мастером ненавязчивой рекламы», подразумевая, что он представляет официальную позицию властей США максимально мягко. Джонс был убежден, что международная политика должна основываться на глубоком знании чаяний местных жителей, из чего следовало, что никакого универсального подхода к работе быть не может. Он, безусловно, считал приемлемыми попытки Вашингтона изменить мир и преследовать собственные интересы. Однако разве можно это сделать, не понимая ту или иную культуру изнутри?

В 1948 г. в Берлине Джонс и Виснер работали над серьезной проблемой Германии на тот момент — как вести финансовые дела в разделенной на зоны оккупации стране. Виснер жестко требовал относиться к Москве без малейшего снисхождения. Он поддержал создание новой валюты в западных зонах

оккупации. В июне 1948 г. власти союзников решили в одностороннем порядке выпустить валюту для Западной Германии, лойчмарку, застав Советы врасплох и, вероятно, спровоцировав долгосрочное разделение страны на два государства⁶¹.

После этого Джонса направили работать на Тайвань, где националисты под руководством Чан Кайши создали свое правительство. Поскольку они отказывались признать коммунистическое правительство Мао на материковой части страны, власти США признали Тайвань «настоящим» Китаем, несмотря на то что на острове до их прибытия проживало собственное население, обладавшее собственной культурной идентичностью. Та власть не была демократической. В феврале 1947 г. новое правительство истребило тысячи противников власти националистов. Так начался третий период «белого террора» и периодических репрессий против диссидентов, часто оправдываемых задачами борьбы с коммунизмом, все это длилось на протяжении многих лет⁶².

К 1951 г. Бюро политической координации Виснера оказалось поглощенным только что сформированным постоянным органом под названием «Центральное разведывательное управление США», где он получил должность заместителя директора по планированию. Виз отвечал за тайные операции. Его команда, которую все кто ни попадя в Вашингтоне называли «бандой чокнутых», стала искать способы выиграть холодную войну, действуя втайне по всему миру, насколько для этого хватало сил.

Хотя Виснер был настоящей белой костью, большинство постов в ЦРУ на раннем этапе занимали выходцы из еще более высоких слоев американского общества. Многие были выпускниками Йеля, причем из тех, кто взирает сверху вниз на выпускников того же университета, кто не воспитывался в правильной частной школе или не состоял в правильном тайном обществе. Однако в смысле антикоммунизма Виз всем им мог дать фору. Как сказал Артур Шлезингер — младший, служивший сержантом Управления стратегических служб в Германии: «Лично я никогда не был большим поклонником

Советского Союза и, безусловно, не рассчитывал на гармоничные отношения после войны. Но Фрэнк, даже на мой взгляд, малость перебирав по этой части»⁶³.

Ребята из ЦРУ и их жены сформировали в Вашингтоне (округ Колумбия) приятную социальную среду. Более урбанизированные и либеральные, чем большинство людей в этом городе в ту эпоху, они организовывали шумные званые обеды в своих домах в Джорджтауне, куда приглашали агентов ЦРУ, чиновников из Министерства обороны и влиятельных журналистов. После обеда, как было принято в те времена, женщины удалялись в одну комнату, а мужчины беседовали о политике в другой⁶⁴. Как правило, они брали пример с Секретной разведывательной службы, или МИ-6, — британского агентства, накопившего огромный опыт шпионажа на протяжении столетий существования Британской империи. Некоторые являлись большими поклонниками Джеймса Бонда. Трейси Барнс, один из основателей ЦРУ, обожа л литературного героя, созданного Яном Флемингом в 1953 г., и дарил его романы своей семье на День благодарения⁶⁵.

Пол Нитце, разработавший так называемый план холодной войны, описал имперские ценности высшего класса, которыми дети элиты проникались в школе Гротон, частном учебном заведении, устроенном по образцу английских школ и снабдившем ЦРУ на начальном этапе многими ключевыми сотрудниками.

«Так исторически сложилось, что каждая религия высоко чтит тех своих последователей, кто уничтожил врага. Коран, древнегреческие мифы, Ветхий Завет — вот чему учили мальчиков в Гротоне, — сказал Нитце. — Сокрушить врага — благое дело. Конечно, имеются некоторые ограничения средств и способов. Если обратиться к греческой культуре и прочесть Фукидида, там есть пределы того, что можно сделать с другими греками, принадлежащими к твоей культуре. Однако нет пределов тому, что можно сотворить с персом. Он варвар». Коммунисты, заключил он, «были варварами»⁶⁶.

С самого начала в ЦРУ было два основных подразделения. Одна сторона деятельности — сбор информации посредством

шпионажа. Работа этих людей отчасти напоминала частную новостную службу президента. Другой стороной были секретные операции — грубые действия, активные попытки изменить мир. Вот это как раз была территория Фрэнка Виснера.

Виз начал с создания спящей сети шпионов и «закулисных» агентов в Западной Европе, задачей которых было активизироваться, если Советы когда-нибудь вторгнутся туда⁶⁷. В Германии ЦРУ ничтоже сумняшеся брало на службу бывших нацистов, в том числе руководителей эскадронов смерти, при условии, что те были антикоммунистами. Затем Виснер стал искать способ проникнуть на советскую территорию. Он нанимал отчаявшихся, потерявших все украинских беженцев, многие из которых воевали на стороне нацистов, их должны были забрасывать на территорию коммунистов на парашютах, чтобы там они организовывали восстания против русских. Ни один из них не выжил⁶⁸. Виснера это, однако же, не остановило. Центральное разведывательное управление отправило сотни агентов-албанцев на их родину. Почти все были схвачены или убиты. Выглядело это так, будто союзные с Советами государства поджидали их. Так оно и было. Ким Филби, британский агент, работавший в тесной близости с Виснером и другими сотрудниками ЦРУ, был советским «кротом». Практически каждая из ранних операций Виснера оказалась так или иначе скомпрометирована. Но и узнав об этом, Виснер продолжал отправлять своих агентов в Албанию. Их вылавливали и судили.

Медленно, но верно Виз и цэрэушники приходили к пониманию, что собственная территория Советов по большей части неприступна. Проникнуть туда шансов не было. Если они хотят победить коммунизм — а они отчаянно этого хотели, — нужно смотреть в других направлениях. Такую возможность как раз и дал третий мир. Проблема, которую эти люди не заметили, согласно весьма благожелательной истории, написанной журналистом Эваном Томасом, состояла «в том факте, что они почти ничего не знали о так называемом развивающемся мире»⁶⁹.

Независимая Индонезия

Новая жизнь Франциски

В 1951 г. Франциска вернулась на родину. Двадцатичетырехлетняя женщина, только что вышедшая замуж, обосновалась с супругом в гараже на аэродроме ВВС в 16 км от центра города. Условия были намного суровее тех, к которым она привыкла, но двоюродный брат посоветовал им это место, и они решили здесь поселиться. Ежедневно она вставала в шесть утра, ехала на велосипеде до ближайшей остановки, садилась в автобус, затем запрыгивала в кузов маленького шестиместного автомобиля с мотоциклетным двигателем и ехала на работу. Дорожное движение в те дни было совсем слабым и мусульманки в хиджабах были наперечет, но при высокой влажности и температуре за 30 °С, считай, круглый год, чтобы добраться куда-нибудь в Джакарте, приходилось попотеть как следует.

Все это, однако же, нисколько ее не тяготило. Как и многих других индонезийцев, Франциску переполнял энтузиазм. После столетий эксплуатации и рабства у нее была своя страна, пусть всего только в год возрастом.

Совершая свой ежедневный путь по городу, Франциска не думала о комфортной жизни, от которой отказалась. Един-

ственное, что для нее было важно, — она строит Индонезию из ничего. «Мы должны жить в полную силу, делать все, что можем, — размышляла она. — Когда трудишься ради подобной цели, настолько большей, чем ты сам, это вообще не воспринимается как работа»¹.

Франциска Паттипилохи родилась в 1926 г. и формально принадлежала к аристократии. Индонезия часто делилась на многочисленные мелкие королевства (и некоторое количество крупных), и ее семья относилась к высшему классу Амбона — тихого и уютного островка, обрамленного белым песком в окружении ярко-синего океана, в 2400 км от Джакарты. Голландские колониальные структуры предоставляли местной знати особые привилегии, но ее отец предпочел от них отказаться и работал архитектором, живя в столице, которая в те времена называлась Батавией. Более крупный остров Ява — один из самых плотно населенных участков земли в мире: здесь ошеломляющее скопление городов, многим из которых тысячи лет. Но Батавия никогда не считалась особо важной ни для одного из здешних королевств, это был форпост крупного порта Бантен, через который шла торговля перцем, когда Голландская Ост-Индская компания, одна из важнейших организаций в истории как мирового капитализма, так и колониализма, захватила его в 1619 г.² Гигантский город, существующий сегодня, был построен по большей части голландцами, и его отличие от остальной Явы ощущается по сей день.

Отец Франциски был преуспевающим архитектором и мог себе позволить чудесный дом в городе. Дела его шли настолько хорошо, что Франциска имела возможность посещать колониальную школу вместе с голландскими детьми. Дома ей нравилось проводить время в отцовской библиотеке за чтением детских книг, которые он ей покупал. Она была единственным ребенком в семье, поэтому много времени проводила дома в одиночестве. Почти все издания для детей тогда были на голландском и рассказывали о белых детях, живших в Голландии или Германии. Франциска так глубоко погрузилась

в сказки братьев Гримм, книги о ковбоях и индейцах и в сказки Ханса Кристиана Андерсена, что искренне поверила, будто они имеют отношение к ее родине. До подросткового возраста она считала, что Рейн течет где-то в Индонезии. Однако Франциска ничего не читала об остальных индонезийцах. Дома она разговаривала как на колониальном языке, голландском, так и на наречии, привезенном ее семьей с Амбона. Ее семья исповедовала протестантизм, как и множество индонезийцев на «внешних островах», и она училась в частной христианской школе по соседству. Франциска была чрезвычайно сообразительной и невероятно любопытной. Когда она говорила о том, как весело узнавать что-то новое, ее голос всегда звенел от восторга.

Франциска очень быстро усвоила, что значит быть коричневой девочкой в колонии, управляемой белыми людьми. В ее классе было всего пять «коренных» учащихся, и социальная иерархия была очевидна, но во всей полноте жестокая реальность ее положения проявилась вне школы. Был особенно жаркий воскресный день. Франциска пошла со школьной подружкой и ее голландской семьей в бассейн, чтобы провести день в воде. Они протянули билеты мужчине на входе, и тот ее остановил: индонезийцам вход воспрещен. Принадлежность к относительно зажиточному слою не имела значения, как и возмущение остальных девочек. Она была аборигенкой.

В 1942 г., когда Франциске было шестнадцать лет, пришли японцы. При императоре Хирохито Япония стала агрессивной империалистической державой, вступившей в союз с нацистами, и подчинила себе большую часть Юго-Восточной Азии, установив оккупационную власть. Сначала некоторые индонезийцы приветствовали японцев, в том числе лидеры небольшого национального движения за независимость, которое побуждало себе уже в течение нескольких десятилетий. Японцы хотя бы азиаты, рассуждали они. Их победа доказала, что белые не являются непобедимыми, и они, возможно, будут лучше обращаться с местными жителями, чем голландцы. На следу-

ющий день после вторжения японцев отец Франциски, придя домой, объявил семье: «Они наши освободители»³.

Однако юная Франциска раньше большей части населения страны поняла, что это иллюзия. Всего через несколько дней семья прогуливалась в своем тихом зеленом квартале Менггенг, как вдруг стоявший неподалеку японский караульный стал что-то кричать ее отцу. Тот, разумеется, не знал японского языка и не понял, что должен поклониться. И не поклонился. Караульный подошел и сильно ударил его в лицо на глазах всей семьи. «После этого мы возненавидели японцев, — скажет позднее Франциска. — Мы знали, в чем состоит их истинная цель».

Другим понимание досталось гораздо тяжелее. Индонезиек тысячами обращали в сексуальное рабство, заставляя работать «женщинами для утешения», которыми пользовались японские оккупанты. Голландцев поместили в концентрационные лагеря. Франциску перевели в другую школу.

Новая школа ее поразила, и на то было две причины. Во-первых, ее считали равной остальным учащимся. Во-вторых, она научилась разговаривать на бахаса индонезия, что значит «индонезийский язык», — варианте малайского, являющемся сегодня государственным языком Индонезии⁴. Франциска всегда имела блестящие способности к языкам, но теперь ей пришлось начинать с нуля. Впрочем, не только ей. Лишь для небольшого меньшинства индонезийцев это был основной язык. Он какое-то время использовался как язык межнационального общения в портах и в торговле, но большинство людей, рассеянных по 13 000 резков отличающихся друг от друга островов страны, его не знали⁵.

Вскоре после ухода японцев, в 1945 г., человек по имени Сукарно провозгласил независимость страны в непосредственной близости от дома Франциски⁶. Он долго не мог на это решиться, поэтому три молодых лидера движения за независимость, устав ждать, похитили его вместе с соратником и одним из лидеров борьбы за независимость Хаттой (в то время это

считалось грубым, но общепринятым способом принуждения) и держали в неволе, пока Сукарно не пообещал объявить о создании независимой Индонезии.

Возможно, он тревожился не зря. Вскоре после той речи возглавляемое Сукарно движение за независимость столкнулось с проблемой. Как и французы в Индокитае, голландцы вернулись, чтобы попытаться восстановить колониальное правление. Нидерланды назвали попытку повторного завоевания «полицейскими действиями», ухитрившись соединить в этом обозначении высокомерие с эвфемистичностью, и действовали жестко. Подобно японцам, голландцы прибегли к массовому насилию, чтобы подавить сторонников новой республики. Лидеры борьбы за независимость — неоднородная группа националистов, левых и исламистов — рассеялись по архипелагу, заключая альянсы с местными королевствами и организовывая сопротивление⁷.

В разгар этих событий, в 1947 г., Франциска уехала в Голландию учиться в маленьком университетском городе Лейдене. Она посещала Королевский институт стран Востока, созданный для изучения европейских колониальных владений. Франциска сразу же вступила в организацию студентов-индонезийцев, как почти все ее соотечественники. И сразу же познакомилась с мужчиной по имени Зайн, который был на пять лет старше нее.

Сначала он не понравился Франциске. Она с юных лет считала себя «кем-то вроде феминистки» и никогда не собиралась выходить замуж. Франциска видела, что даже умнейшие и самые образованные женщины в Голландской Ост-Индии если выходили замуж, то никогда больше не использовали замечательные знания, которые получили. Она хотела работать. Зайн, конечно, был красив и даже галантен, но, пожалуй, несколько самоуверен, да и держался слишком покровительственно, когда предлагал ей стать казначеем студенческой организации. Франциска не могла позволить Зайну подумать, что неравнодушна к нему, как многие другие девушки. Итак, сначала она — чуточку притворно — отвергла его ухаживания.

Затем Франциска узнала Зайна получше. Они часами разговаривали — об истории, о борьбе с колониализмом, о несправедливостях, с которыми она столкнулась в детстве, омраченном господством европейцев. О том, как они могли бы бороться за справедливость. Это было восхитительно. И он сам был восхитителен, и Франциска была готова это признать. Они начали без усталости трудиться вместе, объединенные общей целью. И конечно, этой целью была независимость.

По иронии судьбы для разжигания революционного движения в третьем мире всегда оказывался важен прямой контакт с Европой. Начало индонезийского движения за независимость было положено в Голландии, а Хо Ши Мин получил политическое образование в Париже. Во время обучения или работы в столицах империй люди из колоний часто соприкасались с идеями, которым не позволялось достичь их родины. В значительной мере колониализм опирался на логику «делай, как я говорю, а не так, как я делаю», что на практике означало «делай, как говорит белый, но не как делает белый». Поэтому, хотя европейцы распространяли образование на все население своего континента, и их интеллектуалы спорили о достоинствах социализма или марксизма, в колониях многое из этого было запрещено: туземцы могли проникнуться идеями. Например, в Конго, которым жестоко управляли бельгийцы, начиная с короля Леопольда II, создавшего в 1885 г. Свободное государство Конго (и Соединенные Штаты поспешили признать эту колонию первыми из всех государств мира), власти запретили издания левого толка и либеральные популярные журналы, которые свободно распространялись в Европе, и боялись даже компактного проживания темнокожих рабочих в городской местности. Не приведет ли это к подрывной деятельности или, хуже того, к большевизму? Школьники в Конго изучали бельгийскую королевскую семью, а не движение за гражданские права в Америке, а о Французской революции им рассказывали очень осторожно, чтобы в учебниках,

предназначенных для африканцев, эти события не выглядели слишком привлекательными.

Европейские власти в Конго обосновывали это примерно так: «Все в нашей колонии единодушно считают, что темнокожие еще дети — как в интеллектуальном, так и в нравственном отношении»⁸.

Для Франциски и Зайна, начавших всерьез встречаться в конце 1940-х гг., борьба за независимость от колониальной власти была теснейшим образом связана с левой политикой. Поэтому Франциска, всей душой поддерживая идею свободы Индонезии, легко влилась в круги социалистов: эти два направления борьбы находились в давнем союзе. В 1930–1940-х гг. практически никто из европейцев не поддерживал идею независимости колоний, кроме левых. Коммунистическая партия Индонезии (КПИ) была основана при содействии голландских левых в 1914 г. в качестве Индонезийской социал-демократической ассоциации, работала в 1920-х гг. параллельно с Сукарно и выступавшими за независимость страны мусульманскими группами, а затем занималась активной антифашистской деятельностью во время японской оккупации⁹.

Франциска кое-что слышала о социализме на студенческих собраниях, и то, что она слышала, ей нравилось, но в изощренные идеологические битвы она не вникала. Она не участвовала в дебатах по поводу так называемого Маджунского мятежа и столкновений между коммунистами и республиканскими силами Сукарно в рамках революционного движения. Было намного проще выбрать для себя сторону в момент, когда Нидерланды предприняли вторую попытку завоевать индонезийцев. В ходе протестов все студенты, получавшие голландские стипендии, отказались от них, и Франциска присоединилась к ним, бросив свой курс. В том же году она ухватилась за возможность посетить Второй международный фестиваль молодежи и студентов в Будапеште. Он был организован Всемирной федерацией демократической молодежи (World Federation of the Democratic Youth). Франциска, конечно, зна-

ли, что в этом словосочетании слово «демократическая» фактически означает «социалистическая» и что Венгрия являлась союзницей Советского Союза, но ничто из этого не умаляло прелести этой поездки.

Не все студенты-индонезийцы могли позволить себе посетить это мероприятие, но у Франциски были деньги на билет, и она просто вскочила в поезд и пересекла то, что сегодня американцы называют «железным занавесом». Никакого занавеса она не увидела. Для нее эта поездка стала чудом, и она всматривалась в послевоенную Германию, затем Австрию и Венгрию, проносящиеся за окном. Европа лежала в руинах, и тем не менее Будапешт завораживал. Кроме того, здесь никто не обращался с ней как с гражданкой второго сорта, как в ее родной стране. Однако ничто не могло подготовить ее к самому фестивалю молодежи. Франциска познакомилась с придерживавшимися левых убеждений студентами со всего мира, из стран со всей Азии, из Африки и даже из Соединенных Штатов! Это стало для нее настоящим потрясением — американцев она до сих пор видела только в кино. Франциска стала общаться со студентами из США и была еще сильнее потрясена, когда увидела темнокожего мужчину в паре с белой женщиной. Она почти ничего не знала о международной политике, зато знала все о расизме в Соединенных Штатах, так что спросила их: «Как так вышло, что вы приехали сюда вдвоем? Это не составляет для вас трудностей? Вас не принуждают держаться порознь?»

Они усмехнулись и кивнули. «Ну да, но мы выкручиваемся», — ответила американка.

Затем Франциска познакомилась со студентами из Кореи и Конго. Среди конголезской делегации, клянется она, ей повстречался очаровательный молодой человек по имени Лумумба, но в то время она больше ничего о нем не знала¹⁰. Студенты устраивали танцы и представления народов мира. Это была демонстрация международного единства, а также гордости, которую испытывала каждая нация. Когда Франци-

ска впоследствии описывала это событие, ее голос становился таким высоким, что почти превращался в трель.

В 1950 г. они с Зайном сбежали. Им пришлось улизнуть в Прагу, чтобы пожениться, потому что голландские власти потребовали бы от нее получить разрешение отца, которое он до сих пор не дал по какой-то причине — они не слишком интересовались, почему именно. Поездка стала еще одним небольшим приключением, и им пришлось применить свое знание языков, поскольку скромная церемония их бракосочетания должна была пройти на немецком. К тому времени Зайн знал английский, индонезийский, голландский и батак (родной язык его семьи, происходящей с острова Суматра), а Франциска свободно говорила на немецком, французском, индонезийском, голландском и английском, помимо некоторого владения бахаса амбон.

Отец Франциски довольно скоро сошелся с ее новообретенным мужем и дал им свое благословение. Более важным для Франциски и Зайна оказалось то, что оба быстро утвердились в качестве продуктивных членов совершенно нового общества. После возвращения в новую независимую Индонезию Франциска начала работать библиотекарем — то была работа ее мечты, потому что теперь ее снова окружали книги. Франциске было нетрудно получить эту должность. Новой республике катастрофически не хватало квалифицированных работников и приходилось по-прежнему использовать труд голландских библиотекарей. Народ Индонезии оказался сильно обделен образованием — в результате намеренно проводившейся голландцами политики. К моменту ухода голландцев лишь около 5% из 65-миллионного населения Индонезии умели читать и писать¹¹.

Франциска сказала: «Я считаю это одним из самых больших преступлений колониализма. После трех с половиной веков голландской оккупации мы были оставлены в состоянии почти полного неведения о собственном народе и культуре».

Тем временем Зайн занялся журналистикой и устроился в газеты *Harian Rakyat* — «Народную ежедневную газету». Ее

издавала Коммунистическая партия Индонезии. Для Зайна это была великолепная работа, и Франциска была очень рада за него. В те годы не было ничего странного в том, чтобы работать в коммунистической газете, насколько она могла судить. Франциска знала, что Зайн тесно связан с коммунистической партией, возможно, состоит в ней, но это все не имело особого значения. После конфликта 1948 г. Коммунистическая партия Индонезии была реорганизована, интегрировалась в новое государство и являлась одной из составляющих многопартийной патриотической революции — частью новой Индонезии Сукарно.

Благодаря знанию языков Зайну поручили чрезвычайно интересный раздел газеты. Он стал писать о международных делах и переводил репортажи из-за границы для местной аудитории. Для человека, интересующегося освобождением третьего мира и «борьбой с империализмом» — как принято было писать в газетах того времени, — начало 1950-х гг. стало чрезвычайно интересной эпохой¹².

Американские войска находились в Корее и вели войну, которую мало кто мог предсказать. После ухода японцев с Корейского полуострова, где их оккупация была даже более жестокой, чем в Индонезии, страна оказалась разделена на две части. Во время японского правления остатки Коммунистической партии Кореи (Сталин уничтожил большую часть ее верхушки в конце 1930-х гг.) вели яростную партизанскую войну в Корее и Маньчжурии, пока их не вынудили бежать в Сибирь. Один из этих коммунистов, Ким Ир Сен, в 1945 г. пришел к власти на севере страны¹³. На юге оккупационные силы США поставили лидером Ли Сын Мана, христианина и антикоммуниста, несколько десятилетий прожившего в США. Его авторитарное правительство охотилось на левых и, используя в качестве оправдания угрозу коммунизма, уничтожило десятки тысяч человек на острове Чеджу, который с начала войны находился под контролем независимых «народных комитетов»¹⁴. В 1950 г. на линии раздела разразилась война. Войска

коммунистов Севера скоро дошли до Сеула, и США срочно потребовали в ООН собрать силы для контратаки. По неясным причинам Сталин, вместо того чтобы протестовать, поручил своему послу допустить голосование в ООН, и США легко выиграли его. Объединенные войска США и ООН вынудили Северную Корею вернуться в свои первоначальные границы, но затем пошли дальше на север, пытаясь захватить уже всю страну. Советы оказали небольшую помощь, но, к удивлению Вашингтона, вымотанная и сильно потрепанная в боях Красная армия Мао мобилизовалась для оказания помощи корейским коммунистам — главным образом потому, что китайцы считали себя в долгу перед корейцами за помощь повстанцев Кима в борьбе с японцами в Маньчжурии. Началась война, продлившаяся три года, в течение которых США сбросили на Корею больше 600 000 тонн бомб (больше, чем использовали на всем Тихоокеанском театре военных действий в годы Второй мировой войны) и вылили на ее территорию 30 000 тонн напалма. Было уничтожено свыше 80% зданий в Корее, число гражданских жертв бомбардировок оценивается в 1 млн человек¹⁵.

В Корее парни из ЦРУ также опробовали часть инструментов, которые впервые применили в Восточной Европе. Тысячи агентов, набранных из числа корейцев и китайцев, были десантированы на Север во время войны. И снова попытка просочиться с тыла закончилась полным провалом. Позднее в секретных документах ЦРУ был сделан вывод, что операции «были не только неэффективными, но, по всей видимости, аморальными, учитывая количество потерянных жизней»¹⁶. Лишь позднее ЦРУ узнало, что вся секретная информация, которую оно собрало во время войны, была сфабрикована службами безопасности Северной Кореи и Китая. Щедро финансируемые тайные операции ЦРУ снова оказались бессильны против реальных солдат-коммунистов, закаленных в боях и готовых на все ради победы. В Иране, однако, где такого контингента не было, молодое ЦРУ одержало первую крупную победу.

Операция «Аякс»

В конце 1952 г. Фрэнк Виснер познакомился с Монти Вуд-хузом, английским шпионом, работавшим в Тегеране. У британцев возникла проблема, и им требовалась помощь. С конца Второй мировой войны они наблюдали формальный распад большей части их империи, но, безусловно, не ожидали, что это обернется для них еще и утратой контроля над природными ресурсами. Новый премьер-министр Ирана Мохаммед Мосаддык руководил национализацией нефтяного производства и уже поймал МИ-6 на попытке сместить его.

У Мосаддыка и иранцев было много причин негодовать из-за британцев. В период расцвета их империи Иран пережил голод, унесший жизни 2 млн человек. После Второй мировой войны британцы навязали соглашение, согласно которому получали от нефти в два раза больший доход, чем Иран, при этом местные рабочие-нефтяники жили в лачугах без проточной воды. Пока Мосаддык и выборный иранский парламент пытались переманеврировать шаха, посаженного на трон британцами, Лондон занялся поиском способа снова прибрать к рукам то, что считал своим. Американцы, включая Виснера, опасались оказаться повязанными с имперскими делами Британии, но союзники по другую сторону Атлантики воззвали к их антикоммунизму. Мосаддык легализовал хорошо организованную партию Туде, возглавляемую коммунистами (наряду со всеми остальными политическими партиями), и британцы подбросили американцам мысль, что Туде, пожалуй, может ведь и взять верх, если и дальше сидеть сложа руки, или даже что Советы могут вторгнуться в Иран. Перемены в Белом доме в начале 1953 г. стали огромным подспорьем для сторонников изменения правящего режима. Свежеизбранный президент-республиканец Дуайт Эйзенхауэр назначил Джона Фостера Даллеса государственным секретарем, а его младшего брата Аллена Даллеса поставил во главе ЦРУ. Джон Фостер, по утверждению историка Джеймса А. Билла, был всю жизнь одержим двумя вещами:

борьбой с коммунизмом и защитой прав транснациональных корпораций. «Беспокойство по поводу коммунизма и доступность нефти были взаимосвязаны. Вкупе они толкали Америку к политике открытой интервенции», — писал Билл¹⁷.

Братьям Даллес и ЦРУ был дан зеленый свет. Миссию, которую решено было назвать операцией «Аякс», возглавил Кермит Рузвельт, внук президента Теодора Рузвельта, нанятый Виснером в 1950 г. Он получил миллион долларов, которые мог потратить на Иран так, как ему заблагорассудится, — огромная сумма для того рода помощи, которую он планировал купить. ЦРУ подмазало всех политиков, до каких только смогло дотянуться, и принялось искать генерала, готового взять руководство путчем в свои руки и поставить шаха диктатором. Агенты платили уличным головорезам, силачам и циркачам за то, чтобы те провоцировали бунты. Когда начальник резидентуры ЦРУ Роджер Гойран заявил, что США совершает историческую ошибку, ассоциируя себя с британским колониализмом, Аллен Даллес отозвал его в Вашингтон.

ЦРУ печатало буклеты и постеры, где Мосадддык объявлялся коммунистом, врагом ислама. Они платили журналистам, чтобы те писали, будто он еврей. ЦРУ наняло гангстеров, которые под видом членов партии Туде напали на мечеть. Два агента Рузвельта в Иране, руководившие наемными громилами, в какой-то момент попытались свернуть дальнейшую работу, говоря, что это становится слишком рискованным, но Рузвельт убедил их продолжать, сказав, что в случае отказа убьет их.

Шах, со своей стороны, был не в восторге от происходящего. Он даже уехал в Рим, вызвав ярость американцев, намеревавшихся сделать его королем, однако в августе 1953 г. вернулся во дворец, организовал мошеннические выборы в парламент и в качестве правителя страны верой и правдой служил как ЦРУ, так и международным нефтяным компаниям. Советы не торопились вмешиваться в дела страны, в которой предпо-

ложительно обладали огромным влиянием. В Вашингтоне шли сплошные торжества, а Кермита Рузвельта объявили героем. Виснер наконец доказал начальству, что его «банде чокнутых» нашлось реальное применение¹⁸.

В 1954 г. ЦРУ провернуло еще одну успешную операцию — недалеко, на Филиппинах. Хукбалахапское восстание, начавшееся при японской оккупации, продолжилось после того, как японцы ушли, а власть над Филиппинами (формально) взяли США. Участники Хукбалахапского восстания, боровшиеся с оккупацией, были противниками нового президента, активно сотрудничавшего со странами «оси», а также никуда не девшегося олигархического контроля невероятно могущественных феодальных землевладельцев над экономикой страны. Американский военный советник Эдвард Лансдейл, будущий прототип полковника Эдвина Барнума Хиллендейла из романа «Безобразный американец» (*The Ugly American*, 1958) Юджина Бердика и Уильяма Ледерера, записал в дневнике, что повстанцы «верят, что их дело правое, несмотря на то что некоторые их лидеры стоят на стороне коммунистов... это плохая ситуация, требующая реформы», и заключил: «Я считаю вооруженный протест вполне естественным»¹⁹. США помогли Филиппинам разработать и осуществить операцию против повстанцев и добились существенного прогресса — среди прочего за счет применения большого количества напалма²⁰. В ходе довольно дикой психологической войны Лансдейл в тесном сотрудничестве с Десмондом Фицджеральдом, завербованным Виснером в ЦРУ, сфабриковал вампира.

Одним из множества средств в арсенале психологических операций в ходе войны с повстанцами была дезинформация: в какой-то момент агенты ЦРУ распространили слух, будто асванг, пьющее кровь привидение из филиппинских легенд, вышел на свободу и уничтожает людей со злым сердцем. Затем они взяли тело убитого ими мятежника, проделали две дырки в шее, слили из тела кровь и бросили у дороги²¹.

После многолетнего конфликта участники Хукбалахапского восстания сдались, и на Филиппинах установилась проамериканская, с правым уклоном, стабильность, которая продлится несколько десятилетий. Американские корпорации получили особые привилегии, а отчаянное положение филиппинского народа, описанное Лансдейлом, совершенно не изменилось.

В «Народной ежедневной газете» (*Harian Rakyat*), разумеется, сообщалось о событиях в Иране и на Филиппинах²². Несмотря на то что реальная деятельность Вашингтона в то время засекречивалась, газета Зайна и мировая левая пресса часто были близки к тому, чтобы правдиво рассказать историю вашингтонских интервенций — в отличие от американских газет: те по большей части считали своим долгом распространять официальную позицию, которую сообщали им Виснер и его команда²³.

Зайн, в тот период работавший в Джакарте ежедневно до поздней ночи, довел себя до истощения, будучи одним из немногих, кто мог читать и переводить все поступающие репортажи. Он редко бывал дома с Франциской, поскольку вечно спешил вернуться в редакцию, где работал в вечернюю смену. «Народная ежедневная газета» вечно экономила, и поэтому в штате было лишь 20–30 человек, которые вкалывали круглыми сутками в деловом центре Джакарты²⁴.

Для коммунистической газеты, издававшейся в условиях послереволюционного головокружения, «Народная ежедневная газета» выглядела на удивление легким чтивом. Здесь были карикатуры, высмеивавшие неуклюжих западных империалистов, оригинальные произведения художественной прозы в каждом номере, раздел для детей и образовательные вкладыши с очерками о мировых фигурах левого толка, таких как Альберт Эйнштейн и Чарли Чаплин. Международные новости, которыми заведовал Зайн, составляли огромную часть освещавшихся тем, причем особое внимание газета обращала на события в других странах третьего мира.

Новости из Америки

В 1953 г. «джакартской аксиоме» пришел конец, Вашингтон больше не собирался терпеть независимые страны только потому, что властям там удавалось контролировать левые силы. После смещения Мосаддыка в Иране новым руководящим принципом при Эйзенхауэре стало то, что нейтральные правительства — потенциальные враги и только Вашингтон может решить, является ли независимая страна третьего мира подлинно антикоммунистической и в какой степени. Виз и его подчиненные, вдохновленные успехом в Тегеране, обратили внимание на Центральную Америку, где им предстояло одержать победу, которая послужит моделью для дальнейших тайных вмешательств следующего десятилетия.

Десятилетием раньше в Гватемале произошел небольшой переворот. Черода забастовок привела к свержению диктатора Хорхе Убико, сторонника нацистов, двадцать лет рука об руку с земельной аристократией и иностранными корпорациями удерживавшего крестьян в системе принудительного труда — иными словами, в рабстве. Левые, включая гватемальскую коммунистическую партию, которая называлась Гватемальская партия труда (*Partido Guatemalteco del Trabajo*), давно занимались организацией оппозиционных ему рабочих. Революция произошла в 1944 г., когда Соединенные Штаты под руководством Франклина Делано Рузвельта находились в союзнических отношениях с СССР и были очень заняты участием во Второй мировой войне. Вероятно, поэтому новое правительство не вызвало особой обеспокоенности у американских политиков²⁵.

С 1944 по 1951 г. популярный школьный учитель Хуан Хосе Аревало руководил очень молодой демократией в самой большой стране Центральной Америки. Однако по-настоящему внимание Северной Америки привлекла победа на выборах Хакобо Арбенса, пришедшего к власти в 1951 г.

Арбенс был солдатом, выходцем из среднего класса, который сам стал крупным землевладельцем, и если и придержи-

вался каких-либо радикальных идей, то, скорее всего, благодаря своей жене, Марии Виланова. Уроженка Сальвадора, получившая образование в США, она была более сложной и интересной личностью, чем ее муж. Владевшая несколькими иностранными языками, эксперт по развертыванию общественных кампаний, она глубоко переживала социальное неравенство, отказалась от привилегии вращаться в высшем обществе Центральной Америки, много и активно читала — и смогла сформировать круг связей с представителями левого движения со всей Латинской Америки. Арбенс включил маленькую, но хорошо организованную Гватемальскую партию труда в свою правящую коалицию. Однако Гватемала голосовала в ООН против действий Советского Союза, и новый президент прояснил в инаугурационной речи, что его цель — «превратить Гватемалу с ее по большей части феодальной экономикой в современное капиталистическое государство»²⁶.

Это была непростая задача. В 1952 г. правительство Арбенса попыталось провести земельную реформу и наткнулось на сопротивление очень влиятельных сил. Правительство начало выкупать большие неиспользуемые земельные владения и распределять землю между коренным населением и фермерами. Экономисты во всем мире считали такого рода мероприятия способом не только улучшить жизнь простых людей, но и обеспечить продуктивность использования земли в масштабах всей страны, задействуя силы рыночного предпринимательства. Однако по закону Гватемала должна была платить за землю по ее официальной стоимости, а United Fruit Company — американская фирма, десятилетиями фактически контролировавшая экономику страны, — преступным образом занижала ценность своих владений, чтобы не платить налоги.

Могущественная компания стала яростно протестовать. United Fruit, имевшая чрезвычайно прочные связи с администрацией Эйзенхауэра, начала в США пиар-кампанию по очернению Арбенса как коммуниста, собирая американ-

ских журналистов на пресс-конференции, в ходе которых ей удалось добиваться публикации крайне жестких критических материалов в таких изданиях, как *Time*, *U. S. News & World Report* и *Newsweek*²⁷. Руководить операцией ЦРУ снова поручило Кермиту Рузвельту. На этот раз он отказался, сказав своим начальникам, что дальнейшие перевороты не будут успешными, если народ и армия страны «не будут хотеть того же, чего и мы»²⁸. Вместо него выбор Фрэнка Виснера пал на Трейси Барнса.

Вашингтон предпринял три попытки переворота, и третья оказалась успешной²⁹. В ноябре 1953 г. Эйзенхауэр отозвал посла из Гватемалы и прислал Джона Пьюрифоя, который находился с 1950 г. в Афинах, где собрал правое правительство, благоволившее как Вашингтону, так и греческой монархии. Тамашние левые прозвали его Палачом Греции³⁰.

В Гватемале люди из Северной Америки сделали все возможное, чтобы сфабриковать предлог для интервенции. ЦРУ подбрасывало ящики с винтовками, помеченными коммунистическим серпом и молотом, чтобы их можно было «обнаружить» как доказательство проникновения Советов. Когда гватемальские военные, не сумев найти других поставщиков, действительно купили некоторое количество оружия (оказавшегося бесполезным) у Чехословакии, ребята Виснера наконец выдохнули: теперь у них появилось оправдание. Арбенс узнал о планах третьей попытки переворота в январе 1954 г. и опубликовал эту информацию в гватемальской прессе. Люди из ЦРУ были так уверены в успехе, что продолжили свою операцию, просто разместив опровержения в американских газетах. Они организовали крохотную группу мятежников во главе с генералом Карлосом Кастильо Армасом, крайне заурядным человеком, на которого смотрели как на убожество даже консервативные офицеры армии Гватемалы. На контролируемых США радиостанциях они стали транслировать фальшивые репортажи о том, как вооруженные мятежники движутся к победе, и сбросили бомбы на город Гватемала. Это была пси-

хологическая война, а не реальное вторжение — у разношерстной группы, находившейся за границей в Гондурасе и Сальвадоре, не было ни единого шанса на самом деле войти в страну и разгромить настоящую армию, и даже бомбы, которые пилоты США сбросили на столицу, были прозваны *sulfatos* — «слабительные», потому что их задачей было не причинить ущерб, а так напугать Арбенса и все его окружение, чтобы они буквально наложили в штаны³¹.

Девятилетний Мигель Анхель Альбизурес услышал, как рядом взрываются бомбы, и от потрясения семена страха глубоко укоренились в нем. В то утро, когда все началось, он завтракал перед школой в одной из столичных общественных столовых, устроенных Арбенсом. Он был в ужасе: настолько потрясен, так перепуган, что едва не обделался, — ровно так, как оно и задумывалось, — и побежал прятаться под скамьями в ближайшей католической церкви³².

Арбенс, поняв, что США полны решимости свергнуть его, задумался о том, чтобы сдаться. Его правительство поспешно предложило предоставить United Fruit любые преференции, но было слишком поздно вести переговоры. Коммунисты и некоторые другие деятели призывали Арбенса не слагать с себя полномочий. Двадцатипятилетний врач из Аргентины по имени Эрнесто Че Гевара, живший в то время в городе Гватемала, безуспешно попытался организовать гражданское ополчение для защиты столицы.

Президент подал в отставку 27 июня 1954 г. и передал власть полковнику Диасу, главе вооруженных сил. Диас встретился с послом Пьюрифоем и поверил, что станет приемлемой заменой для Соединенных Штатов. Он сказал Арбенсу, что у него имеется взаимопонимание с людьми из Северной Америки и, если он получит власть, они хотя бы не отдадут страну ненавистному Кастильо Армасу. Это помогло убедить президента покинуть свой пост³³.

Договоренность действовала недолго. Всего через несколько дней после того, как Диас взял власть, глава резидентуры

ЦРУ Джон Дауэрти и его заместитель Энно Хоббинг, бывший начальник корреспондентского пункта *Time* в Париже, смеялись его. «Позвольте вам кое-что объяснить, — сказал Хоббинг: — Вы совершили большую ошибку, возглавив правительство». Хоббинг помолчал, а затем высказался с полной определенностью: «Полковник, вы попросту не соответствуете требованиям американской внешней политики».

Диас был потрясен. Он попросил, чтобы Пьюрифой сказал ему это лично. По словам Диаса, Пьюрифой явился в четыре часа утра и поддержал Дауэрти и Хоббинга. Он также показал Диасу длинный список гватемальцев, которых придется немедленно расстрелять.

«Но почему?» — спросил Диас. «Потому что они коммунисты», — ответил Пьюрифой³⁴.

Кастильо Армас, фаворит США, получил власть. В Гватемалу вернулось рабство. В первые несколько месяцев своего правления Кастильо Армас учредил День борьбы с коммунизмом, а также загнал в тюрьму и затем казнил от трех до пяти тысяч сторонников Арбенса³⁵.

Эйзенхауэр был на седьмом небе. Хотя Виснер нервничал на протяжении всей операции, это стало очередным триумфом его подхода. После их с Барнсом встречи с президентом они завалились в гостиную Барнса в Джорджтауне и «принялись приплясывать от радости»³⁶.

«Народная ежедневная газета» уделила огромное внимание событиям в маленькой стране на другой стороне земного шара. День за днем ситуация в Гватемале оставалась главным материалом передовиц. Заголовки отличались ясностью и однозначностью: «Америка угрожает Гватемале», далее длинная пояснительная статья «Это Гватемала» с картой далекой территории и упоминание «американской агрессии»³⁷.

Американская пресса освещала эти события иначе. *The New York Times* именovala участников переворота «повстанцами», а правительство Арбенса называла «красным» или «коммунистической угрозой» и утверждала, будто власти США «способ-

ствуют» организации мирных переговоров, а вовсе не являются организаторами всего случившегося. Большинство сегодняшних историков моментально увидели бы, что маленькая индонезийская коммунистическая газета описывала происходящее точнее, чем *The New York Times*³⁸. На то были свои причины. Сидни Грисон, предприимчивый корреспондент *The New York Times*, планировал провести расследование и узнать, что за «повстанцы» действовали в Гватемале. Фрэнк Виснер пытался не допустить этого и попросил своего босса Аллена Даллеса переговорить с начальством *The New York Times*, что тот и сделал. Убежденный, что совершает патриотический поступок, издатель *The New York Times* Артур Сульцбергер приказал Грисону держаться подальше от этой темы³⁹.

У Зайна и его коллег была особая причина уделить много внимания Гватемале. В репортаже с передовицы «Народной ежедневной газеты» от 26 июня говорилось, что происходящее в Гватемале «угрожает миру во всем мире и может также угрожать Индонезии»⁴⁰.

Внутренний документ Госдепартамента, в настоящее время общедоступный, должен опровергнуть мнение, что Вашингтон усматривал в Гватемале «непосредственную коммунистическую угрозу». Как докладывал Луис Халле в записке руководителю подразделения политического планирования, риск состоял не в том, что Гватемала проявит агрессию, а в том, что Гватемала подаст пример, который вдохновит соседей последовать ему. В записке сказано: «Данные указывают на полное отсутствие какой бы то ни было военной угрозы для нас в настоящее время. Хотя мы читаем в открытых источниках, что от Гватемалы три часа лета до нефтяных полей Техаса и два часа до Панамского канала, мы можем быть абсолютно уверены, что способность Гватемалы бомбить и то и другое равна нулю. Недавние поставки оружия никак не повлияли на эту ситуацию, как не повлияют и поставки дальнейшие...»

Реальный риск, вполне ясно объяснил Халле, состоял в том, что коммунистическая «зараза»

...могла распространиться, если Гватемала подаст пример независимости от США националистам всей Латинской Америки. Она может распространиться как пример национализма и социальных реформ. Наконец, что самое главное, она может распространиться из-за предрасположенности жителей Латинской Америки отождествлять себя с маленькой Гватемалой: в том случае, если происходящее будет подано им (как оно им и подается) не как вопрос их собственной безопасности, а как состязание Давида — Гватемалы — и Голиафа — Дяди Сэма. Полагаю, что именно этой последней опасности нам следует больше всего опасаться и стремиться избежать⁴¹.

Вопрос земельной реформы был наиболее ярким и многократным воплощением принципа «делай, как я говорю, а не как я делаю». Управляя Японией после Второй мировой войны, генерал Макартур протолкнул масштабную программу земельной реформы. В те же годы власти США контролировали перераспределение земли в Южной Корее. Что касается стратегически значимых наций, находящихся под контролем США, то в Вашингтоне считали необходимым уничтожить феодальное владение землей, чтобы построить динамичную капиталистическую экономику. Однако когда проводниками земельной реформы становились левые или силы, воспринимаемые США как геополитические противники или угроза их интересам, то чаще всего это расценивалась как вторжение коммунистов или опасный радикализм.

Братья Даллес работали на Уолл-стрит и оба на самом деле защищали интересы United Fruit Company. По сей день ведутся споры о том, срежиссировало ли ЦРУ перевороты в Иране и Гватемале по циничным экономическим причинам — чтобы помочь дружественным бизнесам и в целом американскому капитализму, или Центральное разведывательное управление на самом деле ощущало угрозу со стороны «коммунизма». Дело может не исчерпываться одним объяснением. Лидер Гва-

темальской партии труда сказал: «Они бы скинули нас, даже если бы мы не выращивали бананы»⁴². Разговоры, которые Виснер вел дома в кругу семьи, свидетельствуют, что он действительно видел в иранской Туде и гватемальских коммунистах некую угрозу своей стране⁴³.

Мотивы США, однако, не имели особого значения ни для миллионов людей в Азии, читавших об этих событиях в газетах, ни для латиноамериканцев, непосредственно их наблюдавших. Какова бы ни была подлинная мотивировка, Соединенные Штаты приобрели репутацию страны, часто и грубо вторгающейся во внутренние дела независимых государств.

Молодой врач Че Гевара счел это важным уроком и уже в 1954 г. усвоил его. Он пришел к выводу, что Вашингтон никогда не допустит, чтобы в непосредственной близости от США состоялась умеренная социальная реформа, не говоря уже о возникновении демократического социализма, и что любое движение за изменения должно быть вооруженным, дисциплинированным и готовым к отражению империалистической агрессии. На тот момент 26-летний Че Гевара написал своей матери, что Арбенс «не знал, как лучше поступить, чтобы выжать из ситуации все» и «не подумал, что вооруженный народ — непобедимая сила». По его словам, президент Гватемалы «мог бы дать людям оружие, но не захотел — результат налицо». Че отправился в Мехико и начал разрабатывать более радикальную революционную стратегию на основе того, что увидел в Гватемале⁴⁴.

В Индонезии Франциска, хотя она и не следила за новостями столь же внимательно, как Зайн, чувствовала, что индонезийская революция далеко не завершена. Они освободились от белого колониализма всего пять лет назад, размышляла она, но удастся ли сохранить свободу? Не факт. Однако обычно она была слишком занята работой в библиотеке и заботой об их первой дочери. Зайн приходил домой поздно, и чаще всего они сидели рядышком и разговаривали о прочитанных книгах (как правило, о европейской литературе), а не обсуждали политические новости. Тем не менее Франциска знала, что их положение нена-

можно и что западные державы не склонны за здорово живешь даровать свободу народам третьего мира. Жестокое французское вторжение во Вьетнам было очередным тому доказательством. Президент Сукарно постоянно выступал по радио, используя свои немалые ораторские способности, чтобы донести до индонезийцев главное: им нужно бороться дальше. Если смотреть из Индонезии, казалось, что и в Иране, и в Гватемале зарождающиеся демократические движения попытались впервые утвердить свою независимость в мировой экономике, а новая западная власть ответила жестокостью и принялась загонять их обратно в подчиненное положение, в котором они всегда находились. Сукарно часто называл это «неоколониализмом», имея в виду навязанное силой состояние имперского контроля без официального правления. Глубоко современный человек, он любил неологизмы и акронимы и позднее придумал аббревиатуру НЕКОЛИМ — неоколониализм, колониализм и империализм — для обозначения врага, угрожавшего, по его убеждению, всем им.

В 1954 г., после победы неожиданно хорошо организованных сил Хо Ши Мина в битве при Дьенбьенфу, французы наконец отказались от своих притязаний на Вьетнам. В Женеве США помогли навязать разделение этой страны под тем предлогом, что к 1956 г. будет проведен национальный референдум по воссоединению двух ее частей. В Джакарте Сукарно готовился познакомиться с одним из новых представителей Запада. Неизменно вооруженный сияющей улыбкой и не привыкший откладывать решение сложных вопросов в долгий ящик, Говард Палфри Джонс приехал в Индонезию в июле.

«Президент Сукарно»

Впервые оказавшись в Джакарте, Улыбающийся Джонс тотчас же попал под очарование города и назвал его «бурлящим мегаполисом». Кроме того, он очень быстро сообразил, что здесь полно тех, кого Америка считает врагами, и сложа

руки они не сидят. Джонс приехал, чтобы возглавить Миссию по оказанию экономической помощи, и увидел, что на площади Независимости, где Сукарно в 1945 г. сделал свое знаменитое заявление, — теперь напротив посольства США — на каждом дереве красуется плакат с серпом и молотом. То же самое наблюдалось перед его домом, и, когда у него выдалась возможность покататься по острову Ява на машине, ему частенько доводилось проезжать под арками из транспарантов с серпом и молотом.

Хотя Сукарно, харизматичный первый президент, относился к Вашингтону дружелюбно и всегда действовал как оппонент — то больше, то меньше — Коммунистической партии Индонезии, партии не первого ряда, одной из многих других, но очевидно прочное положение этой партии, открыто себя рекламировавшей, вместо того чтобы прятаться в тени, тревожило США.

Через несколько дней после приезда в Индонезию ведущий иностранный корреспондент *U. S. News & World Report* Пеппер Мартин указал на коммунистические символы и, обернувшись к Джонсу, спросил: «Это что ж такое у них тут творится — хоть стой, хоть падай. И куда нам с этим?!»⁴⁵ Скоро, однако же, Джонс узнает, что и это еще далеко не все. При первой встрече с Сукарно его поразило, насколько сложна ситуация. Сам Джонс, как все представители американских властей, был антикоммунистом и считал своей задачей борьбу с этой системой. Однако он считал главной ошибкой американской дипломатии того времени упорную неспособность понять различия между странами третьего мира, а также природу азиатского национализма. Джонс был убежден, что после Второй мировой войны США «чересчур близко к сердцу принимали все сложности отношений со своими союзниками в той войне и из-за этого пропустили мимо ушей жалобы людей, удаленных от них на полмира». Он писал: «Мы не понимали и почти не пытались постичь политическую, экономическую и социальную революцию, охватившую Азию»⁴⁶.

В отличие от многих других американцев, Джонс не проявлял верования и привычки местных жителей априори как проявление отсталости. Он относился к ним очень серьезно. Конечно, его жизнь очень сильно отличалась от жизни индонезийцев. Чиновники Госдепартамента обитали в колониальных особняках, у них были горничные, повара и шоферы. Почти каждый гражданин США в третьем мире считался баснословно богатым, даже если не работал на Дядю Сэма. Однажды один из посольских бассейнов стал протекать. Посольский персонал знал, что делать. Вызвали хаджи — мусульманина, совершившего паломничество в Мекку. Тот пришел и погрузился в созерцание, после чего сказал американцам, что помещения не были ритуально освящены. Джонс без колебаний и скепсиса предложил провести церемонию сламетан: чтобы ублажить обитавших здесь духов, нужно было закопать в каждом углу бассейна петушиную голову. После этого протечки прекратились раз и навсегда. Джонс, адепт Христианской науки (Christian Science), ставший свидетелем чудесного исцеления своей матери после череды молебнов, никогда не подвергал сомнению, что в Индонезии могут действовать силы, непостижимые для большинства американцев⁴⁷. Контактируя по службе с другими американскими правительственными чиновниками, Джонс не без гордости поправлял их, если они ошибочно определяли национальность азиатов или их политическую принадлежность. Главной проблемой, по его мнению, было то, что американцы не понимают, что такое национализм в контексте развивающихся стран и чем он отличается от коммунизма. Национализм в третьем мире представлял собой нечто совершенно отличное от того, чем он был в Германии десятилетием раньше. Он был связан не с расой, не с религией и даже не с границами. Он основывался на противостоянии колониализму, который местные жители вынуждены были терпеть веками. Джонс часто в раздражении подчеркивал, что для американцев это могло выглядеть как инстинктивное неприятие Запада и что молодые нации, возможно, совершали ошиб-

ки на раннем этапе при формировании правительства. Однако разве американцы не чувствовали бы абсолютно то же самое и не требовали бы права совершать свои собственные ошибки?

Когда Джонс наконец познакомился с «президентом Сукарно» — так это звучит по-индонезийски, то был глубоко впечатлен. Он писал: «Встретиться с ним все равно что вдруг оказаться под светом ультрафиолетовой лампы, его магнетизм ощущается физически». Джонс сразу же заметил, по его словам, «невероятные сверкающие карие глаза и ослепительную улыбку, в которой чувствовалось безграничная теплота». Он с восхищением наблюдал, как красноречиво Сукарно говорит «о мире, плоти и дьяволе: о кинозвездах и Мальтусе, Жане Жоресе и Джефферсоне, о фольклоре и философии», затем расправляется с огромным количеством еды и часами танцует. Еще больше впечатлило Джонса, жившего в относительно комфортабельных условиях, то, что этот поразительный человек — примерно одних лет с ним — научился употреблять пищу таким образом и так глубоко погрузился в знания в тюрьме, где провел много лет за свои выступления против голландской колониальной власти⁴⁸. Попутно Сукарно научился говорить на немецком, английском, французском, арабском и японском языках, вдобавок к бахаса индонезия, яванскому, сунданскому, балийскому и голландскому⁴⁹.

Когда Сукарно заговаривал на любом из этих языков, вся страна замирала, чтобы его послушать, и Джонс заметил, что и на него это тоже действовало. Однажды Сукарно, пережив очередное покушение, сказал ему: «После вчерашнего я могу думать лишь об одном. <...> Аллах, должно быть, одобряет то, что я делаю, иначе меня давно убили бы»⁵⁰.

Сукарно родился в 1901 г. в Восточной Яве. Его мать была с Бали, следовательно, исповедовала индуизм, а отец, происходивший из яванских чиновников среднего класса, был мусульманином, как подавляющее большинство населения острова. На Яве в то время мусульмане делились — если оставить в стороне нюансы — на две категории. Сантри, приверженцы

более строгого, ортодоксального ислама, находились под влиянием арабской религиозной культуры. У абанган ислам был подстройкой, скрывающей под собой глубокий кладезь, наполненный мистическими и анимистическими яванскими традициями. Именно в этой традиции ислама был воспитан Сукарно³¹. С раннего возраста его приобщили к мудрости ваянг — кукольного театра теней, представления которого длились ночь напролет, на Яве он играл ту же роль, что эпическая поэзия в классической Греции.

Хотя семья Сукарно не относилась к элите, он имел возможность обучаться в хороших колониальных школах. Официально студент архитектурного факультета, он самостоятельно осваивал политическую философию и начал сближаться с националистическими кругами Индонезии, которые были открыты антиколониальным учениям различной направленности. «Исламский союз» (*Sarekat Islam*) являлся главной националистической организацией того времени, в нем состояли консервативные исламские мыслители, а также много людей, лояльных коммунистической партии. В тот период именовавшаяся Индийской коммунистической партией, она часто игнорировала директивы Москвы (если лидеры считали, что так лучше) и видела в мусульманском единстве революционную антиколониальную силу. Были здесь и правоверные мусульмане-коммунисты, которые хотели создать общество равноправия, в разной степени вдохновленные как Марксом, так и Кораном, но считали, что иностранцы-неверные им в этом препятствуют. Практически для всех в стране социализм по определению предполагал оппозицию иностранному господству и поддержку идеи независимой Индонезии³².

Это объединяло индонезийцев. На одной конференции Коммунистической партии Индонезии 24 декабря в штаб-квартире «Исламского союза» они оформили стены в красных и зеленых (в честь христианского Сочельника) тонах и нарисовали на ткани серп и молот в стиле традиционного яванского батика³³.

Сукарно по своей природе тяготел к синкретизму и всегда интересовался скорее синтезом, объединением и инклюзией, чем непримиримыми идеологическими диспутами. В 1926 г. он написал статью под названием «Национализм, ислам и марксизм», в которой задался вопросом: «Могут ли эти три духовные силы действовать совместно в условиях колониализма, превратившись в одну великую силу, силу единства?» Естественным для него ответом было «да». Сукарно заявил, что капитализм — враг и ислама, и марксизма, и призвал сторонников марксизма, являвшегося, по его словам, не неизменной догмой, а динамичной силой, адаптирующейся к разным нуждам и ситуациям, сражаться вместе с мусульманами и националистами⁵⁴.

В следующем году Сукарно создал Национальную партию Индонезии (НПИ), занявшую центристскую позицию среди течений, боровшихся против голландской колониальной власти, — коммунисты находились слева, а мусульманские группы справа. Естественная склонность Сукарно к инклюзии пришла для конкретного исторического момента очень кстати. Индонезия представляет собой архипелаг, острова которого раскинулись на 2 млн квадратных миль морской поверхности. На этих островах живут сотни разных национальностей, говорящие более чем на 700 языках. Ничто не объединяло их, кроме искусственных ограничений, наложенных расистской иностранной державой. Молодой нации больше всего на свете нужно было общее чувство идентичности.

Сукарно стал пророком этой идентичности. В 1945 г. он предложил оригинальный вдохновляющий фундамент того, что значит быть индонезийцем, провозгласив панча сила, или «пять принципов». Они были и остаются следующими: вера в бога, справедливость и цивилизация, единство Индонезии, демократия и социальная справедливость. На практике они объединяют широкое утверждение религии (под которой могут в равной степени подразумеваться ислам, индуизм, христианство или буддизм), революционную независимость и социаль-

ную демократию. Провозглашенные принципы, безусловно, не исключали и коммунистов, поскольку огромное их большинство были мусульманами-абанган, как сам Сукарно, или индустами с Бали, как его мать. Даже если крохотное меньшинство коммунистов высокого уровня не исповедовали никакой религии, всего через несколько лет они были рады принять панча сила. Позднее председатель Коммунистической партии Индонезии будет оправдывать это тем, что марксизм — учение, способное адаптироваться к местным реалиям, а так как в Индонезии повсеместная вера в единого бога — это «объективный факт», то «коммунисты, будучи материалистами, должны этот объективный факт принимать»⁵⁵.

Республика Индонезия приняла национальный лозунг: «*Bhinneka Tunggal Ika*», что означает «Единство в разнообразии» на старояванском языке, на котором говорит наибольшее количество жителей страны, львиная доля которых проживает в средней части этого центрального острова. Панча сила, или *Pantja Sila*, — понятие из санскрита, использовавшегося в доисламские времена на архипелаге Нусантара, когда большая часть островов находилась под сильным влиянием культурных и религиозных элементов родом с Индийского субконтинента. (Само слово «Индонезия» означает попросту «индийские острова» и, как и название «Индия», происходит от названия реки Инд.)

Именно под контролем Сукарно молодая страна приняла решение сделать бахаса индонезия своим официальным языком. Менее мудрый лидер мог бы склониться к тому, чтобы сделать государственным языком свое родное наречие, но этот диалект сложно учить, и это запросто могло быть воспринято как своего рода шовинизм, а то и колониальное принуждение со стороны сильнейшего острова. Вместо этого Индонезия сделала государственным простой язык, который воспринимался как нейтральный, и большая часть населения страны выучила его за одно-два поколения. Это было значительное достижение: соседние страны Юго-Восточной Азии до сих пор не обзавелись подлинно национальными языками⁵⁶.

Сукарно был националистом с левым уклоном из третьего мира и в большей степени визионером, чем управленцем, досконально знавшим эту работу, в чем скоро убедились Говард Джонс и остальные американцы. В соответствии со своей натурой, склонной к поискам компромисса, он был привержен задаче поддержания дружеских отношений и с Соединенными Штатами, и с Москвой и, безусловно, пытался не вызывать раздражения вашингтонских властей.

У Джонса с Сукарно завязалось нечто вроде дружбы, несмотря на то что многие его коллеги-соотечественники считали, что «проигрывают» Индонезию коммунистам. Американец удивлял многих местных жителей, запросто приглашая их на разговор, в том числе радикально левых. К тому времени левые автоматически вызывали подозрение у США — дни авансов Хо Ши Мина Вашингтону остались в прошлом. Джонс быстро пришел к выводу: чтобы быть эффективными, программы помощи, которыми он руководил, ни в коем случае не должны выглядеть покровительственными или задевать крайне легко ранимых индонезийцев, гордившихся своей независимостью. Что же касается цели предоставления этой помощи, он был с индонезийцами вполне откровенен: Вашингтон не хотел, чтобы Индонезия вступала в «коммунистический блок»⁵⁷.

Властные полномочия Сукарно как президента никто не оспаривал, но управление страной требовало постоянного маневрирования в рамках неповоротливой парламентской системы. Он возглавлял коалиционное правительство, и, хотя Коммунистическая партия Индонезии поддержала соглашение, в Индонезии действовало немало других партий, немало более влиятельных, а КПИ не имела представителей в его кабинете⁵⁸. По привычке Джонс продолжал поправлять американских чиновников, не понимавших Азию во всей ее самобытности. Он улавливал, что имеет в виду президент Индонезии, когда говорит ему: «Я националист, но не коммунист». Улыбающийся Джонс ощутил гордость и тревогу, услышав, что, оказывается, он — «единственный американец, который

серьез верил, что Сукарно не коммунист»⁵⁹. Лидер огромной страны третьего мира, Сукарно был довольно неплохо известен в Вашингтоне. Однако через год после приезда Джонса Сукарно устроит мероприятие, которое выведет его на авансцену мировой политики и навсегда изменит смысл индонезийской революции.

Бандунг

Термин «третий мир» появился в 1951 г. во Франции, но наполнился современным содержанием и по-настоящему вошел в оборот лишь в 1955 г. в Индонезии.

Как писал историк Кристофер Дж. Ли, идея третьего мира по-настоящему оформилась на апрельской *Konferensi Asia-Afrika*, которая прошла в Бандунге⁶⁰. Это примечательное собрание объединило людей из колонизированного мира в движение, оппозиционное по отношению к европейскому империализму и независимое от властей США и Советского Союза.

Это произошло не автоматически, а стало результатом целенаправленных усилий горстки новых мировых лидеров. В 1954 г. Индонезия совместно с Бирмой (Мьянмой), Цейлоном (Шри-Ланкой), Пакистаном и Индией, возглавляемой Джавахарлалом Неру — тем самым, кто прочел братьям Кеннеди лекцию за обедом, — сформировала группу Коломбо, по названию столицы Шри-Ланки, где встретились представители этих стран. Затем они стали планировать создание еще более расширенной организации. Премьер-министр Индонезии сначала подал идею конференции 1955 г. в качестве ответа на организацию СЕАТО*, спонсируемой США копии НАТО в Юго-Восточной Азии. Список приглашенных быстро разросся, поскольку Неру пригласил Китай (что неизбежно исключи-

---

* Организация договора Юго-Восточной Азии, также Манильский пакт (South East Asia Treaty Organization).

ло Тайвань), тогда как ЮАР с ее апартеидом и обе Кореи (формально по-прежнему пребывавшие в состоянии войны), а также Израиль (присутствие которого могло отпугнуть арабские страны) приглашены не были.

Люди, собравшиеся на Конференцию стран Африки и Азии в Бандунге, представляли около половины ООН и 1,5 млрд из 2,8 млрд мирового населения. Как провозгласил Сукарно во вступительной речи, которая состояла из эмоциональных тирад на прекрасном, несмотря на акцент, английском языке, это была «первая международная конференция небелых людей в истории человечества!»⁶¹ Одни из стран-участниц недавно получили независимость, другие еще только боролись за нее. Бразилия, самая большая страна Латинской Америки, присутствовала в качестве дружественного наблюдателя, не относящегося к Азии и Африке.

Сам факт проведения конференции такого рода возвысил Сукарно и Неру до уровня мировых лидеров. Она также мгновенно сделала фигурой всемирного значения Гамаль Абдель Насера, всего тремя годами ранее взявшего власть в Египте, крупнейшей в мире арабской стране. Подобно Неру, Насер придерживался светских взглядов, имел левый уклон и настаивал на своем праве заключать альянсы с любой страной, включая Советский Союз. Чжоу Энлай, министр иностранных дел в правительстве Мао, стремился фактом своего присутствия на конференции легитимизировать коммунистическую Китайскую Народную Республику в глазах стран-соседей и тоже встать на сторону третьего мира⁶².

На конференции буйным цветом расцвели всемирные организации, часть которых действует по сей день. Они были вдохновлены «духом Бандунга», который Сукарно очень ясно выразил в финале своей мощной вступительной речи.

Мы собрались здесь сегодня вследствие жертв — жертв, принесенных нашими предками и людьми нашего и следующих поколений. Я вижу, что этот зал заполняют не толь-

ко лидеры народов Азии и Африки — в его стенах также присутствует бессмертный, неукротимый, непобедимый дух наших предшественников. Их борьба и самопожертвование проложили путь на эту встречу высшим представителям независимых и суверенных наций двух крупнейших континентов земного шара. <...>

Всех нас, по моему убеждению, объединяет нечто более важное, чем то, что искусственно нас разделяет. Мы объединены, например, тем отвращением, которое все испытываем к колониализму в какой бы то ни было форме. Мы объединены отвращением к расизму. И мы объединены решимостью сохранить и укрепить мир во всем мире.

Сукарно был одет в сшитый на заказ белый костюм, дополненный очками и маленьким головным убором пачи. На всем протяжении его выступления мировые лидеры, сидевшие каждый в своей нише, аплодировали и подавались вперед, чтобы лучше слышать. Обратив свое легендарное ораторское искусство против западного империализма, Сукарно завоевал их внимание.

Как можно быть равнодушным к империализму? Для нас колониализм не есть нечто отдаленное и постороннее. Мы познали его во всей его безжалостности. Мы видели порождаемые им бесчисленные человеческие жертвы, порождаемую им нищету и то, какое наследство он оставляет после себя, когда — медленно и неохотно — уступает неотвратимому ходу истории. Мой народ и народы многих стран Азии и Африки знают все это, потому что мы это сами пережили. <...>

Да, некоторые части наших стран еще не свободны. Поэтому все мы пока не можем считать, что достигнут конец пути. Никакой народ не может считать себя свободным, пока часть его родной земли несвободна. Как и мир, свобода неделима. Невозможно быть наполовину свободным, как невозможно быть наполовину живым.

Почти каждый присутствовавший в зале прекрасно знал, о чем говорил Сукарно. Люди, собравшиеся там в тот день, всю оставшуюся жизнь будут вспоминать, какую энергию он пробудил в толпе. Сукарно продолжал:

Заклинаю вас не мыслить себе колониализм только в его классической форме, известной нам, индонезийцам, и нашим братьям в разных частях Азии и Африки. Колониализм имеет и современное обличье, являясь в форме экономического контроля, интеллектуального контроля, реального физического контроля силами маленького, но чужеродного сообщества внутри страны. Это умелый и решительный враг, скрывающийся под множеством личин. Легко он не сдастся. Где бы, когда бы и как бы он ни проявлялся, колониализм — зло, и это зло должно быть стерто с лица земли.

Сукарно и организаторы конференции изо всех сил старались не разозлить и не испугать самую мощную страну в мире своей открыто антиимпериалистической риторикой. Для этого они прочесали американские учебники истории и переговоры-ли со знакомыми американцами в поисках возможности как-то связать дату конференции с Соединенными Штатами⁶³. Такая связь обнаружилась, и президент продолжил:

Борьба с колониализмом ведется давно, и знаете ли вы, что сегодня — важная годовщина для истории этой борьбы? 18 апреля 1775 года, ровно 180 лет назад, Пол Ревир мчался верхом в ночи по новоанглийской глубинке, чтобы предупредить о приближении британских войск. Так началась война Америки за независимость — первая успешная анти-колониальная война в истории. Об этой полуночной скачке поэт Лонгфелло написал: «Его тревожный призывный крик / До каждой деревни и фермы достиг, / Нарушив дремотный покой и мир. / Вдруг голос из тьмы, в дверь удар кулака /

И слово, что эхом несется в века»*. Да, это слово эхом несется в века!

Как понял Говард Джонс, Бандунгская конференция выдвинула на первый план национализм совершенно иного типа, нежели тот, что существовал в Европе. Для таких лидеров, как Сукарно и Неру, идея нации основывалась не на расе или языке — да это и невозможно на столь неоднородных территориях, — но конструировалась через привязку к антиколониальной борьбе и требованиям социальной справедливости. Сукарно был убежден, что благодаря Бандунгу третий мир можно было объединить общими целями, такими как антирасизм и экономический суверенитет. А еще принадлежавшие к нему народы могли собраться вместе и создать коллективную организацию, чтобы обеспечить себе лучшие условия в мировой экономической системе, заставив богатые страны снизить тарифы на товары из третьего мира, тогда как страны, только что получившие независимость, могли бы с помощью тарифов способствовать собственному развитию⁶⁴. После столетий эксплуатации эти народы очень сильно отставали от богатого мира и намерены были добиться изменения этого положения.

Официально в конференции участвовало 29 стран плюс государства, присутствовавшие в качестве наблюдателей. Оба вьетнамских государства были полноправными участниками, поскольку на тот момент мирно сосуществовали вплоть до референдума об объединении, запланированного на 1956 г. Приехал Народом Сианук из Камбоджи — как и Сукарно, он был убежденным сторонником независимости как от Вашингтона, так и от Москвы. Сирийская республика, Ливия, Иран (уже под властью шаха) и Ирак (все еще королевство) прислали представителей, приехал и премьер-министр Пакиста-

* Цит. в пер. М. Зенкевича.

на Мохаммед Али. Момолу Дукулы представлял Либерию — страну, основанную бывшими американскими рабами в XIX в.

Сам Сукарно часто связывал антиколониальную борьбу с борьбой против мирового капитализма. Однако Бандунгская конференция стала и некоторым разочарованием для его сторонников из КПИ, поскольку Коммунистическая партия Индонезии выступала за прямой альянс с Советским Союзом. Благодаря знанию языков муж Франциски Зайн был одним из индонезийских журналистов, кому посчастливилось освещать ход конференции. Он писал репортажи в «Народную ежедневную газету», высоко оценившую происходящее в Бандунге, несмотря на эту небольшую обиду.

«Да здравствуют дружба и сотрудничество народов Африки и Азии!» — провозгласила газета в день открытия конференции. Иллюстрация к передовице изображала поворачивающегося колесо истории мужчину, мускулистый торс которого был схвачен флагами стран третьего мира. На следующий день, после вступительной речи Сукарно, «Народная ежедневная газета» напечатала карикатуры с фигурами, представляющими Британию, США, Нидерланды и Францию, застывшими в оцепенении и страдающими от чудовищной головной боли. Подпись внизу представляла собой чуточку неуклюжий каламбур. Из-за «афро-азиатской» (АА) конференции, пошутила газета, где работал Зайн, империалистическим державам нужен «аспирин-аспро» (АА), потому что головы у них раскалываются уже от одного вида единства независимых молодых наций⁶⁵.

Самым добросовестным обозревателем конференции из Соединенных Штатов был Ричард Райт, темнокожий писатель и журналист. Бывший коммунист, автор книги «Родной сын» (Native Son, 1940)*, написал о своем пребывании на этом мероприятии целую книгу, серьезно повлиявшую на антико-

---

* Социальный роман о темнокожем юноше, которого крайняя нищета, неизбежная в социальных условиях США 1930-х гг. для представителей небелых рас, толкает на путь преступлений.

колонизальную и антирасистскую мысль. По его словам, узнав о «съезде практически всех существующих человеческих рас в основном геополитическом центре притяжения на Земле», о конференции «презираемых, оскорбленных, обиженных, обездоленных — в общем, аутсайдеров рода человеческого», он не мог не приехать и не засвидетельствовать это событие⁶⁶.

Перед отъездом в Бандунг Райт пообщался с американцами и европейцами, которые были в ужасе от идеи конференции: по их мнению, собрание наций такого рода может лишь подхлестнуть «расизм наоборот» — ненависть к белым, разжигаемую коммунистами, или всемирный альянс против белых⁶⁷. Что там говорить, даже и сам Райт относился к бандунгской миссии скептически, пока не увидел, как выглядят последствия колониализма и не услышал выступления ораторов. Он быстро понял, что местные жители разговаривают с ним совершенно иначе, когда в помещении нет белых. Райт познакомился с индонезийцем, который три месяца работал инженером в Нью-Йорке, практически не выходя из квартиры — так сильно он боялся расистских стычек на улице⁶⁸. Затем Райту попалась изданная в 1949 г. книга — учебник индонезийского языка для чиновников колониальной администрации и туристов, в котором вообще не было слов, позволяющих вести диалог. Это был по большей части список приказов, все с восклицательной интонацией.

Садовник, подмети сад!

Эта метла сломана! Сделай новую метлу!

Вот грязная одежда!

И дальше в разделе «Держи вора»:

Все серебро пропало. В ящиках серванта пусто⁶⁹.

Райт также понял, как мало в Азии антикоммунизма по сравнению с его родными Соединенными Штатами. Даже глава Машуми (*Masjumi*), мусульманской партии, получавшей

финансирование от ЦРУ, сказал ему, что из-за господствующего на Западе «страха перед коммунизмом» лидерам первого мира трудно доверять.

«Мы всегда должны быть настороже в том, что касается истинных целей Запада, поскольку наша история дала множество оснований относиться к ним с подозрением, — сказал лидер Машуми. — На столь шаткой основе реального успеха сотрудничества ожидать не приходится». Он имел в виду партнерство, опирающееся исключительно на желание Вашингтона найти кого угодно, лишь бы тот был против коммунистов.

Не все в Бандунге шло гладко. Атмосферу холодной войны невозможно было игнорировать, и не все могли сойтись во мнениях относительно того, как отделить себя от ведущих держав. Например, Неру противился попыткам ориентированных на Запад стран третьего мира, таких как Ирак, Иран и Турция, заклеить просоветские движения в Азии как колониалистские. Делегаты не смогли прийти к соглашению о том, как им на практике поддерживать территории, остающиеся под колониальным господством. В конце концов они выработали десять основополагающих принципов, которые стали определяющими для отношений между государствами третьего мира.

1. Уважение к правам человека и Уставу ООН.
2. Уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран.
3. Признание равенства всех рас и равенства всех наций, больших и малых.
4. Невмешательство: отказ от вмешательства во внутренние дела другой страны.
5. Уважение права каждой нации на самоопределение.
6. Отказ от использования коллективной обороны, которая служила бы интересам какой-либо великой державы, и отказ от применения силы по отношению к другим странам.

7. Воздержание от актов или угроз агрессии против любой страны.
8. Разрешение всех международных споров мирными средствами.
9. Способствование достижению взаимных интересов и сотрудничеству.
10. Уважение справедливости и международных обязательств.

Самым примечательным результатом Бандунгской конференции стало создание структуры, которая разовьется во всемирное Движение неприсоединения, основанное в 1961 г. в Белграде. Однако в Азии и Африке Бандунг привел к изменениям, проявившимся немедленно. Возникли коллективные действия, коммуникационные сети и международные организации. Лидеры начали выступать на радио с обращениями, транслировавшимися на два континента, донося послание, проникнутое «духом Бандунга», до народов, продолжавших борьбу с колониализмом. Особо стоит отметить тот факт, что Насер через свое Каирское радио (Radio Cairo) адресовал это послание югу — странам Субсахарской и Восточной Африки⁷⁰. Народ Конго стал слушать радиостанцию «Голос Африки» (La Voix de l'Afrique), которая делала свои передачи из Египта, и «Всеиндийское радио» (All India Radio), которое вело трансляции на суахили. Одновременно человек по имени Патрис Лумумба начал формировать Национальное движение Конго (*Mouvement National Congolais*), очень «бандунгское» по духу движение за независимость, целью которого был отказ от разделения по этническим признакам и создание в ходе антиколониальной борьбы конголезской нации⁷¹.

В 1958 г. в Коломбо прошла первая Конференция женщин Азии и Африки, давшая старт межнациональному феминистскому движению в третьем мире. Организатор Каирской конференции женщин 1961 г. египтянка Бахия Карам написала в предисловии к материалам: «Впервые в современной истории, то есть женской истории, происходит подобное собра-

ние женщин Африки и Азии. <...> Огромным удовольствием и вдохновением было встретиться с делегатками из африканских стран, которым империалисты никогда прежде не позволяли пересечь границы своих земель»⁷². Египетская пресса, например, выказывала большой интерес к жизни женщин всего третьего мира, в том числе Индонезии, и заговорила об «узах сестринской близости и солидарности между женщинами Африки и Азии»⁷³.

Страны — участницы Бандунгской конференции в дальнейшем создали Ассоциацию журналистов Африки и Азии. Это была попытка людей из третьего мира освещать события в нем без опоры на белых корреспондентов, которых обычно присылали из богатых стран и которые рассказывали одни и те же истории десятилетиями, если не столетиями.

В Индонезии Сукарно подтвердил свой статус лидера революции нового типа — люди верили ему. Франциска, глубоко воодушевленная, еще долго после Бандунгской конференции могла наизусть цитировать фрагменты его вступительной речи.

В Вашингтоне отношение к событию было совершенно иным. Реакция оказалась расистски пренебрежительной. Чиновники из Госдепартамента назвали конференцию «балом в Гарлеме»⁷⁴.

Эйзенхауэр, Виснер и братья Даллес, однако ж, отнеслись к поведению Сукарно со всей серьезностью. Для них к тому моменту нейтральность сама по себе была вызовом. Каждый, кто не хотел активно выступать против Советского Союза, становился противником Соединенных Штатов, независимо от того, насколько громко он восхвалял Пола Ревира. К тому моменту уже сенатор, Джон Кеннеди максимально открыто выразил свое недовольство такого рода подходом в серии речей, с которыми выступил в годы после Бандунга. Жестко критикуя французов за попытку силой удержать Алжир, он сказал: «Важнейшая проверка для американской внешней политики сегодня — то, как мы реагируем на проблему империализма, что мы делаем для того, чтобы поддержать стремле-

ние человека быть свободным. За тем, как пройдет именно эту проверку наша страна, будут внимательно наблюдать нейтральные миллионы людей в Азии и Африке и напряженно следить все еще сохраняющие надежду сторонники свободы за железным занавесом»⁷⁵.

ДЖФК был восходящей звездой, и подобная позиция была редкостью среди политиков США. Президент Сукарно обратил внимание на его слова. Однако Кеннеди находился в оппозиции. Другое событие в Индонезии, произошедшее в 1955 г., еще сильнее переполошило находящихся у власти антикоммунистов в Вашингтоне.

ЦРУ потратило миллион долларов на попытки повлиять на парламентские выборы в сентябре того года. Избранный аналитиками агентства партнер, партия Машуми, заняла выраженно правую позицию по отношению к Сукарно. Тем не менее Сукарно и его сторонники показали отличные результаты⁷⁶. Что еще хуже для американцев, Коммунистическая партия Индонезии заняла четвертое место, набрав 17% голосов. Это был лучший результат в истории КПИ.

3

Рога пообломаем, и Поуп в небесах

Футбол с Саконо

В марте 1956 г. новый лидер Советского Союза Никита Хрущев потряс коммунистический мир. В изначальной «секретной речи», обращенной к коммунистической партии, он привел длинный список преступлений Сталина¹. Это было настоящее разоблачение. Сталин оказался не готов ко Второй мировой войне, заявил Хрущев. Он подвергал пыткам своих товарищей и заставлял их признаваться в преступлениях, которых те не совершали, чтобы оправдать их расстрел и обезопасить себя от конкурентов в борьбе за власть.

Сталин умер всего тремя годами ранее. Когда это случилось, так много людей поспешило присоединиться к его похоронной процессии, что некоторых задавили в толпе, — в то время многие граждане Советского Союза и других коммунистических стран искренне восхищались этим человеком и всем сердцем отождествляли себя с коллективистским, социалистическим проектом². Нападки на Сталина со стороны лидера главной в мире марксистско-ленинской

партии стали неожиданным ударом для коммунистов всей планеты.

Реакция некоторых левых, особенно в Западной Европе, заключалась в том, что они полностью отошли от советского проекта. Другие, прежде всего Мао, обвинили Хрущева в искажении или преувеличении ошибок Сталина в собственных интересах. Мао стал называть Хрущева виновным в преступном «ревизионизме» учения марксизма-ленинизма, и это стало первой трещиной расширяющегося раскола между двумя странами³. При новом лидере Советский Союз стал стремиться к мирному сосуществованию с Западом, отношения с неприсоединившимися странами потеплели, а спектр помощи таким государствам третьего мира, как Индонезия, Египет, Индия и Афганистан, расширился.

Формально Коммунистическая партия Индонезии была солидарна с Хрущевым относительно вектора движения в послесталинское, модернизированное будущее. На практике, однако, коммунистический мир оказался еще сильнее разделен, чем в начале холодной войны. Индонезийские коммунисты, уверенные в важности своей страны и наращивавшие численность и силу, еще более, чем прежде, укрепились во мнении, что им незачем выполнять приказы из-за границы.

После провала Мадиунского мятежа в 1948 г. КПИ была реорганизована под руководством Дипа Нусантара Айдита. Харизматичный и легко вступавший в контакт, этот человек родился на острове у побережья Суматры в правоверной мусульманской семье и стал марксистом во время японской оккупации. Под руководством Айдита КПИ превратилась в пользовавшееся массовой поддержкой, легальное, идеологически гибкое движение, отвергавшее вооруженную борьбу, часто игнорировавшее директивы Москвы, близкое Сукарно и склонное разрешать политические разногласия посредством выборов. Партия действовала совсем не так, как коммунистические партии России и Китая. Как публично, так и в кулуарах КПИ ставила своей целью формирование антифеодалного «объединен-

ного национального фронта» в смычке с местной буржуазией и не заботилась о плане построить социализм непременно «до конца столетия»⁴.

На международной арене Коммунистическая партия Индонезии была привержена антиимпериализму, на местном уровне ее члены расширяли свое движение посредством побед на демократических выборах.

На протяжении 1956 г. раскол в коммунистическом мире углублялся, особенно после того как Хрущев направил танки в Венгрию, чтобы подавить там бунт и восстановить советский контроль. Насилие октября и ноября 1956 г. стало провалом Москвы в отношениях с общественностью. Это событие больно ранило и самого Фрэнка Виснера. Хотя США публично это отрицали, ЦРУ подбивало венгров на восстание, и многие из них согласились участвовать, будучи уверены, что получат поддержку Вашингтона. Когда братья Даллес отказались поддержать выбранный курс, очевидно бросив протестующих на произвол судьбы, Виснер почувствовал, что предали его лично.

Его поведение становилось все более непредсказуемым. Уильям Колби, руководитель ЦРУ в Риме, сказал в 1956 г.: «Действия Виснера были хаотичными и бредовыми, он вообще не соображал, что творит, и все время повторял, что всех этих людей там убивают». Его сын заметил, что отец выглядел переутомленным и эмоционально чересчур глубоко вовлеченным в события в Европе. Сослуживцам Виза стало трудно понимать его поведение. Они объясняли это болезнью, вызванной тем, что в Греции он отравился несвежими моллюсками⁵.

Пока коммунисты второго мира переживали раскол, третий мир еще энергичнее объединялся, наблюдая за тем, как грубо и нахраписто вел себя первый. После того как Насер национализировал Суэцкий канал, Франция и Британия вторглись в Египет — вопреки воле Вашингтона, — чтобы восстановить контроль над этой водной артерией и свергнуть египетского лидера. К ним было присоединилось молодое государство Изра-

ить, создание которого поддерживали и Вашингтон, и Москва, но в конце концов США вынудили его пойти на попятную. Однако несмотря на гнев Эйзенхауэра, Вашингтон с середины 1950-х гг. неуклонно наращивал помощь молодому еврейскому государству, рассматривая его как свой плацдарм в холодной войне. Как мы теперь знаем, складывавшийся союз СССР и радикальных арабских националистических режимов заложил основу перспективного альянса США и Израиля⁶.

В 1956 г. произошло еще кое-что — точнее сказать, не произошло. Предполагалось, что проблема разделения Вьетнама на Северный и Южный решится путем выборов, которые объединят страну под властью единого правительства. Однако Нго Динь Зьем, католик, лидер Южного Вьетнама с преимущественно буддистским населением, — США носились с ним, пока не обнаружили его полнейшую коррумпированность и диктаторские замашки, — знал, что безнадежно проигрывает Хо Ши Мину, и решил отменить выборы. Вашингтон с этим согласился, как в 1955 г. согласился с мошенническим заявлением Зьема о его победе на выборах с 98,2% голосов⁷. С этого момента правительство Северного Вьетнама и многие коммунисты на Юге уверились в своем праве открыто выступить против режима Зьема, за которым стояли США.

В тот же беспокойный год Сукарно посетил Вашингтон. Неизвестно, насколько осознавал это сам индонезийский лидер, но визит прошел неудачно. Впечатление, которое он произвел на самых могущественных людей планеты, не было благоприятным. В родной Индонезии Сукарно славился своими сексуальными аппетитами, но американцев это шокировало. Джон Фостер Даллес, благочестивый до ханжества пресвитерианин, счел его «отвратительным». Фрэнк Виснер, обычно не обсуждавший свою работу дома, поделился с сыном: «Сукарно хотел, чтобы его постель не пустовала, и у Центрального разведывательного управления нашлись возможности удовлетворить похоть индонезийского правителя»⁸.

Более того, из Вашингтона Сукарно отправился напрямик в Москву и Пекин. Он, разумеется, считал это своим правом независимого мирового лидера, но администрация Эйзенхауэра не расположена была проявлять терпимость к такого рода поступкам.

Осенью 1956 г. Виснер сказал Элу Алмеру, главе Дальневосточного отделения ЦРУ: «Думаю, пора пообломать рога этому Сукарно»⁹.

На следующий год Коммунистическая партия Индонезии добилась на выборах даже лучших результатов, чем в 1955 г. КПИ была самой эффективной, профессиональной организацией в стране. Что еще более важно, в стране, разьедаемой коррупцией и кумовством, она имела репутацию самой порядочной из ведущих партий¹⁰. Ее лидеры были дисциплинированными и преданными своему делу, и Говард Джонс быстро понял, что они в самом деле выполняют свои обещания, особенно те, которые давали крестьянам и беднякам. Джонс был не единственным человеком во власти США, сообразившим, почему коммунисты продолжают побеждать. Ричард Никсон, в то время вице-президент, выразил общее ощущение, царившее в Вашингтоне, заявив, что «демократическое правительство было [вероятно] не лучшим для Индонезии», потому что «коммунистов, скорее всего, невозможно было бы победить на выборах, настолько хорошо они организованы»¹¹. И еще крайне важно, что Джонс полностью осознал: КПИ идет в сельскую глубинку, осуществляя именно те программы, что непосредственно отвечают людским нуждам. Партия «упорно и умело работает над тем, чтобы завоевать сердца обездоленных», — и у него это вызывало беспокойство¹².

Саконо Праптоюгоно, сын фермера из деревни в Центральной Яве, прекрасно помнит, как действовали эти программы. Саконо (не путайте с Сукарно, президентом) родился в 1946 г. в регентстве Пурбалинга шестым из семи детей в семье. Голландцы в то время все еще пытались разгромить движение за независимость Индонезии. После создания государства

Индонезия его отец получил от революционного правительства немного риса, и его семья работала на маленьком участке земли. Его родители были крестьянами, говорившими только на яванском языке, а молодая республика дала Саконо возможность учиться, за которую он с готовностью и ухватился¹³.

Такие, как Саконо, ходят у учителей в любимчиках. Он был из тех детей, что каждый день прочитывают целую газету и организуют для себя и друзей дополнительные занятия после школьных уроков. Саконо обожал изучать историю и политику и к девяти годам уже слушал чуть не круглый день транслировавшиеся по радио речи Сукарно, будучи его большим поклонником, и следил за результатами национальных выборов.

Невысокий крепыш с горящими глазами, Саконо был из тех, кто так и сыплет фактами, цитатами и фразами на иностранных языках и сияет улыбкой, вечно слишком взбудораженный, чтобы замечать, что кому-то, возможно, хочется поговорить о чем-то другом. Он читал «Народную ежедневную газету» — *Harian Rakyat* на его языке — и основал факультативную учебную группу под руководством молодого члена КПИ, который отвечал за информационно-пропагандистскую работу в его городе.

Самую важную программу КПИ в его регионе проводил Индонезийский фермерский союз (*Aliansi Petani Indonesia*) — организация, стремившаяся расширить права крестьян в рамках действующего законодательства и добиться земельной реформы. Члены фермерского союза сказали Саконо и его семье, что «земля принадлежит тем, кто на ней работает, и отнимать ее нельзя», и, что еще более важно, они проводили инвентаризацию и учет земельных владений, следили за выполнением законов о земле и помогали повысить эффективность сельского хозяйства.

Два раза в неделю Саконо с двумя друзьями по три часа изучали основы политической науки в рамках марксистской традиции под руководством Сутрисно, члена партии, рослого беспечного парня с кудрявыми волосами. Саконо узнал о фео-

дализме и о том, что неэффективное распределение земли, в условиях которого живет его семья, должно кануть в прошлое, чтобы Индонезия постепенно перешла к социализму. Друзья изучили понятия неокOLONиализма и империализма и узнали о капиталистических Соединенных Штатах. Сутрисно рассказал им о Хрущеве и Мао и о споре вокруг «ревизионизма», но сказал, что Коммунистическая партия Индонезии выбрала мирный путь к власти в контексте революции президента Сукарно. Саконо не мог себе позволить покупку номеров *Harian Rakyat* — газеты, для которой писал Зайн, поэтому ходил домой к газетному киоскеру читать ее бесплатно.

Как бывает со многими подростками, Саконо сделался малость одержимым всем этим. Страсть к левой теории пронизывала все сферы его жизни. Когда они с друзьями играли в футбол в центре городка (в их маленьком яванском поселении, конечно, не было настоящего поля) и гоняли туда-сюда мяч, он говорил себе, что усваивает важные политические уроки. «Футбол был народным спортом, потому что это было дешево, — будет вспоминать Саконо впоследствии. — К тому же спорт формирует командный дух, приучает тебя взаимодействовать с другими — ты видишь, что в одиночку ничего не добьешься. Я понял, что футбол учит меня: хочешь чего-то достичь, нужно кооперироваться». Коммунистическая партия Индонезии заявляла, что строится по заветам Ленина, однако сказанное не соответствовало действительности. Это была, в ее собственной терминологии, «партия широких масс», растущая слишком быстро, чтобы придерживаться строгой иерархической дисциплины, на которой настаивал сам Ленин¹⁴. В партии состояли активные члены, или кадры, такие как Сутрисно, наставник Саконо, давший клятву соблюдать партийную этику. Кроме того, партия руководила рядом дочерних организаций, подобных Индонезийскому фермерскому союзу, предполагавших массовое членство граждан. В промышленности аналогом такого союза было СОБСИ (SOBSI), объединение членов профсоюзов, включавшее в себя

многочисленную часть рабочего класса страны — как тех, кто интересовался марксизмом, так и не интересовавшихся. Имелась также ЛЕКРА (LEKRA), организация в сфере культуры, выполнявшая важную функцию в маленьких городках, где особо нечем было заняться, — она проводила концерты, устраивала театральные постановки, танцы и комедийные шоу, многие из которых шли ночь напролет и пользовались репутацией лучшего (а порой единственного) развлечения в поселении¹⁵. «(), на них все сбегались, — сказал Саконо. — Неважно, какие у тебя политические взгляды. Если уж такое случилось, идти и смотреть нужно было обязательно».

В общем, все эти связанные с коммунистами организации поддерживали президента Сукарно, хотя и не без критики. Индонезийское женское движение «Гервани» (*Gerwani*) выступало против традиционной полигамии, которой Сукарно, будучи президентом, активно и публично следовал. «Гервани» стало одной из крупнейших женских организаций в мире. Оно придерживалось феминистских, социалистических и националистических идей и фокусировалось на противодействии традиционным ограничениям, налагаемым на женщин, на продвижении образования для девочек и борьбе за права женщин в публичной сфере¹⁶.

В той части Центральной Явы, где жил Саконо, женское движение сосредоточивалось на самых базовых проблемах. Молодая женщина по имени Сумияти, вступившая в организацию подростком в своей деревне в Джатиноме, научилась петь, танцевать, заниматься спортом, а главное, отстаивать «феминистские идеалы и право женщин бороться за разрушение кандалов, которые их сковывают, и за право учиться и мечтать». По отношению к полигамии в целом движение находилось в бескомпромиссной оппозиции. По вопросу личной полигамии Сукарно — допускало компромиссы.

«Ни один мужчина не совершенен, — усвоила Сумияти. — Сейчас время переходное, и мы должны бороться за изменения, которые хотим увидеть. Мы движемся вперед шаг

за шагом и не можем рассчитывать, что изменить мир можно так же запросто, как руку ладонью вверх перевернуть»¹⁷.

Добросердечный и прилежный Саконо не усматривал никаких признаков того, что принадлежность к левым подталкивает его к радикализации. Никакой склонности к разрушению, он был разве что «чудиком», сверхувлеченным молодым фанатом революции в родной стране. «Коммунисты славные ребята», — часто думал Саконо. Они добивались хороших результатов на выборах и были друзьями его кумира, президента Сукарно.

В ходе своей учебы Саконо сформировал глубокое понимание отношений между экономическими условиями и идеологией. «Видите ли, коммунистическая партия в Соединенных Штатах так и не выросла, потому что у нее отсутствовали правильные корни, — заключил он. — А вот у нас в Индонезии было сколько угодно несправедливости и эксплуатации! Существует связь между материальными условиями нашего общества и идеологией, которая здесь расцветает. Несправедливость же — самая плодородная почва для развития ее корней».

К 1957 г. индонезийские левые уже видели в Вашингтоне препятствие для развития страны, а то и откровенного врага. Скоро, однако, ситуация еще ухудшилась. На внешних островах к северо-востоку от Явы и Бали, а также на Суматре вспыхнули бунты против правления Сукарно. У мятежников были как экономические, так и идеологические причины протестовать. Они требовали больше контроля над доходами от своих регионов, а также запрета коммунизма, что очень нравилось Вашингтону.

Мятежники были так хорошо вооружены, что многие, в том числе Саконо и его наставник, считали, что им помогают США. «Это стратегия *divide et imperia*, — сказал Сутрисно, используя латинскую поговорку «разделяй и властвуй». — Это холодная война. Я вам сейчас объясню. “Холодная война” — это название процесса, посредством которого Америка пытается подчинить себе такие страны, как Индонезия».

Амбон бомбят

Когда индонезийские левые перестали сомневаться, что за разрыванием гражданской войны так или иначе стоит Вашингтон, деревня Саконо получила экземпляр *Harian Rakyat* с комиксом на первой странице. Заголовок над иллюстрацией гласил: «Две системы — две морали». Слева Советский Союз запускал некий предмет в небо. Это был «Спутник-1», первый в мире искусственный спутник Земли, выведенный на орбиту человечеством, — великолепный инструмент пропаганды мирового коммунизма в тот год. Справа Соединенные Штаты сбрасывали что-то с неба: это были бомбы, и сыпались они на Индонезию¹⁸.

Пока разворачивались все эти события, Говард Джонс уехал немного поработать в Вашингтон, но в какой-то момент в его дверь, так сказать, постучали. Президент Эйзенхауэр попросил его вернуться в Индонезию, на сей раз в качестве посла Соединенных Штатов. Сразу по прибытии в страну ему предстояла встреча с правительством, относившимся к США с растущим недоверием.

В марте 1958 г., через считанные дни после того, как Улыбающийся Джонс представил свои верительные грамоты, министр иностранных дел в правительстве Сукарно попросил о встрече с ним. Субандрио, худошавый очкарик и мудрый дипломат, пытавшийся, находясь в Лондоне, добиться международной поддержки Индонезии в ходе ее борьбы за независимость, максимально вежливо спросил нового посла США, почему мятежникам сбрасывается оружие с воздуха. Это были автоматы, пистолеты-пулеметы «стен» и гранатометы; на клеймах значился производитель из Плимута (штат Мичиган).

Джонс ответил, что ничего об этом оружии не знает, и сослался на то, что оружие, произведенное в США, можно купить на открытом рынке по всему миру.

Субандрио пошел на попятный, сказав, что не имел в виду, что Вашингтон вооружает силы, желавшие обрушить Индоне-

зию. Однако он еще неоднократно — с надлежащей аккуратностью, но достаточно твердо — возвращался к этому вопросу. Субандрио предпринимал огромные усилия, чтобы не рассердить и не оскорбить нового посла. Это стереотипный индонезийский способ затрагивать деликатные вопросы — ходить вокруг да около, намеками, даже с близкими друзьями, а уж здесь-то он имел дело ни с кем-нибудь, а с представителем самой могущественной страны в мире. Постепенно Джонсу стало ясно: министр иностранных дел убежден, что мятежникам помогают со стороны, но избегает сказать это напрямую. Наконец Субандрио признал: индонезийцы считают, что кто-то стоит за бунтом, но далее в своих обвинениях не пошел. Джонс знал, что его боссы симпатизируют мятежникам, — все это знали, — но признаваться было не в чем, и на этом встреча завершилась.

Вскоре Джонс встретился с Хаттой, вторым по значимости индонезийским революционером после Сукарно. Как и Субандрио, Хатта носил очки и плоскую шапочку печи, индонезийский вариант фески, — очень популярный образ в среде первых индонезийских революционеров. Они поговорили о логистике повстанческого движения, и Хатта прояснил, что разделяет решимость Вашингтона в деле борьбы с коммунизмом. Однако, сказал он, именно эти повстанцы — совершенно другое дело, поскольку угрожают самой Индонезии. На этом встреча была завершена, но, когда Джонс повернулся, чтобы уйти, Хатта подкинул новому послу информацию, непосредственно перекликавшуюся с тем, что его беспокоило.

— С точки зрения Америки невозможно найти лучшего человека, чем начальник штаба Армии Индонезии, — сказал Хатта, имея в виду генерала Насутиона. — С вашей точки зрения, Насутион идеален.

— Что вы имеете в виду, доктор Хатта? — уточнил Джонс.

— Коммунисты зовут меня своим врагом номер один, — ответил Хатта. — А Насутиона врагом номер два.

Джонса осенило: «Получается, суть происходящего в Индонезии в том, что... антикоммунисты сражаются здесь с анти-

коммунистами. Коммунизм — не главный предмет этого спора». Именно так все и было. Армия являлась, пожалуй, главной антикоммунистической силой в стране, помимо самых радикальных исламистов. Некоторые из высших генералов даже учились в Соединенных Штатах¹⁹.

По мере того как мятеж ширился, протестующие начали собираться перед посольским особняком Джонса, убежденные, что за бунтовщиками стоят США²⁰. *The New York Times* прикрыла спину Вашингтона, раскритиковав в редакционном материале от 9 мая Сукарно и его правительство за прозвучавшие в его заверениях нотки сомнения в том, что США ни за что бы не вмешались в конфликт²¹. Джонс, как мог, справлялся с демонстрантами. Однако мятеж разворачивался не в столице, где условия были по большей части комфортными. Стычки происходили на западе, на крупном острове Суматра, а также на мелких островах северо-востока. Что гораздо важнее, самолеты кружили над Амбоном, родным островом семьи Франциски, и сбрасывали бомбы, несшие ужасную смерть его жителям. День за днем бомбы падали на военные и коммерческие корабли Индонезии. Утром 15 мая взрывы прозвучали на рынке, где погибли и покупатели, и христиане, пришедшие в церковь²². 18 мая 1958 г. индонезийцы сумели сбить один самолет, и одинокая фигура медленно опустилась в кокосовую рощу. Белый парашют запутался в высоких пальмах, за которые летчик зацепился, ненадолго застрял в них, а потом рухнул на землю и сломал себе бедро. Его быстро нашли и взяли в плен индонезийские солдаты — и, видимо, спасли: разъяренные местные жители растерзали бы его.

Его звали Аллен Лоуренс Поуп, он был из Майами (Флорида) и являлся агентом ЦРУ²³. Говард Джонс об этом не знал, но парни Фрэнка Виснера активно поддерживали мятежи с 1957 г.²⁴ Два этих человека и их разные подходы к борьбе с коммунизмом вошли в прямое столкновение. Вернувшись в 1957 г. после своего больничного, Виз предупредил братьев Даллес, что мятеж имел бы непредсказуемые, возможно, взры-

воопасные последствия. Они проигнорировали его обеспокоенность и дали Виснеру полномочия потратить 10 млн долларов на поддержку революции в Индонезии. Пилоты ЦРУ прибыли из Сингапура, новоявленного союзника в холодной войне, с целью уничтожить правительство Индонезии или расколоть страну на мелкие части. Было решено не сообщать предшественнику Джонса Джону Муру Эллисону о тайной операции, потому что, по словам Виснера, эти планы «могли вызвать у посла негативную реакцию». Его самого перевели в Чехословакию, а вместо него прислали менее щепетильного Джонса²⁵.

Джонса вернули в страну, чтобы он и дальше улыбался индонезийцам, между тем как другая рука его же правительства сбрасывала тонны смертоносного металла на маленькие тропические острова. Джонс обратил внимание на номер индонезийской газеты *Bintang Timur* («Восточная звезда») с изысканной иллюстрацией этого политического казуса. Джон Фостер Даллес был изображен на боксерском ринге. На одной из его перчаток было написано «Доброжелательный Джонс», а на другой «Убийца Поуп»²⁶. Такого рода политика не была уникальной в истории ЦРУ. Разведывательное ведомство действовало за спиной дипломатов и экспертов из Государственного департамента. Если ЦРУ добивалось успеха, Госдеп был вынужден принять как данность и поддержать новое положение дел, созданное секретными агентами. Если же те терпели фиаско, то просто удалялись восвояси, оставляя посольских дипломатов разгребать ситуацию.

Именно это случилось с Джонсом. По неясным до сих пор причинам у Аллена Поупа в момент пленения оказались при себе документы, идентифицирующие его личность. Его предали суду, и он стал очень мощным символом участия США в мятежах и очевидным доказательством того, что индонезийцы — особенно левые — все время были правы. Тем не менее посол Джонс получал приказы категорически отрицать, что США осуществляли какие бы то ни было миссии, нарушающие суверенитет Индонезии, в том числе миссию Поупа.

Вскоре после этого Джонсу было предоставлено разрешение предложить премьер-министру Индонезии 35 000 тонн риса, если правительство «предпримет позитивные шаги по обузданию коммунистической экспансии в стране»²⁷. В совокупности это был принцип кнута и пряника, только вот кнут спрятали из рук вон плохо.

Операция 1958 г. в Индонезии стала одной из крупнейших в истории ЦРУ и строилась по шаблону успешного переворота в Гватемале — иными словами, это было именно то, чего опасались четырьмя годами ранее журналисты «Народной ежедневной газеты», в том числе Зайн, который тогда подробно освещал события в Центральной Америке²⁸.

Однако эта операция провалилась. Индонезийская армия разгромила мятежников, вследствие чего сильно укрепила свою власть в стране, и больше никаких военных миссий США обнаружено не было.

Сукарно, разумеется, чувствовал себя глубоко оскорбленным. Он выразил это очень непосредственно, сказав: «Я люблю Америку, но я влюбленный, который остался разочарован»²⁹.

Джонс был не в восторге от того, в какое положение его поставили операции ЦРУ под руководством Виснера. Размышляя позднее о трагическом, абсурдном провале этой операции, Джонс попытался найти объяснение в самом характере своей страны. «Вашингтонские политические деятели не были посвящены во все факты и по-настоящему не улавливали, что именно происходило в Индонезии, но продолжали действовать на основе предположения, что главной проблемой является коммунизм, — писал он. — Это была чрезвычайно характерная слабость американцев — рассматривать конфликт в черно-белом свете, унаследованная, без сомнения, от пуританских предков. Никаких полутонов в картине мира: добро или зло, правый или виноватый, герой или злодей»³⁰.

Джонс подчеркивал, что индонезийцы обратились к коммунистическому блоку за экономической и военной помощью только после того, как отчаялись получить подобную поддерж-

ку от Америки³¹. В 1955 г. Советский Союз предложил существенную помощь, но Индонезия, сохраняя строго нейтральную позицию, ответила, что не возьмет больше, чем предложили американцы. И даже тогда правительство колебалось, надо ли брать ли у Советского Союза вообще хоть что-нибудь — вплоть до 1958 г., когда выяснилось, что Аллен Поуп и другие оперативники ЦРУ заживо сжигали индонезийцев. Вот уж тогда помощь СССР была принята.

Сценарий, обкатанный командой Виснера в Иране и Центральной Америке, полностью провалился в этой намного более крупной стране, игравшей основополагающую роль в международных делах. Самым убедительным образом Вашингтон был разоблачен перед всей Азией как агрессор, атаковавший одну из ведущих нейтральных стран в мире. Очень немного из этого попадало в газетные репортажи в самих США, но люди третьего мира все знали.

К концу 1958 г. Фрэнк Виснер действовал все более лихорадочно. Иногда он выглядел перевозбужденным, говорил слишком быстро. Глаза его время от времени стекленели. В Джорджтауне он посетил психиатра, получил в качестве медицинского назначения щедрую дозу психоанализа и прошел курс шоковой терапии³².

Джонс, наряду с военным атташе США в Индонезии, прислушался к совету Хатты. Тот довел до сведения Вашингтона, что Соединенным Штатам имеет смысл поддерживать индонезийских военных, поскольку это более эффективная долгосрочная стратегия борьбы с коммунизмом. Такую страну, как Индонезия, невозможно просто раздробить на части, чтобы затормозить распространение мирового социализма, так что у США нет другого способа действовать в существующих условиях. Эта смена стратегии, которая скоро будет претворена в жизнь, окажется очень плодотворной. Но за кулисами парни из ЦРУ продолжали выдумывать планы один бредовее другого. Среди них были менее жесткие: например, проект ЦРУ под названием «Конгресс за свободу культуры», финансировавший

литературные журналы и изобразительное искусство по всему миру, издавал и распространял в Индонезии такие книги, как «Скотный двор» Джорджа Оруэлла (*Animal Farm*, 1945) и знаменитый антикоммунистический сборник «Бог, который потерпел поражение» (*The God That Failed*, 1951)³³. Но были и другие: так, в ЦРУ обсуждали, не убить ли им Сукарно без лишних затрат. Центральное разведывательное управление зашло так далеко, что, по словам Ричарда Бисселла, преемника Виснера на посту заместителя директора по вопросам планирования, уже даже подобрало исполнителя-убийцу³⁴. Впрочем, вместо этого ЦРУ наняло порноактера, имевшего очень отдаленное сходство с Сукарно, и сняло порнографический фильм в нелепой попытке уничтожить его репутацию.

Парни из ЦРУ знали, что Сукарно постоянно вступает в интрижки, однако для всей Индонезии это тоже тайны не составляло. Индонезийская элита не стыдилась похождения Сукарно, это же не Вашингтон, где пресса оберегала репутацию донжуанов вроде Дж. Кеннеди. Одни сторонники Сукарно считали его распутство признаком силы и маскулинности. Другие, например Сумияти и члены женского движения «Гервани», видели в этом неприятный недостаток. ЦРУ схватилось за это как за отличную возможность его разоблачить и сколотило команду голливудских киношников³⁵.

План состоял в том, чтобы распространить слух, будто Сукарно спал с красивой блондинкой-стюардессой, работавшей на КГБ, следовательно, он оказывается одновременно аморальным и подозрительным. На роль президента киношники (а именно Бинг Кросби и его брат Ларри) взяли актера с латиноамериканской внешностью и сделали ему сложный грим, чтобы он немного больше был похож на индонезийца. Еще они хотели, чтобы он был с лысиной, поскольку, показав Сукарно, всегда носившего головной убор, в таком виде, рассчитывали еще больше уязвить лидера Индонезии. Общая идея заключалась в том, чтобы положить конец искреннему восхищению, которое юный Саконо, Франциска и миллионы других индо-

незийцев питали к отцу-основателю своей страны. До премьеры, однако, дело так и не дошло — не из-за аморальности или общего идиотизма замысла, а потому что команда горе-киношников оказалась не в состоянии состряпать достаточно убедительную поделку³⁶.

Западная Новая Гвинея

После фиаско с Алленом Поупом отношения Индонезии с Соединенными Штатами ушли в крутое пике, и Джонса прислали спасать их. Со свойственной ему энергией Сукарно быстро взялся установить дружеские отношения с новым послом, славившимся своей приветливостью. Не прошло и нескольких месяцев, как в октябре 1958 г. Джонс с женой пригласили президента на небольшой ланч в свое бунгало в Пунчаке в горах Западной Явы. К их удивлению, Сукарно явился с 80 телохранителями и 20 водителями и немедленно принялся очаровывать двух американских морпехов, сопровождавших Джонса.

Они отведали сате из курицы и говядины, ели овощи и фрукты, а затем президент потребовал музыки и танцев. Сукарно хотелось, чтобы звучали быстрые молуккские ритмы, то есть музыка Амбона и соседних островов, тех самых, которые ЦРУ только что бомбило. Вскоре все американцы и индонезийцы дрыгались до седьмого пота под мелодии, которые сами же и выступывали, кто чайной ложкой, кто штык-ножом³⁷.

Приятельские отношения помогли им оставить в прошлом атаки 1958 г. — все знали, что Джонс ни при чем. Однако не только это угрожало американо-индонезийским отношениям.

Деколонизация Юго-Восточной Азии была далека от завершения. Когда голландцы в 1949 г. наконец уступили революционерам, они отдали молодой республике большую часть своей территории, но не отказались от претензий на огромный

кусок земли к востоку от Явы и к северу от Австралии, а именно на западную половину Новой Гвинеи, второго по величине острова в мире. И Индонезия-то, так сложилось, феноменально разнообразна, а уж народ Папуа (или Новой Гвинеи) отличается от людей с других островов в физическом и культурном отношении еще более заметно. У них более темная кожа и курчавые волосы, и голландская колониальная администрация почти не проникла вглубь их территории (голландцам никогда не принадлежал весь остров целиком — восточная часть, в настоящее время Папуа — Новая Гвинея, в то время находилась под контролем Австралии.)

Сукарно считал вопрос крайне простым. Голландцам совершенно нечего было делать где бы то ни было, кроме родных Нидерландов. Индонезия была демократический политический национальной республикой. Раса не имела значения, как и уровень экономического развития Папуа. Годами его правительство в Джакарте пыталось договориться с голландцами, но безуспешно. Затем с 1954 по 1958 г. Сукарно поднимал этот вопрос в ООН. В его родной стране это подразумевало организацию протестов, чтобы оказывать на Нидерланды максимальное давление. Вашингтон, не желая вызывать враждебность голландцев, важных союзников по холодной войне в Западной Европе, отказывался поддержать требования Индонезии.

Для индонезийцев то был вопрос национальной гордости — настолько важный, что в конце 1957 г. правительство Индонезии, разочарованное семью годами бесплодных попыток достучаться до своих оппонентов, изгнало из страны всех оставшихся голландских граждан³⁸. Это не могло не обернуться ударом для экономики. С момента обретения независимости прошло всего восемь лет, система государственного образования только-только наладилась, и Индонезия просто не успела обучить достаточное количество людей, способных руководить институтами, сложившимися за века колониализма.

Франциска вспоминает, как к моменту ухода голландцев в ее библиотеке и социальной жизни впервые стала господ-

ствовать Индонезия. Ее родина радикально трансформировалась меньше чем за два десятилетия, превратившись из государства, где она относилась к меньшинству цветных, допущенных учиться в одном классе с белыми, в страну, где она сама руководила библиотекой и где все держалось исключительно на плечах ее соотечественников-индонезийцев. Именно в таком мире Франциске предстояло растить своих детей — теперь их у нее было трое. Выбирая имена детям, они с Зайном смешали местные традиции с интернациональными идеалами. Первую дочь называли Дамаяти Нанита — *damai* означает «мир» на бахаса индонезия. Вторую Франциска захотела назвать Кандидой в честь знаменитой книги Вольтера, которую она прочла в один присест, когда была в Европе. Полным именем девочки стало Кандида Мирана — второе имя, выбранное Зайном, было производным от русского слова «мир» (мир становился важной темой). Третий ребенок, их первый сын, получил христианские имена Энтони и Пол, согласно семейной традиции, вынесенной Франциской с Молуккских островов. Они с Зайном удлиннили их, превратив в Энтони Паульмиро, чтобы и в имени их сына тоже слышалось слово «мир». Их дети были новыми индонезийцами, среди первых, кто родился в свободной стране.

Вокруг них в Джакарте формировалось целое поколение, воспитанное на ценностях, выкованных в 1945 г. Студенты, рабочие и простые люди самого разного происхождения сплачивались против империализма во всех его формах. Джонс наблюдал их протесты непосредственно перед своим домом.

Бенни Видьоно, преуспевающий студент экономического факультета, оказался участником одной из таких демонстраций, когда учился в колледже в Джакарте. Он присоединился к толпе, которая увлекла его на площадь Свободы, Лапанган Бантенг (это новое название, прежде она называлась площадь Ватерлоо). Атмосфера была насыщена электричеством: люди отстаивали свои права и *требовали* полной независимости. Они не просили западные державы. Они указывали, что те должны сделать. Родители Бенни, молча строившие бизнес

под властью голландцев и пережившие японскую оккупацию, и представить себе не могли, что всего через десять лет их сын выйдет на улицу, чтобы открыто протестовать против империализма в Джакарте.

Говард Джонс объездил всю страну, спрашивая индонезийцев, действительно ли для них важно, чтобы Папуа стала независимой от голландцев. Ответ был однозначным. Да, для них это важно. Однако позиция Вашингтона осталась неизменной. Джонс вспоминает, что местные жители приходили к нему снова и снова и говорили с неподдельным изумлением: «Мы просто не понимаем Америку. Вы когда-то были колонией. Вы знаете, что такое колониализм. Вы боролись, страдали и умирали за свою свободу. Как же вы можете поддерживать существующее положение?»

Уже десять с лишним лет представляя Соединенные Штаты в Азии, Джонс не знал, что ответить. Да и что тут можно было ответить? Поступки Соединенных Штатов говорили сами за себя. Джонс понял: «Мы сами превратились в империалистическую державу»³⁹.

4

Альянс ради прогресса

Бенни

Бенни Видьоно родился в 1936 г. в Магеланге в Центральной Яве в семье с китайскими корнями. Иммигранты из Китая, особенно из южной его части, начали переселяться на острова Юго-Восточной Азии несколько столетий назад. Многие бежали от голода или бандитов, в поисках работы или, по крайней мере, убежища на земле, где было всегда тепло и, казалось, всегда можно сорвать кокос с пальмы, если проголодаешься. Некоторые китайцы пришли в Юго-Восточную Азию еще в XI в., и иммиграция продолжалась вплоть до гораздо более близких к нынешним времен¹.

Во всем этом регионе часть этнических китайцев в конце концов стали рабочими, лавочниками или мелкими предпринимателями. Некоторые даже разбогатели и теперь принадлежали к верхушке набирающего силу торгового класса. Их положение в современной Юго-Восточной Азии иногда сравнивается в самом широком смысле с положением евреев в Европе. Поскольку этнические китайцы были иммигрантами и не являлись ни крестьянами, ни аристократами и не занимали никакой

официальной позиции в старой феодальной системе, то должны были работать упорнее местных и оказались рано оттеснены в промышленность, которая росла в геометрической прогрессии при развившемся позднее капитализме. Периодически китайские иммигранты подвергались расистским преследованиям (не только потому, что их скороспелое богатство вызывало зависть) и их оттесняли в этнические анклавы, что лишь усугубляло подозрения, которые они вызывали у коренных жителей.

Члены семьи Бенни не были лавочниками. Они были богаты. Его отец выращивал табак, по сей день одну из самых важных сельскохозяйственных культур в Индонезии. Во времена японской оккупации его посадили в тюрьму и подвергли пыткам за отправку пожертвований националистическим силам Чан Кайши в Китай, из-за чего он на всю жизнь остался инвалидом. Однако после ухода голландцев семейный бизнес снова расцвел, и они нанимали много рабочих. Подрастая, маленький Бенни видел, как мужчины-яванцы целую ночь снуют туда-сюда, перетаскивая с поля громадные тюки, казавшиеся еще огромнее по сравнению с их костлявыми телами. Они умоляли своего босса платить им побольше, но у того не было стимула давать им прибавку: он был единственным работодателем в городе и у них не было реальной возможности работать где-то еще.

Бенни, приветливый, с располагающей внешностью, всегда готов был посмеяться над нелепостями жизни, однако эти сцены крепко въелись ему в память. Он уехал изучать экономику в Джакарту у одного из ведущих ученых страны и стал узнавать об эксплуатации и монополиях, накоплении и прибыли. Приехав домой на праздники, Бенни имел разговор с отцом, вероятно, знакомый каждому, кто отправлял детей в колледж или сам уезжал учиться.

Бенни выложил отцу свои новые радикальные идеи и назвал его эксплуататором.

«Он едва не вышвырнул меня из дома!» — впоследствии со смехом вспоминал Бенни. Изначально идея дать ему эконо-

номическое образование состояла в том, чтобы он взял в свои руки семейный бизнес, — и вдруг он является и, набравшись левых идей, сообщает, что он не хочет мараться о такую работу. Постепенно, однако, они с отцом справились с этой небольшой размолвкой, а семейным бизнесом занялся другой родственник, так что беды не случилось.

Бенни был воспитан католиком, хотя его отец исповедовал конфуцианство. Однако Бенни принял веру матери и оказался в одной из элитных католических старших школ Джакарты. Все учащиеся в ней были богатыми и по большей части антикоммунистами. Некоторые были убежденными консерваторами. Независимо от политических предпочтений, почти все они поддерживали Сукарно и его оппозицию мировому империализму. В школах Джакарты даже студенты с правыми взглядами питали искреннюю симпатию к великому лидеру революции и очень гордились своей молодой демократией.

В 1959 г., когда Бенни завершал основной академический курс, характер индонезийской демократии изменился: она совершила большой шаг назад.

Через несколько месяцев после разгрома региональных мятежей, за которыми стояло ЦРУ, Сукарно объявил, что страна начинает переход к системе «направляемой демократии», переход к которой он обсуждал уже несколько лет. В его формулировке эта система представляла собой ответ страны на слабость либеральной демократии. Либерализм и партийная демократия, сетовал Сукарно, импортированы с Запада и настраивают всех против всех, принуждая человека бороться за свои эгоистические интересы. Это не индонезийский путь, заявил он². Сукарно хотел внедрить процесс принятия решений на основе традиционного деревенского собрания, когда все собираются и совместно выбирают курс действий после тщательного изучения вопроса. Каждая партия будет представлена в кабинете готонг-ройонг (*gotong royong*), по названию деревенской традиции коллективных работ, плюс появится «Национальный совет», представляющий такие группы гражданского

населения, как рабочие, крестьяне, интеллектуалы, религиозные группы и предприниматели. Идея состояла в том, чтобы интересы меньшинств больше не игнорировались.

Однако, объявляя о внедрении системы в июле 1959 г., Сукарно превысил свои конституционные полномочия. Он утвердил себя в качестве лидера правительства, и крупнейшие партии, в частности Машуми (мусульманская партия, получившая финансирование ЦРУ в 1955 г. и затем поддерживавшая мятежи в регионах) и Социалистическая партия, были фактически исключены из новой системы. Выборы в том виде, как это принято на Западе, больше при президенте Сукарно проводиться не будут.

Дрейф Индонезии в сторону своего рода нелиберального популизма был использован кое-кем в Вашингтоне как оправдание, задним числом, их скепсиса относительно правительства Сукарно. Однако переход к «направляемой демократии» произошел после того, как ЦРУ бомбило страну и обсуждало убийство ее лидера. Коммунистическая партия Индонезии, худший кошмар Вашингтона в Юго-Восточной Азии, больше всех политических групп желала сохранения практики голосований³. КПИ не была заинтересована в сворачивании выборов в Индонезии по той простой причине, что ее результаты на них неуклонно улучшались. В Сингапуре британская разведка пришла в 1958 г. к выводу, что в случае проведения выборов Коммунистическая партия заняла бы первое место⁴. Наиболее антикоммунистически настроенная сила в стране — военные, строившие все более тесное, по рекомендации посла Джонса, партнерство с Вашингтоном, — добились отмены выборов, запланированных на 1959 г.⁵ Региональные конфликты привели к колоссальному росту влияния армии в индонезийском обществе в последние два года. Вооруженным силам были даны чрезвычайные полномочия подавлять бунты, и престиж военных при генерале Насутионе чрезвычайно увеличился после того, как они эффективно отразили атаки на центральное правительство⁶. С переходом к «направляемой демократии» армия

стала одним из немногих ключевых игроков в индонезийском обществе. Военные стояли справа от президента, коммунисты слева, и Сукарно поддерживал тонкое равновесие, срамливая политические силы друг с другом.

Вашингтон прислушался к совету Говарда Джонса и сблизился с Вооруженными силами Индонезии с целью создания антикоммунистического фронта. В 1953 и 1954 гг. около десятка индонезийских офицеров проходили обучение в Соединенных Штатах. Их количество снизилось до нуля в 1958 г., когда Аллен Поуп бомбил Амбон. В 1959 г. ноль превратился в сорок один, а к 1962 г. уже больше тысячи индонезийцев изучали тактику, разведку и логистику в США главным образом на военной базе Форт-Ливенворт⁷.

Новый подход согласовывался с растущим консенсусом внутри Соединенных Штатов, в рамках которого военным предполагалось предоставить больше власти и влияния в третьем мире, даже если это означает подрыв демократии. В 1950-х гг. в Вашингтоне стала приобретать влияние сфера научных исследований, называвшаяся теорией модернизации. В своем базовом принципе теория модернизации повторяла марксистское положение о том, что прогресс обществ происходит путем смены формаций, однако она рассматривала этот процесс в другом ракурсе — под сильным влиянием американской антикоммунистической, либеральной среды, где эта теория сложилась. Социологи, возглавившие ее разработку, утверждали, что «традиционные», примитивные общества должны в своем развитии проходить определенную последовательность стадий, в идеале достигая того варианта развития «современного» общества, который практически идентичен сложившемуся в Соединенных Штатах⁸.

Технократическая и радикально антипопулистская, теория модернизации выступала за демократию, когда это возможно, но ее сторонники все больше утверждались во мнении, что будет лучше, если найдется некая решительно настроенная элита, скажем дружественные к США генералы, которые

и станут ключевой силой для осуществления трудного прыжка к «современности».

В 1959 г. Государственный департамент завершил крупное исследование, основанное на этой логике. Недавняя история Латинской Америки, утверждалось в исследовании, «свидетельствует, что авторитаризм необходим для того, чтобы провести отсталые общества через социально-экономические революции»: «Тенденция в направлении военного авторитаризма будет усиливаться по мере обострения проблем развития». Был собран Совет национальной безопасности, чтобы обсудить отчет вместе с президентом и расхвалить его выводы. США начали рассматривать армию, особенно в Индонезии, как своего рода аналог самих себя: заградительный заслон против коммунизма и одновременно двигатель политический и экономический модернизации⁹.

Пока суть да дело, молодых индонезийцев привозили учиться в американских университетах, для них выделялись различные программы стипендий и финансирование. Замысел, как и во всех аналогичных программах повсюду в третьем мире, состоял в том, чтобы показать молодым интеллектуалам, как все устроено в США, в надежде, что это вдохновит их принести на родину проамериканские идеи. С 1956 г. Фонд Форда оплачивал стипендии, по которым в США приезжали молодые индонезийские экономисты¹⁰.

В 1959 г., к своему немалому удивлению, Бенни получил стипендию на обучение в Соединенных Штатах. Это была очень своевременная новость, поскольку он был не уверен в своем будущем на родине и по-прежнему находился в довольно натянутых отношениях с семьей. Бенни, однако, предстояло поехать не в Калифорнию, куда он хотел бы попасть. Он получил стипендию на обучение в Канзасском университете в Лоуренсе. За пределами Индонезии он до сих пор никогда не бывал.

Соединенные Штаты — довольно странное место, писал он в бесконечных письмах своей школьной возлюбленной.

Ему почему-то приходится посещать занятия по физкультуре в рамках обучения в магистратуре экономического факультета. Американцы едят огромное количество мяса, что его не смущает. В то же время эти канзасцы запивают еду большими стаканами коровьего молока, чего он никогда не понимал. Бенни вел типичную жизнь бедного аспиранта: обитал в общарпанных общежитиях и старался получить как можно больше удовольствий между занятиями и бесконечной исследовательской работой. Он, как и остальные индонезийские студенты, жаждал привычной еды, но в Канзасе ничего похожего не было. В маленьком университетском городке, рассказывал он друзьям, нашелся лишь один «тупейший китайский ресторан» в американском стиле.

Однако от Лоуренса было всего 40 минут езды до военной базы Форт-Ливенворт, где проходили подготовку индонезийские военные. С ними Вашингтон обращался очень заботливо. Бенни и его нищим друзьям-студентам казалось, что военных принимают с распростертыми объятиями непосредственно власти США. У них были машины, в карманах звенели монеты, и они прикатывали в университетский городок пообщаться со студентами, сорили деньгами Дяди Сэма, покупая самые лучшие продукты, и готовили в общежитиях индонезийские блюда, устраивая настоящие праздники. По большей части это были генералы армии, некоторые из них даже участвовали в подавлении региональных восстаний, поддерживавшихся ЦРУ. Молодые ученые и армейские почти не говорили о политике, но аспирантам стало ясно: из индонезийских военных собираются, по словам Бенни, «воспитать генералов — противников Сукарно». «Все они были прекрасно подготовлены, американизированы, и многие из них стали в Канзасе антикоммунистами».

Студенты и военные, сблизившись на почве еды и ностальгии, большую часть своего времени посвящали общению: нередко они напивалась большой компанией и отправлялись в город в поисках удовольствий. Индонезийским парням нра-

шло собираться вместе и ездить в Канзас-Сити, где можно было завалиться в стрип-клубы. Индонезия не пуританская страна, но подобные шоу на родине было не увидеть.

Бенни стал свидетелем и другого сугубо американского зрелища — политического процесса в США, причем наблюдал с ним изнутри, из самого что ни на есть «хартленда». Вскоре после его приезда в США Джон Кеннеди победил Ричарда Никсона в президентской гонке. Бенни с приятелями имел возможность следить за знаменитыми дебатами по телевизору 26 сентября 1960 г., когда JFK, уверенный в себе и симпатичный, оказался идеально соответствующим новым СМИ, тогда как Никсон, занудный и обильно потеющий, выглядел очень бледно. Однако победу JFK обеспечило не только это, но и падение экономики, опасения из-за Советского Союза, влияние на Юге кандидата в вице-президенты Линдона Джонсона и поддержка избирателей из числа меньшинств. Причем с минимальным перевесом. Он набрал лишь примерно на 100 000 голосов больше Никсона, при 69 млн поданных избирательных бюллетеней¹¹.

Патрис, Джек, Фидель, Нельсон, Насутион и Саддам

После чопорного Эйзенхауэра Соединенные Штаты выбрали президента, который был не меньшим донжуаном, чем Сукарно. Вскоре эти два человека познакомятся и прекрасно поладят друг с другом. Однако избрание Кеннеди предвещало серьезные изменения во внешней политике США, особенно в отношении третьего мира. Сукарно, как многие индонезийцы, видел в молодом Джеке редкого среди американцев союзника в борьбе с колониализмом, поскольку читал текст речи JFK с обличением французского колониального правления в Алжире¹². В ходе кандидатской кампании JFK, разумеется, опирался на свой солидный послужной список в качестве убежденно-

го антикоммуниста. Все-таки это были Соединенные Штаты! Однако в инаугурационной речи он также дал обещание третьему миру: «Населяющим половину земного шара людям в лачугах и деревнях, пытающимся разорвать цепи массовой нищеты, мы обещаем приложить все усилия и поможем им помочь самим себе в течение любого периода времени, который для этого потребуется, — не потому, что это могут делать коммунисты, не потому, что мы хотим получить их голоса, а потому, что это справедливо, — сказал Кеннеди. — Если свободное общество не может помочь многим бедным, то не спасет и немногих богатых. Нашим сестрам-республикам к югу от нашей границы мы даем особую клятву — превратить добрые слова в добрые дела в рамках нового союза в интересах прогресса»¹³.

Однако JFK не создавал правительство Соединенных Штатов с нуля. Ему предстояло принять в свои руки государство в существующем виде — и в том числе ЦРУ, которое уже развернуло свои операции по всему земному шару. 17 января 1961 г., за три дня до приведения к присяге, когда он еще только писал эту благородную речь, всему миру жестко напомнила об этом казнь Патриса Лумумбы, молодого, энергичного и популярного лидера Конго.

Лумумба стал премьер-министром по итогам процесса деколонизации, еще более хаотического, чем пережитый Индонезией десятью годами раньше. С уходом бельгийских властей в Конго осталась горстка новых независимых лидеров, пытавшихся собрать правительство. Лумумба был человеком темпераментным и славился энергичными речами, которые по радиоволнам разносились по всей территории страны. Когда нация завоевала независимость, его сравнивали со «Спутником», и простой народ ждал не менее чем поворота космического масштаба¹⁴.

Доброжелательный Лумумба был скорее классическим либералом, чем левым. Он часто носил галстук-бабочку и представлял собой *évolué*, то есть принадлежал к тому классу конголезцев, которые одевались с иголки по европейской

моды. Лумумба был сторонником национализма в экономике, а не преданным интернационалистом-революционером. Хрущев заметил: «Мистер Лумумба такой же коммунист, как и католик»¹⁵.

Однако всего через несколько месяцев после своего избрания молодой неопытный политик совершил серьезную ошибку, во всяком случае с учетом правил мировой холодной войны. Когда бельгийские силы (и горнодобывающие компании) стали оказывать помощь поддерживаемому белыми движению за отделение провинции Катанга, Лумумба обратился к ООН. Там ничем ему не помогли, кроме резкой резолюции, Лумумба же находился в отчаянном положении и считал, что заслуживает поддержки войсками. Поэтому 14 июля 1960 г. он отправил телеграмму в Москву с просьбой о дополнительной помощи. Она немедленно уткнула в ЦРУ.

Как отмечает Дэвид ван Рейбрук в своей потрясающей истории Конго: «Невозможно переоценить важность этого поступка. Одним махом эта телеграмма открыла новый фронт холодной войны — Африку». Понимали ли Лумумба и его команда, какие последствия будет иметь эта телеграмма? «Скорее всего, нет. Не имея опыта, они просто пытались получить иностранную помощь в урегулировании конфликта, связанного с национальной деколонизацией»¹⁶.

Это, однако, была не единственная ошибка Лумумбы. Он совершил еще один крупный промах в Вашингтоне, по крайней мере согласно бытующей в ЦРУ легенде. После лихорадочной череды встреч в Вашингтоне, гласит этот рассказ, он захотел пообщаться с работницей сексуальной индустрии. Это вызвало «отвращение», усугубившее и так существовавшее неприятие американских официальных лиц в его адрес. В середине XX в. темнокожих мужчин в США жестоко пытали и убивали за сексуальные прегрешения в отношении белых женщин, в том числе просто за восхищенное присвистывание. Вашингтону, впрочем, не понравилось и то, как Лумумба разговаривает о политике. Заместитель госсекретаря Дуглас Дил-

лон сказал: «Он был охвачен пылом, о котором иначе как “мессианский” и не скажешь»¹⁷. Новый заместитель директора ЦРУ по вопросам планирования Ричард Бисселл назвал его «бешеным псом». 21 июля Аллен Даллес заявил, что можно с уверенностью предположить: он «куплен коммунистами»¹⁸. 25 августа Белый дом отдал приказ, а ЦРУ разработало планы убийства Лумумбы¹⁹.

Бисселл поручил подготовить яд доктору Сидни Готтлибу, штатному ученому ЦРУ, — тому самому, что руководил программой МК-Ультра (MKUltra), в рамках которой в Соединенных Штатах похищали темнокожих бедняков и давали им ЛСД, чтобы узнать, сможет ли ЦРУ управлять их сознанием²⁰. ЦРУ планировало ввести яд в еду или зубную пасту Лумумбы²¹. Эта операция провалилась, поэтому Центральное разведывательное управление провело операцию по выводу Лумумбы из-под защиты ООН, чтобы его могли убить местные мятежники²². Именно это и произошло, хотя в конечном счете и без прямого участия ЦРУ. Лумумба лишился признания ООН 22 ноября, а пять дней спустя бежал из-под домашнего ареста в Леопольдвилле. Войска, верные бывшему другу Лумумбы Джозефу Мобуту, начальнику штаба армии, за которым стояло ЦРУ, пустились за Лумумбой в погоню, схватили его и доставили в Катангу, к мятежникам, которые пользовались поддержкой Бельгии. Действуя в связке с четырьмя бельгийцами, те засунули Лумумбу на заднее сиденье автомобиля, затем остановились возле неглубокого колодца, трижды выстрелили в него и сбросили в колодец²³.

Смерть Лумумбы вызвала резонанс во всем мире. Уличные демонстрации состоялись в Осло, Тель-Авиве, Вене и Нью-Дели. На бельгийские посольства в Каире, Варшаве и Белграде были совершены нападения. Москва назвала в честь него университет. Мобуту захватил власть во второй по величине стране в Африке южнее Сахары, устроил публичные казни своих противников, установил диктатуру и стал одним из ближайших африканских союзников Вашингтона в холодной войне²⁴.

Однако внимание Кеннеди в первые месяцы президентства поглощала крохотная Куба, расположенная всего в 144 км от Флориды.

В январе 1959 г., когда партизанские силы Фиделя Кастро свергли диктатуру Батисты, его движение не было ни открыто коммунистическим, ни союзническим по отношению к СССР. Но при этом соратником Кастро оказался Че Гевара, убежденный марксист, пришедший в ходе наблюдения за мятежом в Гватемале в 1954 г. к выводу, что Соединенным Штатам доверять нельзя. Че был убежден, что капиталистический империализм объявит войну любому проекту демократического социализма, следовательно, вооруженная борьба и жесткий государственный контроль — единственные варианты, имеющиеся в распоряжении революционеров третьего мира. Однако с самого начала Кастро надеялся наладить мирные отношения с Дядей Сэмом, и кое-кто в Вашингтоне даже приветствовал его победу. Эта ситуация быстро изменилась. Вашингтон ответил на проведенные Кастро аграрные реформы и национализации жесткими торговыми санкциями, заставившими Кубу обратиться к Советскому Союзу за топливом, в котором страна отчаянно нуждалась.

Во время избирательной кампании Дж. Кеннеди нападал на Эйзенхауэра за то, что тот слабо действовал в отношении Кубы.

Вторжение в заливе Свиней, планирование которого началось до того, как Кеннеди сел в президентское кресло, оказалось провальным для Соединенных Штатов и для самого JFK по двум причинам. Первая — бюрократическая накладка. ЦРУ не смогло донести до президента, каковы реальные шансы на успех, и не достигло четкого соглашения относительно поддержки, которая потребуется его кубинским наемникам после того, как те высадятся на берега Кубы и попытаются разжечь восстание против Кастро. Колоссальные проблемы начались еще только на стадии подготовки вторжения. ЦРУ рассматривало вариант прекращения операции, но предупредило

президента, что наемники, которых оно готовило в Гватемале, публично выступают против Кеннеди, если их демобилизуют²⁵. В Гватемале же присутствие кубинцев спровоцировало военный мятеж против диктатуры, опиравшейся на США, и началась жестокая война, предпосылки которой медленно вызревали еще начиная с переворота 1954 г. Второй причиной фиаско стала уверенность Соединенных Штатов, что кубинцы с готовностью поддержат антикоммунистический мятеж.

В апреле 1961 г., через три месяца после вступления JFK в должность, все пошло наперекосяк, и солдат удачи моментально отправили за решетку. Возможно, Че Гевара слабо разбирался, как по-быстрому создать социалистическое государство, о чем свидетельствует его тернистая карьера министра финансов, но, безусловно, он не был настолько наивным, чтобы оставить страну беззащитной перед той самой схемой, которую янки на его глазах провернули в Гватемале.

Представляется очень вероятным, что американские чиновники могли бы свергнуть Кастро, как сваливали много других правительств в этом регионе на протяжении многих лет, если бы оказали более сильное давление или выработали совершенно другую стратегию. Провал в заливе Свиней оказался настолько впечатляющим и очевидным, что это связало им руки. Соединенные Штаты сделали свой ход и не могли больше совершать столь же откровенных попыток вмешательства.

В дни после вторжения «тоска и уныние» Кеннеди бросались в глаза всем окружающим. По словам заместителя госсекретаря Честера Боулса, Кеннеди был явным образом «раздавлен». Сам Кеннеди называл это худшим переживанием в своей жизни²⁶. Он признался, что чувствовал личную ответственность перед теми, кто погиб в ходе вторжения. Это было и национальное унижение тоже. После залива Свиней президентство JFK, на которое возлагалось много идеалистических надежд, изменилось в двух отношениях. Отныне ему придется иметь дело с ЦРУ, созданным Виснером, с проблемами, которые достались

ему в наследство, и управлять страной, выслушивая обвинения, что сам он-де слишком мягок к коммунизму.

Даже Хрущев высмеял Кеннеди за провал на Кубе. Хотя Кастро не коммунист, «вы близки к тому, чтобы им его сделать», заявил советский лидер американскому президенту. В частной беседе Хрущев заметил, что коммунистические союзники, которыми он пугал Кеннеди, не могли состязаться с гигантским военно-промышленным комплексом США, и выразил беспокойство, что молодой президент не сумеет удержать под контролем «темные силы» в своей стране²⁷.

Всего через четыре дня после вторжения в заливе Свиней, когда JFK еще приходил в себя после этого унижения, в США прибыл с визитом президент Сукарно. Для индонезийского президента параллели между событиями в заливе Свиней на Кубе и тем, что перенесла Индонезия в 1958 г., были очевидны, но, будучи вежливым яванцем, он этого не демонстрировал. Белый дом, в свою очередь, прислушался к совету посла Джонса принять Сукарно со всеми почестями и церемониями, а секретная служба занялась утolemением его «неутолимого спроса на девочек по вызову»²⁸. Сукарно не смог сдвинуть JFK с места по вопросу о Западной Новой Гвинее, но, как сообщается, был впечатлен его личностью. Кеннеди же, говорят, охарактеризовал Сукарно как «непостижимого азиата»²⁹.

Сразу после встречи с Сукарно молодой президент отправил письмо Джонсу в Джакарту, где ясно изложил, что тот отвечает за присутствие США в Индонезии, в том числе за «все прочие агентства Соединенных Штатов»³⁰. То было частью явной попытки лишить ЦРУ контроля над международными отношениями после провала в заливе Свиней.

Не надо было обладать острым зрением, чтобы обнаружить следы работы Центрального разведывательного управления по всей Юго-Восточной Азии. Тайные американские планы были раскрыты в Камбодже, что нанесло тяжелейший удар по доверию к США в этом регионе. Много лет Народом Сианук бунтовал против антикоммунизма Эйзенхауэра, убежден-

ный, что американцы пытаются избавиться от него за приверженность политике нейтралитета. Тогда его заявления воспринимались как надуманные или абсурдные, однако он был прав. В 1959 г. агент ЦРУ получил задание выйти на связь с министром внутренних дел в правительстве Сианука с целью организации переворота, закончившегося неудачей³¹.

Правительство Южного Вьетнама во главе с Нго Динь Зьемом также пыталось устроить переворот в Камбодже с одобрения США и также потерпело провал. После этого Сианук получил посылку в подарочной упаковке. Возможно, то была попытка наладить разрушенные отношения. Посылка, однако ж, взорвалась при попытке открыть ее — двое служащих администрации Сианука погибли³². Посылку со взрывчаткой, ставшую третьим покушением на Сианука, проследили вплоть до базы США в Сайгоне, но она могла быть отправлена и без ведома США. Тем не менее — и такого рода критически значимая динамика повторялась на всем протяжении холодной войны — подобный инцидент не произошел бы, если бы деятели из Южного Вьетнама считали, что Вашингтон его не одобрит. Широкомасштабные тайные планы США часто приводили к событиям, не запланированным самими американцами буквально, на уровне конкретики. Но как бы то ни было, отношения Сианука с США были непоправимо испорчены³³.

Белый дом при Кеннеди — особенно это касалось его брата Бобби — помешался на идее уничтожить Кастро и привлек к решению этой задачи ЦРУ. Роберт Макнамара, министр обороны с 1961 по 1968 г., впоследствии назвал подход Кеннеди к Кубе «истерическим». На вечеринке Десмонд Фицджеральд, тот самый, который помогал развернуть вампирскую кампанию на Филиппинах, сказал другу о своей новой работе в специальной группе по Кубе: «Я знаю лишь одно — что должен ненавидеть Кастро»³⁴. В прошлом ЦРУ уже санкционировало покушения на жизнь Кастро — одно нелепее другого. При Эйзенхауэре цэрэушники пробовали всучить ему отравленные сигары и пытались добиться, чтобы у него выпали воло-

ны из бороды (очевидно, полагая, что с выбритым подбородком он станет пользоваться меньшим уважением кубинцев). Управление подрядило мафию убить Кастро (встречу с бандой организовал бывший агент ФБР Роберт Мэйю, тот же подрядчик ЦРУ, который занимался фейковым порнофильмом якобы с участием Сукарно)³⁵. После событий в заливе Свиней ЦРУ продолжило эту традицию. Его сотрудники изготовили костюм для погружений с аквалангом, зараженный спорами, но не смогли подсунуть его кубинскому лидеру. Один план строился на использовании взрывающейся морской раковины³⁶. Отделение ЦРУ в Майами, ставшее крупнейшим в мире, предлагало денежные премии за убитых коммунистов. Эдвард Лоуренс, который изготавливал жертв вампира на Филиппинах, предлагал опрыскать кубинских гражданских лиц — работников сахарного производства — биологическими боевыми веществами, а заодно устроить фейковое Второе пришествие Христа³⁷.

Бобби Кеннеди, которого Боулс считал «агрессивным, догматичным и порочным», был готов использовать еще более решительные средства, чтобы перекроить Латинскую Америку по своему вкусу. После убийства доминиканского диктатора Рафаэля Трухильо братья Кеннеди обсуждали плюсы и минусы десанта морской пехоты. Поскольку это выглядело бы некрасиво, Бобби предложил взять да и самим взорвать американское консульство. Такое вполне сгодилось бы в качестве предлога для вторжения³⁸.

Кеннеди все-таки запустил свой «Альянс ради прогресса» — программу экономического сотрудничества в Латинской Америке, а также организовал «Корпус мира» и Агентство по международному развитию. В конечном счете, однако, активное участие его администрации в борьбе с коммунизмом свелось к поддержке местных военных. Власти США при Кеннеди всецело приняли теорию модернизации и сделали одним из советников президента экономиста Уолта Уитмена Ростоу, автора книги с подходящим названием «Стадии эконо-

мического роста: некоммунистический манифест» (The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto, 1960). При Кеннеди самый важный альянс ради прогресса был заключен с вооруженными силами по всему миру, и их задачей было приблизить экономические системы своих стран к американской.

Бобби играл особую роль в выполнении рекомендации Госдепартамента, согласно которой военным третьего мира следовало сосредоточиться, помимо строительства национальных государств, на «борьбе с повстанцами», то есть на войнах с внутренним врагом и на расширении своей политической роли в обществе. С самого начала официальные лица США считали Индонезию важнейшим испытательным полигоном для этой стратегии³⁹. Администрация Кеннеди оказывала индонезийским военным все более серьезную поддержку, призванную служить противовесом помощи, которую Сукарно теперь получал от Советов. Несмотря на одержимость братьев Кеннеди Кубой, в 1961 г. Совет национальной безопасности включил Индонезию и Западную Новую Гвинею в число самых «срочных приоритетов планирования», поскольку считал, что именно там Москва и Вашингтон наиболее непосредственно конкурируют за влияние. Через считанные годы главной темой международных новостей станет Индокитай, но вплоть до середины 1960-х гг. большинство официальных лиц считали Индонезию намного более важной, чем Вьетнам или Лаос⁴⁰.

Вернувшись в Индонезию из Вашингтона, Сукарно не позволил, чтобы вопрос о Западной Новой Гвинее замели под ковер. В конце 1961 г. он выступил с речью, озаглавленной «Тройное народное командование», или *Trikora*, в которой потребовал уничтожения голландского «марионеточного государства» и призвал к мобилизации «всего индонезийского народа» с целью возвращения этой территории. Генерал Насутион и другие лидеры вооруженных сил остерегались провоцировать войну с голландцами, но организованные гражданские ополчения и ВМФ вступили в боестолкновение с голландскими кораблями. Как Джонс и сообщил Вашингтону, для Сукарно

речь шла не о куске земли, а о том, чтобы довести революцию до конца и легитимизировать свое государство, и индонезийцы пошли бы за это воевать, если бы потребовалось. Раздраженный упертостью союзников-голландцев и считая это малой ценой за то, чтобы не отдать Индонезию Советам целиком и полностью, Кеннеди наконец принудил Голландию к переговорам о контроле над этой территорией.

По крайней мере, для Индонезии это был шаг вперед по сравнению с временами Эйзенхауэра и методом Виснера. Вместо того чтобы попытаться уничтожить Сукарно, Кеннеди дал ему то, в чем, как ему было известно, тот нуждался. Меж тем на заднем плане неуклонно росли власть и влияние индонезийских военных-антикоммунистов, действующих в условиях постоянной координации со стороны чиновников из Вашингтона. Позитивное участие Кеннеди в судьбе Индонезии приняло вид Программы гражданских инициатив (*civic action program*), включавшей в себя тайную подготовку «отбранного персонала и гражданских лиц» и широкий спектр видов антикоммунистической деятельности, характер которой уже больше пятидесяти лет спустя остается засекреченным⁴¹. Программа сыграла решающую роль в создании *negara dalam negara*, «государства в государстве», возглавляемого генералами. Этот процесс начался в 1958 г., когда военные получили чрезвычайные полномочия, чтобы противодействовать ЦРУ. Теперь индонезийские военные, получив от США снаряжение и пройдя инструктаж, могли активно вмешиваться в деятельность рыболовецкой, сельскохозяйственной и строительной отраслей, что увеличивало их экономическую заинтересованность и значение в масштабах всей страны⁴².

В Африке США пошли другим путем. С помощью ЦРУ белые власти ЮАР арестовали в 1962 г. Нельсона Манделу. В 1963 г. представители официальных властей вплотную занялись политической корректировкой Ближнего Востока. За пределами Индонезии самой большой коммунистической партией в странах — участницах Бандунгской конференции была Ком-

мунистическая партия Ирака, сформировавшаяся в оппозиции диктатору Абд аль-Кариму Касиму. Эта партия решила сделать ставку на революцию, хотя Советы ее от этого отговаривали. Однако Вашингтон поддержал успешный мятеж антикоммунистической партии Баас, которая немедленно разгромила Коммунистическую партию Ирака. ЦРУ предоставило новому режиму списки коммунистов и подозреваемых в принадлежности к коммунистическому движению, в результате чего было истреблено неисчислимое множество людей. Член Партии Баас Саддам Хусейн, которому тогда было всего 25 лет, принял участие в поддерживавшейся США антикоммунистической кампании террора, ставшей продолжением переворота⁴³. Одних коммунистов убивали прямо дома, других швыряли в тюрьму. По словам тех, кто выжил в застенках, Хусейн пользовался репутацией самого жестокого палача — и они молились, чтобы их вызывали на допрос не в его смену. Новый режим Баас отменил земельную реформу, осуществленную Касимом⁴⁴.

В Канзасе — и в гостиниой Бенни — становилось все больше индонезийских офицеров: они все прибывали и прибывали в США. Предполагалось, что теперь они изучали стратегии борьбы с партизанами, помимо того что усваивали американскую антикоммунистическую идеологию в целом. Однако у Бенни о тех днях остались другие воспоминания. Перед отъездом — пора было получить докторскую степень, жениться и создать семью — они закатили потрясающую прощальную вечеринку. Миссури и Канзас разделяет улица под названием Стейт-лайн-роуд*. Бенни, его друзья-студенты и проходившие подготовку в США генералы-антикоммунисты пересекли ее, чтобы выпить коктейли в Миссури. Армейские ребята хотели найти какой-нибудь клуб, который им нравился, — такой, чтоб девочки там были совершенно голыми. Вся компания здорово выпила, и военным удалось-таки добиться своего.

---

* Канзас-Сити фактически состоит из двух городов: Канзас-Сити (штат Миссури) и Канзас-Сити (штат Канзас), поскольку находится на границе двух штатов.

В Бразилию и обратно

Вытесненные

Пока Бенни находился в Канзасе, на его родине индонезийцам китайского происхождения — таким, как он сам, — приходилось все тяжелее и тяжелее. Они давно страдали от периодических вспышек расизма, но по мере того, как «направляемая демократия» Сукарно устанавливала и меняла границы дозволенного, для них в стране оставалось все меньше места. Первым серьезным ударом стал принятый в 1959 г., когда Бенни направлялся в Канзас, закон, который урезал экономические права представителей некоренных народов. На практике затронутой оказалась крупная этническая группа — китайцы. Этот расистский закон протолкнул не Сукарно, а военные, но тот не воспрепятствовал его принятию, хотя это было серьезное отклонение от основополагающих ценностей Индонезии. А еще армия организовывала жестокие антикитайские бунты, даже и не пытаясь получить у Сукарно одобрения. Военные использовали американское финансирование, чтобы устроить эти погромы¹. Ситуация внушала серьезную тревогу.

Многие индонезийцы китайского происхождения начали искать выход. К ним относилась и семья Тан, с которой мы успе-

ли познакомиться в предисловии к этой книге. Тьон Бинь и Тви Нью жили в Джакарте недалеко от дома Франциски. Тьон Бинь, отец семейства, происходил из фермерского рода, но работал инженером в районе Северной Джакарты с преобладающим китайским населением, где жизнь стала тяжелой. Многие из их общины уехали в Китай, но его семья искала другую возможность. Надежды попасть в Канаду или США практически не было, однако они прослышали, что некоторые индонезийские китайцы отправились в Бразилию, где открывались хорошие возможности и где вроде как не было расовой дискриминации². Ручеек иммиграции возник в начале 1960-х гг., и в конечном счете рассказы о Бразилии дошли до Джакарты и до Танов.

Итак, семья с тремя детьми решила сесть на *Tjitjalengka*, большой старый голландский плавучий госпиталь, использовавшийся для перевозки военнопленных во время Второй мировой войны. Тьон Бинь не получил разрешения оставить свою инженерную должность, вспоминает его дочь Инь Джоок. Он просто сбежал. Возможно даже, что его выездные документы были поддельными. «Сядем на корабль — разберемся», — сказал он детям. Нелегко было сохранить здоровье и хорошее самочувствие трех маленьких девочек все то время, пока судно еле-еле душа в теле ползло на другой край света. Инь Джоок постоянно рвало. Тем не менее через шесть недель они прибыли в порт Сантос в штате Сан-Паулу.

Китай 1960-х

Инь Джоок была самой обычной маленькой девочкой, когда впервые оказалась в Бразилии, где все оказалось ужасно непривычным. Возможно, поэтому главные особенности этой страны выглядели для нее более очевидными, чем для уроженцев Северной Америки или даже самих бразильцев³. Во-первых, она очень быстро поняла, что Бразилия — это колония переселенцев из Западной Европы, отличающаяся очень высокой

степенью неравенства и очевиднейшей расовой иерархией. Это бросилось им в глаза, когда семья переехала в квартиру в Бруклине, районе Сан-Паулу, названном в честь нью-йоркского, и родители отдали ее в католическую школу для верхнего среднего класса.

Большинство детей там были белыми. Было ясно, что именно белые люди управляют страной. На улицах ее окружали люди с темной или черной кожей, по большей части потомки рабов, и было совершенно очевидно, что к ним по-прежнему относятся как к гражданам второго сорта. Она принадлежала к третьей группе, к общине недавних иммигрантов, находившихся где-то посередине между белыми и темнокожими. Им позволялось принадлежать к среднему классу, но в отношении к ним неизменно сквозила немалая издевка. Дети звали ее «жапа»: в Сан-Паулу была большая японская община, и ее часто принимали за бразильянку с японскими корнями — на расовой лестнице эта группа стояла выше темнокожих. Инь Джиок знала, что была и четвертая раса, где-то далеко внизу, хотя с ней она практически не контактировала, — бразильские аборигены, о которых отзывались так, будто они были не вполне людьми. Многое здесь было ей в новинку. В Бразилии имелся только один язык — португальский, и пришел он из Европы, а не из Бразилии. Белые колонизаторы привезли его с собой, и он фактически уничтожил все местные языки. Это, конечно, очень сильно отличалось от Индонезии, где в ходу была безумная мешанина туземных языков, фактически вытеснивших голландский еще до ее рождения. И религия тут была только одна — христианство. Ее тоже привезли с собой колонизаторы, а местные бразильские религиозные традиции соблюдались только в далеких джунглях, где-то там, где ей, как она прекрасно знала, не придется побывать. Все это было совершенно не похоже на Индонезию, где сосуществовало пять или шесть религий — смотря как считать.

Для Инь Джиок было очевидно, чего ждет от нее семья. Она должна упорно учиться, продвигнуться вверх — в те слои обще-

ства, где господствуют белые, и усвоить их образ действий. Она была девочкой умненькой, и все у нее получалось.

До своего приезда в 1962 г. семья Тан не понимала, что Бразилия переживает политический кризис. По крайней мере, именно так это виделось Соединенным Штатам. Крупнейшая страна Латинской Америки, далеко опережавшая остальные, долгое время главная союзница Вашингтона в этом регионе, Бразилия, казалось, начала сходить с орбиты влияния США. Это беспокоило не только американцев, но и бразильскую элиту. В отличие от Индонезии, пребывавшим здесь вашингтонским официальным лицам не нужно было приспосабливаться к местной культуре, совершенно не похожей на их собственную, чтобы посеять семена антикоммунистического движения. В Бразилии они могли с удобством работать с консервативными политическими силами, исторически сформировавшимися непосредственно на местной почве.

Португальцы прибыли в эту часть Южной Америки около 1500 г. и, как многие другие территории колониального мира, назвали ее по одному из первых товаров сырьевого экспорта — бразильскому дереву, или *pau brasil*⁴. Этот громадный кусок Южной Америки, площадью вдвое больше Европейского союза, формально оказался в руках португальцев по Тордесильясскому договору 1494 г. — или, точнее, после того, как тогдашний папа римский произвольным образом провел линию по очень плохо составленной карте, поделив Новый Свет между Испанией и Португалией. Аборигенное население территорий, угодивших под власть Португалии, сильно отличалось своим образом жизни от обитателей современных Мексики или Перу. Вместо большой империи с центральной властью, как у ацтеков или инков, здесь были мелкие, более самостоятельные группы. В самые первые годы своего правления европейцы заключали вынужденные союзы с этими племенами, вступая в смешанные браки, выигрывая и проигрывая сражения, формируя новые альянсы и попадая в плен, откуда бежали, чтобы затем послать в Европу (по большей части соот-

поступающие действительности, хотя и преувеличенные) сообщения о каннибализме. Самый знаменитый европеец, поделившийся подобным опытом, выжил потому только, что плакал и умолял сохранить ему жизнь, убедив местных жителей, что он слишком слаб и ничтожен и просто не заслуживает того, чтобы быть съеденным. Он стал автором бестселлера⁵. К тому времени, когда европейцы подчинили себе местное население, они пришли к выводу, что бразильские аборигены, умиравшие от болезней и жестокого обращения, не способны обеспечить потребность в бесплатной рабочей силе, чтобы добывать природные ресурсы для экспорта.

Поэтому Бразилия импортировала почти 5 млн человек из Африки, намного больше, чем Соединенные Штаты, — почти половину всех рабов, привезенных на оба американских континента. Как и в США, рабство в Бразилии было невообразимо жестоким. Помимо плети, палок и железных ошейников с шипами, препятствовавших побегам, рабовладельцы надевали на рабов железные маски, чтобы те не могли совершить самоубийство, набивая себе рот землей⁶.

Когда дело дошло до обретения независимости от Европы, большинство остальных стран Латинской Америки прогнали Испанию в ходе жестоких революций в начале XIX в. Однако в Бразилии обосновалась португальская правящая династия, бежавшая от вторгшихся войск Наполеона и поселившаяся в 1808 г. в Рио-де-Жанейро, перенесла в колонии столицу всей империи. Тысячи европейцев делали все возможное, чтобы устроиться при королевском дворе в Рио, и создали местную монархию, правившую до 1889 г. и сохраняющую определенное (неофициальное) влияние по сей день.

Вскоре после освобождения из пут рабства бразильцев африканского происхождения, состоявшегося в 1888 г., самая большая страна Южной Америки приступила к осуществлению политики неприкрытого *branqueamento*, или «расового отбеливания». Замысел состоял в том, чтобы привлечь белых иммигрантов и вытеснить африканскую кровь из населения

посредством управляемого процесса «смещения рас». Только что освобожденных рабов намеренно держали в нищете, вместо того чтобы честно платить им за работу в рамках новой системы. Вследствие этой политики в Сан-Паулу и оказались японцы, одноклассники Инь Джиок. Бразильцы считали японцев, в которых видели «азиатских белых», наиболее желанными иммигрантами из Азии⁷. Такого рода расизм практиковался в открытую и повсеместно; организации сферы культуры выпускали плакаты, призванные показать, что у японца и бразильянки будет «белое» потомство⁸.

Бразилия, отличавшаяся от соседних стран консервативным мировоззрением, была сильнее ориентирована на Вашингтон, чем испаноговорящая Латинская Америка. С падения монархии до середины XX в. Бразилия наслаждалась «особыми отношениями» с Вашингтоном и часто выступала в роли посредника между США и испаноязычными государствами Латинской Америки. В 1940 г. Бразилия первой из латиноамериканских стран подписала с военными чинами США в Вашингтоне соглашение о военном сотрудничестве. Госдепартамент рассматривал Бразилию в качестве «ключа к Южной Америке» вследствие ее размера и обилия полезных ископаемых. В 1949 г. была создана Высшая военная школа (*Escola Superior de Guerra*) по образцу Национального военного колледжа США, где проходили обучение некоторые бразильцы⁹. За пределами военной сферы эти особые отношения начали разваливаться в начале холодной войны. Президент Эурику Гаспар Дутра (в должности с 1946 по 1951 г.) сделал все возможное, чтобы присоединиться к антисоветской кампании Вашингтона, включая разрыв отношений с Москвой и запрет Бразильской коммунистической партии (БКП), самой мощной компартии в Латинской Америке¹⁰. В то же время президент Дутра видел в Соединенных Штатах препятствие на пути экономического развития Бразилии. США, единственный имевшийся источник капитала для удовлетворения огромных потребностей Бразилии в инвестициях после Второй мировой войны, отказались предоставить займы, о которых

просило правительство Дутры, к немалому удивлению союзника США военного времени. Две страны схлестнулись и из-за цены на кофе, чрезвычайно важного экспортного товара Бразилии. Однако источником самых серьезных трений между двумя крупнейшими странами Западного полушария стал вопрос об участии американских корпораций в нефтяной отрасли. Бразильские законодатели хотели создать благоприятный режим для местных нефтяных компаний, а Вашингтон требовал для своих фирм возможности работать в Бразилии. К 1949 г. бразильцы были по горло сыты очевидным равнодушием гринго к экономическому положению своей страны, и в 1950 г. Дутра публично осудил США, вежливо отказавшись помочь им в Корее¹¹.

В 1951 г., когда Жетулиу Варгас, давно являвшийся крупной фигурой в бразильской политике, вернул себе кресло президента, отношения с США только ухудшились. Варгас был диктатором в 1930–1940-х гг., но начал новую жизнь в политике в качестве популиста, избранного демократическим путем. Хотя за плечами у Варгаса была история жестокого подавления коммунизма в родной стране и Бразилия поддержала выпестованную Джоном Фостером Даллесом антикоммунистическую декларацию на Конференции в Каракасе непосредственно перед переворотом в Гватемале, однако и он после очередного конфликта из-за финансовой помощи пришел к выводу, что США — противник экономического развития Бразилии, и объявил, что его страна будет поддерживать в ООН борьбу колоний за свободу (в тот момент холодной войны это был очевидный вызов политике Вашингтона)¹². Варгас также предложил ввести налог на сверхприбыли, который, очевидно, ударил бы по иностранным инвесторам, а затем руководил созданием Petrobras, государственной нефтяной монополии¹³. Как сообщалось в *The New York Times*, «конкурирующая точка зрения» состояла в том, что Бразилия никогда не найдет достаточно денег, чтобы добывать собственную нефть, следовательно, фактически «правительство лишь зарывает еще глубже в землю бразильские нефтяные запасы»¹⁴.

По этим и некоторым другим причинам Escola Superior de Guerra стала планировать устранение Варгаса при поддержке США¹⁵, однако этим планам не суждено было осуществиться. Вскоре после принятия декрета об удвоении минимальной заработной платы, разъярившего бразильскую элиту, все стало рушиться само собой.

Карлос Ласерда, самый видный критик президента Варгаса в Бразилии, подвергся обстрелу из огнестрельного оружия, когда шел по Копакабане; получив пулю в ногу, он выжил, а сопровождавший его офицер погиб. Вскоре выяснилось, что за попыткой покушения, возможно, стоит кто-то из телохранителей президента. Стало очевидно, что военные со всей определенностью поддерживают Варгаса и рассчитывают на успех. Не желая допустить этого, Варгас написал обращенное к стране прощальное письмо и выстрелил себе в грудь 24 августа 1954 г. — из могилы навсегда изменив ход политической истории своей страны.

Победитель состоявшихся в 1955 г. выборов Жуселину Кубичек был центристом, придерживавшимся проамериканских взглядов, и сторонником национализма в экономике. Тем не менее Вашингтон смотрел на него с подозрением. В период его избирательной кампании Информационная служба Соединенных Штатов удвоила бюджет «программ, просвещающих бразильцев относительно опасностей коммунизма и организаций коммунистического фронта»¹⁶. Официальные лица США также стремились выявить связи между запрещенной Коммунистической партией Бразилии и Советским Союзом. Коммунистическая партия поддержала Кубичека, или сокращенно ЖК (почти все бразильские президенты имели прозвища), что лишь усугубило его проблемы, несмотря на то что малочисленная КПБ находилась вне закона и ЖК отрекся от ее поддержки. ЖК стал президентом-созидателем. Он осуществил масштабную инфраструктурную программу и с нуля построил новую столицу Бразилиа в центре страны. Тем не менее администрация Эйзенхауэра отказалась согласовать важную долгосроч-

ную программу помощи Бразилии именно из-за нежелания еще больше увеличивать популярность Кубичека¹⁷.

Всерьез, однако, американцев обеспокоил взлет вице-президента в правительстве ЖК, молодого представителя буржуазии с левыми взглядами Жуана Гуларта, которого часто называли детским прозвищем Жангу. Министр труда при Варгасе, Гуларт представил в 1954 г. законопроект об удвоении минимальной заработной платы, произведший эффект разорвавшейся бомбы. Он был прочно укоренен в элите бразильского политического истеблишмента, являлся миллионером-землевладельцем и ревностным католиком. Однако предложенные Гулартом реформы переполошили Вашингтон. Это не маленькая Куба, рассудили там, а одна из крупнейших стран мира. Если Жангу не остановить, предупреждал посол США Линкольн Гордон, Бразилия может стать «Китаем 1960-х»¹⁸.

Гордон, бывший профессор Гарвардской бизнес-школы, работал над планом Маршалла до того, как стал сторонником теории модернизации и принял участие в создании «Альянса ради прогресса»¹⁹. Он был давним другом Ричарда Бисселла, нанятого Фрэнком Виснером сотрудника ЦРУ, который разрабатывал планы покушения на Лумумбу и вторжения на Кубу в заливе Свиней²⁰. Приехав в Бразилию в 1962 г., Гордон быстро понял, что гигантский мегаполис Сан-Паулу во многом похож на его родной Нью-Йорк в том отношении, что там «имелся элитный класс — четыре сотни семейств, господствовавших в социальной и экономической жизни города, но был и многочисленный класс семей иммигрантов, таких как его семья, пытавшихся осуществить американскую мечту»²¹. Демократия, установленная в Бразилии после Второй мировой войны, была очень ограниченной. Забастовки были вне закона. Вследствие ценза грамотности большинство населения (по большей части темнокожие, очень бедные бразильцы) не имели права голоса. Жангу и его сторонники хотели это изменить, подобно тому как растущее движение за гражданские права в США оказывало давление на Вашингтон, добиваясь отмены расистских ограничений избирательного права.

Гуларт являлся вице-президентом при JK с 1955 по 1960 г. В 1960 г. он снова стал вице-президентом, теперь уже при Жаниу Куадрусе, опереточном провинциальном политике, за которым стоял Национальный демократический союз (União Democrática Nacional), партия правого толка. Несмотря на консервативный уклон, Куадрус умудрился сразу же оттолкнуть от себя администрацию Кеннеди. Он восхищался такими сторонниками нейтралитета, как Насер в Египте и Неру в Индии, но сам не готов был даже на то, чтобы занимать нейтральную позицию. Бразилия останется прозападной, заявил он, но страна желала расширить связи с Югом, стремясь стать лидером третьего мира. Он, бесспорно, не хотел решительного разворота на Восток, однако намеревался установить экономические отношения с социалистическим миром. Для Кеннеди даже это выглядело опасным²². Такого рода позиция очевидным образом подразумевала следование установке «делай, как я говорю, а не так, как я делаю». Куадрус спросил: «Почему Соединенные Штаты могут торговать с Россией и ее сателлитами, но требуют, чтобы Бразилия торговала только с Соединенными Штатами?»²³ Он объявил об участии Бразилии в грядущей конференции неприсоединившихся стран в Белграде, выросшей из Бандунгской конференции, проведенной Сукарно в 1955 г., однако сам туда не поехал. Проведя лишь несколько месяцев на президентском посту, Куадрус наградил Че Гевару высшей наградой Бразилии для иностранцев, орденом Южного Креста (*Cruzeiro do Sul*). Он руководствовался прагматизмом, а не идеологией, надеясь, что Гавана поможет налаживанию торговых связей с социалистическими странами. Карлос Ласерда, теперь один из самых влиятельных людей в стране, начал при любой возможности осуждать Куадруса. Президент внезапно подал в отставку, рассчитывая, что военные и массовая поддержка в народе позволят ему быстро вернуться во власть. Но не тут-то было²⁴.

Бразилия послала другого представителя на первую встречу стран — участниц Движения неприсоединения, состоявшуюся

си в сентябре в Югославии. Группа чрезвычайно разнородных политических лидеров взяла на себя обязательство служить делу мира и развития, продвигаясь срединным курсом между полюсами — Вашингтоном и Москвой. Однако перед Жуаном «Жангу» Гулартом, ставшим президентом после отставки Куадрусса, стояли проблемы более насущного характера. Жангу и его Рабочая партия Бразилии всегда вызывали сильные подорождения у элиты и военных, но в качестве второго лица рядом с пользовавшимся поддержкой профсоюзов Куадруссом он считался приемлемым. В качестве президента, однако, Жангу представлялся фигурой попросту немислимой. Ласерда, некоторые из СМИ (в основном консервативные) и часть военных рассчитывали вообще не подпустить его к власти, но 7 сентября 1961 г. 43-летний политик, улыбающийся, в безупречном синем костюме, прибыл на церемонию инаугурации.

Первоначально у него практически не было политического капитала. Его фатальной ошибкой, с учетом позиции элиты, военных и Соединенных Штатов, стала попытка решить эту проблему, оперевшись на прежде игнорируемые слои населения Бразилии, а не на политическую элиту. Никогда прежде подобного рода попытки не увенчивались успехом. Жангу провел ряд реформ, называемых базовыми реформами (*reformas da base*), которые должны были значительно изменить бразильскую политику: расширить избирательные права на всех бразильцев, а также запустить по всей стране программу освоения грамотности. Гуларт поддержал и земельную реформу, хотя сам — как многие представители бразильского политического класса — являлся *latifundista*, или землевладельцем. Он и сам понимал риски такого решения. Следовать подобной программе означало опираться на народные движения, профсоюзы и организованных левых²⁵.

Попытавшись провести реформы, непосредственно затрагивающие интересы армейской верхушки, Гуларт оттолкнул от себя и ее. Он не только предложил распространить избирательные права на неграмотных, но и хотел позволить голосовать младшим по званию военнослужащим. Действующее

законодательство запрещало им участвовать в выборах в период нахождения на военной службе. Его обращение напрямую к рядовому составу вызвало большие подозрения у офицеров в чинах, более склонных к консерватизму, чем их тяготеющие к левым ценностям подчиненные. Поскольку речь шла об их статусе и положении в иерархии, им легко было уверовать, что президент хочет напрочь лишить их авторитета. В Бразилии угроза восстания низов пугала элиты пять столетий, и они всегда — с неизменным успехом — отвечали на нее насилием.

Не замедлил отреагировать и Белый дом под руководством Кеннеди. В начале 1962 г. Жангу совершил визит в Вашингтон, казалось бы удачный, хотя ему не удалось добиться договоренностей о финансовой помощи или торговле. Однако 30 июля Кеннеди провел встречу с послом Гордоном, ее описание сохранилось. Они договорились потратить миллионы долларов на противодействие Гуларту на ближайших выборах и подготовить почву для военного переворота, чтобы, по выражению Гордона, «столкнуть его, если до этого дойдет».

Гордон сказал: «Думаю, одна из наших важных задач — укрепить костяк армии. Осторожно дать понять, что мы не обязательно враждебны к любым видам военных действий, если очевидно, что эти военные действия направлены...»

— Против левых, — закончил Кеннеди²⁶.

Гордон: «Он сдает всю свою чертову страну...»

— Коммунистам, — подхватил Кеннеди.

— Вот именно!

После июльской встречи Гордона с JFK в Бразилию рекой потекли деньги ЦРУ. Центральное разведывательное управление послало в страну агента Тима Хогана под «глубоким прикрытием», и он начал «организовывать фермеров и рабочих»²⁷. Администрация Кеннеди заказала анализ «борьбы с партизанами», автором которого стал генерал Уильям Генри Дрейпер — младший, пришедший к выводу, что «должно быть сделано все возможное», чтобы обеспечить местной армии американскую подготовку²⁸.

За несколько лет до этого Дрейпер заключил, что Бразилия — идеальная модель использования военных для борьбы с внутренними врагами и модернизации экономики в третьем мире²⁹. Белый дом также уполномочил Вернона Уолтерса, военного атташе, обладавшего крепкими связями с бразильскими военными, публично представлять Вашингтон наряду с Гордоном³⁰.

Не имело значения, что Жангу занял сторону Кеннеди, когда США засекли советские ракеты на Кубе в 1962 г. Жангу публично поддержал блокаду маленького острова и в частном порядке сказал Уолтерсу, что, если Северная Америка станет бомбить Кубу, он отнесется к этому с пониманием³¹. Все равно для Вашингтона он представлял угрозу коммунизма в их собственном полушарии. При Кеннеди деятельность США в Бразилии отличалась от того, что происходило в Иране и Гватемале в 1950-х гг. Не было массовых резонансных вторжений силами марионеток, которыми со всей очевидностью управляла рука Дяди Сэма. США тщательно взращивали мощные антикоммунистические элементы и давали им понять, что они получают поддержку, если не станут сидеть сложа руки.

Все это было серьезным нарушением обещаний JFK третьему миру и отходом от изначального замысла «Альянса ради прогресса». Эта программа теперь повсеместно рассматривалась как всего лишь неказистая ширма для традиционной политики США в регионе, и не только потому, что Вашингтон продолжал вмешиваться в чужие дела на всей этой территории. Вот как это выразил один из лучших биографов JFK:

Как бы ему удалось сообразовать обещания самоопределения — главный принцип «Альянса» — с реальностью секретных американских интервенций на Кубе, в Бразилии, Британской Гвиане, Перу, Гаити, Доминиканской республике и в любой другой стране, казавшейся уязвимой для подрывной деятельности левых? (И это было только начало: в июньской директиве по национальной безопасности, одобренной президентом, было названо еще четыре латиноамериканские страны, в которых США считали, что коммунизм угрожает безопасности страны.)

риканские страны, «где достаточно серьезна угроза инспирированного коммунистами мятежа»: Эквадор, Колумбия, Гватемала и Венесуэла...)³²

В Бразилии самым спорным предложением Гуларта была земельная реформа, как и в Гватемале при Арбенсе. Земельная аристократия Бразилии пришла в ужас от этой новой политики, отказалась от переговоров и направила всю свою энергию на то, чтобы убрать Жангу. Инфляция уже вырвалась из-под контроля, но ситуация в экономике значительно ухудшилась, когда США полностью остановили предоставление стране помощи, а международные кредиторы Бразилии отказали ей в дальнейших ссудах, Вашингтон же направил деньги бразильским губернаторам, лелеявшим идею *golpe de estado*, или переворота³³. Конгресс Бразилии уличил финансируемую США организацию в том, что она направляла миллионы оппозиционным политикам, и Жангу ее прикрыл, что, впрочем, не остановило процесс перманентной эффективной дестабилизации его правительства³⁴. Теперь, когда США возглавляли международную забастовку капитала, Жангу было сложно финансировать базовые функции государства. Он, конечно, не получал помощи от Москвы: после Карибского ядерного кризиса у Советов пропала охота создавать какие-либо проблемы на заднем дворе Вашингтона³⁵.

Затем снова начал действовать Карлос Ласерда, сыгравший важную роль в окончании президентств Варгаса и Куадруса. В октябре 1963 г. он дал интервью Джулиану Харту, корреспонденту *Los Angeles Times* в Бразилии (соответственно, моему предшественнику), в котором обвинил Жангу в том, что тот сам планирует переворот, назвав его *golpista* (в переводе с португальского «путчист»), и призвал Вашингтон вмешаться.

Вашингтонские официальные лица знали, как и все остальные, что, если Жангу уйдет, его заменят военные. Как и в Индонезии, Вооруженные силы Бразилии были самой надежной антикоммунистической силой в стране, но их верность соответствующей идеологии была намного глубже, чем у их индо-

нических коллег. Она уходила корнями во времена задолго до холодной войны. В определенном смысле американцы не могли рассчитывать на лучшего союзника, и это идеальное партнерство антикоммунистов вошло в идеальный резонанс с мощным мифом о событиях 1935 г., когда молодой президент Варгас воспользовался захлебнувшимся левым бунтом, чтобы закрутить гайки в отношении коммунистов и установить диктатуру.

Легенда об *Intentona*

Бразильская коммунистическая партия (БКП) была основана в 1922 г., по большей части иммигрантами и бывшими анархистами³⁶. Они немедленно присоединились к недавно созданному Лениным Коммунистическому интернационалу, хотя Москва понятия не имела, что с ними делать. Коминтерн считал Бразилию большой «полуколониальной» страной, относя к той же категории, что и Китай, и отложил вопрос о ней до лучших времен. В то время бразильцы получили от Советов директиву сформировать объединенный фронт с национальной «буржуазией» против империализма без лидерства коммунистов, так же как Мао было сказано сотрудничать с Чан Кай-ши, что привело к очень неоднозначным результатам³⁷.

Бразильская коммунистическая партия по большей части придерживалась этой линии. Однако она действовала в стране, где военные перевороты были обыденным делом, в каком бы направлении ни текла в тот момент политическая жизнь. Жетулиу Варгас впервые захватил власть в результате военного переворота в 1930 г. После того как он начал брать пример с фашистских движений Италии и Испании, лейтенант Луис Карлос Престес, харизматичный коммунист, когда-то предпринявший неудачную попытку левопопулистского восстания, организовал Национально-освободительный альянс (НОА) — *Aliança Nacional Libertadora*³⁸. НОА был противником фашизма

и *integralismo* — этим словом в Бразилии обозначался яро антикоммунистический, с католическим уклоном, местный вариант фашизма. В НОА вошли многие умеренные сторонники Варгаса, которые хотели пресечь его дрейф вправо, а заодно получить поддержку коммунистической партии.

Москва не создавала НОА и не приказывала ему действовать, более того, Советы опасались, что бразильцы проявляют безрассудство и авантюризм. Тем не менее когда коммунистические лидеры в Москве поняли, что Престес может поднять очередной мятеж, то не захотели остаться в стороне и прислали небольшую группу консультантов, в том числе специалиста-взрывника из Германии и гражданина США Виктора Аллена Бэррона, специалиста по коммуникациям, задачей которого было поддерживать связь с коммунистическим руководством в России³⁹.

Большинство гражданских, состоявших в рядах коммунистической партии и НОА, не знали, что ведется какая-либо подготовка к восстанию. Оно и началось случайно в Натале, на бедном северо-востоке Бразилии, после того как солдаты разозлились из-за увольнения нескольких сослуживцев. Местная коммунистическая партия просила солдат повременить, но тщетно. Вспыхнул мятеж, и восставшие какое-то время удерживали город, где конфисковывали автомобили и грабили банки. Когда мятеж дошел до Ресифи, также на северо-востоке, правительство отреагировало, устроив бойню, — военные подавили восстание и казнили левых мятежников.

«Это было жестокое подавление, полный разгром! Они убивали левых и правых без разбору, виновных и невиновных. Жизнь коммуниста не стоила и десяти капель сырого меда», — сказал лейтенант Ламартин Коутинью, используя старое португальское выражение, которое можно перевести как «не стоила и ломаного гроша».

Последний акт этой драмы разыгрался на маленьком пляже сразу за поворотом от Копакабаны в Рио-де-Жанейро. Атака началась в предрабасветные часы 27 ноября 1935 г. Регулярные

войска запустили в сторону казармы гранатой, которая разорвалась перед колонной, а затем открыли огонь.

«Это была ужасная, чудовищная битва! — заявил один из солдат, подвергшихся нападению в то утро. — Повсюду стрельба!» В итоге, однако, в столкновении погибли только два солдата.

Национально-освободительный альянс безрассудно жертвовал жизнями, потеряв, вероятно, десятки людей по всей стране лишь для того, чтобы покориться правительству, сдавшимся на милость победителя⁴⁰.

Когда это произошло, история провалившегося коммунистического восстания идеально сыграла на руку интересам элит, добивавшихся в то время сдвига политики страны вправо. Влиятельная газета *O Globo* в июне опубликовала полностью ложный репортаж за подписью ее владельца Роберто Мариньо, где утверждалось, что коммунисты получили приказ захватить страну, «расстреливая всех официальных лиц, не являвшихся коммунистами, желательно перед дверями их домов или даже врываясь к ним в дома»⁴¹.

Правительство Варгаса использовало реальное событие, которое отныне не вполне верно называлось *Intentona Comunista*, или мятеж коммунистов, чтобы раздавить левых и своих критиков, а затем оправдать концентрацию диктаторской власти в своих руках. Варгас объявил чрезвычайное положение, создал Комитет подавления коммунизма, ограничил личные свободы и начал охоту на левых. Многие лидеры *Intentona* были казнены, хотя популярный Престес остался сидеть в тюрьме. Власти запретили литературу левых⁴².

Сказка о жестокой подрывной деятельности коммунистов настолько отвечала нуждам правых элементов в военных и правительственных кругах, что они создали еще одну. В 1937 г. некий генерал «нашел» документ, где излагался Plano Cohen — план еврейско-коммунистического заговора (здесь очень кстати пришелся антисемитизм фашиствующих правых), включавший в себя директивы врывать в дома богатых

бразильцев и совершать над ними насилие⁴³. Варгас использовал этот целиком и полностью сфабрикованный документ для того, чтобы санкционировать очередной военный переворот, провозгласить новую конституцию и установить полномасштабную диктатуру⁴⁴.

Intentona 1935 г. стал для армии мифом о сотворении, и не только для армии, но и для все более озлоблявшегося антикоммунистического движения, охватившего как военные круги, так и общество в целом. Каждый год 27 ноября военные собирались перед мемориалом на *Praia Vermelha*, или Красном пляже, чтобы отметить очередную годовщину отбитой атаки коммунистических мятежников. Так мощный миф обрел свою форму. Причем в интерпретации военных событие ноября 1935 г. представляло собой уже не просто попытку штурма солдатских казарм. Согласно новой версии сказания, коммунисты ворвались в казармы офицеров и закололи их во сне.

Эта побасенка о небывалом злодеянии коммунистов была опровергнута много десятилетий спустя благодаря тщательному историческому расследованию. Как утверждает историк Родриго Патто Са Мотта, цитируя отчеты о вскрытии, «ни один человек не умер тем утром от колотой раны... да и странно было бы, если бы профессионалы из Вооруженных сил Бразилии — какими бы ни были их политические убеждения — решили поднять военный мятеж и для этого запаслись именно кинжалами!»⁴⁵

Коммунисты, точащие свои ножи, чтобы заколоть вас во сне, превратились в клише многочисленных антикоммунистических материалов в Бразилии в последующие несколько десятилетий. В прессе можно было найти еще и иллюстрации, изображавшие коммунистов в виде насекомых, единственный способ «истребить» которых — это свобода, семья и нравственность. Коммунизм называли чумой, вирусом или раком, теми же словами коммунистов клеймили в то время в соседней Аргентине⁴⁶. Чаще всего коммунизм ассоциировался с чистым злом или колдовством, и его изображали в виде

демонов или таких откровенно сатанинских тварей, как драконы, змеи и козлы. Часто подразумевались — да и без каких-либо обиняков живописались — еще и сексуальные извращения и отклонения⁴⁷.

Фальшивые обвинения в адрес коммунизма подчас сулили также и неплохую прибыль. Например, полиция, солдаты и политики низового уровня «обнаруживали» свидетельства того, что некий гражданин является коммунистом, намереваясь заполучить для своего подразделения снабжение получение, а то и — еще чаще — набиваясь на откровенную взятку. Имеются сведения, что фашистская организация «Бразильское интегралистское действие» (*Ação Integralista Brasileira*, AIB) использовала в отношении мелких бизнесменов классическую тактику вымогательства, но с антикоммунистическим уклоном. Под покровом ночи члены партии покрывали стены магазинов и домов якобы коммунистическими граффити, а через несколько дней являлись и предлагали владельцам сделать пожертвование AIB, чтобы доказать живущим по соседству обеспокоенным гражданам, что на самом деле они не никакие не коммунисты⁴⁸.

В 1950-х и начале 1960-х гг. бразильские военные расширили свои связи с Вашингтоном. США держали в Бразилии свою самую крупную разведывательную службу, и бразильские офицеры получали дополнительные направления на прохождение подготовки в командирской школе Форт-Ливенворта наряду с многочисленными индонезийскими военнослужащими⁴⁹.

Для многих правых элементов в Бразилии, особенно в военной среде, все президентство Жангу было ошибкой. Однако в 1961 г. Жангу допустил серьезный промах, еще сильнее обозливший военщину. Объявление о том, что Бразилия восстановит отношения с Советским Союзом, прозвучало за несколько дней до ежегодного дня памяти мятежа *Intentona* и было воспринято как провокация. Вскоре после этого одна из крайне правых вооруженных групп страны, Антикоммунистическое движение (*Movimento Anticomunista*), изрисовала

Рио-де-Жанейро граффити с такими лозунгами, как «Смерть предателям», «Братья-бразильцы, давайте стрелять в московских безбожников» и «Война до уничтожения БКП» (по-прежнему нелегальной Бразильской коммунистической партии)⁵⁰. По широко распространенному убеждению, Антикоммунистическое движение получало финансирование от ЦРУ и устроило целый ряд взрывов, а также покушений на участников Национального студенческого союза⁵¹.

Другая антикоммунистическая группа, «Общество защиты традиций, семьи и собственности» (Society for the Defense of Tradition, Family, and Property), основанная в 1960 г. в Сан-Паулу, противодействовала разлагающей угрозе интернационального коммунизма, заставляя участников своих молодежных бригад коротко стричься, скромно одеваться, отказываться от телевизора и изучать боевое искусство карате⁵². «Общество...» мыслило себя интернациональным движением и скоро создало отделения по всей Латинской Америке, в Южной Африке и в Соединенных Штатах.

Что касается реальной Бразильской коммунистической партии (БКП), то в 1962 г. она раскололась. Под руководством Луиса Карлоса Престеса, сохранявшего влияние и десятилетия спустя, БКП согласилась с решением Хрущева дистанцироваться от сталинизма и сохранила преданность идее мирной работы в рамках бразильской демократии. Отколовшаяся группа, вдохновлявшаяся скорее идеями Мао и убежденная в необходимости настоящей революции, отвергла этот ревизионизм и сформировала почти так же названную партию — Коммунистическая партия Бразилии (КПБ). При президентстве Жангу БКП была в действительности намного более умеренной, чем другие левые силы того времени, поскольку даже не поддерживала обновление конституции⁵³.

Вся эти антикоммунистические страсти были направлены против президента, являвшегося скорее либеральным реформистом. Однако Жангу и его реформы были популярны. Если бы ему в конце концов удалось дать возможность голо-

совать большему числу людей, страна изменилась бы самым заметным для элит образом. Эти изменения поддерживались малочисленными, но все-таки существующими бразильскими коммунистами. Если вы были против всего, что одобряли коммунисты, и боялись возможных последствий социальной реформы в такой стране, как Бразилия, то могли найти много причин оказаться в оппозиции Жангу. Если вы разделяли все установки фанатичного антикоммунизма, изложенные Джоном Эдгаром Гувером еще в 1940-х гг., — а бразильская элита и власти США их разделяли — тем больше у вас было оснований стать противником президента.

Идея о связи Жангу с подпольным коммунизмом не просто бродила в темных крайне правых закоулках бразильского общественного сознания. Карикатура, опубликованная в январе 1964 г. в *O Globo* — издающая эту газету медиагруппа до сих пор остается самой важной в Бразилии, — имела заголовок «Кампания борьбы за грамотность». Имелся в виду план Жангу научить больше людей читать и писать. Справа сидел грязный оборванец, явно не слишком обремененный интеллектом, а слева был изображен его учитель, указывавший на него и хихикающий. Из-под пиджака наставника высовывался длинный хвост дьявола с серпом и молотом на заостренном конце⁵⁴.

Трое готовы

Осенью 1963 г. президент Джон Кеннеди приказал своему послу в Южном Вьетнаме оказать содействие свержению президента Зьема. В качестве союзника Зьем теперь приносил Вашингтону больше проблем, чем оно того стоило. ЦРУ передало приказ местному генералу, и 1 ноября 1963 г. Зьема и его брата похитили и убили на заднем сиденье бронированного автомобиля. На самом деле Кеннеди не хотел, чтобы Зьема убивали, но осознавал, что виноват в его смерти. Это убийство потрясло моло-

дого президента и привело его в очень тяжелое состояние духа⁵⁵.

Несколько недель спустя сам Кеннеди был убит во время поездки по Далласу. Его ближайшее окружение, осведомленное об отчаянных попытках избавиться от Кастро и о том, что методы при этом использовались далеко не невинные, очень хотело узнать, кто же это сделал. Бобби Кеннеди подозревал, что убийство может быть работой либо ЦРУ, либо гангстеров, либо Кастро, — и все эти варианты означали, что и сам он отчасти виновен в этой смерти. Основное подозрение вице-президента Линдона Джонсона состояло в том, что это возмездие за убийство Зьема⁵⁶. Джонсон даже не знал, что администрация президента пытается убить Кастро, и, заняв президентский пост, пытался осмыслить схему тайных операций, которую ему предстояло унаследовать⁵⁷.

Линдон Бэйнс Джонсон был трудоголиком и христианином, типичнейшим американцем из Техаса. Либерал, возможно в большей степени, чем Кеннеди, он считался «повелителем Сената», будучи на протяжении шести лет чрезвычайно влиятельным его лидером⁵⁸. Однако по части внешней политики Джонсон был менее опытен. Он не обладал свойственным Кеннеди пониманием исторической битвы между империализмом и национальными революциями в третьем мире. Согласно его биографу Дорис Кернс Гудвин, которая хорошо его знала, Джонсон придерживался типично американского убеждения, что остальной мир в общем похож на США, разве что малость подотстал. По ее словам, он «верил в то, что американские ценности являются общечеловеческими, и в существование глобального консенсуса». Линдону Джонсону не хватало уверенности в собственном мастерстве в вопросе внешней политики, чтобы спорить с людьми, доставшимися ему в наследство от Кеннеди⁵⁹, поэтому он часто пренебрегал международными вопросами, полагаясь на мудрость своих советчиков.

В Бразилии меж тем вовсю шли тайные операции. Агент ЦРУ Тип Хоган и военный атташе Вернон Уолтерс находились в стране

и активно действовали, вовлекая в борьбу против президента как военных, так и финансистов. Кольцо вокруг Жангу сжималось.

Влиятельное ежедневное издание *Jornal do Brasil* опубликовал материал «Basta!» — боевой клич бразильских путчистов, *golpistas*. «Прежде чем мы придем к революции, мы говорим: "Хватит!" Мы будем повторять это вновь и вновь, пока существуют организованные, последовательные и дисциплинированные Вооруженные силы Бразилии... Хватит! Время пришло... мы становимся свидетелями смерти фальшивой политики классового примирения, которая держится на колдовстве и заговорах президента <...> чаша терпения нации переполнилась»⁶⁰. В конце ноября, через считанные дни после убийства Кеннеди, Жангу присутствовал на ежегодном национальном праздновании победы над выдуманном мятежом *Intentona Comunista* на Красном пляже в Рио-де-Жанейро. Его присутствие вызвало лишь раздражение многих убежденнейших консерваторов страны, которые дошли до бойкота церемонии и организовали антикоммунистические мероприятия поблизости.

В памятную дату 27 ноября 1963 г. генерал армии Жаир Дантас Рибейру произнес немногословную речь, в которой слышались зловещие нотки. «В ночной тиши, ведóмые принципами, навеки оставшимися непостижимыми, группы экстремистов предприняли бесславленную попытку, — начал он. — Поступок этих авантюристов, у которых не было ни флага, ни совести, ни представлений о своем предназначении, не нашел отзвука в сердцах народа, сама христианская сущность которого полнотью защищает его от ненависти и экстремизма». Обращаясь к находящему в аудитории Жангу, он продолжал:

Проклятые террористы 1935 года, поднявшие на щит коммунизм, одержимые демонами разрушения и злобы, соблазнявшие народ сказками о лучшей жизни, за которыми на поверку стояли лишь маргинальные идеи и жажда власти, предательски убивавшие под покровом ночи наших

братьев по оружию, вписали в историю Бразилии свою черную страницу. <...> Но мы не должны замалчивать эту историю: эта попытка остается примером для подонков, которые спят и видят установить в нашей стране антидемократический режим...

Отныне и навсегда у нас будет пример армии и ее бдительности, служащий нам предупреждением⁶¹.

Для Рибейру «подонками» были коммунисты. У армейских офицеров сложились и собственные представления о намерениях Жангу. Теперь многие были убеждены, что он не только предоставит право голоса низшим чинам, но и сделает их своей непосредственной опорой, в ущерб авторитету вышестоящих офицеров.

Правые силы в Бразилии начали распространять идею, будто Жангу планирует левый переворот. Они обвинили его в том, что ради осуществления своих реформ он распустит правительство, отменит Конгресс или провозгласит новую конституцию. Крупнейшие газеты страны помогали распространять эти рассказы. Если это правда, рассуждали люди, переворот, который лишит его власти, станет в действительности спасением демократии. Посол США в Бразилии Линкольн Гордон разделял эту точку зрения. Поскольку Жангу был слабым президентом, рассуждал Гордон, впоследствии его могут заменить более радикальные силы, даже коммунисты, если не остановить его сейчас⁶².

Американцы под сурдинку координировали свои действия с действиями военных. В марте Гордон послал в Вашингтон телеграмму, где написал: «Проанализировав информацию, я пришел к выводу, что Гуларт сейчас, бесспорно, ведет кампанию по захвату диктаторской власти, принимая активную помощь от Бразильской коммунистической партии и от других радикальных левых революционеров. Если он добьется успеха, более чем вероятно, что Бразилия окажется под полным контролем коммунистов...»

Американцы пристально следили за имевшей свои особенности сменой власти в Бразилии. Гордон продолжал:

Самое существенное достижение — это кристаллизация военных групп сопротивления под руководством генерала Умберту Кастеллу [sic!], начальника штаба армии. Кастеллу Бранку очень компетентный, решительный, честный и глубокоуважаемый офицер. <...> Кастеллу Бранку предпочитал бы действовать только в случае очевидной неконституционной провокации, иными словами, если сторонники Гуларта попытаются упразднить Конгресс или вторгнуться в один из оппозиционных штатов (Гуанабару или Сан-Паулу — самые вероятные варианты). Он сознает, однако, (как и я), что Гуларт может не поддаться на столь очевидную провокацию, в то же время продолжая двигаться в сторону неизбежного *fait accompli* посредством искусственно вызванных забастовок, финансового подрыва государства и осуществления плебисцита, включив неграмотных в число голосующих⁶³.

Ранее Кастеллу Бранку прошел подготовку в Форт-Ливенворте (штат Канзас). Там он познакомился с Верноном Уолтерсом, военным атташе, которого Кеннеди направил в Бразилию. После совместного обучения в Канзасе Кастеллу Бранку и Уолтерс были соседями по комнате в маленьком отеле в Италии⁶⁴.

С учетом обстоятельств, приведших к его инаугурации, Жангу почти не имел опоры в Конгрессе и у него было мало союзников в бразильских СМИ, значительной частью которых владела горстка могущественных семей землевладельцев. Чтобы продемонстрировать общественную поддержку своих реформ, он организовал серию уличных забастовок. 13 марта 1964 г. Жангу и другие лидеры левого толка собрались выступить перед почти двумястами тысячами человек в центре Рио, возле здания железнодорожного вокзала *Central do Brasil*, которое часто печатают на открытках для туристов. В сильном напряжении Жангу поднялся на сцену, снова призвал к земель-

ной реформе и обвинил правых псевдodemократов в том, что те «против народа, против профсоюзов и против реформы». Он сказал: «Встречаться с людьми на улицах — это не угроза демократии. Угроза демократии — набрасываться на людей, эксплуатируя их христианскую веру. Брехня антикоммунистической фабрики подделок — тоже угроза демократии». Телекамеры зафиксировали, что некоторые присутствующие держали транспаранты с такими лозунгами, как «Покончим с латифундистами» и «Легализуйте коммунистическую партию», а также портреты Фиделя, что лишь подбросило дров в костер ярости правых сторонников идеи коммунистического заговора⁶⁵.

Консерваторы ответили собственной манифестацией. 19 марта всего в нескольких милях от нового дома семьи Тан в Сан-Паулу начался Семейный марш с Богом за Свободу (*Marcha da Família com Deus pela Liberdade*), и на улицы вышло почти полмиллиона людей. Большинство из них были представителями благополучных консервативных семейств, хотя некоторые заставили участвовать в манифестации свою домашнюю прислугу, а присутствие респектабельных женщин с детьми придало смелости военным офицерам-заговорщикам. Инь Джиок Тан и ее семья, жившие совсем недалеко, были по горло сыты подобным и остались в стороне — в отличие от властей США. Те оказали материальную и моральную поддержку маршу, и без того имевшему прочный фундамент в мировоззрении доморощенной бразильской элиты⁶⁶.

Свою последнюю и фатальную ошибку — в отношении военных — Жангу совершил после этих событий. Группа из 2000 морских пехотинцев при поддержке сторонников *reformas da base* — основных реформ Жангу — подняла в Рио бунт против своих начальников, требуя лучших условий службы и смягчения требований к дисциплине. Мятежники показали советский фильм «Броненосец “Потемкин”» — киноклассику, воспевающую антиимпериалистическое восстание, что никак не способствовало успокоению высших армейских чинов⁶⁷. Первая реакция Жангу — не поддерживать мятеж,

но и не приступать к его немедленному подавлению — окончательно убедила военных, что президент одобрит восстание низового звена армии и ниспровергнет военную иерархию. Ситуацию усугубило его выступление перед военной полицией в Бразильском автомобильном клубе на следующий день. Президент не сказал ничего радикального, но к тому моменту уже само его обращение непосредственно к сержантам и чиновникам невысокого ранга воспринималось как открытый вызов.

Мятеж против Жангу начался 31 марта 1964 г., и многие его участники руководствовались убеждением, что коммунисты разработали некий революционный план, в центре которого находится Гуларт. Это было совершеннейшей ложью, но целиком и полностью резонировало с фанатичными антикоммунистическими настроениями того времени, вплоть до слушаний Маккарти и мифологии вокруг мятежа *Intentona*. Считалось, что если где-то есть коммунисты (сколь бы малочисленными они ни были и что бы они сами про себя ни говорили), значит, они плетут свой тайный гнусный заговор.

Идеология аутентичного бразильского антикоммунизма предполагала, что коммунисты задумали нечто глубоко извращенное. Многие представители элиты считали, что коммунисты склонны к насилию и осуществляют его с «сатанинским наслаждением», снедаемые неутолимой жадой массово убивать благочестивых людей и отправлять их в «Красный ад»⁶⁸.

Хотя высшее военное командование и Вашингтон планировали переворот много недель, он начался преждевременно. Один-единственный разгневанный генерал Олимпиу Моуранью Филью — тот самый, который в далеком 1937 г. состряпал фальшивый еврейско-коммунистический заговор «План Коэна», — возглавил марш плохо экипированных солдат на Рио, где находилась резиденция Жангу. Гуларт улетел в Бразилиа, но, когда ему стало ясно, что высшие армейские чины твердо намерены сместить его, бежал в Уругвай. В город вошли танки и встали у здания Конгресса. Сославшись на «Институциональный акт» без всякого на то основания, военная хунта объявила, что

левые члены Национального конгресса утратили свои законные права⁶⁹.

С началом переворота Госдепартамент США начал операцию, которую назвал «Брат Сэм», и зарезервировал для заговорщиков танкеры, боеприпасы и авианосцы⁷⁰. Ничто из этого не потребовалось. Конгресс Бразилии объявил кресло президента «вакантным», что являлось очевидным нарушением конституции. Затем, после того как первый «Институциональный акт» лишил должности около сорока их коллег с левыми взглядами, оставшиеся бразильские законотворцы (361 человек) проголосовали за назначение генерала Кастелу Бранку президентом. Почти все бразильские СМИ поддерживали переворот⁷¹. Американская финансовая помощь вновь начала поступать в страну⁷².

С уходом Жангу военные выступили с речью совершенно другого характера на торжествах в честь событий *Intentona*, прошедших в 1964 г. Генерал Пери Констант Бевилаква заявил: «Здесь наше отечество! Оно здесь, в этом прекрасном флаге! Созерцая его, мы чувствуем ваше присутствие, герои ноября тысяча девятьсот тридцать пятого года!»⁷³

Посол Линкольн Гордон назвал мятеж 1964 г. «самой решительной победой в битве за свободу в середине двадцатого века»⁷⁴.

По словам бразильского историка Марку Наполитану, «это был хеппи-энд, словно в голливудском фильме (для заговорщиков, ясное дело). Плохие парни-коммунисты и те, кто им симпатизировал, были низложены. Хорошие парни встали у власти. Что самое лучшее, Соединенным Штатам даже не пришлось выходить на сцену в качестве явного участника заговора»⁷⁵.

Это было нечто невиданное — и имело колоссальное значение. В Иране (1953) и Гватемале (1954), в Индонезии (1958) и на Кубе (1961) любой, кто потрудился вникнуть в происходящее, понимал, что за операциями по смене режима стоит Вашингтон. Очевиднейшие признаки вмешательства США

не только бросали тень на международный имидж Вашингтона, но и подрывали эффективность власти, которую Америка навязывала, если добивалась успеха. Правительство Гватемалы распалось вскоре после переворота, за которым стояло ЦРУ, как со временем рухнуло и шахское правление в Иране.

Успех в Бразилии в 1964 г. стал возможным не только благодаря новым методам, внедренным JFK для заключения союзов с военными. Соединенным Штатам еще и повезло. Важно также, что в Бразилии имелаась собственная, очень глубокая антикоммунистическая традиция, основанная на пяти столетних страха перед темнокожими, бедняками, а также насилием и маргинализацией, к тому же опирающаяся на чрезвычайно влиятельные мифы и ежегодные ритуалы.

Несмотря на поддержку широких масс, легально избранный Жангу не организовал контрнаступление. Вероятно, он считал, что этот мятеж, как и другие в истории Бразилии, станет незначительным перезапуском системы и что он сможет снова консолидировать силы и победить на следующих выборах. Он ошибся. В Бразилии не будет демократических выборов на протяжении следующих двадцати пяти лет. В правление президента Джонсона Вашингтон сохранит глубокую приверженность идее модернизации под руководством армии, и Бразилия отныне станет одним из важнейших союзников США в холодной войне. Самая большая страна Латинской Америки скоро сыграет решающую роль в переходе других стран в западный лагерь.

6

Движение 30 сентября

Эхо переворота в Латинской Америке разнеслось по всему миру и докатилось до Индонезии. Его освещала массовая пресса, писала про эти события и коммунистическая «Народная ежедневная газета». Новое англоязычное издание *The Afro-Asian Journalist*, выходящее в Джакарте, сообщило, что бразильская «военная хунта» помогла осуществить «империалистический сценарий США»¹. Эту статью могла переводить Франциска, теперь работавшая в редакции этого журнала.

В начале 1960-х гг. Франциска оказалась вовлечена в политику более серьезно, чем когда-либо прежде. Дело было не только в ней самой — страна дрейфовала влево, и общество в целом было насыщено революционной энергией после американских бомбардировок и кампании борьбы за Западную Новую Гвинею, но в центр мировой истории Франциску привели ее исключительные способности к языкам.

За спиной были десять лет работы в библиотеке, дети уже ходили в школу, и Франциска стала давать частные уроки английского языка посольским работникам со всего мира. Начав с жены первого секретаря венгерского посольства, она в конце концов стала учить и русских посольских работников, а затем представителей Демократической Республики Вьетнам

(в то время на Западе ее обычно называли Северным Вьетнамом). Она вела занятия в посольствах или в роскошных резиденциях послов в центре Джакарты и в богатом районе Сенопати, и, как правило, в ходе языковой практики предметом обсуждения становилась международная политика. Когда правительство Кастро впервые в истории прислало в Индонезию посла Бениньо Арбесу Кадело, тот тоже брал уроки у Франциски.

Как правило, новые клиенты Франциски оказывались из социалистических стран. Таков уж был социальный круг, где они с мужем вращались. К этому моменту Зайн считался в среде левых довольно влиятельной фигурой².

Сукарно, со своей стороны, поехал в Гавану для встречи с Фиделем и Че. На должность посла он выбрал доверенного друга со времен революции А. М. Ханафи, и Индонезия с Кубой принялись работать над Конференцией трех континентов, которая должна была расширить Бандунгскую (афро-азиатскую) конференцию 1955 г. за счет Латинской Америки. Весь третий мир объединялся.

Сукарно снова говорил о единстве марксизма, ислама и национализма, уложив эти понятия в свой фирменный акроним «насаком» — *NASAKOM: Nasionalisme, Agama* (религия) и *Komunisme*. Он говорил о формировании «насакомовского» кабинета, но правое крыло индонезийской политики заблокировало кандидатуры коммунистов³. Генерал Насутион, глава Вооруженных сил Индонезии и ключевая фигура для Вашингтона, сказал послу Говарду Джонсу в 1960 г., что военные никогда не допустят участия Коммунистической партии Индонезии в исполнительной власти⁴.

В реальности тремя главными политическими силами в стране являлись не национализм, религия и коммунизм, а скорее КПИ, Сукарно и военные. Президент использовал свое личное влияние, чтобы сдерживать противников друг с другом и поддерживать хрупкое равновесие. В отличие от Бразилии, фанатичный антикоммунизм не имел массовой поддерж-

ки в индонезийском обществе. Несмотря на то что говорили лидеры военных американцам с глазу на глаз, они в целом не были в оппозиции левым и часто пользовались революционным языком Сукарно в своих письменных текстах и публичных высказываниях. В сущности, вся страна была по определению антиимпериалистической.

В начале 1963 г. страны, которые свела вместе Бандунгская конференция, основали в ходе Джакартской конференции Ассоциацию журналистов Африки и Азии. Франциске предложили стать на этом мероприятии официальным переводчиком, и она продолжила работу в этом качестве, когда был основан журнал *The Afro-Asian Journalist*, издаваемый джакартским Фондом Лумумбы (названным в честь убитого конголезского лидера). Она постоянно получала статьи на перевод с различных языков и из множества стран. *The Afro-Asian Journalist* печатал, по собственному определению этого издания, «социалистическую космополитическую журналистику» и рассматривал мировые битвы как единую борьбу, где все события взаимосвязаны. Этот журнал был намного более эклектичным и либеральным, чем многие действительно социалистические периодические издания мира, редакторы ценили плюрализм культур и художественное новаторство, публиковали антиимпериалистические комиксы и материалы из разнообразных источников со всего мира⁵.

Для Франциски это была восхитительная работа, и не только потому, что она стала путешествовать по миру, встречаясь с революционными лидерами во всей Африке и Азии. Казалось, сбывалось все, о чем она грезилась маленькой девочкой. В конце 1963 г. Джакарта принимала GANEFO (от англ. Games of the New Emerging Forces) — «Игры новых развивающихся сил» (что характерно, название-акроним придумал Сукарно). Это были Олимпийские игры третьего мира, проводившиеся под лозунгом «Вперед! Не отступать!». Изначально мероприятие было задумано из-за скандала, разразившегося, когда Индонезия исключила Китайскую республику (Тайвань)

и Израиль из Азиатских игр 1962 г. Возглавляемый западными державами Международный олимпийский комитет (МОК) и отместку исключил Индонезию из своих состязаний, поэтому страна сама решила провести антиимпериалистические игры, что совершенно не понравилось МОК. Однако не это запомнила Франциска об «Играх новых развивающихся сил». Ее на всю жизнь потрясло зрелище мероприятия, целиком и полностью организованного людьми из третьего мира, а также спортсмены и деятели культуры, съехавшихся на ту неделю в Джакарту.

«Впервые в жизни я осознала, что на самом деле происхожу не из некультурного или отсталого народа и что другие народы Африки и Азии тоже не являются отсталыми. Я всегда слышала и даже думала, что мы, индонезийцы, ужасно тупые и сами не знаем, что делаем, пытаюсь построить страну без образования и ресурсов», — сказала она. Ей было уже почти сорок лет. «Мы занимались своими собственными видами спорта, исполняли собственные танцы. Для нас это стало настоящим пробуждением. Было ощущение, что именно это Запад столетиями изо всех сил пытался скрыть, но вот наконец правда вышла наружу».

Даже коммунистическая партия, где состоял ее муж, чувствовала себя независимой, как никогда прежде. В 1960-х гг. КПИ все больше сближалась с позицией китайской стороны в расколе между КНР и СССР — отчасти потому, что Пекин охотнее поддерживал Индонезию в ее территориальных конфликтах. Формально, однако, КПИ сохраняла идеологическую верность антисталинской линии Советского Союза. Это были годы, когда Мао временно отодвинули от власти вследствие катастрофического провала Большого скачка, начатого в 1958 г. Подозревая, что Советы пытаются вставлять ему палки в колеса, Мао проигнорировал рекомендации советских агрономов и запустил утопичную до абсурда программу преобразования сельского хозяйства. Разразившийся в результате голод унес жизни миллионов людей, и другие лидеры Коммунистической партии Китая обоснованно возложили вину за это на предсе-

дателя Мао. Он был вынужден оставить партийную должность и уйти с поста главы государства, так что в 1960 г. на его глазах Лю Шаоци и Дэн Сяопин взяли экономику под свой контроль, восстановили мелкий капитализм и временно урезали полномочия Мао до роли номинального лидера, отвечавшего за идеологию⁶.

Более важным было то, что Коммунистическая партия Индонезии не считала себя обязанной выполнять чьи бы то ни было приказы⁷. Теперь это была третья по величине коммунистическая партия в мире, крупнейшая за пределами Китая и Советского Союза, и ее стратегия ненасильственного, непосредственного взаимодействия с массами принесла впечатляющие результаты. Теперь в КПИ состояли 3 млн действующих членов. Связанные с партией организации, включая СОБСИ (Центральная Всеиндонезийская рабочая организация), ЛЕКРА (Народное учреждение культуры), Индонезийский фермерский союз, *Pemuda Rakyat* («Народная молодежь») и *Gerwani* (женское движение «Гервани»), насчитывали по меньшей мере 20 млн членов. В сумме это составляло почти четверть населения Индонезии, на тот момент достигшего 100 млн человек, включая детей, так что почти треть взрослых жителей страны, зарегистрированных в качестве избирателей, были связаны с КПИ⁸. Эти организации открыто действовали во всех уголках страны, но на общенациональном уровне их влияние на политику почти полностью зависело от Сукарно. У них не было другого выбора. У них не было никаких технических средств перехвата власти — ни оружия, ни ящика для бюллетеней, они были мирными с момента изгнания голландцев, а еще «направляемая демократия» (а также поддерживавшаяся США индонезийская армия, всерьез встревоженная постоянными победами коммунистов) лишила их возможности принимать участие в выборах⁹.

По другую сторону политического водораздела военные союзничали с мусульманскими группами и все больше опирались на помощь Соединенных Штатов, предоставляемую

и большой охотой. Индонезийские военные радикально усилили свое влияние еще в 1958 г., когда ЦРУ пыталось расколоть страну, а Программы гражданских инициатив Кеннеди и Джонсона обеспечили им ресурсы и подготовку, необходимые для того, чтобы стать политической и экономической силой, с которой приходится считаться. Политические демаркационные линии были очевидны для каждого интересующегося: коммунисты и Сукарно на одной стороне, армия и Запад на другой.

И Сукарно ощущал, что может противостоять Западу как равный равному. Его революция обыграла ЦРУ в 1958 г. — он заставил Кеннеди и Нидерланды отступить в Западной Новой Гвинее. Поскольку интервенции в Бразилии и усиливающееся вторжение во Вьетнам очевидным образом подтверждали его мнение о Вашингтоне как об империалисте-агрессоре, Сукарно чувствовал, что находится в истории на стороне справедливости. Поэтому он переоценил свои силы и отбыл в Великобританию, хотя на родине проблемы росли как снежный ком.

Konfrontasi

Малайя, колониальное владение, занимающее Малайский полуостров от границы Таиланда до оконечности, где находится Сингапур, была одной из последних и самых важных британских территорий в Азии. Когда Лондон наконец деколонизировал этот регион и начал создавать новую страну Малайзию, Сукарно стал непримиримым противником тех форм, которые принял этот процесс. Он был убежден, что англичане пользуются имперскими хитростями, чтобы ослабить революционные силы в Азии. По большей части он был прав — и Говард Джонс это знал¹⁰.

Британцы не хотели создавать страну с китайским большинством, поскольку слишком большая часть малайского населения, особенно в Сингапуре, симпатизировала коммунизму.

В качестве решения этой проблемы Лондон добавил свои владения в верхней половине гигантского острова Борнео к территории, которая станет Малайзией, и исключил из нее остров Сингапур. Вследствие этого шага в новую Малайзию влилось глубоко самобытное население Саравака, Борнео и Сабаха, так что доля этнических китайцев снизилась до уровней, казавшихся британцам приемлемым. Южная часть Борнео принадлежала Индонезии — таким образом, у индонезийцев возникла протяженная граница с британскими колониальными территориями, включенными в Малайзию с единственной целью: ослабить левых. Понять, что именно там произошло, поможет следующее грубое сравнение: представьте, что после революции в Соединенных Штатах король Георг III сделал бы протестантов Северной Ирландии гражданами Канады, чтобы за счет их голосов верные подданные короны вечно выигрывали бы выборы к северу от границы США. Широко известны и другие примеры, когда британцы намеренно разделяли или без всяких на то оснований смешивали несхожие народы в Африке и на Ближнем Востоке, последствия чего ощущаются до сих пор. Президент Сукарно не доверял и Ли Куан Ю, первому премьер-министру Сингапура, потому что этот маленький город-государство сотрудничал с ЦРУ в ходе атак на Индонезию в 1958 г.

Джонс знал обо всех этих махинациях британцев, но реакция Сукарно вызвала у него удивление. После небольшого бунта на северном Борнео, убедившего Сукарно в том, что местные жители не хотят становиться малайзийцами, президент самым очевидным образом и с большим напором объявил себя противником создания Малайзии на подобных условиях. К большому недовольству британских властей, Сукарно в начале 1963 г. заявил, что формирование Малайзии является «продуктом, образом мысли, целью, стараниями и инициативой неоколониализма». Враждебный подход Сукарно получил горячую поддержку Коммунистической партии Индонезии, был в целом одобрен армией и, вероятно, был бы поддержан большей частью

поселения¹¹. С легкой руки министра иностранных дел Субандро этот конфликт получил название *Konfrontasi* — «конфронтация», как на индонезийском, так и на малайском языках.

Президент делал эти заявления в то самое время, когда его экономические советники отправились в Вашингтон на переговоры с представителями Международного валютного фонда (МВФ). В начале 1960-х гг. Индонезия переживала экономические трудности и увязла в спорах с США. Там было две основных проблемы. Первая: с 1958 г. Сукарно отдавал огромную долю национальных ресурсов военным, а также на продолжение конфликта из-за Западной Новой Гвинеи, а теперь и Малайзии. Вторая: после изгнания голландцев Индонезия начала переписывать законодательство, регулирующее управление своей нефтяной промышленностью, что вызвало огромную обеспокоенность американских чиновников. В *The New York Times* была опубликована редакционная статья, предупреждающая, что Сукарно «питает неодолимое пристрастие к националистическим эксцессам», и замечающая: «То, как он поведет себя в отношении нефтяных компаний, станет важнейшей проверкой его намерений»¹². Международный валютный фонд предъявлял требования к программе структурной перестройки в Индонезии и диктовал сокращение расходов, увеличение производства сырья на экспорт, девальвацию валюты, ужесточение денежной политики и прекращение государственных субсидий¹³. Министры Сукарно согласились с требованиями МВФ, которые оказали быстрое, тяжелое и повсеместное воздействие на население, столкнувшееся с мгновенным двухкратным, трехкратным или даже пятикратным ростом цен. Коммунистическая партия Индонезии объявила эти меры атакой на бедняков, но правительство все равно продавало их, очевидно, готовое платить любую цену за гарантию получения следующего пакета помощи из Вашингтона.

Из-за *Konfrontasi* все эти деликатные международные переговоры оказались под вопросом. Индонезийские войска начали вступать в несерьезные, малыми силами, однако стычки на гра-

нице с Малайзией на острове Борнео. Власти США беспокоились из-за союза с британцами, помощь которых хотели сохранить во Вьетнаме.

Сукарно очень сильно переоценил свои возможности давить на Великобританию и ООН в этом вопросе. Некоторые его шаги настроили против него союзников, которых он обрел среди стран — участниц Движения неприсоединения¹⁴. Даже многие его друзья в других странах третьего мира считали, что он ошибается. Однако для него экспансия Малайзии представляла экзистенциальную угрозу территориальной целостности Индонезии, и Сукарно был абсолютно не уверен, что постколониальную независимость удастся сохранить. Он пережил многочисленные покушения на свою жизнь, на его глазах снова началась война во Вьетнаме, и всего несколькими годами раньше Соединенные Штаты сбрасывали бомбы на его страну, пытаясь ее раздробить.

Индонезийские левые знали, что британцы использовали свой «особый отдел», или полицейскую разведку, чтобы захватывать и подкупать членов малайзийского коммунистического движения и проникать в его ряды, добиваясь, чтобы деколонизация на этой территории прошла по их плану¹⁵. Великобритания кроила Малайзию, беззастенчиво пытаясь обуздать силы левого национализма, самым знаменитым в мире поборником которого был, пожалуй, Сукарно, совсем рядом — по ту сторону проницаемой границы на индонезийском Борнео. В этих условиях толика тревоги и подозрительности, пожалуй, была неизбежна.

Однако американским чиновникам в подобного рода реакциях виделась обычно лишь раздражающая паранойя. Этот взгляд разделял и разработчик теории модернизации Лукиан Пье, договорившийся до того, что антиамериканизм постколониальных государств — это не что иное, как проявление психопатологии¹⁶.

По мере роста напряженности на международной арене рядовым индонезийцам жилось все хуже. Из-за экономиче-

ского кризиса стало трудно купить товары повседневного спроса, и простые люди, не увлекавшиеся политическими дискуссиями, не понимали, что происходит.

Магдалена

Гиготы жизни сполна ощутила и одна скромная молодая девушка из деревни Пурвокерто в Центральной Яве¹⁷.

Магдалена выросла в проблемной крестьянской семье, одолеваемой постоянными раздорами, болезнями и бедностью. Как и большинство жителей Явы (за существенным исключением — этнических китайцев), она была мусульманкой, но никогда не углублялась в изучение Корана. В школе она любила гамелан, традиционную форму яванского музицирования, — маленький оркестр ударных инструментов исполняет медитативные инструментальные пьесы с прихотливым тоновым рисунком: очень медленно тон то повышается, то понижается, и звучание может длиться целые часы. Однако жизнь быстро заставила ее забыть об этом увлечении. В 13 лет ей пришлось бросить школу и наняться прислугой в богатый дом поблизости. Когда ей исполнилось 15, ее мать заболела, Магдалена вернулась домой и принялась продавать соседям все, что можно было продать, лишь бы выручить немного денег: дрова, салаты, готовые блюда, жареную кассаву — все, что удавалось раздобыть. Девушке было 16, когда экономический спад усугубился, а *Konfrontasi* стала главной темой для обсуждения в столице, и ее маленький бизнес зачах. Магдалена никогда не бывала в большом городе, но ходили слухи, будто в Джакарте легче найти работу. Ее тетя, у которой были кое-какие знакомые в столице, пообещала помочь ей там устроиться. Кончилось тем, что Магдалена села в поезд и провела в пути целый день, медленно двигаясь на запад по путям, проложенным голландцами сто лет назад, пока не приехала в Джакарту — совершенно одна. Миновав по дороге Национальный монумент незави-

симости, она подивилась его масштабу — раз в десять выше любого здания, которые ей доводилось видеть.

Насчет шансов отыскать работу слухи подтвердились. Почти сразу девушка устроилась на фабрику по пошиву футболок. Новый работодатель поселил ее в маленькую общую квартиру, пристроенную к офису компании, где она жила с другими девушками. По утрам Магдалена надевала униформу и ждала шести с небольшим, когда к их маленькому дому в Джатинегаре, в Восточной Джакарте, подкатывал большой грузовик. Девушки набивались в кузов, ехали в Дурен Тигу в южной части столицы, и утренний город проносился у Магдалены перед глазами. Они работали с семи до четырех, и им неплохо платили. Мужчины стирали ткань, а женщины вырезали из нее детали нужной формы. Работники в другой мастерской все это сшивали.

Магдалена считала условия хорошими и быстро узнала, что за это нужно благодарить СОБСИ, сеть профсоюзов, связанную с Коммунистической партией Индонезии, которая объединила в организацию большинство рабочих страны. Она вступила в нее, как и все остальные, и через несколько месяцев получила незначительную административную должность в местном профсоюзе, почти не предполагавшую реальных обязанностей. Магдалена приезжала, резала ткань и уезжала домой.

Это было ее первое, очень незначительное знакомство с индонезийской политикой. Она почти не понимала революционные лозунги или идеологический жаргон радиопередач, звучавших во время работы. Она помнит, что однажды услышала слово «насаком» и не имела ни малейшего представления, что это значит. Она практически ничего не знала о коммунистической партии или о том, связана ли та как-то с ее работой. А вот СОБСИ имеет к этому отношение — это она знала — и много помогает.

«Они поддерживали нас, прикрывали нас, и их подход работал, — сказала она. — Еще как работал. Вот и все, что мы знали».

Обычно Магдалена возвращалась с фабрики слишком уставшей, чтобы чем-то особо заниматься, к тому же была слишком юной и одинокой, чтобы отваживаться на вылазки в большой город. Она держалась скромно и молча наблюдала за происходящим. После работы о политике разговоров не вела, просто лежала и болтала с лучшей джакартской подругой Сити. Они могли сплетничать о парнях, обсуждать, у кого из девушек есть ухажеры или мужья. Хотя Магдалена всегда была одна, она рано, еще на родине, узнала, что ее считают очень хорошенькой. Возможно, когда-нибудь она начнет встречаться. Теперь же она работала ради того, чтобы скопить немного денег на жизнь, ставшую лишь самой малостью обеспечения.

По радио продолжали звучать репортажи, а Магдалена знала себе работала и работала. Если она и слышала в конце 1963 г. слова «Линдон Джонсон», то не знала, что они означают.

Однако смерть Джона Кеннеди имела очень большое значение для Индонезии.

Конец метода Джонса

Именно в Индонезии Линдон Джонсон отказался от подхода своего предшественника. У него не было возможности тратить на Сукарно столько времени. Всего за три дня до смерти Джек Кеннеди подтвердил свою очевидную, хотя и несколько циничную приверженность стратегии постоянного взаимодействия с Сукарно — ту самую стратегию, которую давно продвигал Улыбающийся Джонс. По словам сотрудника Белого дома Майкла Форрестала, он сказал: «Индонезия — это стомиллионный народ, имеющий, возможно, больше ресурсов, чем любая другая страна в Азии... Для США нет никакого смысла действовать так, чтобы навсегда оттолкнуть от себя эту большую группу людей, сидящих на всех этих ресурсах, разве что по какой-то очень, очень убедительной причине». *Konfrontasi* не являлась

для Кеннеди достаточной причиной, чтобы порвать с Сукарно и Джонсом¹⁸.

Линдон Джонсон не был заинтересован в том, чтобы напрямую заниматься Индонезией, и он не хотел тратить свой политический капитал, продвигая азиатскую политику, непопулярную в Конгрессе. Кеннеди встречался с Сукарно, понимал Индонезию, и ему было не наплевать на этот вопрос. JFK соглашался с Джонсом, что визит в Джакарту мог бы сгладить трения по этому вопросу. Программа борьбы с повстанцами военными средствами была создана Кеннеди и уже реализовывалась, но президент Джонсон не собирался вести какие-либо политические битвы за эти 100 млн человек и ресурсы у них под ногами.

Говард Джонс с тоской вспоминает эти перемены: «Я уверен, что Сукарно, видевший в себе лидера не только новых наций Азии и Африки, но и всех “новых перспективных сил”, считал возможным взаимопонимание, если не союз, себя самого и человека, считавшегося лидером западного мира. Раз уж его обхаживали Хрущев с Мао, почему бы и лидеру другого мирового блока не проявить свою заинтересованность в сотрудничестве?»

Джонс считал, что Сукарно пошел бы на уступки в Малайзии, лишь бы это не выглядело как национальное унижение, и уверил Кеннеди, что президентский визит в Индонезию — именно то, что нужно. Кеннеди согласился и стал планировать свой приезд¹⁹. Когда же через несколько месяцев после смерти JFK Джонс попросил недавно приведенного к присяге Джонсона подписать официальный документ, согласно которому продолжение помощи Индонезии соответствует национальным интересам США, тот отказался. «Президент Кеннеди, я уверен, подписал бы этот протокол практически без раздумий. Это стало большим разочарованием», — вспоминает Джонс. В декабре Роберт Макнамара, один из советников, оставшихся после Кеннеди, стал рекомендовать решительное сокращение помощи Индонезии. «Так начался сдвиг американской полити-

ки к более жесткой линии», — писал посол²⁰. Это был и конец подхода Улыбающегося Джонса, подразумевавшего сближение двух стран, — стратегии, которую он пестовал почти десять лет.

Джонсон все-таки заключил сделку, но с британцами. В обмен на помощь во Вьетнаме, где ситуация начинала обостряться, Вашингтон обещал поддержать их по вопросу создания Малайзии²¹.

Сукарно заметил изменение в отношении к себе со стороны самой могущественной страны в мире. Он додумался даже до того, что JFK убили, чтобы не дать ему посетить Индонезию и укрепить союз Вашингтона и Джакарты²².

В Вашингтоне вспыхнули дебаты по вопросу о том, заслуживает ли Индонезия большей поддержки. Сукарно наблюдал за происходящим. В качестве реакции на эту дискуссию президент Индонезии выступил с речью в марте 1964 г., как раз когда бразильские генералы наносили последние штрихи на планы переворота, за которыми стояли США. Несмотря на то что он выразил признательность за помощь, предоставляемую без дополнительных политических условий, одна фраза, произнесенная на английском языке, предсказуемо угодила в заголовки газет и быстро добралась до Вашингтона. Любому, кто предлагает помощь, сопровождающуюся политическими условиями, заявил президент, его ответ будет таков: «Убирайтесь к черту со своей помощью!»

По словам Джонса, «в сущности, именно это и было сутью его заявления»²³. Всякое расположение Вашингтона к Сукарно стало исчезать. В следующие несколько месяцев полностью прекратилась любая непосредственная помощь национальному правительству. Была сохранена лишь одна программа, что имело решающее значение для будущего Индонезии, — США продолжили напрямую заливать деньгами вооруженные силы страны, и военные советники по-прежнему тесно взаимодействовали с высшим командованием индонезийской армии.

Сукарно стал проявлять свой антиамериканизм более публично и демонстративно, чем когда-либо прежде. Совет-

ский Союз был совершенно не заинтересован в поддержке *Konfrontasi*, поэтому Индонезия формировала более тесные связи с азиатскими социалистическими странами. Внутри страны набирала обороты антиамериканская кампания, и многие акции возглавляли коммунисты. Правительство установило фактический запрет на американские фильмы, несмотря на то что Сукарно всегда их любил. Вспыхнули протесты, направленные против американских граждан и американского бизнеса, хотя посол Джонс сохранял сердечные отношения с правительством²⁴.

Затем мировую политику потряс очередной взрыв, прогремевший намного ближе бразильского, и порожденные им волны быстро докатились до берегов Явы. В Тонкинском заливе американский эсминец «Мэддокс» вошел во вьетнамские воды, нарушив международную 12-мильную зону в попытке перерезать коммуникации Северного Вьетнама. 2 августа 1964 г. три вьетнамских патрульных катера подошли к «Мэддоксу», и США открыли огонь, убив четырех моряков. Вьетнамцы дали ответный залп и отступили. Однако 3 августа Джонсон заявил, что патрулирование в Тонкинском заливе будет продолжено, и предостерег против «дальнейших неспровоцированных военных действий». И хотя 4 августа никаких событий не было, но американским морякам что-то почудилось, и корабли США начали «стрелять в собственные тени»²⁵. Эта вторая, несуществующая, конфронтация была использована как предлог для принятия «Тонкинской резолюции», предоставившей Джонсону полномочия начать во Вьетнаме полномасштабную войну.

Через три дня Сукарно демонстративно установил отношения с правительством Хо Ши Мина в северной части Вьетнама. «Я считаю вашу политику в Азии ошибочной, — прямо сказал он Говарду Джонсу. — Она совершенно не популярна у азиатских народов. У них создается впечатление, что вы вмешиваетесь в дела азиатских стран... Почему вы стали вмешиваться?» Незачем и говорить, что для Вашингтона это была скандальная позиция, но большинство индонезийцев согласились с Сукарно.

В представлении людей вроде Франциски, Саконо и Магдалены вьетнамцы сражались за национальную независимость²⁶. 11 августа 1964 г. Сукарно выступил с еще одной яростной речью и провозгласил «год жизни в опасности». Он говорил об «оси Джакарта — Пномпень — Ханой — Пекин — Пхеньян... предложенной ходом истории» и косвенно нападал на армейских генералов за получение прибыли с государственных предприятий, которые те контролировали. Несколько месяцев спустя, в ярости из-за избрания Малайзии в Совбез ООН, Сукарно в знак протеста решил вывести Индонезию из ООН. Он также обвинил ЦРУ в попытках убить его²⁷.

Говард Джонс запланировал перебраться из Джакарты в Гонолулу, где возглавил бы Центр изучения Востока и Запада в Гавайском университете. Занимаясь последними приготовлениями, он продолжал убеждать своих будущих преемников, что его персональная дипломатия в отношении Сукарно даст больше всего шансов обратить волну событий в Джакарте в другую сторону. Однако он знал, что в этом убеждении он одинок, буквально как островитянин, вокруг которого смыкаются глубокие воды. Подход Говарда Джонса к Индонезии остался в прошлом.

В коротком письме президенту Джонсону с просьбой об отставке он написал: «Индонезия — прекрасная страна с мирным, доброжелательным народом. Я очень верю в народ Индонезии и убежден, что он в конце концов найдет выход из сегодняшних трудностей». И продолжил: «Я убежден, что между народами Америки и Индонезии существует основополагающая симпатия»²⁸.

Когда Джонс готовился уехать из страны, министр иностранных дел Субандрио — тот самый, кому Джонс непреднамеренно солгал в 1958 г. о роли ЦРУ в гражданской войне, — прислал ему небольшое приглашение, написанное от руки. Министр хотел в последний раз отобедать с послом и его супругой. Они встретились 18 мая, чтобы попрощаться друг с другом за скромным ланчем. В меню в тот день значились lumpia (индонезий-

ский вариант китайских роллов с начинкой из яичницы), обычный белый рис, кисло-сладкая рыба гураме, креветки с лаймом и черным перцем и жареный голубь²⁹.

Проводы, которых Джонс удостоился в американской прессе, были не столь душевными. После того как он объявил о своей отставке, *The Washington Post* разразилась пространной статьей, не пожалев чернил для критики его пребывания в должности, и назвала его «приятелем Сукарно», «наивным, почти как ангел»³⁰. *Los Angeles Times* высказалась на ту же тему более откровенно, задавшись прямо в заголовке вопросом, не был ли Джонс «простофилей»³¹.

Секретные операции

Когда с дипломатическим подходом Джонса было покончено, власти и США, и Великобритании активизировали секретную деятельность в Индонезии. В полной мере ее характер остается для нас неизвестным, но она включала в себя «черные операции»* и подготовку к психологической войне. В декабре 1964 г. британцы создали в Сингапуре должность «директора по политической войне». Власти США одобрили секретный план 4 марта 1965 г., однако источник финансирования и предоставленные суммы остаются засекреченными. Большинство тайных операций, скорее всего, проводились ЦРУ и МИ-6. С учетом манеры, обычно свойственной этим организациям, данные операции почти наверняка включали среди прочего публикацию не соответствующих действительности или скандальных сюжетов в индонезийской и мировой прессе. Они хотели спровоцировать коммунистов на активные действия.

С начала 1960-х гг. как американские, так и британские власти уверовали — и часто обсуждали это, — что идеальным сценарием стал бы «преждевременный мятеж КПИ», который

---

* Скрытые операции противозаконного характера: убийства, шантаж и др.

вызвал бы ответные действия армии. Тот или иной вариант этого плана, возможно, разрабатывался тайно под прикрытием Программ гражданских действий Кеннеди с 1962 г.³²

На одной из последних встреч, где Говард Джонс присутствовал в качестве посла (дело было на Филиппинах), сам он сказал чиновникам из Госдепартамента за закрытыми дверями: «С нашей точки зрения, разумеется, неудачная попытка переговоров, совершенная КПИ, могла бы оказаться самым эффективным развитием событий, чтобы обратить вспять политические тенденции в Индонезии»³³.

Некоторые из наиболее консервативных элементов в Индонезии были недовольны левым креном Сукарно. Среди них особенно выделялась армия, но в их числе были и некоторые мусульманские группы. В определенных частях страны местные землевладельцы пребывали в состоянии вялого конфликта с КПИ. После принятия весьма умеренной земельной реформы коммунистическая партия сочла своим долгом попытаться оказать давление на землевладельцев, заставив их соблюдать закон, что привело к ряду столкновений, особенно в Восточной Яве и на Бали³⁴.

Сукарно обдумывал создание нового народного ополчения, национальной «пятой силы», состоящей из обычных людей, рабочих и крестьян, — своего рода национального резерва, который существовал бы наряду с регулярными войсками. Китай призывал Индонезию сформировать народную милицию, потому что, как сказал Чжоу Эньлай министру иностранных дел Субандрио, «милитаризованные массы непобедимы». Армия, однако, противилась этой идее, и Сукарно готовился вскоре обсудить с ней этот вопрос³⁵. Как отметило в мае 1965 г. ЦРУ, сама коммунистическая партия «имела ограниченный потенциал для вооруженного восстания и почти наверняка не захотела бы провоцировать военных на открытое противостояние»³⁶.

В августе 1965 г. Сукарно заболел, его лечил доктор-китаец, рекомендовавший президенту снизить рабочую нагрузку

и «прибегнуть к ограничению в сексуальной жизни». Сукарно отказался, и политические инсайдеры забеспокоились о том, как будут развиваться события в случае его смерти³⁷. Айдит, лидер коммунистической партии, съездил в Пекин и встретился с Мао, и у нас имеется запись части их разговора.

Мао: «Я думаю, что правое крыло в Индонезии решило захватить власть. Вы тоже на это готовы?»

Айдит [кивает]: «Если Сукарно умрет, встанет вопрос о том, кто станет самым главным».

Мао: «Я советую вам не ездить так часто за границу. Вы можете отправлять вместо себя своего представителя».

Айдит: «Что касается правого крыла, у них есть два варианта, как действовать. Во-первых, они могли бы напасть на нас. Если они это сделают, то у нас будут причины ответить ударом на удар. Во-вторых, они могли бы использовать более умеренный метод, создав насакомовское правительство. <...> Американцы сказали Насутиону, что тот должен терпеливо ждать, даже если Сукарно умрет, [главе Вооруженных сил генералу Насутиону] следует быть гибким, а не поднимать мятеж. Он принял совет американцев».

Китайский лидер намного меньше доверял индонезийским военным и поддерживавшим их лицам в Вашингтоне.

Мао ответил: «На это нельзя полагаться. Текущая ситуация изменилась».

Затем Айдит описал план контратаки, в рамках которого коммунисты могли бы создать военный комитет, оперевшись на левые и центристские элементы, чтобы не поднимать «красный флаг» и не провоцировать немедленное противодействие. Мао перевел разговор на собственный опыт с Националистической партией Китая, вероятно желая «внести предложение, что Айдиту следует готовиться как к решению мирных задач,

так и к вооруженной борьбе», полагает Таомо Чжок, историк, недавно обнаруживший запись этого разговора³⁸. Айдит, однако, совершенно не подготовил свою партию к вооруженной борьбе.

На протяжении 1965 г. слухи о том, что генералы правого толка что-то замышляют вместе с ЦРУ или другой иностранной силой, распространялись по Джакарте как лесной пожар. Индонезийское правительство нашло письмо, специально написанное британским послом Эндрю Гилкристом, в котором утверждалось: «Полезно еще раз подчеркнуть для наших товарищей в местных армиях, что строжайшая осторожность, дисциплина и координация критически значимы для успеха всего предприятия». Сукарно вызвал к себе армейскую верхушку, желая узнать, кто такие эти «друзья армии». «Документ Гилкриста» мог быть как подделкой, так и подлинником. Британцы или американцы могли подбросить его, используя как психологический трюк, возможно один из многих, чтобы спровоцировать левых на выступление³⁹.

Подозрения, разделяемые Сукарно и многими представителями индонезийского правительства, усилились, когда выяснилось, кто именно приезжает из Вашингтона на замену Говарду Джонсу. Новоиспеченный посол Маршалл Грин, узнали они, находился в Сеуле, когда Пак Чонхи захватил власть в ходе военного переворота, уничтожившего эфемерную парламентскую Вторую республику. Как гватемальцы с подозрением смотрели на боевое прошлое Пьюрифоя, когда того отправили взаимодействовать с Хакобо Арбенсом, так и прибытие Грина многими рассматривалось как сигнал, что Вашингтон отказался от мягкого дипломатичного подхода Говарда Джонса и теперь всецело привержен идее смены правящего строя⁴⁰.

Как и при Кеннеди, администрация Джонсона считала Индонезию более важной, чем Вьетнам. «Президент Джонсон все больше утверждался в мысли, что в конце концов должен быть готов к большой войне с Индонезией», — сказал госсекретарь Дин Раск британскому чиновнику⁴¹. Участники встречи

секретного Комитета 303 в рамках Совета национальной безопасности пришли к заключению, что, если «народ в 105 миллионов человек будет отдан “коммунистическому лагерю”, это будет означать легкую победу Вьетнама»⁴². Заместитель госсекретаря Джордж Болл и советник по национальной безопасности сошлись на том, что потеря Индонезии станет «самой серьезной неудачей после падения Китая»⁴³.

В декабре 1964 г. посол Пакистана в Париже Дж. А. Рахим послал письмо министру иностранных дел своей страны Зульфикару Али Бхутто, сообщая о своем разговоре с офицером голландской службы безопасности, работавшим на НАТО. Он написал, что западные разведывательные структуры занимаются организацией «преждевременного коммунистического мятежа». Индонезия, сказал ему офицер НАТО, «готова упасть в руки Запада, словно переспелое яблоко»⁴⁴.

Франсиска провела большую часть 1965 г. в Алжире, занимаясь подготовкой конференции, которая свела бы членов Ассоциации журналистов Африки и Азии с их коллегами из Латинской Америки. Однако военные устроили путч и свергли социалиста Бена Беллу, первого президента независимого Алжира, так что эти планы пошли прахом. Вернувшись домой в августе 1965 г., она почувствовала, что все изменилось. Появилась напряженность. Разговоры о близком правом мятеже можно было услышать буквально повсюду. В ее социальном кругу говорили о том, что, похоже, правый Совет генералов тайно готовится сместить Сукарно или уничтожить левых.

В какой-то момент группа армейских офицеров-левоцентристов сформировала объединение, которое решила назвать *Gerakan 30 September* (G30S, или Движение 30 сентября), и разработала план восстания. Однако большинству жителей по всей стране, кроме тех, кто пристально следил за развитием политической ситуации в Джакарте, 29 сентября 1965 г. казалось самым обычным днем. К этому большинству относились и члены КПИ и связанных с ней организаций. Ваян Бадра, юный сын

благочестивого индуистского жреца на Бали, проснулся рано утром в своей крохотной деревушке и пошел к океану, затем свернул налево к пляжу Семиньяк, чтобы проделать четырехкилометровый путь по пустынной полосе песка до школы в Куте. Двое из его учителей были членами коммунистической партии, и все ученики любили их. Еще несколько учителей состояли в националистической партии, Ваян Барда считал их всех индуистами, каковыми жители Бали являлись почти два тысячелетия, а также своими союзниками в деле строительства новой Индонезии. Саконо, пылкий молодой, с левыми взглядами, студент из Центральной Явы, одинаково любивший марксизм и футбол, уже был взрослым мужчиной — точнее, преодолел 19-летний рубеж. Теперь он состоял в связанной с коммунистами организации «Народная молодежь» и очень гордился только что полученным правом работать учителем. Он терпеливо ждал, когда ему сообщат, что можно приступать непосредственно к преподаванию. Его кудрявый друг и наставник Сутрисно продолжал заниматься организационной работой в их деревне в качестве полноценного кадрового работника коммунистической партии. Магдалена в Джакарте добралась на грузовике до работы, девять часов резала ткань для футболок, затем поехала обратно, миновала возвышающийся Национальный монумент независимости и рухнула на кровать.

Ночной призыв

Глубокой ночью 30 сентября 1965 г. — на самом деле уже в первые часы 1 октября — члены объединения армейских офицеров-левоцентристов собрались на базе BBC Халим, на том же аэродроме, где Франциска и Зайн обустроили свой первый скромный дом в гараже четырнадцать лет назад.

Лидеры Движения 30 сентября были из вооруженных сил. Например, коренастый подполковник Унтунг атаковал голландские войска в битве за Западную Новую Гвинею, а пол-

ковник Абдул Латиф был выдающимся командиром, сражавшимся против голландцев во время революции 1940-х гг.

Они организовали семь групп, состоящих из солдат, находившихся в их формальном подчинении. Перед всеми группами ставилась одинаковая задача: отправиться к домам семи самых высокопоставленных офицеров армии, арестовать и доставить на базу. В густой предутренней темноте они выдвинулись к центру Джакарты в армейских грузовиках. Частично они достигли успеха. Шесть команд привезли своих арестованных, в том числе генерал-лейтенанта Ахмада Яни, начальника штаба сухопутных войск. Однако самая важная цель — генерал Насутион, друг Вашингтона и Говарда Джонса с 1958 г., — ускользнула. Когда начался налет на его дом, Насутион перепрыгнул через заднюю стену своего дома в богатом квартале Ментенг и рванул к дому своего друга, посла Ирака. Участники Движения 30 сентября привезли вместо генерала его помощника. Во время налета была застрелена его пятилетняя дочь.

Некоторые из членов Движения 30 сентября, по большей части солдаты регулярной армии, вошли в город и заняли площадь Независимости — место, где возвышался Национальный монумент, мимо которого проезжала Магдалена, когда впервые прибыла в Джакарту. Один из высокопоставленных офицеров, участвовавший в движении, отправился в президентский дворец сообщить Сукарно, что они арестовали генералов, вступивших в заговор против него. Президента там не оказалось. Как часто случалось, он тогда ночевал в доме своей третьей жены.

В 07:30 жители Джакарты слышали радиотрансляцию «заявления, полученного от подполковника Унтунга, командира Движения 30 сентября». Голос диктора сообщил жителям столицы, что движение было сформировано с целью предупреждения «контрреволюционного мятежа», планируемого Советом генералов — группой, «таившей злой умысел против республики, Индонезии и президента Сукарно». Движение арестовало их, чтобы защитить Сукарно, и теперь следует ждать дальнейших новостей.

Около девяти утра Сукарно наконец прибыл на базу ВВС Халим, чтобы встретиться с представителем движения, пытавшимся отыскать его несколько часов назад.

По причинам, которые мы пока не вполне понимаем, все шестеро схваченных генералов оказались к моменту его прибытия мертвы и их тела находились на дне заброшенного колодца возле авиабазы. Неизвестно, знал ли об этом в тот момент президент Сукарно или хотя бы член Движения 30 сентября, выбранный для встречи с ним.

Лидеры Движения 30 сентября были именно армейскими офицерами. Ни ВВС, ни ВМФ, ни политическое командование в нем не участвовали. Однако, когда руководителей ВВС проинформировали о движении и его успехе, те приветствовали его. Они посчитали, что внутренняя операция военных, лояльных президенту Сукарно, предотвратила правый мятеж. По сообщениям, сам Сукарно был удивлен содержанием радиообращения, но был готов подождать и посмотреть, как будут развиваться события, прежде чем определить с собственной позицией.

Айдит, лидер Коммунистической партии Индонезии, и некоторые члены организации «Народная молодежь» также прибыли на авиабазу Халим в какой-то момент 1 октября. Они находились в другом здании и не могли напрямую общаться с лидерами армейского восстания. Движение 30 сентября перерезало городские телефонные линии, а раций или радиостанций у них не было. Не было у них и танков, стандартной техники участников переворотов того времени⁴⁵.

Сумятица продолжалась не более одного дня. В течение двенадцати часов движение было подавлено, и армия, теперь возглавляемая правым генералом Сухарто, напрямую контролировала страну.

Пятьдесят с лишним лет спустя у нас так и нет полного понимания того, кто спланировал Движение 30 сентября и какова была истинная цель этого ночного рейда. У нас имеется лишь ряд заслуживающих доверия теорий.

Одна из правдоподобных версий этих событий, предложенная историком Джоном Рузой, состоит в том, что Айдит помог спланировать рейд через посредников коммунистической партии в среде военных. Поскольку его диалог с армией велся секретно и опосредованно, обе стороны (Айдит и Движение) в конце концов отказались от плана, неудачного и обреченного на провал. Они собирались тихо арестовать генералов — как издавна было принято в Индонезии, вспомнить хотя бы похищение самого Сукарно в 1945 г. — и представить их президенту как предателей. Их смерть, по этой версии, могла стать результатом некомпетентности и паники. Это, вероятно, самая «консервативная» из убедительных версий, и она предъявляет самые серьезные обвинения КПИ. Айдит должен был общаться лишь с крохотной группой членов партии — даже не с Центральным комитетом или Политбюро. В этой версии Айдит и крохотная группа коммунистов высокого ранга виновна в соучастии в непредумышленном убийстве генералов, а спровоцировали их на это американские и британские кампании дезинформации, запущенные с откровенной целью заставить их поверить, будто другого выхода, кроме немедленного действия, не существует⁴⁶.

Версия эта убедила не всех⁴⁷. Зачем, спрашивают некоторые исследователи, стал бы Айдит применять оружие или вообще предпринимать какие-либо насильственные действия против армии, если позиция коммунистической партии была очень прочной, пока Сукарно занимал президентское кресло? Айдит прекрасно знал, что влияние КПИ полностью зависит от использования мягкой силы и что все оружие находится в руках военных. И как могло случиться, что обученные военнослужащие, которым поручено было арестовать спящих вышестоящих офицеров, случайно убили их всех и сбросили тела в колодезь?

Имеется и ряд конкурирующих теорий. Бенедикт Андерсон, пожалуй самый известный эксперт по Индонезии XX в., и исследовательница Рут Макви представили в 1966 г. версию,

согласно которой Движение 30 сентября по большей части являлось именно тем, чем себя называло — течением внутри армии, в организации которого КПИ не участвовала⁴⁸. После того как Андерсон опубликовал эту версию, его вышвырнули из Индонезии на 26 лет. Перед самой своей смертью в 2015 г. он сказал, что по-прежнему убежден в ее истинности⁴⁹.

Вполне возможно также, что генерал Сухарто, которому, когда пыль улеглась, и досталась в итоге власть, сам спланировал это движение или внедрил в него своих людей — не исключено, что с определенной иностранной помощью, — чтобы обеспечить себе восхождение к власти. В конце концов, он был близок к лидерам восстания. У Сухарто была своя история конфликта с Насутионом и Яни, и он оказался единственным высокопоставленным армейским с откровенно правыми взглядами, кто не стал мишенью мятежников. Бывший министр иностранных дел Субандрио — тот, перед которым Говард Джонс в 1958 г. отрицал, что ЦРУ бомбило страну, — предлагает убедительный инсайдерский анализ, согласно которому Сухарто был заранее предупрежден о готовящихся событиях друзьями, возглавляющими Движение 30 сентября. Он пообещал им свою помощь, но в действительности планировал выждать и использовать восстание как повод для перехвата власти⁵⁰. Лидер мятежников Латиф также сказал впоследствии, что Сухарто заранее проинформировали об их планах⁵¹.

Мы знаем, что заговор существовал. Если ЦРУ и другие организации, такие как индонезийские военные круги, не раскроют свои материалы, нам остается лишь строить теории о его истинной природе, опираясь на надежные свидетельства⁵². Тем не менее то, что происходило дальше, не вызывает сомнений.

После событий 1 октября 1965 г. генерал Сухарто захватил контроль над страной и опубликовал ряд тщательно подготовленных намеренно ложных сообщений. Эти выдумки на десятилетия стали официальной догмой в одной из самых больших стран мира.

Пропаганда *Bersendjata*

1 октября 1965 г. большинство индонезийцев представления не имели о том, кто такой генерал Сухарто. ЦРУ же знало его прекрасно. Еще в сентябре 1964 г. ЦРУ упомянуло Сухарто в секретной телеграмме как одного из генералов армии, которого ведомство считало «дружественно» относящимся к интересам США и антикоммунизму⁵³. В телеграмме также излагалась идея антикоммунистической коалиции военных и гражданских, которая могла бы добиться власти в успешной борьбе.

Сухарто, неразговорчивый 44-летний генерал-майор из Центральной Явы, возглавлял Командование стратегического резерва сухопутных войск, Кострад. Он учился у человека по имени Суварто, близкого друга консультанта RAND Corporation Гая Паукера, одного из индонезийских офицеров, который непосредственно отвечал за воплощение в жизнь — под управлением военных — теории модернизации и построение «государства в государстве», а также дружественные США антиповстанческие операции⁵⁴. У Сухарто было неоднозначное прошлое в индонезийских военных кругах. В конце 1950-х гг. его поймали на контрабанде, и Насутион лично его уволил. По словам Субандрио, безудержная коррупция Сухарто так взбесила Яни и Насутиона, что Яни избил его собственными руками, а Насутион едва не отдал по суду⁵⁵. Во время Конфронтации на Борнео Сухарто, используя свои возможности для минимизации конфликта Индонезии с Великобританией (и США) в то время⁵⁶, устроил дела таким образом, что войска вдоль границы с Малайзией оказались недоукомплектованы и плохо снабжались.

Что интересно, 1 октября 1965 г. Вооруженные силы Индонезии возглавил генерал Сухарто, а не Насутион (самый высокопоставленный офицер в стране), после того как другу Вашингтона посчастливилось пережить события предыдущей ночи. Это была настолько неожиданная смена ролей, что целому

ряду ключевых игроков потребовалось несколько недель, чтобы понять, что за все отвечал именно Сухарто.

Все, что делал Сухарто в октябре, заставляет предположить, что он реализовал план контратаки на коммунистов, разработанный заранее, а не просто реагировал на события.

Утром 1 октября Сухарто прибыл в Кострад, по каким-то причинам не ставший мишенью и не нейтрализованный Движением 30 сентября, хотя размещался буквально по другую сторону площади Независимости, которую повстанцы заняли в то утро. На срочном собрании ранним утром он объявил себя командующим вооруженными силами страны. Во второй половине дня Сухарто приказал войскам на площади Независимости разойтись и прекратить мятеж, или он их атакует. Командующий захватил Центральную Яву без единого выстрела и лично выступил по радио с сообщением о разгроме Движения 30 сентября. Президент Сукарно приказал другому генерал-майору, Праното, встретиться с ним на авиабазе Халим и принять временное командование над вооруженными силами. Вопреки прямому приказу своего главнокомандующего, Сухарто воспрепятствовал приезду Праното и сам отдал приказ Сукарно покинуть аэропорт. Сукарно подчинился и бежал в президентский дворец за пределами города. После этого Сухарто легко захватил аэропорт, а затем и всю страну, игнорируя Сукарно, когда это было ему выгодно.

Взяв власть, Сухарто распорядился закрыть все СМИ, за исключением военных, которые контролировал. Любопытно, что *Harian Rakyat* — газета коммунистической партии, где Зайн проработал больше десятилетия, — опубликовала редакционную передовицу в поддержку Движения 30 сентября только 2 октября, через сутки после провала восстания и, по слухам, захвата редакции военными. Тот факт, что это была единственная не военная газета, вышедшая в тот день, может свидетельствовать о том, что армия сама напечатала ее, чтобы обвинить партию. Это, впрочем, может быть и свидетельством того, что партия не видела ничего потенциально компрометирующего

ее в том, чтобы выразить поддержку внутреннему армейскому движению, на тот момент имевшему, казалось бы, похвальную цель — остановить правый мятеж⁵⁷. Теорий множество. Писатель Мартин Алейда, работавший в то время в газете, говорит, что редакционная статья существенно отличалась от текстов Нджото, члена КПИ, который обычно писал такие материалы⁵⁸. На последней странице того номера была карикатура, нарисованная в обычном стиле «Народной ежедневной газеты». Она изображала Движение 30 сентября в виде кулака, ударившего Совет генералов, представленный в образе человека, который валится на спину, причем становится видна его шляпа с надписью «ЦРУ». Франсиска помнит только, что Зайн в тот день работал как обычно, пока газета не была закрыта.

Теперь Сухарто контролировал все массовые коммуникации. Он обвинил КПИ в чудовищных преступлениях, прибегнув к целенаправленной провокационной лжи, чтобы вызвать ненависть в адрес левых по всей стране.

Военные распространили выдумку, будто вдохновителем провалившегося коммунистического переворота являлась КПИ. Сухарто и его люди заявили, что Коммунистическая партия Индонезии привезла генералов на авиабазу Халим, чтобы совершить развратный демонический ритуал. Якобы участницы женского движения «Гервани» плясали обнаженными, пока другие женщины калечили и пытали генералов, отрезая им гениталии и выцарапывая глаза, после чего умертвили. Они утверждали, что КПИ составила длинный список людей, которых планировала убить, и могилы для массовых захоронений уже были приготовлены⁵⁹. Утверждалось, что Китай тайно поставлял оружие Народным молодежным бригадам⁶⁰. Армейская газета *Angkatan Bersendjata* («Вооруженные силы») напечатала фотографии тел мертвых генералов и сообщила, что они были «жестоко и низко умерщвлены» в ходе пыток, представлявших собой «попрание основ человечности»⁶¹.

Когда появились первые новости об этих событиях, заместитель госсекретаря США Джордж Болл, по некоторым сооб-

нением, позвонил директору ЦРУ Ричарду Хелмсу и спросил, «могут ли [они] категорически отрицать участие операций ЦРУ в ситуации в Индонезии». Хелмс ответил утвердительно⁶². Похоже, посол Грин не ожидал никаких событий 1 октября, и все документы Государственного департамента, опубликованные на сегодняшний день, свидетельствуют, что посольство было ошарашено событиями первых дней этого месяца. Неясно, утаивалась ли от нового посла информация, как семью годами раньше от Говарда Джонса.

Вскоре после первоначальной растерянности власти США помогли Сухарто на решающем первом этапе распространения пропаганды, когда только-только формировался его собственный антикоммунистический нарратив. Вашингтон наладил быстрые тайные поставки военным жизненно важного мобильного коммуникационного оборудования, о чем свидетельствует телеграмма от 14 октября, с которой теперь снят гриф секретности⁶³. Пособничеством стало и молчаливое признание на самом раннем этапе развернувшихся событий, что власти США считают истинным руководством страны армию, а не Сукарно, хотя именно он продолжал оставаться законным президентом.

Свою лепту вносила и западная пресса. «Голос Америки», Би-би-си и «Радио Австралии» транслировали репортажи, где настойчиво повторялись все пункты из заявлений индонезийской военной пропаганды. Это стало частью кампании психологической войны по демонизации КПИ. Велись также трансляции на бахаса индонезия, которые можно было принимать на территории страны, и индонезийцы помнят, как нарратив Сухарто казался им более убедительным еще и потому, что они слышали, как то же самое говорят уважаемые мировые медиа⁶⁴.

Меж тем вся, от первого до последнего слова, история, которую рассказывала индонезийская армия, была ложью. Никто из женщин — членов «Гервани» не участвовал ни в каких убийствах 1 октября⁶⁵. Больше тридцати лет спустя Бенедикт Андер-

сон смог доказать не только то, что рассказ о пытках генералов был фальшивкой, но и что Сухарто знал о его лживости уже в начале октября. Он лично отдал приказ провести вскрытие, показавшее, что все мужчины были застрелены, кроме одного, возможно заколотого штыком в ходе стычки у себя дома⁶⁶.

Однако к 1987 г., когда доказательство Андерсона было опубликовано, это открытие почти ничего не значило. История о демоническом заговоре коммунистов, замысливших захватить страну и ради этого растерзавших добрых богобоязненных военных во тьме ночной, в эпоху диктатуры Сухарто стала своего рода частью национальной религии. Вскоре после захвата власти Сухарто возвел монумент в память об убитых той ночью, точно так же, как бразильцы установили монумент на Красном пляже в Рио-де-Жанейро в память своих павших героев. Эти два сооружения даже похожи: ступени ведут к беломраморной плите, перед которой возвышается бронзовая фигура (или фигуры) погибшего военного (военных). Как и в случае с мятежом *Intentona Comunista* в Бразилии, индонезийцы каждый год отмечают годовщину события, и это своего рода антикоммунистический общенациональный ритуал. Однако индонезийский монумент по размеру крупнее, а Сухарто в своей пропаганде пошел несколько дальше статуй и ежегодных речей. Он приказал снять омерзительный трехчасовой фильм, транслирующий его версию событий, и каждый год 30 сентября его крутили по общественному телевидению. Армия до сих пор его показывает.

Эта история распространилась благодаря тому, что Сухарто очень точно уловил особые мрачайшие фобии и предрассудки индонезийцев, да и людей всего мира в целом. Внезапный ночной налет на твой дом. Медленная пытка стальными лезвиями. Инверсия гендерных ролей, буквальное уничтожение репродуктивных органов сильных мужчин руками одержимых сексом извращенков-демониц — коммунисток. Это хорошо написанный сюжет созданного мракобесами фильма ужасов, и мало кто верит, что Сухарто придумал его сам.

Признаки сходства с бразильской легендой об *Intentona comunista* поражают. Всего через год после переворота в самой важной стране Латинской Америки, на который вдохновила отчасти легенда о солдатах-коммунистах, закалывающих генералов во сне, генерал Сухарто рассказывает самой важной стране Юго-Восточной Азии сказку, в которой коммунисты и солдаты с левыми взглядами увозят генералов из их домов под покровом ночи, чтобы медленно зарезать, а затем обе дружественные Вашингтону антикоммунистические военные диктатуры десятилетиями почти по одинаковой схеме отмечают годовщины этих мятежей.

Историк Брэдли Симпсон из Архива национальной службы безопасности в Вашингтоне (округ Колумбия) замечает: «Хотя у нас нет доступа ко многим секретным американским и британским документам, очень вероятно, что ключевой элемент секретных операций США и Британии в этот период был связан с созданием черной пропаганды внутри Индонезии», — с целью демонизации КПИ⁶⁷.

Пропагандистская команда Сухарто могла найти много источников «вдохновения» в бразильской антикоммунистической легенде. Возможно, какие-то американские чиновники подали Сухарто идею или помогли сфабриковать для него этот нарратив. Тысячи бразильских и индонезийских офицеров армии учились в Форт-Ливенворте более-менее одновременно, и, вероятно, некоторые обсуждали мятеж *Intentona*. Может быть, индонезийские официальные лица просто подхватили и гиперболизировали антикоммунистические образы и бродячие сюжеты, существовавшие в тогдашнем мировом сознании, в международном антикоммунистическом движении, которое уже было мощным, хорошо организованным и пронизанным внутренними связями. К тому моменту в мире действовал Антибольшевистский блок народов, состоявший по большей части из восточных европейцев с крайне правыми взглядами; существовала Антикоммунистическая лига народов Азии, нечто вроде противовеса Бандунгской группе, возглав-

ляемая Тайванем и Южной Кореей; сложилась и Межамериканская конфедерация обороны континента во главе с Мексикой. При посредничестве бразильского антикоммунизма все три группы встретились в Мехико в 1958 г. и с тех пор поддерживали контакт⁶⁸. Даже рядовые жители Северной Америки слышали все эти дурацкие страшилки про «красных под кроватью». Хотя, возможно, это всего лишь совпадение.

Сухарто удалось официально легитимизировать бессовестный антикоммунистический нарратив, абсурдную, фантастическую и утрированную версию глобальной правой идеологии. Это ошеломляющий разворот по сравнению с ситуацией, наблюдавшейся всего несколькими неделями раньше. Однако Сукарно по-прежнему формально был президентом, и огромное множество людей в стране оставались коммунистами или в общем терпимо относились к коммунизму. Всего за шесть следующих месяцев армия решит обе эти проблемы.

Истребление

Говорят, в революционные или исторические моменты время словно замедляется. Мы знаем, что в моменты психологической травмы или насилия время может почти остановиться. Когда свидетели и жертвы рассказывают о шести месяцах после 30 сентября 1965 г., они говорят очень по-разному. Пожилые мужчины и женщины, измеряющие другие периоды своей жизни годами или десятилетиями, начинают вести счет неделям, конкретным датам, часам и минутам.

Ныне ставшие достоянием общественности сообщения властей США об этих событиях также очень конкретны в том, что касается дат. В знак уважения к тому, насколько по-разному эти две группы очевидцев описывают то, что произошло, далее я привожу избранную хронику этих месяцев.

Пятое октября

Джакарта. Пятое октября — День Вооруженных сил в Индонезии. В столице армия обычно проводит парад. В 1965 г. она устроила государственные похороны павших генералов, что-

бы заодно продемонстрировать, что власть отныне принадлежит военным.

Сукарно отказался от участия в этих мероприятиях из соображений безопасности. Президент теперь был вынужден публично поддерживать новое военное руководство, иначе казалось бы, что он одобряет разгромленное и дискредитированное, да еще и очевидным образом демоническое, Движение 30 сентября.

Министр обороны Насутион произнес страстную речь, обличающую предательский мятеж коммунистов и признающую лидерство Сухарто.

По всему архипелагу местные отделения Коммунистической партии Индонезии участвовали в торжествах наряду с военными, как и всегда, гордо размахивая флагами с серпом и молотом¹.

Вашингтон, округ Колумбия. Госдепартамент получил телеграмму из посольства США в Джакарте 5 октября за подписью посла Маршалла Грина.

Грин обрисовал ситуацию в Индонезии:

Нижеследующие рекомендации могут отчасти ответить на вопрос о том, какова должна быть наша позиция.

А. Избегать открытого участия в разворачивающейся силовой борьбе. В. Тайным образом, однако недвусмысленно дать понять ключевым фигурам в армии, таким как Насутион и Сухарто, что мы готовы оказать любую доступную помощь, одновременно уведомив их, что хотели бы избежать огласки своего участия или какого-либо вмешательства. С. Поддерживать и по возможности расширять наш контакт с военными. D. Избегать шагов, которые можно было бы истолковать как признак недоверия к армии (таких как опрометчивый [*sic!*] отъезд членов наших семей или сокращение персонала). E. Распространять сведения о виновности, предательстве и жестокости КПИ (эти прио-

ритетные усилия являются, пожалуй, самой необходимой немедленной помощью, которую мы можем оказать армии, если найдем возможность сделать это так, чтобы эти действия не были идентифицированы как полностью или по большей части осуществленные усилиями США).

Новый посол в тот же день отправил еще одно, более конкретное резюме того, что предстояло сделать Вашингтону в Индонезии. Он написал: «Армия теперь имеет возможность выступить против коммунистической партии, если будет действовать быстро».

И заключил: «Теперь или никогда»².

Седьмое октября

Город Банда-Ачех. Провинция Ачех, расположенная в верхней части большого богатого острова Суматра, имеет давние традиции как коммунизма, так и ревностной мусульманской веры. В действительности они часто переплетались в те дни, когда в Индонезии расцветал исламский коммунизм, и большинство членов КПИ в этом регионе были благочестивыми верующими³. Ачех — жаркая, густонаселенная, утопающая в зелени самая западная точка Индонезии, к востоку от которой через Малаккский пролив находится Малайзия. Вооруженные силы здесь мобилизовали некоторое количество гражданских лиц в ходе *Konfrontasi* Сукарно с этой молодой страной. Судя по тогдашним опросам жителей Ачеха, даже в среде очень консервативных мусульман у КПИ не было здесь дурной репутации, пока после 1 октября не развернулась антикоммунистическая пропаганда⁴.

Военным руководителем Ачеха в 1965 г. был Исхак Джуарса, ярый антикоммунист, учившийся в канзасском Форт-Ливенворте⁵. Седьмого октября он покинул столицу Банда Ачех и отправился в импровизированное турне по провинции, выступая с речами перед быстро собирающимися толпами.

«КПИ — кафиры [неверные], — заявлял он, по словам свидетелей. — Я их истреблю до самых корней! Если в деревне вы обнаружите членов КПИ и не убьете их, вас накажут!»

Джуарса повел за собой толпу, скандировавшую: «Раздавим КПИ! Раздавим КПИ! Раздавим КПИ!»

Как вспоминают местные жители Центрального Ачеха, они осознали, что им дали указание участвовать в убийстве коммунистов — под страхом, что их самих убьют⁶.

Считается, что массовая бойня началась в тот день на острове Суматра. Некоторые убийства были «спонтанными», осуществленными гражданскими лицами, которые действовали самостоятельно после получения подобных приказов. Но не обязательно. Военные и полиция принялись арестовывать людей в огромных количествах. Многие левые сдались сами, полагая, что это безопасно и благородно.

Военные ввели в строй гражданские структуры, которые создали во время антималайзийской кампании. В ходе *Konfrontasi* армия сформировала военизированные организации, которые можно было использовать для реализации военного положения и репрессий против коммунистов⁷.

Фраза, которую произнес Джуарса, «истребить до корней», уже звучала раньше, 1 октября. Ее произнес Мокогинта, еще один командир на Суматре, учившийся в Форт-Ливенворте. Эти слова станут постоянно звучащим публично рефреном программы массовых убийств⁸.

Восьмое октября

Армейская газета *Angkatan Bersendjata* опубликовала карикатуру: мужчина рубит ствол дерева топором. На дереве написано «G30S», акроним названия «Движение 30 сентября» на индонезийском языке, а на корнях — «КПИ», коммунистическая партия. Подпись гласит: «Истребим их до самых корней»⁹.

Во внутренних коммуникациях, однако, Индонезийская армия пользовалась другим названием. Она именовала происходящее «операция “Уничтожение”»¹⁰.

Девятнадцатое октября

Джакарта. Магдалена почти не заметила, что в начале октября столица погрузилась в политический хаос. Она, безусловно, не знала, что в Центральной Яве, где она выросла, ситуация гораздо хуже, чем в Джакарте.

Ее бабушка заболела, поэтому Магдалена отпросилась на фабрике футболок, где работала, и села на поезд до своей деревни, навестить ее. Проблемы со здоровьем преследовали ее семью, сколько она себя помнила. Когда она приехала, бабушка уже умерла. Магдалена собиралась присутствовать на похоронах и провести неделю, может быть, две, оплакивая ее вместе с семьей, затем вернуться работать в Джакарту. Она легла спать в своем родном доме в Пурвокерто.

Двадцатое октября

Вашингтон, округ Колумбия. Госдепартамент получил телеграмму от посла Маршалла Грина. Грин сообщал, что организационной мощи Коммунистической партии Индонезии нанесен «определенный ущерб арестами, преследованиями и в некоторых случаях казнями членов КПИ». Далее он писал: «Если армейские репрессии КПИ продолжатся и армия откажется вернуть власть Сукарно, КПИ можно будет обескровить. В долгосрочной перспективе, однако, репрессии в адрес КПИ со стороны армии не будут успешными, если она не захочет атаковать коммунизм как таковой».

Грин заключил: «Армия тем не менее упорно трудится над разрушением КПИ, и лично я все с большим уважением отно-

шусь к решимости и организованности, которые она проявляет в выполнении этой важнейшей задачи»¹¹.

Пурвокерто, Центральная Ява. Ранним вечером, меньше чем через 24 часа после приезда Магдалены, в дом ее семьи пришли два сотрудника полиции.

«Ты пойдешь с нами. Нам нужна от тебя информация», - сказали они ей.

В доме поднялась суматоха, крики и плач. Семья Магдалены слышала, что нескольких человек в их квартале сегодня арестовали, но не знала, что она является членом профсоюза СОБСИ в Джакарте, да и сама Магдалена не подозревала, что это может обернуться неприятностями.

В отделении полиции сотрудники устроили ей допрос и начали орать на нее. Им известно, заявили они, что Магдалена член женского движения «Гервани», связанного с коммунистической партией. Она в нем не состояла и не знала, что им еще сказать, кроме того, что это неправда. Согласно мифу, распространявшемуся новой властью Индонезии, принадлежность к этому движению подразумевала, что она одна из тех женщин, которые плясали голыми и отрезали гениталии вышедших армейских чинов. Она была в Джакарте, заявили они. Возможно, даже участвовала в той расправе. Магдалена отвечала, что ничего об этом не знает.

Допросы начинались, прекращались и снова возобновлялись в течение семи дней. Затем полицейские доставили ее в другое отделение полиции, в Семаранге. Едва оказавшись там, девушка потеряла сознание. Она была больна или слишком измучена. У нее все плыло перед глазами. Ей было 17 лет. Магдалена не знает точно, сколько времени провела во втором полицейском участке, прежде чем двое полицейских ее изнасиловали. По их убеждению, она была из «Гервани», следовательно, не человеком, не женщиной, а убийцей и сексуальной извращенкой. Врагом Индонезии и ислама. Ведьмой. Теперь эти двое мужчин имели над ней полную власть.

Двадцать второе октября

Вашингтон. Госдепартамент получил подробные отчеты о масштабах и характере армейских операций, когда убийства начались на Яве. «Мусульманский молодежный лидер» сообщил, что «ассистенты» сопровождают войска в рейдах, заканчивающихся убийствами¹².

Советник по национальной безопасности Макджордж Банли написал президенту Джонсону, что события в Индонезии 10 сентября «на данный момент являются впечатляющим подтверждением правильности политики США в отношении этой страны в последние годы»¹³.

В тот же день посол Маршалл Грин отправил в Госдепартамент телеграмму: «На данный момент нет никаких свидетельств неспособности армии... мы согласны, что было бы практически невозможно сохранить втайне какое-либо содействие властей США... если бы помощь была оказана и это получило огласку, мы сомневаемся, что это помогло бы армии, а не ударило по ней. ...Мы подозреваем, что если бы армейское руководство действительно нуждалось в нашей помощи в этом вопросе, то дало бы нам об этом знать»¹⁴.

Две недели спустя Белый дом уполномочил отделение ЦРУ в Бангкоке предоставить стрелковое оружие своему контакту из военной среды в Центральной Яве «для использования против КПИ», наряду с медицинскими расходными материалами, которые должны были поставляться из бангкокского отделения ЦРУ¹⁵.

Впрочем, после семи лет тесного сотрудничества с Вашингтоном военные и так были хорошо вооружены. Кроме того, чтобы арестовывать гражданских, почти не оказывавших сопротивления, не требовалось особенно продвинутого оружия. По мнению посольских чиновников и ЦРУ, по-настоящему армии требовалась нечто другое — информация. Работая вместе с аналитиками из ЦРУ, сотрудник посольства по политическим вопросам Роберт Мартенс составил списки с имена-

ми тысяч коммунистов и подозреваемых в причастности к коммунизму и передал их армии, чтобы этих людей можно было убивать и «вычеркивать» из списка.

Насколько мы знаем, это был по меньшей мере третий случай в истории, когда американские чиновники предоставляли списки коммунистов и сочувствующих своим союзникам, чтобы те могли их схватить и убить. Первый случай произошел в Гватемале в 1954 г., второй — в Ираке в 1963 г. и теперь, в 1965 г., в гораздо больших масштабах — в Индонезии.

«Это была по-настоящему серьезная помощь армии, — сказал Мартенс, являвшийся членом политического отдела посольства США. — Вероятно, у меня на руках много крови, но в этом нет ничего дурного»¹⁶.

Двадцать пятое октября

Пурбалинга, Центральная Ява. Саконо проснулся рано утром и проехал на велосипеде шесть километров до местного отделения полиции. Добравшись до места назначения, он вошел в помещение и написал свое имя на маленьком листе бумаги. Полицейские отнеслись к его действиям как к обыденности и были в общем вежливы. К тому моменту это уже стало рутиной.

Когда Саконо впервые услышал о Движении 30 сентября, то одобрил его. Насколько он понял из сообщений по радио, это было движение внутри армии с целью предотвратить мятеж против героя его детства президента Сукарно. Затем, однако, новости стали несколько менее понятными. «Народная ежедневная газета» в его деревню больше не приходила. Его местное отделение организации «Народная молодежь» также не дало ему никаких ответов, и Саконо просто продолжал ждать, когда можно будет приступить к работе школьным учителем, и жадно ловить обрывки новостей из Джакарты, как привык в подростковые годы.

Когда манера подачи новостей изменилась, причем сообщали о них только военные и иностранные СМИ, Саконо узнал, что левые находятся под некоторым подозрением, но не увидел в этом особой проблемы. Говорили, что каждый член связанных с коммунистами организаций должен регулярно отмечаться в полиции.

До сих пор он не имел дела с правоохранительными органами, но не придавал этому требованию особого значения. Делать было в общем нечего, волноваться не о чем. Что бы ни происходило в Джакарте, это не повлияет на его планы. Он уже осознал, что принесет больше всего пользы делу революции, работая учителем. «Есть прогресс в сфере образования — идет вперед вся страна», — думал Саконо. И ждал, когда это случится, а пока помогал семье убирать урожай, просто чтобы скоротать время.

Двадцать девятое октября

Галена, штат Мэриленд. Фрэнк Виснер, находясь на семейной ферме, нашел дробовик своих сыновей и покончил с собой¹⁷.

Второе ноября

Пурбалинга, Центральная Ява. Саконо в очередной раз отмечался в полиции. В очередной раз он вышел из здания полицейского участка, сел на велосипед и поехал обратно в свою деревню. Когда он добрался до дома около двух часов дня, там его ждали двое полицейских. Один из них держал письмо. Ему сказали, что это письмо требует, чтобы он пошел с ними. «Оно чрезвычайной важности, — сказал полицейский. — Ничего не попишешь, делай что сказано».

И он пошел.

Входя в тюрьму, Саконо чувствовал себя прекрасно. Он не сделал ничего плохого, поэтому решил, что просто его

допросят, он сообщит какую-то информацию и очистит свое доброе имя. Сам он не был полноправным членом коммунистической партии, но имел с ней разнообразные связи с самого юного возраста, чем гордился, поэтому сразу же узнал множество старых друзей. Там был Сутрисно, член партии, учивший его марксизму-ленинизму, когда он был моложе. Коротышка и увалень Сухада, его еще более давний друг, в неизменных очках, также находился там. Он состоял в Центральном комитете партии, забавный парень, всегда произносивший замечательные речи.

Это было практически воссоединение. Настроение было легкое, почти праздничное. Они принялись вместе петь революционные песни — не назло полиции, а просто из радостного единства.

Идем вперед бесстрашно,
Защищаем правое дело,
Вперед, вместе,
Конечно, мы победим.
Идем вперед, идем вперед,
Все вместе, все вместе.

Той ночью, когда все спали, увели двенадцать заключенных. Забрали Сутрисно. Забрали Сухаду. Забрали его друзей Камди, Сумарно и Сухарджо.

Больше они не вернулись. Завтрак на следующее утро есть было некому. Не было больше песен. Не было улыбок. Никто не разговаривал. Это было невыносимо. Это противоречило всему, что Саконо знал, во что верил, всей его жизни. Ведь военные и полиция — защитники революции! В Индонезии существует система закона и порядка, честного суда, сбора доказательств и справедливости. Он и с насилием-то почти не встречался за девятнадцать лет жизни, с самого своего рождения.

«Я не мятежник! Я никогда не держал в руках оружия! Я бы никогда не взбунтовался против своей страны! Я не сделал

ничего плохого за всю свою жизнь!» — кричал Саконо снова и снова, но про себя, глубоко внутри своей головы, а тело его сжималось в ужасе от того, что он может оказаться среди тех, кого заберут следующими.

Что случилось с его друзьями? До Саконо доходили слухи, как и до всех в их регионе. Некоторых людей отвозили к реке Сераю посреди ночи. Им связывали руки и бросали в воду. Может быть, сначала в них стреляли. Или закалывали их. То, что происходят массовые убийства, стало очевидно. Скапливалось столько тел, что они перекрывали течение рек и распространяли по всей стране ужасное зловоние. Однако относительно того, кто был убит, где и как, среди выживших ходили лишь слухи.

Это была новая характеристика массового насилия. Людей не убивали на улицах — для их близких стало бы совершенно очевидно, что их больше нет. Их не казнили официально. Их арестовывали, и затем они *исчезали* под покровом ночи. Люди зачастую не представляли, живы ли еще их любимые, и это лишь усиливало парализующий страх. Может, они жаловались или бунтовали в тюрьме — и как раз это стоило их родным и близким жизни? Возможно, и их тоже теперь заберут? Несмотря на неопровержимые доказательства того, что происходят массовые убийства, человеческий инстинкт заставлял каждого цепляться за надежду спасти своего сына или дочь. Это парализует людей и делает массы намного более покорными — так их легче истреблять и легче контролировать. Историки, изучающие насилие в Азии, считают, что в тот раз насильственные «исчезновения» использовались впервые.

Кто осуществлял эти убийства? Как и в Ачехе, военные и полиция отводили арестованных в особые места по ночам и убивали. Однако очень часто на спусковой крючок или рубили мачете человеческую плоть не настоящие офицеры в форме.

У крупнейшей в стране мусульманской организации было молодежное крыло и вооруженное крыло, «Ансор» и «Бансер».

Это были аббревиатуры, но основатель «Бансер» сказал, что хотел, чтобы слово по звучанию напоминало «Панцер» (Panzer), знаменитый танк Гитлера. Он также сказал, что изучал работы Гитлера с 1964 г., чтобы узнать, как поступать с коммунистами¹⁸. Эти группы участвовали в убийствах в Центральной и Восточной Яве. В Ачехе военные силой и угрозами заставляли совершать убийства попавших под подозрение граждан, политически неблагонадежных или изгоев общества. После они часто напивались вусмерть, чтобы не чувствовать ужаса содеянного¹⁹. Что бы ни произошло, кто бы это ни сделал, почти все друзья Саконо были мертвы и повсюду громоздились тела.

Шестое ноября

Вашингтон, округ Колумбия. Госдепартамент получил телеграммы из Джакарты. Посольство США передало еще несколько отчетов об успехах армии. Сообщение заканчивалось следующими словами:

<...>Е. Армейское информбюро также сообщило, что десантники (RPKAD) на бронированных автомобилях на въезде в город Джакарта (дата не указывается) оказались блокированы в пригородной деревне девятью «ведьмами» из связанного с КПИ женского «Гервани». Они оскорбляли их и отказывались пропустить. После того как десантники вежливо попросили их посторониться и сделали предупредительный выстрел в воздух, «непримиримость этих девяти ведьм из “Гервани” принудила военных к тому, чтобы вышибить из них дух».

3. Разное [sic!]. Положив начало, как мы предполагаем, массовому поветрию, Бандунг вчера переименовал часть своей главной улицы в бульвар Генерала Яни. Хорошо, что у него легко произносимое имя.

Двадцать второе ноября

Бойолали. Вооруженные силы нашли, арестовали и казнили Динна Нусантара Айдита, лидера Коммунистической партии Индонезии в Бойолали (Центральная Ява) утром 22 ноября. Айдит находился в бегах с тех пор, как понял, что военные разыскивают его.

Армия объявила, что Айдит сознался в планах захватить власть в стране, и эта новость позже была напечатана в *Newsweek*. После выхода номера в Госдепартамент пришла телеграмма из посольства, в которой говорилось, что, по мнению персонала посольства, «невозможно поверить, будто Айдит сделал подобное заявление», поскольку, согласно версии военных, он якобы упоминал фальшивый документ, о котором «было совершенно точно известно, что он распространялся в рамках операции антикоммунистической черной пропаганды»²¹.

Тринадцатое декабря

Джакарта. В дни, следовавшие за 1 октября 1965 г., Франциска продолжала работать. Зайн остался не у дел, когда военные закрыли «Народную ежедневную газету», а Франциска по-прежнему ежедневно ходила в офис Ассоциации журналистов Африки и Азии, и сотрудники продолжали заниматься следующим номером, а также готовились к Конференции трех континентов, планировавшейся в Гаване в 1966 г. Несмотря на все происходящее, Сукарно и старейший лидер коммунистической партии Ньото умудрились провести конференцию в Джакарте, протестуя против военных баз США по всему миру, и Франциска помогала *Afro-Asian Journalist* освещать ее в октябре²².

Однако Франциска знала, что по всей столице арестовывают людей. Некоторые ее коллеги, особенно журналисты, перестали приходить на работу. Тем не менее достоверная информа-

ция о происходящем практически отсутствовала. Все помалкивали. Никто не знал, кому можно доверять. Каждый вечер Франциска брала такси у самого офиса и ехала к их с Зайном дому в Ментенге. Так она жила два месяца, на протяжении которых мир левых интеллектуалов в Джакарте сжимался, как шагреневая кожа.

В четыре часа утра 13 декабря три человека постучали в дверь их дома и забрали обоих. Франциска и Зайн мирно позволили полиции себя задержать. Полицейские сказали Франциске, что ее ведут всего лишь на допрос и что очень скоро она снова будет дома, посадили их с Зайном в лендровер и повезли на площадь Независимости. Дети остались дома одни.

Вскоре после прибытия Зайна увели в другую комнату. Франциска увидела, как мужчина, входящий в другую дверь, начал снимать ремень. Она осталась с полицейским в комнате для допросов. Он достал пистолет и положил его на стол перед ней. Франциска перестала что-либо ощущать, уверенная, что умрет.

Ей как-то удалось все это вынести. Допрос был окончен. Он мог длиться один час или много часов. Франциска находилась в оцепенении. Ее отвели в кабинет военного врача, того, что лечил жен офицеров. Зачем она здесь? Может быть, чтобы ее убили каким-то другим способом? Затем привели Зайна — очевидно, чтобы они попрощались. Также было очевидно, что его пытали. Она видела скопления ожогов от сигарет у него на руках. Сколько всего их было, она не знала. Слишком трудно было сосчитать. Затем он ушел, и она осталась одна в кабинете врача.

Франциска томила там восемь дней. По ночам спала на чем-то вроде скамьи — похоже, смотровом кресле, которое используют гинекологи. Она не ела и потеряла около пяти килограммов — она не знала. Она ничего не знала. В дневное время врачи игнорировали Франциску, очевидно не вполне понимая, почему она здесь находится, но зная, что она кто-то

прюде коммуниста, следовательно, не заслуживает человеческого обращения.

Однако пациентка, другая женщина, вероятно жена солдата, заметила ее.

Франциска плакала не переставая. Она не знала, где ее дети. Не знала, все ли в порядке с Дамаяти, Кандидой и Энтони или с ее младшим, Бенжамино. День за днем полицейские игнорировали ее слезы, но эта женщина заметила ее и спросила, что случилось. Франциска попыталась ей объяснить.

— У вас есть дети? — спросила женщина.

— Четверо! — ответила Франциска и снова разрыдалась.

Пациентка обернулась к врачу и закричала: «Почему вы не позаботитесь об этой женщине?!»

Доктор пошел на попятный и готов был допустить, что она принадлежит к роду человеческому. Он, видимо, позвал кого-то еще, потому что Франциску передали военному ведомству. Оказалось, что полиция неверно заполнила бумаги — и о ней забыли. Теперь ее забрали в женскую тюрьму. По-прежнему никаких контактов с семьей. В женской тюрьме Франциска познакомилась с девушкой лет девятнадцати, деревенской, беременной первым ребенком. Девушка подняла взгляд на Франциску — гораздо старше ее, уже 39-летнюю, воспитавшую нескольких детей — и не смогла сдержать слез. Она сказала Франциске, что ее муж убит.

Шестнадцатое декабря

Вашингтон, округ Колумбия. Американское руководство поддерживало тесный контакт с военными, дав им понять, что прямая помощь может возобновиться, если коммунистическая партия будет уничтожена, Сукарно смещен, а атаки на американские инвестиции прекращены. Поступление помощи также зависело от готовности Индонезии принять планы экономического развития, одобренные МВФ и США²³.

Все руководство армии, согласно телеграмме, переданной в Госдепартамент в декабре, хотело знать, «насколько для нас выгодно раздавить КПИ»²⁴. Это было очень выгодно.

Однако американская верхушка была крайне обеспокоена тем, что армейское теневое правительство до сих пор не отменило планы Сукарно отобрать собственность у американских нефтяных компаний, что являлось на тот момент важнейшим экономическим вопросом, далеко опережавшим по значимости все прочие. Они «прямо и многократно предупреждали формирующееся индонезийское руководство», что, если национализация продолжится, поддержка Вашингтона будет отменена, а сохранение военных у власти окажется под вопросом, что явствует из анализа рассекреченных сообщений, выполненного историком Брэдли Симпсоном. Белый дом подключил к этой схватке официальных лиц Австралии и Японии²⁵. Они победили. 16 декабря 1965 г. победа была зафиксирована в телеграмме из Джакарты в Госдепартамент. Сухарто прибыл на совещание высокого уровня на вертолете, вошел в комнату и «кристально ясно дал понять всем собравшимся, что военные не потерпят необдуманных шагов против нефтяных компаний». После чего вышел²⁶.

Первое января 1966 года

Бали. Насилие пришло на остров в декабре. Создается впечатление, что оно началось на крайней западной оконечности Индонезии и двигалось на восток через главные населенные пункты: по всей Центральной Яве, в Восточную Яву и затем на Бали — как движение Солнца, только строго наоборот.

Бойня на Бали была, вероятно, самой ужасной во всей Индонезии. Когда начался новый год, остров содрогнулся от насилия.

Агунг Алит был всего лишь маленьким мальчиком, но знал, что его отец в розыске. Его отец Рака тоже это знал. Поэтому вместо того, чтобы спать дома, он ходил ночевать в ближайший инду-

истский храм. Агунг оставался дома. Когда он спал, люди приходили к ним домой ночь за ночью, рылись повсюду и допытывались, где Рака. Наконец они его схватили. Агунг не спал, и семья сказала ему, что отец ушел. Они не знали, когда он вернется.

Народ на Бали знал, что в том, как началось насилие, было что-то очень подозрительное. Людей убивали большими мачете. Мачете не местное оружие для этого острова. Балийцы используют клеванг, более узкий местный нож. Кто-то должен был привезти тяжелое оружие с другого острова. Как и повсюду, местные жители участвовали в убийствах. Агунг слышал, что его отца забрал сосед, знакомый их семьи.

Мачете прибыли примерно тогда же, когда на Бали развернулась военная антикоммунистическая кампания пропаганды, координируемая на уровне всей страны. Прошел слух, что женщины из «Гервани» собираются торговать собой, чтобы скупать оружие для коммунистического мятежа, соблазнять и кастрировать солдат. Команды пропагандистов прочесывали сельские районы, распространяя подобные слухи и вбивая людям в головы, что они неизбежно «либо на стороне Движения 30 сентября, либо поддерживают правительство в уничтожении Движения 30 сентября — не бывает нейтральной позиции»²⁷.

Некоторые убийства осуществлялись членами Национальной партии Индонезии, давным-давно основанной Сукарно, а также местными военизированными бандами, которые ранее оказывали сопротивление правительственной программе национальной земельной реформы²⁸. Юный Ваян Бадра, 13-летний сын индуистского священника из округа Семиньяк, заметил, что два симпатичных учителя-коммуниста из их школы пропали и так и не вернулись. Затем он услышал, что происходит на пляжах. Людей привозили из города на востоке, чтобы убить на песке. Там была частная собственность — по ночам народу никого. Тела бросали там же. Некоторые семьи приходили искать тела своих близких. Других убитых собирали жители деревни, где жил Бадра, чтобы его отец провел над ними анонимные погребальные ритуалы и кремировал.

Для балийских индуистов потеря тела родственника — огромная духовная трагедия, имеющая бесконечные последствия. Поэтому через несколько лет после того, как насилие сошло на нет, Агунг отправился вместе со своей семьей искать тело отца, чтобы устроить достойные похороны и кремацию. Они прошли четыре километра до того места, где, как кто-то им сказал, можно было обнаружить останки. Они нашли целое поле мертвых тел.

Они начали искать среди костей, поднимать черепа.

Кто-то было воскликнул: «Вот господин Рака!»

Но нет, этот череп был не похож. Наверно, все дело в волосах, они вроде как другие. Может, вон тот? Тянулись минуты, они продолжали в отчаянии перебирать фрагменты расчлененных тел, пока кто-то не осознал, что это безумная затея. Там просто было «слишком много черепов, слишком много скелетов».

Они брели домой целый час, осмысляя, что никогда не смогут упокоить отца, и им было дурно от этого безбрежного моря человеческих останков, в которое они только что входили.

В общей сложности было убито по меньшей мере 5% населения Бали — это 80 000 человек, по всей видимости самая большая доля в стране²⁹.

Балийцы всегда были особо верными сторонниками многоконфессионального политического проекта Сукарно, потому что он давал индуистам больше свободы в стране с мусульманским большинством³⁰. Жестокий экономический кризис в начале 1960-х гг. сделал обещанное коммунистами перераспределение более привлекательным для одних и более угрожающим для других. Национальная партия Индонезии убила губернатора Сутеджу и его семью, а потом стала распускать выдумки будто это он сам предпочел *пуират* — добровольную казнь, чтобы затем переродиться лучшим человеком. Действительно, некоторых балийцев спрашивали, хотят ли они умереть добровольно, но тех, кто отвечал «нет», все равно убивали, что делало этот вопрос бессмысленным³¹. Их казнили, убили одного за другим в течение нескольких месяцев

в связи с безоружной политической партией, которая всего несколько недель назад была абсолютно легальной и самой популярной.

Немного позже на том самом пляже Семиньяк, который использовался как площадка для убийств, появился первый отель для туристов.

Четырнадцатое января

Вашингтон, округ Колумбия. Госдепартамент получил детальную оценку ситуации в Индонезии от посла Маршалла Грина.

До 1 октября 1965 г. Индонезия была во всех практических отношениях азиатским коммунистическим государством...

События последних нескольких месяцев имели три важнейших следствия для структуры власти и политики Индонезии.

1. КПИ перестала — и в обозримом будущем не станет — быть важным элементом власти. Эффективные действия армии и ее союзников-мусульман совершенно уничтожили организационный аппарат партии. Большинство членов Политбюро и Центрального комитета были убиты или арестованы, и, по оценкам, количество убитых членов партии достигает нескольких сотен тысяч...

В документе приводился план того, как должны реагировать США.

Гарантировать, чтобы наши действия и заявления никоим образом не укрепляли положение Сукарно и его прихвостней.

<...>Е. Не доходя до непосредственного участия, способствовать заключению соглашений между [правительством Индонезии] и американскими нефтяными компаниями.

<...>Н. В пределах разумного открыто или тайно консультировать и поддерживать ответственные и компетентные антикоммунистические группы для реализации полезных мер³².

Одиннадцатое марта

Богор. Пока убийства продолжались, чиновники Госдепартамента многократно выражали разочарование по поводу того, что Сухарто до сих пор не обрел всю полноту власти и не сместил Сукарно официально с поста президента. С октября Сукарно был низведен до положения обитателя дворца в городе Богоре и лишен большей части полномочий, но до сих пор занимал официальный пост и пользовался некоторым влиянием.

Реакцией Сукарно на убийства были одновременно покорность и отчаяние. Хотя он не получал данные о происходящем в стране в полном объеме, но знал, что разворачивается насилие, и, казалось, сам захлебывался в лавине антикоммунистической пропаганды. Одной группе офицеров и журналистов он сказал: «Снова и снова одно и то же... клинки, клинки, клинки, могила для тысячи человек, могила для тысячи человек... снова и снова одно и то же!»³³ Совершенно безрезультатно Сукарно призывал ограничить насилие, между тем как военная машина Сухарто в буквальном смысле кромсала левое крыло индонезийской политики.

В период убийств экономическая ситуация ухудшилась, еще больше урезав то, что осталось от власти Сукарно. По словам Субандрио, его бывшего министра иностранных дел, Сухарто намеренно провоцировал гиперинфляцию, вступая в сговор с бизнесменами с целью ограничить поставки основных потребительских товаров: риса, сахара и пищевого растительного масла³⁴. Сухарто поощрял антикоммунистические студенческие группы (многие из которых вышли из тех же школ, где всего несколькими годами раньше учился Бенни) поднимать-

ся на протесты против высоких цен на продовольствие. Власти США целенаправленно дестабилизировали экономику³⁵.

Пока вокруг кипели студенческие протесты, Сукарно 10 марта созвал в Президентский дворец в Джакарте высокопоставленных правительственных чиновников, пытаясь сохранить за собой контроль над страной. Кончилось это тем, что его самого на следующий день взяли в окружение лояльные Сухарто спецназовцы во главе с генералом Сарво Эдди.

Сукарно запрыгнул в вертолет, чтобы спастись бегством, — Субандрио бежал следом босиком — и ринулся назад в Богор. Там, однако, его принудили подписать документ о передаче исполнительной власти Сухарто³⁶.

До сих пор существуют разногласия вокруг этого приказа, так называемого *Supersemar* (слоговая аббревиатура от индонез.: *Surat Perintah Sebelas Maret*). Никто никогда не видел оригинал.

Как бы то ни было, Сухарто воспользовался этой ситуацией для перехвата власти — немедленно и в полном объеме. Первыми своими декретами он официально запретил то, что осталось от коммунистической партии, затем арестовал многих членов кабинета Сукарно, в том числе Субандрио. Соединенные Штаты немедленно открыли экономические шлюзы. Экономическая удавка была ослаблена, и американские фирмы ринулись за прибылью. Уже через несколько дней после передачи власти представители американской горнодобывающей компании Freeport оказались в джунглях Западной Новой Гвинеи, где тут же нашли гору, набитую ценными минералами. Сейчас она называется Грасберг, и это крупнейшая золотодобывающая шахта на планете³⁷.

Семнадцатое марта

Вашингтон, округ Колумбия. Входящая телеграмма из Джакарты:

Несколько здешних американских корреспондентов хотят получить наши комментарии по поводу «сообщений

из [Джакарты]», которые мы проследили до высокопоставленного британского источника в Сингапуре. Корреспондент АР Джон Кэнтуэлл (защищенный источник) открыто сказал генеральному консулу, что британцы распускают слухи.

Репортер знал, что получал дезинформацию и что это часть кампании по усилению Сухарто. Его происходящее не беспокоило. В телеграмме далее говорилось:

Корреспондент пожаловался, что, несмотря на подкрепленную доказательствами уверенность, британцы дают ему ложную или вводящую в заблуждение информацию, сами сюжеты настолько зрелищны, что у него нет выбора — приходится их публиковать³⁸.

Дата неизвестна

Через много месяцев Франциска вышла из тюрьмы. Ее отцу удалось заплатить выкуп за освобождение дочери, для этого пришлось использовать все имевшиеся связи. Она была дезориентирована и не представляла, какой сегодня день.

В целом насилие в Джакарте не достигло такого размаха, как в Северной Суматре, Центральной и Восточной Яве и на Бали. Возможно, дело в том, что эти места были основными центрами поддержки КПИ и самого Сукарно, а может, в столице — в окружении прессы, элит и дипломатов — с левыми нельзя было обойтись так же, как с обычными людьми на задворках. Однако мир, который увидела Франциска после своего освобождения, оставался ужасающим.

Ее дом был покрыт призывающими к насилию граффити поверх перечеркнутых надписей «G30S» — «Движение 30 сентября». Она узнала, что однажды ее старшую дочь вывели из класса военные, запихнули в грузовик и привезли на пло-

паль Независимости, где ей пришлось встать в строй и скандировать: «Покончим с Сукарно! Покончим с Сукарно!»

Девочка знала, что эта речовка направлена против ее отца и матери, исчезнувших из-за того, что те оказались — как теперь стало считаться — на неправильной стороне истории.

Никто из друзей Франциски с ней больше не разговаривал. Впрочем, теперь никто ни с кем не разговаривал. Время литературных дискуссий и занятий языками с прогрессивными интеллектуалами со всего мира осталось позади. Теперь были новые правила поведения.

«Никому нельзя доверять, — вспоминала она. — Они использовали людей из каких угодно организаций, чтобы доносить на бывших коллег. Множество людей просто не могли стерпеть жестокое обращение. Они ломались и предавали своих друзей из своих же организаций. Чем меньше знаешь, тем лучше».

Зайна не было. Из тюрьмы он так и не вернулся.

Проблеск света

Большинство западных изданий повторяли набор пропагандистских клише, распространяемый новыми индонезийскими властями и с энтузиазмом приветствуемый Вашингтоном на международной арене. В целом история там выглядела примерно так: кое-какое стихийное насилие вспыхнуло само собой, когда простые люди узнали о том, что сотворили или планировали сотворить коммунисты. В этих статьях говорилось, что аборигены «впали в амок» и устроили кровопролитие. Поскольку слово «амок» происходит из малайского языка (послужившего основой как для индонезийского, так и для малайзийского языков), это упростило для западных журналистов использование ориенталистских стереотипов, согласно которым азиаты относятся к примитивным, отсталым и жестоким народам, и позволило им объяснить насилие совершенно

неожиданной вспышкой иррациональности³⁹. 13 апреля 1966 г. К. Л. Шульцбергер написал для *The New York Times* статью, одну из множества в подобном роде, озаглавленную «Когда страна впадает в амок». По словам Шульцбергера, убийства произошли в «жестокой Азии, где жизнь стоит дешево». Он повторил ложь о том, что члены коммунистической партии убили генералов 1 октября, а женщины из «Гервани» резали и пытали их. Он далее утверждал, что «индонезийцы добродушны... но за их улыбками прячется поразительная малайская черта, та внутренняя бешеная кровожадность, которая дала другим языкам одно из немногих заимствованных малайских слов: *амок*»⁴⁰.

Малайское, теперь индонезийское, понятие «амок» в действительности связано с традиционной формой ритуального самоубийства, несмотря на то что его англоизированный вариант теперь используется для обозначения дикого насилия в широком смысле⁴¹. Однако нет причин считать, что массовое насилие 1965–1966 гг. уходило корнями в культуру коренных народов. Нет ни малейших свидетельств того, что подобные массовые убийства случались в истории Индонезии раньше, кроме случаев, в которых участвовали иностранцы⁴².

История о необъяснимом — якобы племенного, варварского характера — насилии, столь удобная для восприятия американских читателей, оказалась полностью ложной. Это было организованное государственное насилие, преследовавшее четкую цель. Главные препятствия для полного захвата власти военными оказались устранены посредством координированной программы истребления — намеренного массового уничтожения ни в чем не повинных граждан. Генералы смогли взять власть после того, как государственный террор существенно ослабил их политических противников, не имевших оружия — только симпатии общественности. Они не сопротивлялись своему уничтожению, потому что не имели представления о том, что происходит⁴³.

В целом, согласно оценкам, было убито от 500 000 до 1 млн человек, еще 1 млн человек согнали в концентрационные лагеря.

Сарно Эдди, устроивший засаду на Сукарно в марте, однажды похвастался, что военные убили 3 млн человек⁴⁴. Приходится довольствоваться приблизительными оценками, поскольку более пятидесяти лет индонезийские власти сопротивлялись любой попытке документировать произошедшее, да и никто в мире особо не интересовался этим вопросом. Еще миллионы людей косвенно пострадали от бойни, но опять же никто не удосужился посчитать, сколько близких они потеряли.

Их молчание и было смыслом насилия. Вооруженные силы не надзирали за уничтожением каждого конкретного коммуниста, подозревавшегося в коммунизме или вероятного сочувствующего коммунистам в стране. На практике это было нереально — около четверти населения страны было так или иначе связано с КПИ. Когда маховик убийств раскрутился, стало практически невозможно найти человека, готового признаться в каких бы то ни было связях с КПИ.

Около 15% заключенных были женщины⁴⁵. Они подвергались особенно жестокому гендерному насилию — прямое следствие пропаганды, распространявшейся Сухарто с помощью Запада. Сумияти, участница «Гервани», жившая рядом с Саконо в подростковые годы, ускользала от полиции два месяца, прежде чем сдаться. Ее заставили пить мочу схвативших ее людей. Другим женщинам отрезали груди, уродовали гениталии; изнасилования и сексуальное рабство стали обычным делом⁴⁶. Ведутся некоторые споры о том, можно ли считать массовые убийства в Индонезии геноцидом, однако связанные главным образом со значением этого термина, а не со случившимися событиями⁴⁷. В подавляющем большинстве случаев людей убивали из-за их политических взглядов или просто потому, что их обвиняли в том, что они придерживаются неправильных политических взглядов. Верно и то, что некоторые убийцы использовали хаос для сведения личных счетов и что тысячи людей были убиты из-за расовой принадлежности. Это особенно касалось этнических китайцев. Однако огромное большинство настоящих левых заслуживали како-

го бы то ни было наказания не больше, чем люди, бесосновательно обвиненные в связях с коммунистической партией.

За исключением крохотного числа людей, вероятно, учествовавших в планировании катастрофического Движения 30 сентября, почти все убитые и брошенные в тюрьмы были совершенно невиновны ни в каких преступлениях. Магдалена, аполитичная юная девушка, состоявшая в связанном с коммунистами профсоюзе, была невиновна. Саконо, активный член «Народной молодежи» и увлеченный марксист, был невиновен. Его учителя и друзья, все состоявшие в партии, были невиновны. Отец Агунга с Бали был невиновен. Сумияти и другие члены ее отделения «Гервани» были невиновны. Друзья детства Саконо и подруги Магдалены по профсоюзу не заслуживали того, чтобы быть убитыми. Они не заслужили даже самого легкого наказания. Они вообще ничего плохого не сделали.

Они были приговорены к уничтожению, и почти каждый их близкий был обречен всю жизнь нести груз вины, психологической травмы и обвинений — якобы на убитых лежит непростительный грех из-за того, что они связали себя с искренними надеждами левой политики. Рассекреченные документы из Восточной Европы свидетельствуют, что Зайн, муж Франциски, был членом Центрального комитета партии⁴⁸. Даже в отношении него — человека, входившего в самую верхушку коммунистической партии, — нет никаких свидетельств виновности в чем бы то ни было. Международный трибунал, созданный позднее в Нидерландах, установил, что вдобавок к преступному истреблению людей индонезийская военщина виновна еще в ряде преступлений против человечности, таких как пытки, бесосновательное и длительное содержание под стражей в ужасных условиях, принудительный, практически рабский труд и систематическое сексуальное насилие. Судьи обнаружили, что все это осуществлялось с политическими целями — чтобы уничтожить коммунистическую партию и затем «установить жестокий диктаторский режим» — при помощи Соединенных Штатов, Великобритании и Австралии⁴⁹.

Не только представители официальных властей США передавали армии расстрельные списки. Управляющие принадлежащих США плантаций снабжали военных именами «причинивших беспокойство» коммунистов и профсоюзных организаторов, которых затем убивали⁵⁰.

Главная ответственность за массовую бойню и концентрационные лагеря лежит на индонезийских военных. Мы до сих пор не знаем, было ли применение методов, которые они использовали, запланировано задолго до октября 1965 г., навечно другими примерами со всего мира, спланировано под иностранным руководством, или же это решение возникло по ходу развития событий. Однако доля вины за каждую смерть лежит на Вашингтоне. Соединенные Штаты были неотъемлемой частью операции на каждой ее стадии, причем началось это задолго до первых убийств и длилось до тех пор, пока последнее тело не упало на землю и последний политический заключенный не вышел из тюрьмы — десятки лет спустя, истерзанный, покрытый шрамами и ничего не понимающий. В целом ряде случаев, о которых мы знаем, и, вероятно, еще в нескольких, о которых мы не знаем, Вашингтон был главным двигателем и оказывал сыгравшее решающую роль давление, требуя, чтобы операция продолжалась или расширялась.

Стратегия США с 1950-х гг. состояла в том, чтобы найти способ уничтожить Коммунистическую партию Индонезии — не потому, что она приобретала власть недемократическим путем, а из-за ее популярности. Согласно ранней стратегии тайной прямой конфронтации Фрэнка Виснера, власти США совершали секретные нападения и убивали гражданских в 1958 г., пытаясь раздробить страну, и потерпели неудачу. Поэтому американское руководство приняло к сведению более тонкие, основанные на понимании местных реалий наблюдения Говарда Джонса и перешло к стратегии установления глубоких связей с вооруженными силами и построения антикоммунистического военного государства внутри государства. Активное участие Джона Кеннеди в делах третьего мира и особенно

их военных кругов в соответствии с теорией модернизации заложило структуру для расширения возможностей этой операции в Индонезии. Когда Вашингтон отошел от идей Джонса и его стратегии непосредственного взаимодействия с Сукарно, он дал своим секретным и не особо секретным агентам указания: дестабилизировать страну и спровоцировать конфликт. Когда конфликт произошел и подходящий шанс подвернулся, власти США способствовали распространению пропаганды, которая сделала убийства возможными, и вступили в тесное сотрудничество с армией, стремясь гарантировать ей все необходимое, от оружия до расстрельных списков. Посольство США постоянно подбивало военных занять более жесткую позицию и захватить власть, прекрасно зная, в чем заключается их метод: собрать сотни тысяч человек по всей стране, резать или задушить и сбросить их тела в воду. Индонезийские армейские офицеры отлично понимали: чем больше людей они убьют, тем слабее будут левые и тем счастливее Вашингтон.

До миллиона индонезийцев — возможно, больше — были убиты в ходе всемирного крестового похода Вашингтона против коммунистов. Власти США в течение ряда лет тратили значительные ресурсы на то, чтобы создать условия для жестокого столкновения, а затем, когда насилие началось, руководили своими давними партнерами и помогали им осуществлять массовые убийства гражданских лиц, поскольку это служило средством достижения геополитических целей США.

В конце концов американская верхушка получила желаемое. Это была огромная победа.

Историк Джон Руса пишет: «Почти мгновенно индонезийские власти превратились из яростных поборников нейтралитета в холодной войне и антиимпериализма в тихого, послушного партнера американского мирового порядка»⁵¹.

Это был повод торжествовать почти для каждого и в институтах власти США, и в элитных медиакругах — с учетом мировоззрения, господствовавшего в то время. Джеймс Рстон, либеральный автор колонки в *The New York Times*, опубликовал ста-

нию под заголовком «Проблеск света в Азии». Он верно заметил: «До и во время индонезийской бойни контакты между антикоммунистическими силами в данной стране и по меньшей мере одним очень высокопоставленным лицом в Вашингтоне были гораздо более активными, чем принято считать. ...сомнительно, чтобы попытка переворота вообще могла быть предпринята без демонстрации Америкой силы во Вьетнаме или без секретной помощи, опосредованным образом полученной из США». Рестон утверждал, что «варварская трансформация Индонезии, от прокитайской политики при Сукарно к откровенному антикоммунизму при генерале Сухарто, является, конечно, самым важным» из ряда «многообещающих политических изменений в Азии», которые, на его взгляд, перевешивают шире освещаемые неудачи Вашингтона во Вьетнаме⁵².

Рестон очень хорошо знал вашингтонский внешнеполитический истеблишмент. Еще в 1950-х гг. он был частым гостем на буйных воскресных вечеринках Фрэнка Виснера в Джорджтауне⁵³. Неизвестно, сколько внимания Виснер уделял новостям в свои последние дни, перед тем как лишиться себя жизни, и знал ли вообще о том, что творится в Индонезии.

Для таких авторов, как Рестон, это была очевидная победа геополитических интересов США, какими их видел в то время Вашингтон. Для закоренелых антикоммунистов всего мира метод, стоявший за этой «варварской трансформацией», скоро станет источником вдохновения и образцом. Почему, однако, мировую прессу и Госдепартамент совершенно не смутил тот факт, что успех был достигнут за счет массового уничтожения невооруженных гражданских лиц? Говард Федерспил из Госдепартамента идеально сформулировал ответ: «Всем было наплевать на эту бойню — это ведь были коммунисты»⁵⁴.

8

В это время в мире

Индонезия действительно стала «тихим, послушным партнером» Соединенных Штатов, что и объясняет, почему так много американцев сегодня едва ли слышали об этой стране. В то время, однако, дело обстояло совершенно иначе.

Уничтожение третьей по величине коммунистической партии в мире, свержение основателя движения третьего мира и установление военной диктатуры фанатиков-антикоммунистов нанесло Индонезии жестокий удар, вызвавший цунами, которое достигло практически каждого уголка земного шара.

В долгосрочной перспективе характер мировой экономики изменился навсегда. Масштабы победы антикоммунистов и безжалостная эффективность примененного метода стали источником вдохновения для других программ истребления, названных в честь столицы Индонезии. Сначала, однако, эта гигантская кровавая волна вызвала краткосрочные последствия, обрушившись на береговую линию по всему миру.

Вьетнам

Стратегия США в Юго-Восточной Азии в большой степени диктовалась логикой «теории домино», согласно которой, если

одна страна в Азии «свалилась» в коммунизм, то так же может свалиться и весь регион. Эту теорию прекрасно помнят до сих пор. Совершенно забыто то, что Индонезия была с большим отрывом самой большой костяшкой в этом домино. Когда influentialные чиновники в Вашингтоне поняли, насколько решительную победу одержали в Джакарте, то пришли к выводу: они могут позволить себе проиграть битву во Вьетнаме, потому что война уже выиграна.

Падение коммунистической партии в Индонезии «очень сильно понизило ставки Америки во Вьетнаме» — так выразился Роберт Макнамара, подытожив мнение, высказанное в 1966 г. Джорджем Кеннаном, изобретателем стратегии сдерживания холодной войны: «Теперь осталось меньше костяшек домино и их падение представляется гораздо менее возможным»¹.

Позднее Макнамара ретроспективно оценит свои воинственные взгляды на Вьетнам 1965 г. и с сожалением заключит, что он и другие высокопоставленные должностные лица «совершенно не учли многовековой враждебности между Китаем и Вьетнамом... или потерь политической мощи Китая, вызванных недавними событиями» в Индонезии². К 1967 г., рекомендуя воздержаться от эскалации войны, Макнамара «указал на разгром коммунистов в Индонезии и “культурную революцию”, разворачивавшуюся в Китае, утверждая, что эти события свидетельствуют о том, что тенденция в Азии теперь направлена в выгодную для нас сторону»³.

В конце концов Макнамара оказался прав. Вашингтонские деятели проиграли войну во Вьетнаме, но постепенно все равно получили ту версию Юго-Восточной Азии, к которой всегда стремились.

И потом, у жителей Вьетнама были свои собственные интересы. Вторая по величине коммунистическая партия в Юго-Восточной Азии (до уничтожения индонезийских коммунистов, после чего она стала крупнейшей), как и значительная часть социалистического мира, сначала отреагировала на события

1 октября с сомнением. Официальный орган партии, *The People*, не комментировал события в Индонезии до 7 октября, когда газета опубликовала послание Хо Ши Мина президенту Сукарно. В нем не было вообще никаких комментариев по поводу Движения 30 сентября:

«Мы очень рады услышать, что с президентом все благополучно. Мы желаем вам и народу Индонезии иметь возможность продолжить свою революцию».

Затем, 9 и 18 октября, в *The People* вышли две статьи. «Силы в Индонезии при поддержке империалистических США несколько месяцев планировали мятеж против президента Сукарно» — гласил заголовок одной из них. Второй заявлял: «Империалистические США и их пособники провоцируют антикоммунистическую кампанию в Индонезии»⁴.

Конечно, с наращиванием военного участия Вашингтона Ханой вряд ли имел возможность как-то помочь Индонезии. Вьетнамские коммунисты в конечном счете победили американцев, но ценой огромных потерь. Три миллиона вьетнамцев были убиты в той войне, два миллиона из них — гражданские⁵. Еще множество людей погибло в Камбодже и Лаосе. В Индокитае крестовый поход Вашингтона против коммунистов уничтожал человеческие жизни в поистине колоссальных масштабах без заметных положительных результатов.

Ход войны во Вьетнаме очень хорошо задокументирован, особенно по сравнению с Индонезией⁶, но один аспект часто ускользает от внимания, а именно программа, перекликающаяся с событиями в Гватемале в 1953 г., Ираке в 1963 г. и Индонезии в 1965 г.

Американские военные запустили программу «Феникс» при содействии Австралии и правительства Южного Вьетнама в 1968 г. Ее целью была «нейтрализация» властей противника посредством убеждения или покушений. Это означало убийство гражданских лиц, а не ведение боевых действий. Военные составили черные списки и вышли на охоту. В ходе операции «Феникс» были убиты десятки тысяч чиновников и безоружных людей⁷.

Один из участников этой программы был ветераном антикоммунистических операций Вашингтона. Беженец с Кубы по имени Феликс Родригес участвовал во вторжении в заливе Свиней. Затем он поступил на службу в ЦРУ и возглавил миссию по выслеживанию и казни Че Гевары в Боливии в 1967 г. Покончив с этим делом, он отправился во Вьетнам работать в сверхсекретной программе «Феникс»⁸.

Советский Союз

Советский Союз отреагировал на свержение Сукарно и уничтожение КПИ по большей части молчаливым самоустранением. С одной стороны, к моменту раскола между Китаем и Советами Москва не горела желанием увидеть успех явного союзника Пекина. С другой — Леонид Брежнев, генеральный секретарь с октября 1964 г., надеялся вернуть коммунистическую партию и Айдита на сторону СССР. В конце концов, индонезийские коммунисты оставались ревизионистами с точки зрения Пекина, а Айдит, которому никогда не нравился Хрущев, попытался все начать с нуля с Брежневым⁹.

Представляется, что советское руководство, как почти все остальные, было застигнуто врасплох событиями 1 октября и прибегло к стратегии «подождем, посмотрим». Десятого октября советские лидеры отправили и опубликовали письмо Сукарно, «от всей души желая ему больших успехов». Когда стало известно о программе массового истребления, «Правда» в феврале 1966 г. спросила: «За что и по какому закону людей убивают десятками тысяч?» Официальная коммунистическая газета сообщила, что «крайне правые политические круги пытаются уничтожить коммунистическую партию и в то же время искоренить идеологию коммунизма в Индонезии». Она сравнивала эту бойню с «белым террором», захлестнувшим Россию в 1917 г.¹⁰

Однако Советы не предприняли никаких решительных шагов на международной арене. Конечно, между двумя стра-

нами ухудшились отношения, когда Сухарто консолидировал власть, и Советы потихоньку срезали помощь Индонезии и тамошним военным. Однако ни яростных обличений в ООН, ни угроз возмездия не последовало¹¹. Едкие замечания генерального консула Восточной Германии, вплоть до того, что «КПИ совершила серьезный промах в связи с событиями 30 сентября», могут свидетельствовать, что в кулуарах некоторые высшие руководители стран, относившихся к советской орбите, считали, что индонезийцы сами виноваты¹². По крайней мере, они находили оправдания для того, чтобы оставаться в стороне, когда истребляли коммунистов, а впрочем, они и прежде часто поступали таким образом.

Однако в Советском Союзе в 1965 г. жило много индонезийцев. Многие из них были студентами Университета им. Патриса Лумумбы, созданного в 1960-х гг. для обучения молодежи из стран третьего мира. С момента провозглашения независимости Индонезия отправляла студентов учиться по всему миру, но по мере того, как Сукарно дрейфовал влево в 1960-х гг., возможности обучения в социалистических странах увеличились по сравнению с местами на Западе.

Гдэ Арка и Ярна Мансур, молодая индонезийская пара уроженцев Бали и Суматры соответственно, ухватились за возможность поехать в Москву в 1963 г. Перед отъездом они прошли небольшую идеологическую подготовку (главным образом, чтобы иметь возможность распространять благую весть об индонезийской революции среди других студентов), но коммунистами не были. Они с удовольствием поехали бы учиться в Англию или в Нидерланды, если бы могли¹³.

Москва показалась им холодной, но в то же время довольно богатой и современной. Все пользовались услугами здравоохранения и бесплатного образования — тем, что индонезийцы, по их мнению, заслуживали, но так до сих пор не получили. Русский язык оказался не особенно трудным — они с детства учили намного более сложные и легко переключались с одного на другой, поэтому вскоре молодые люди уже гово-

жили и учились на местном языке вместе со студентами всего мира: из Латинской Америки, с Ближнего Востока, из Японии, Камбоджи, Таиланда, Индии, Шри-Ланки, Ирана и Ирака.

После 1 октября 1965 г. в новостях о событиях на родине пропала всякая логика. Гдэ и Ярна слушали репортажи советского радио, Би-би-си и «Радио Австралии». Все, что там говорили, казалось абсолютно непонятным. Мало того, у них не было возможности связаться со своими семьями на родине. А затем, когда посольство Индонезии вызвало их, чтобы поставить подписи под какими-то декларациями, все запуталось еще сильнее.

Сначала им велели подписать осуждение убийства каких-то шести генералов. Они охотно это сделали. Однако затем им подсунули заявление о согласии с новым правлением Сухарто. Они колебались: все это казалось какой-то ерундой. Они практически ничего не знали об этом Сухарто. Это требование раскололо довольно многочисленное студенческое землячество Москвы. Некоторые подписали текст согласия, Гдэ и Ярна отказались. Они рассудили — и надеялись на это, — что Сукарно, президент, который отправлял их за границу, наведет порядок и вернет себе власть.

Этого не случилось. Поскольку Гдэ и Ярна отказались подписать заявление, их паспорта были отозваны, гражданство аннулировано, то есть они лишились своей страны. То же самое произошло с тысячами индонезийцев по всему миру: все они стали лицами без гражданства, вынужденными искать помощи там, где сумели устроиться, или мыкаться, пересекая без паспорта одну границу за другой, пока не удастся найти государство, которое их приютит¹⁴. Они не могли связаться со своими семьями в Индонезии. Их заклеямили как коммунистов, и в итоге они стали самыми настоящими изгоями.

Дядя Гдэ был убит в ходе антикоммунистического насилия на Бали. Его пытали, заставили смотреть, как умирают его друзья, затем зарезали. Гдэ узнал все это, лишь когда получил возможность вернуться в Индонезию тридцать лет спустя.

Гватемала

Почти через десять лет после срежиссированного ЦРУ переворота дела в самой большой стране Центральной Америки шли неважно. У власти здесь по-прежнему оставались союзники Вашингтона по холодной войне, и Гватемала была тесно интегрирована в экономику США, однако все складывалось не совсем так, как рассчитывали американские власти.

На исходе 1950-х гг. агенты ЦРУ с некоторым сожалением наблюдали, как страна погружается обратно в «феодалные репрессии»¹⁵. Затем вторжение в заливе Свиней опосредованным образом спровоцировало гражданскую войну, которая продлится больше трех десятилетий.

В ноябре 1960 г. группа младших офицеров подняла малочисленное восстание против президента Мигеля Идигораса Фуэнтеса, одержавшего целиком и полностью фальшивую победу на выборах, после того как посаженного Вашингтоном в 1954 г. генерала убили в результате успешного покушения. Эти младшие офицеры склонялись к очень широкому спектру левых течений и были потрясены уровнем коррупции и некомпетентности правящего режима. Однако толчком к восстанию послужил тот факт, что президент, не спросив у них, предоставил поддерживаемым ЦРУ беглецам с Кубы базу для подготовки вторжения на остров. Кубинские беженцы были богатыми, наглыми и разъезжали по всей стране на дорогих автомобилях¹⁶. Это было не только оскорбление армии и армейской иерархии, но и кража, поскольку президент прикарманил все деньги, которые заплатили ему США.

Мятеж провалился, но некоторые из офицеров сформировали партизанскую группу Революционное движение 13 ноября (*Movimiento Revolucionario 13 de Noviembre*, MR-13) для открытого восстания против правительства. Другой офицер создал группу «Повстанческие вооруженные силы» (*Fuerzas Armadas Rebeldes*, FAR) и стал сотрудничать с подпольной Коммунистической

партией Гватемалы, верной принципам ненасилия с момента своего основания¹⁷.

К 1964 г. Соединенные Штаты и их местные партнеры-военные, разочарованные неспособностью обуздать восстание, изменили тактику. Они начали серию контрпартизанских действий в Восточной Гватемале. Им помогала правая террористическая организация «Белая рука» (*La Mano Blanca*), но победа все ускользала. Совершенно недемократическое и не способное построить общество, где у простых людей был бы хотя бы один шанс улучшить свое положение, государство столкнулось с огромными трудностями в отстаивании своей легитимности. Его лидеры прибегли к другому решению. Пока в Индонезии продолжалось насилие, они привезли в Гватемалу двух американцев из Юго-Восточной Азии.

В сентябре 1965 г. Джон Гордон Мейн был назначен послом США в Гватемале. Он работал первым секретарем посольства Индонезии до того, как послом стал Говард Джонс, затем при Джонсе являлся директором Управления по делам Юго-Западной части Тихого океана в Государственном департаменте. Вскоре после этого Мейн обратился за помощью к Джону Лонгану, бывшему офицеру Пограничной службы США, работавшему на ЦРУ в Таиланде и других местах¹⁸. Гнездом Лонгана было то же отделение в Бангкоке, которое санкционировало поставку оружия индонезийским военным в период убийств¹⁹.

Вскоре после приезда из Венесуэлы Лонган создал эскадроны смерти. В течение трех месяцев они осуществили операцию «Зачистка», или *Operación Limpieza*, в ходе которой похитили, подвергли пыткам и казнили 30 видных деятелей левого движения в марте 1966 г., как раз тогда, когда Сукарно сдавал свои позиции в Индонезии. При этом они не просто убили их, они их похитили и заставили исчезнуть, умертвив и никому не сообщив о случившемся.

Считается, что события 1965–1966 гг. в Индонезии стали первым случаем, когда Азия столкнулась с исчезновениями людей как тактикой государственного террора²⁰. В 1965 г. в город Гвате-

малу приехали два человека, имевшие непосредственные знания о деятельности США в Индонезии. Историки, изучающие насилие в Латинской Америке, полагают, что первыми жертвами такого рода репрессий в этом регионе стали жители Гватемалы²¹.

Китайская Народная Республика

Первое октября — особая дата в календаре коммунистического Китая. Это национальный праздник, день основания Китайской Народной Республики, которой в 1965 г. исполнилось 16 лет. Когда Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин выступали в тот день на площади Тяньаньмэнь, в толпе были индонезийские студенты и левые²². На состоявшемся затем банкете индонезийцы составляли самую многочисленную иностранную делегацию²³.

Когда Сухарто установил полный контроль над Индонезией, антикоммунисты использовали это совпадение дат для нечистоплотных обвинений, будто Китай каким-то образом срежиссировал Движение 30 сентября. У Пекина никогда не было ни возможностей, ни намерения менять индонезийское правительство, наоборот, китайская верхушка совершенно не понимала, что происходит²⁴. Сначала в Китае поверили, что был предотвращен настоящий правый мятеж, затем решили, что Сукарно вернет себе власть в стране и продолжит править при поддержке коммунистической партии, наконец, испугались, что Сукарно не захочет или не сможет помешать армии врываться в дома сотрудников китайского посольства в Джакарте.

В декабре, узнав о смерти Дипа Нусантара Айдита, Мао написал стихотворение.

Редкие ветви стояли перед моими окнами зимой,
улыбаясь мне сотням цветов.

Увы, пришла весна — и увяли эти улыбки.

Ни к чему скорбеть об ушедших:

Для всякого цветка своя пора увядать и своя пора цвести.
*В следующем году будут новые цветы*²⁵.

Очевидно, еще в декабре Мао считал, что левые в Индонезии снова восстанут. Этого не случилось, их всех поубивали, и те, кто протестовал против коммунизма, и студенческие группы все чаще нападали на китайское посольство. В феврале больше тысячи ультраправых молодых людей атаковали здание, и персоналу пришлось кто во что горазд защищаться с помощью пивных бутылок, электрических лампочек и кун-фу. Антикоммунистическое и антипекинское правительство Тайваня предоставляло средства и обучало эти группы, нападения не прекращались. В общей сложности посольство было атаковано больше сорока раз.

Сообщения о столкновениях дошли до Китая и стали частью официального дискурса зреющей «культурной революции». Диктатура Сухарто и «культурная революция» возникли синхронно, говорит научный сотрудник Таомо Чжоу, главный специалист по китайским документам об Индонезии того периода. «Эти два значительных и бурных процесса в Азии времен холодной войны взаимно усиливали друг друга», — пишет она, и конфликт с Индонезией «сыграл огромную роль в растущей социально-политической мобилизации на ранних этапах “культурной революции”». Героическое сопротивление жестокости таких деятелей, как Сухарто, стало одной из главных тем для «красных охранников» (хунвейбинов)²⁶.

Сначала разъяренная китайская молодежь просила разрешения расклеивать плакаты с призывом атаковать «индонезийских реакционеров». Затем фотография китайского дипломата, раненного во время нападения на посольство в Джакарте, стала сенсацией в СМИ по всей стране. Шестьсот тысяч хунвейбинов протестовали перед посольством Индонезии в Пекине. Прибывая в Китай, этнические китайцы, бегущие от насилия в Индонезии, присоединялись к индонезийским студентам и левым, которые тоже оказались там²⁷. Их рассказы об ужасах,

происходящих на родине, получили широкую известность во время «культурной революции» и использовались как мощные символы угрозы правого насилия и необходимости героически сопротивляться империализму.

На мероприятии с участием этих беженцев, стоя перед толпой людей, размахивавших «Красной книжечкой»*, министр иностранных дел Чен И провозгласил: «Китайский народ, вооруженный мыслью Мао Цзэдуна, никто не унизит! Зарубежных соотечественников, представляющих сильный социалистический Китай, никто не посмеет преследовать!» Он продолжил: «Индонезийские варвары-реакционеры в конечном счете столкнутся с суровым судом истории»²⁸.

«Культурная революция» опиралась на идею, что скрытые буржуазные элементы могут просочиться в левое движение и стать для него угрозой. События в Индонезии в 1965–1966 гг. послужили самоочевидным обоснованием этого нарратива. Всего несколькими неделями ранее самая большая в мире невооруженная коммунистическая партия пользовалась существенным влиянием в гигантской стране по другую сторону Южно-Китайского моря. Мао и Чжоу Эньлай убеждали индонезийских левых вооружить людей²⁹. Те не послушали совета. И вдруг откуда ни возьмись появились те самые скрывавшиеся до сих пор правые элементы и принялись убивать их всех, превращая антиимпериалистическую страну с левым уклоном в союзника Вашингтона. Идеальный пропагандистский сюжет, который стоило бы выдумать. Если бы только это не было правдой.

Соединенные Штаты Америки

Власти США практически в унисон воспевали массовую резню в Индонезии, даже когда ее размах и жестокость стали очевидны. По иронии один выбивающийся из общего хора голос при-

---

* Сборник цитат Мао Цзэдуна.

подлежал человеку, имевшему репутацию инициатора самых жестоких и безжалостных тайных операций в начале 1960-х гг.

В январе 1966 г. сенатор Бобби Кеннеди сказал: «Мы высказались против бесчеловечных боен, устроенных нацистами и коммунистами. Однако выскажемся ли мы также против бесчеловечной бойни в Индонезии, где больше ста тысяч подозреваемых коммунистов оказались не преследователями, а жертвами?» Никто больше из видных американских политиков не осудил убийства. К тому времени он уже привык высказываться решительно и смело³⁰. Неясно, знал ли сенатор к тому моменту, что администрация Джонсона активно содействует массовым убийствам. Возможно, он в определенной мере пересмотрел свои взгляды на характер черных операций после смерти своего брата. Может быть, это был политический ход. Однако мы знаем, что, чем бы ни руководствовался Бобби Кеннеди, Вашингтон не прекратил способствовать проведению операции «Уничтожение».

Экономическая элита США услышала совсем другое послание: Индонезия открыта для бизнеса. В 1967 г., в первый год полновластного правления Сухарто, General Electric, American Express, Caterpillar и Goodyear Tire явились разведывать новые возможности, предоставившиеся им в Индонезии. Компания Star-Kist Foods принялась разносить, что может сулить рыболовство в индонезийских водах, ну и, естественно, оборонные подрядчики Raytheon и Lockheed тоже были тут как тут.

Джеймс Лайнен, президент Time-Life, пошел на шаг дальше. Он связался как с посольством, так и лично с Сухарто и выразил заинтересованность в проведении крупной бизнес-конференции, посвященной возможностям в Индонезии. Посол Грин сказал, что «это кажется ему блестящей идеей», потому как «ряд американских компаний, особенно из добывающих отраслей, уже находились в Джакарте»³¹.

Лайнен написал Сухарто: «Я имел счастлившую возможность посетить вашу страну прошлой осенью и составил самое благоприятное впечатление о масштабах прогрессивного развития.

У меня появилась мысль, что международная конференция инвесторов... могла бы стать весьма продуктивным мероприятием».

Сухарто согласился. Они начали подготовку к шикарнóй тусовке, которая должна была состояться в Женеве осенью того же года.

По меньшей мере миллион индонезийцев по-прежнему находились в концентрационных лагерях, что составляло самую большую численность политических заключенных где бы то ни было в мире. Их морили голодом, принудительно заставляли трудиться, подвергали физическим и психологическим пыткам и «антикоммунистическому перевоспитанию»³². Семьи других жертв, числом до миллиона, были морально уничтожены исчезновением своих близких, не имея объяснения случившемуся и зачастую хотя бы подтверждения, что они мертвы. Вся страна была завалена трупами. Франциска старалась примириться с мыслью, что придется забыть о муже и искать способ бежать из страны, чтобы сохранить жизнь остальным членам семьи.

Судя по материалам, подготовленным после конференции под названием «Как способствовать восстановлению страны», митинг в Женеве имел огромный успех. В нем участвовал заместитель госсекретаря Джордж Болл. Новый министр иностранных дел Адам Малик, давний вашингтонский фаворит в Индонезии, произнес речь, сделав упор на роль военных как «единственной заслуживающей доверия политической силы в Индонезии». Дэвид Рокфеллер под занавес произнес вдохновляющие слова: «В последние два дня я разговаривал со многими прекрасными людьми и думаю, что наблюдал всеобщий энтузиазм»³³.

Камбоджа

Как и Сукарно, принц Нородом Сианук пытался сохранить нейтралитет в холодной войне после участия Камбоджи в Бандунгской конференции в 1955 г., но его отношения с Вашингтоном

все сильнее обострялись из-за повторяющихся из года в год переговоров ЦРУ и эскалации войны во Вьетнаме.

В то же время человек, при рождении получивший имя Салот Сар, а ныне известный миру как Пол Пот, возглавил очень малочисленную группу крайне своеобразных марксистов, обосновавшуюся возле вьетнамской границы. Его группа, называвшаяся тогда Рабочей партией Кампучии, почти не пользовалась общественной поддержкой и то сотрудничала, то ссорилась с более опытными — и намного более занятыми — вьетнамскими коммунистами, находившимися восточнее. Пол Пот игнорировал директивы и Советского Союза, и вьетнамцев сохранять мир с правительством Сианука, и его группа пыталась организовать крестьянское восстание³⁴.

Пол Пот и его последователи также обращали самое пристальное внимание на Индонезию. Они изучили крах КПИ и сделали вывод, что стратегия этой партии — союз с Сукарно и завоевание массовой поддержки демократическим путем — лишь привела ее к катастрофе. В результате Пол Пот поклялся, что его движение не постигнет такая же участь от рук реакционеров, и решил завоевать и удержать власть оружием и насильем. Коммунистическая партия Индонезии не имела оружия и слепо верила в приманки демократии, что и привело ее к краху, заключил тайный лидер красных кхмеров. Он будет действовать по-другому³⁵.

Гана

Если в Субсахарской Африке был свой Сукарно, то это, пожалуй, Кваме Нкрума из Ганы. Родившийся в бедной семье на Золотом Берегу (как обычно бывало в третьем мире, название дали британские колонизаторы в честь ценного товара) и получивший образование в традиционном «черном» Университете Линкольна в Пенсильвании, он собственными глазами увидел, как патологический расизм отравляет жизнь темноко-

жих в Соединенных Штатах³⁶. Сначала власти в Лондоне видели в нем угрозу, а затем вдруг разглядели полезного деятеля, пока он снова не стал проблемой.

В 1957 г. Кваме Нкрума помог создать Гану — первую независимую страну в Субсахарской (Черной) Африке³⁷. Он был социалистом и противником западного империализма, хотел изменить правила мировой экономики в пользу освобождающихся от колониального ига народов и к 1960-м гг. соперничал с Сукарно на международной арене в качестве человека, наиболее громко выступающего против «неоколониализма».

В своей книге «Неоколониализм: последняя стадия империализма» (*Neocolonialism: The Last Stage of Imperialism*), изданной в 1965 г., Нкрума написал, что «неоколониализм — это худшая форма империализма». По его мнению, новый путь мира состоял в том, что «иностранный капитал используется для эксплуатации, а не для развития менее развитых частей мира» и что империалистическим странам теперь даже не приходится признаваться в том, что они делают, даже самим себе³⁸.

В 1966 г., когда США продолжали способствовать истреблению индонезийских левых, Нкрума был смещен в ходе военного путча, за которым стояли США и Британия. Роль ЦРУ до сих пор неясна, но, по общепринятому мнению, путчисты прошли подготовку в Великобритании. Нкрума нашел убежище в Гвинее, которой тогда руководил его союзник по движению третьего мира Ахмед Секу Туре.

Можно с уверенностью утверждать, что к концу 1960-х гг. антиколониальное движение третьего мира было дезорганизовано, если не уничтожено. «Дух Бандунга» превратился в призрак. Лидеры прогрессивного крыла постколониального движения ушли: Неру умер в 1964 г., Сукарно томился в Индонезии, пока его союзники истекали кровью в ожидании скорой смерти, Нкрума в Гане и У Ну в Бирме были смещены в результате военных переворотов. Многие иракские левые были мертвы, и Саддам Хусейн, за которым стояли Соединенные Штаты, скоро покончит с ними окончательно; Насер в Египте был

ослаблен крахом Объединенной Арабской Республики, последовавшим за переворотом в Дамаске, лидеры которого, в свою очередь, зачистили Коммунистическую партию Сирии.

Живя в Гвинее, Нкрума пришел к новому выводу о природе неокOLONиализма. С учетом ситуации в мире и успехов западного империализма единственный путь к революции — это затяжная партизанская война³⁹.

По словам Виджая Прадеша, директора Института трех континентов, «уничтожение левых оказало колоссальное влияние на третий мир. Самые консервативные, даже реакционные общественные классы перехватили инициативу и взяли под свой контроль политическую платформу, созданную в Бангдунге. Будучи придатком к военным режимам, возникшие политические силы отвергли экуменический антиколониальный национализм левых и либералов, заменив его на жестокий культурный национализм с упором на расизм, религию и иерархию»⁴⁰. Немецкий историк Кристиан Герлах, говоря об органе, который некогда был, пожалуй, лучшим мировым форумом для укрепления движения третьего мира, выразил это так: к 1971 г. «убийца вроде [индонезийского министра иностранных дел] Адама Малика мог даже стать президентом Генеральной ассамблеи ООН»⁴¹.

Чили

В 1964 г. Христианско-демократическая партия легко выиграла президентские выборы в Чили, одной из самых стабильных и процветающих стран Латинской Америки. Христианским демократам благоволил Вашингтон и ЦРУ, и партия получала очень существенную помощь от Дяди Сэма.

Центральное разведывательное управление вбухало в эти выборы 3 млн долларов, то есть почти по доллару за каждый голос, поданный за Эдуардо Фрея, — больше, чем Линдон Джонсон потратил на собственную избирательную кампанию

1964 г.⁴² Помимо финансирования, ЦРУ провело грубую «кампанию запугивания» чилийского народа⁴³. Управление активно использовало прессу, радио, фильмы, брошюры и плакаты, замалевывало своими граффити стены городских зданий. В одной рекламе на радио, направленной против красных, звучала автоматная очередь — стрельба коммунистов-убийц, а затем крик женщины: «Они убили моего ребенка!» Ежедневно транслировалось до двадцати радиофрагментов подобного рода⁴⁴.

Кроме того, ЦРУ распространяло дезинформацию и не брезговало черной пропагандой, приписывая эти заведомые фальшивки коммунистической партии⁴⁵.

Чили была стабильной демократией с 1932 г., и Фрей не был диктатором. Он запустил скромную программу земельной реформы, принимал меры по вовлечению простых людей в образовательную систему и попытался сделать налогообложение несколько более прогрессивным. До сих пор страна, расположившаяся на узкой полосе южноамериканской земли вдоль холодного тихоокеанского побережья, ничем не походила ни на Гватемалу, где генералы правили с помощью террора, ни даже на своих более ближних соседей, у которых то и дело происходили военные перевороты. Да, это была Латинская Америка: колоссальное неравенство и расовая иерархия, очевидная для кого угодно со стороны, но многие чилийцы из среднего класса вспоминают 1960-е как скорее приятные времена. Сторонники обладателя второго результата на выборах в тот год, Сальвадора Альенде, и другие левые в стране считали, что движение к социализму можно было осуществить по-чилийски, без особых потрясений, это помогло бы стране развиваться в более равных условиях. Но злокачественность избирательной кампании 1964 г. потрясла их.

Девятнадцатилетняя Кармен Херц училась в Чилийском университете и, как и ее друзья, прекрасно понимала, насколько сильно Вашингтон противодействует Альенде и его разнообразным союзникам. Она выросла в строгой, благополучной

и консервативной семье, где вечерние чаепития больше напоминали об Англии Мэри Поппинс, чем о горах Кубы, и поступила в колледж 16-летней девочкой с косичками⁴⁶. Живя дома, она симпатизировала правой Либеральной партии, но пробудившееся социальное сознание подтолкнуло ее влево, тем более что по характеру она всегда отличалась некоторым радикализмом и непримиримостью.

В ее окружении в то время действовали две левые группы. С одной стороны находилась Коммунистическая партия Чили. Ее члены практиковали консерватизм во всех смыслах этого слова. Короткие стрижки, моральные принципы и дисциплина были их отличительными характеристиками. Они представляли одну из самых важных коммунистических партий в мире, пользовавшуюся массовой поддержкой среди рабочего класса, чрезвычайно дисциплинированную и поддерживавшую хорошие отношения с Москвой. В то время чилийские коммунисты следовали советской линии в Латинской Америке, поэтому настаивали, чтобы левые участвовали в выборах и действовали в рамках имевшейся в Чили демократической системы, пусть даже буржуазной.

Вторая группа, Левое революционное движение (*Movimiento de Izquierda Revolucionaria*, MIR), была из новых и во многом являлась порождением 1960-х гг. Ее члены были более богемными и ориентировались не на скучного старого Брежнева, а на Че Гевару, вдохновляясь его моделью партизанской войны и уроками, которые он усвоил в Гватемале в 1954 г. Они считали, что путь демократического социализма ведет в ловушку, и опасались, что реакционные силы проглотят их прежде, чем этот путь удастся пройти хотя бы наполовину. Они заявили коммунистам: нет, единственный путь — это вооруженное сопротивление.

Обе стороны обратили внимание на происходящее в Индонезии. Орландо Миллас, функционер коммунистической партии, недавно побывал в Джакарте и много разговаривал с Айдитом о терзающем его беспокойстве: Вашингтон что-то

против них замышляет⁴⁷. Обе левые группы пришли в ужас, услышав о масштабной бойне, которую считали невозможной в Латинской Америке. Левые студенты университета, где училась Кармен, сходились во мнении, что будущее за ними и что скоро они победят. Однако именно члены Левого революционного движения MIR ухватились за Индонезию, чтобы на примере тамошнего насилия доказать, что тактика борьбы должна быть пересмотрена.

Кармен помнит, как ее друзья-радикалы говорили: «Видите, что происходит, если остаешься беззащитным!»

В 1966 г. газета MIR, *Punto Final*, опубликовала текст, авторство которого приписывается философу Бертрану Расселу: «Я боюсь, что ужас индонезийских убийств стал возможным по единственной причине: мы, Запад, настолько пропитаны расизмом, что смерти азиатов, даже сотен тысяч, не производят на нас впечатления. Черные в Северной Америке хорошо это знают». И далее: «Зная об этом, народы мира должны избрать путь открытой борьбы»⁴⁸. Кроме того, *Punto Final* опубликовала описание деятельности ЦРУ в Индонезии, Конго, Вьетнаме и Бразилии⁴⁹. Некоторые детали газета сообщила неверно, но, как и в случае, когда *Harian Rakyat* освещала события в Гватемале в 1954 г., чилийская левая пресса описывала события в Индонезии более точно, чем мейнстримные издания США того же времени.

Во время обучения в Чилийском университете Кармен больше симпатизировала MIR, чем коммунистической партии, хотя ее постоянным партнером в словесных поединках был Карлос Бергер, отчаянный футбольный фанат, являвшийся дисциплинированным учтивым членом коммунистической партии — с 14 лет. Он отличался невероятной цельностью, поняла Кармен, — в традиционном коммунистическом смысле. Он был целиком и полностью предан своей идее и нравственному образу жизни. Ничего для себя, все для великой цели.

Кармен считала, что события в Индонезии станут поворотным моментом и точка зрения Левого движения MIR в этих

идеологических дебатах возобладает. Действительно, похоже, насилие укрепило его позиции, как переворот в Гватемале в 1954 г. стал для Че доказательством того, что мирная революция невозможна. Тем не менее коммунистическая партия осталась при своем мнении: сейчас не 1950-е гг., размышляли коммунисты, и у нас тут старое доброе Чили, а не какая-нибудь Центральная Америка или островок в Карибском море. Сам Альенде радикализировался, когда узнал о том, что произошло в Гватемале в 1954 г.⁵⁰ Но, подобно Карлосу и всей коммунистической партии, он верил в чилийские институты.

Таиланд

В 1965 г. Бенни жил в Бангкоке. Завершив образование в непосредственной близости от множества индонезийских генералов в Канзасе, он отправился получать докторскую степень по экономике в Техасский университет, а затем нашел работу в ООН.

Таиланд был основательно прозападной страной, как и все другие, где размещались региональные штаб-квартиры ООН. Именно здесь базировалась и региональная штаб-квартира ЦРУ. У КГБ тоже имелись свои агенты в Таиланде. Обе стороны снова и снова приглашали Бенни перекусить или выпить, вероятно надеясь получить от него информацию или прошу-пать на предмет возможного сотрудничества. Бенни принимал приглашения и ограничивался ничем не значащей болтовней, совершенно сбитый с толку всеми этими встречами⁵¹.

Сотрудника ЦРУ, упорно приглашавшего Бенни на ланч, звали Алан Фюрер, что очень забавляло Бенни и его коллег из ООН: ведь именно так называли Гитлера. Еще больше веселило Бенни то, что люди из ЦРУ и КГБ, похоже, не представляли, что у него за работа или что он мог бы для них делать. Бенни занимался экономической стороной деятельности ООН и не имел ничего общего с политикой, так что они зря потеря-

ли бы время, даже если бы он оказался заинтересован в том, чтобы помогать им. Однако его это не интересовало.

Бенни наблюдал, как Бангкок постепенно начал превращаться в центр мирового секс-туризма: американские солдаты приезжали сюда в отпуск с войны во Вьетнаме ради «отдыха и развлечений». Постоянный приток солдат превратил некоторые части города в своего рода конвейер проституции.

Бенни слышал, как эти люди обсуждают то, чем занимались во Вьетнаме. Был один бар, «Рандеву», где собирались пилоты, они напивались, и у них развязывались языки. «Я сбросил все гребаные бомбы на эту деревню», — рассказывали они, едва успев развалиться в креслах. В мире об этом пока еще практически не было известно, но Бенни, который околачивался в «Рандеву», знал, что к востоку от него начинается что-то очень скверное. Пилоты однозначно описывали неизбежные бомбардировки и массовую бойню мирных жителей.

Бенни впервые услышал о Движении 30 сентября по «Радио Австралии», то есть — о этом он узнал лишь впоследствии — познакомился с версией, транслируемой станцией, которая активно содействовала кампании психологической войны против Коммунистической партии Индонезии. Он сидел в саду с женой, беременной их вторым ребенком.

Позже к нему явился человек из посольства — задать пару вопросов. Знает ли Бенни что-нибудь о Джакарте? Что он об этом думает? Бенни ответил, что ничего не знает. Он и правда ничего не знал.

Когда ситуация на родине ухудшилась, индонезийцев по всему миру стали заставлять выражать свою лояльность новой власти. Бенни представлялся особенно подозрительным из-за своего китайского происхождения. Кроме того, его жена состояла в группе индонезийских женщин — добровольно-принудительном объединении индонезийских жен и сотрудниц ООН, живших за границей. Группа поддерживала политику Сукарно и среди прочего его конфликт с Малайзией.

Бенни вызвали в посольство на допрос. Вопрос был очень простым:

«Кто ваши самые близкие друзья в Джакарте?»

Теперь Бенни нужно было действовать осмотрительно. Он всегда был против коммунизма, но никогда — против Сухарто. Он решил, что знает, как нужно ответить, и назвал тем, кто его допрашивал, имена богатых индонезийцев-католиков со связями, формировавших антикоммунистическое ядро вокруг Сухарто. Бенни был знаком с ними по учебе в дорогой частной школе и подумал, что они за него поручатся.

Так и произошло. Ему разрешили вернуться к работе в ООН, но в 1968 г. военный атташе в Бангкоке обратился к Бенни с дружеским предостережением. Его имя от рождения, Хун Лань Оэй, звучит слишком по-китайски. Сухарто разорвал отношения с Китаем и запретил любые материалы на китайском языке в Индонезии. Даже китайские иероглифы оказались вне закона. Власти издали предписание, настоятельно рекомендующее индонезийцам китайского происхождения отказаться от китайских имен. Бенни на какое-то время сошло с рук сохранение своего имени в паспорте, потому что он находился за пределами страны и работал в ООН. Однако у него было два варианта: отказаться от своего семейного имени или периодически подвергаться преследованиям и допросам.

Как многие другие индонезийцы с китайскими корнями, он взял фамилию, звучавшую на яванский манер. Отныне он официально превратился в Бенни Видьоно.

В 1967 г. народы Юго-Восточной Азии собрались в Бангкоке для создания новой организации. Прежде только Филиппины, Малайская Федерация и Таиланд — все они являлись консервативными государствами, ориентировавшимися на Запад, — составляли группу под названием Ассоциация Юго-Восточной Азии. Теперь же, когда у власти в Индонезии стоял Сухарто, самая большая страна региона и молодой Сингапур присоединились к ним, чтобы сформировать Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Их объединяло несколько

вещей: авторитарный технократизм, тесные связи с Вашингтоном и, главное, антикоммунизм⁵².

В 1970-х гг. власти Таиланда убьют тысячи людей в ходе своей собственной антикоммунистической чистки⁵³.

Куба

В 1963 г. президент Сукарно отправил своего старого друга А. М. Ханафи в Гавану в качестве первого посла Индонезии на Кубе. Сверстник Фиделя Кастро, он не был коммунистом, но являлся преданным революционером, верным президенту со времен борьбы с голландцами в 1940-х гг. Ханафи поладил с Фиделем и Че, его семья обустроилась в роскошном квартале на побережье Карибского моря.

Его дочери Нури было 17 лет⁵⁴. Она была впечатлена: Гавана оказалась более современной, более элегантной, чем Джакарта. Ее приятно поразило, что некоторые великолепные дома недалеко от их дома были полны студенческой молодежи. «Какая удача!» — подумала она. Не верилось, что юнцам, как она, позволено жить в таких местах и целыми днями только и делать, что учиться. Лишь позднее, когда сама начала учиться на Кубе, она выяснила, что эта часть города служила «борделем США», отпускным раем для плейбоев и мафиози, и что эти дома были реквизированы революцией. Вот тут ей многое стало понятно.

Ребенком, живя в Джакарте, Нури ощутила последствия политического конфликта на себе. В ходе одного из покушений на Сукарно неизвестные — исламисты, ЦРУ или еще кто-то — выстрелили из гранатомета по ее школе в центральном районе Чикини, которую тот однажды посетил. На Кубе было гораздо спокойнее, по крайней мере в их части города.

Ее отец, теперь посол Ханафи, занимался планированием Конференции трех континентов — масштабного развития Бандунгского проекта, — назначенной на январь 1966 г. Однажды,

когда он отбыл по делам, Нури услышала о событиях в Джакарте 1 октября 1965 г. Ханафи не вернулся в назначенное время. Нури и ее семья получали лишь обрывки информации, пока наконец не узнали, что он уехал на встречу с Сукарно в его дворце в Богоре. Сухарто, фактически находившийся у власти, попытался убедить Ханафи присоединиться к его новому правительству. Тот отказался, сказав, что Сукарно назначил его послом на Кубе и что это его задача, на которой он намерен сосредоточиться.

По крайней мере, эту версию он сообщил Нури и семье, вернувшись в Гавану. Вскоре Ханафи лишился работы, потому что посольство в Гаване было упразднено. Он и все члены его семьи лишились индонезийских паспортов.

Фидель, разумеется, все понимал. Он, как и Че, всю свою революцию выстроил на основе предположения, что Вашингтон может в любой момент нанести удар, чтобы уничтожить власти стран третьего мира, и сам пережил бесчисленные покушения. Он едва ли был удивлен тем, что посол и его близкие оказались на мели в Гаване по вине сил империализма. Хотя Ханафи лишился работы и дипломатической неприкосновенности, Фидель оказал ему помощь, предоставив семье прелестный дом в элитном районе Кубанакан и подыскав для Ханафи работу — читать лекции по истории Азии и революции в Индонезии.

Конференция трех континентов, официально именовавшаяся Конференцией солидарности народов Африки, Азии и Латинской Америки, все-таки состоялась в Гаване в январе 1966 г. — без участия страны, ранее вставшей в авангард движения третьего мира. Присутствовал, однако, Сальвадор Альенде, проигравший Фрею в президентской гонке 1964 г. чилийский социалист, поддерживавший движение стран третьего мира⁵⁵.

Нури потеряла связь со своими родственниками и друзьями, оставшимися в Джакарте. Они с отцом теперь считались коммунистами, и любому человеку из их прежней жизни было опасно с ними общаться. Она прижилась в Гаване.

Тайвань

Китайская Республика — государство, созданное националистами под руководством Чан Кайши на Тайване, — продолжала настаивать на своих претензиях на материковый Китай и давно служила опорным пунктом для активных крестовых походов против коммунизма. Маленькая диктатура, управлявшаяся из Тайбэя, внимательно следила за бойней в Индонезии и финансировала нападения на китайское посольство в Джакарте, видя в них возможность ослабить как власть Сукарно, так и маоистский режим в Пекине⁵⁶.

В 1966 г. Тайвань и Южная Корея, которой по-прежнему управлял Пак Чонхи — диктатор, поставленный с помощью Маршалла Грина еще до того, как тот сменил Говарда Джонса на посту посла США в Индонезии, совместно создали Всемирную антикоммунистическую лигу (World Anti-Communist League, WACL)⁵⁷. Конгрессмен Уолтер Джадд и религиозные деятели США прилетели, чтобы поучаствовать в ее первом собрании⁵⁸. Новая мировая организация на основе структуры, которую предоставила существовавшая Азиатская антикоммунистическая лига (Asian Peoples' Anti-Communist League), объединила умеренных консерваторов с крайне правыми радикальными группами, совершавшими зверства в интересах Гитлера в ходе Второй мировой войны в таких странах, как Румыния и Хорватия⁵⁹. Организация в дальнейшем проводила ежегодные конференции по всему миру, давая своим членам возможность обмениваться помощью, разведданными и советами до самого конца холодной войны. Теперь, наряду с основанной в Бразилии организацией «Традиции, семья и собственность», это была одна из двух антикоммунистических организаций со всемирным охватом.

WACL также начала набирать студентов в Академию кадрового обеспечения политической войны (Political Warfare Cadres Academy) в тайбэйском районе Бэйтоу. Подобно военным академиям, созданным Соединенными Штатами, школа в Бэйтоу тренировала солдат для участия во всемирной битве с коммунистами.

Гавайи

В 1965 г. сразу после ухода из Госдепартамента и отъезда из Индонезии бывший посол Говард Джонс стал ректором Центра изучения Востока и Запада Гавайского университета. Он поддерживал связь с посольством и видел, как стремительно ухудшается ситуация, но никак больше не мог контролировать происходящее.

В образовательном центре «Восток — Запад» (East-West Center) в Гонолулу молодой индонезиец Лоло Созэторо, работавший на вооруженные силы, познакомился с американкой-антропологом и влюбился в нее. Он не был собственно военнопослужащим, но работал в военной топографической службе и выиграл грант на изучение географии на Гавайях. Это был невысокий привлекательный мужчина, родом из большой яванской семьи, испытывавшей на себе жестокость колониализма. Во время революционной войны в Индонезии голландцы убили его отца и брата, а дом сожгли.

В марте 1965 г. Лоло женился на Энн Данэм и стал отцом ее сына от предыдущего брака со студентом-экономистом из Кении. В 1966 г., когда Сухарто укрепил свою власть над страной, Лоло неожиданно вызвали на родину, как и многих других индонезийцев по всему миру. Он подчинился, и на протяжении следующих нескольких месяцев Энн и ее пятилетний сын готовились уехать вслед за ним.

Воспоминания Барака Обамы о том, как он ребенком жил в Джакарте с 1967 по 1971 г., опубликованные в его книге «Мечты моего отца» (*Dreams from My Father*, 1995), рисуют выразительную картину жизни в столице в период, когда правительство Сухарто и Госдепартамент США пытались дистанцироваться от моря крови, в котором они утопили эту страну.

Молчание было правилом. Сначала ни маленький Барри, как его тогда звали, ни Энн не знали, почему Лоло пришлось вернуться и чем он занимается. Барак Обама воспомина-

ет, что вскоре после их приезда они ехали в машине и его мать в каком-то предложении произнесла имя «Сукарно».

«Кто такой Сукарно?» — закричал Барри с заднего сиденья.

Лоло проигнорировал его вопрос. Теперь он работал в Западной Папуа, обследуя территорию, которую Сукарно отвоевал у голландцев с помощью Кеннеди всего несколькими годами раньше. Обама помнит, что Лоло уезжал и возвращался, привозя в подарок своему бесстрашному юному пасынку диких животных.

Однако и Энн, и Барри заметили, что со времен Гавайев Лоло изменился: «Казалось, он провалился в какое-то темное потайное место, вне зоны досягаемости, прихватив с собой самую яркую часть себя. Иногда ночами она слышала, как он встает, когда все уже легли, и бродит по дому с бутылкой импортного виски, оставшись один на один со своими секретами».

Чтобы чем-то заняться и справиться с чувством одиночества, Энн устроилась на работу в посольство, откуда два года назад ушел Говард Джонс. Там она поняла, насколько отвратительными расистами могут быть белые старики, работающие на правительство. Они осыпали оскорблениями местных жителей, пока не сообразили, что она замужем за одним из них, и попытались взять свои слова обратно. Она поняла, что некоторые из этих мужчин, считавшиеся «экономистами или журналистами», иногда таинственно исчезают на несколько месяцев, и никто не знает, чем на самом деле занимаются эти загадочные люди.

Там же Энн осознала — спустя какое-то время, — что именно произошло незадолго до ее приезда. «За ланчем или случайным разговором они делились с ней сведениями, которые она не могла бы узнать из публикуемых новостных репортажей», — написал Обама.

Недомолвки, полусшепот — так она выяснила, что мы прибыли [в Джакарту] меньше, чем через год после одной из самых жестоких и быстрых кампаний подавле-

ния в современную эпоху. Ее испугала эта мысль, осознание того, что историю можно настолько полно поглотить, подобно тому, как жирная, рыхлая земля впитывает реки крови, некогда струившиеся по улицам; что люди просто продолжают заниматься своими делами под гигантскими плакатами с новым президентом, будто ничего не случилось...

Чем больше она узнавала, тем настойчивее расспрашивала Лоло и тем большее разочарование испытывала из-за того, что тот отказывался отвечать. Наконец один из его кузенов объяснил ей ситуацию и посоветовал проявить понимание.

«Не нужно слишком давить на Лоло, — сказал он. — Такие времена лучше всего забыть».

Они еще больше отделились друг от друга, когда тот нашел себе новую работу в Upocal, американской энергетической компании. Энн не хотела ходить на его корпоративные вечеринки, где техасские нефтяники хвастались, как подкупают местных чиновников, а их жены вечно жаловались на качество индонезийского обслуживания. Им обоим стало ясно, что американцы обладают привилегиями, недоступными для Лоло, и что вследствие этого он обречен вести жизнь, которая им обоим не по душе. Энн могла говорить то, что думает, зная, что никогда не лишится американского гражданства или комфорта, гарантированного ей на родине, но Лоло постоянно стоял перед мучительными моральными дилеммами. Люди в его мире были вынуждены либо хранить молчание и пытаться жить дальше, либо высказаться вслух и подвергнуться риску нищеты, голода, даже смерти. Она не могла больше там оставаться.

Однажды, перед их возвращением на Гавайи, Барри пришло в голову спросить Лоло, видел ли тот когда-нибудь, как убивают человека.

Он взглянул на меня, удивленный этим вопросом.

— Видел? — снова спросил я.

— Да, — ответил он.

— Много было крови?

— Да.

Я на мгновение задумался.

— Почему этого человека убили? Того, которого ты видел?

— Потому что он был слабым.

— И все?

Лоло пожал плечами...

— Обычно этого достаточно. Люди пользуются слабостью других людей. В этом они похожи на страны. Сильный мужчина забирает землю слабого. Он заставляет слабого работать на своих полях. Если женщина слабого мужчины хороша, сильный мужчина заберет ее. — Он сделал еще глоток и спросил: — Каким хочешь быть ты?⁶⁰

Джакарта грядет

Сдвиг парадигмы

Правительства, созданные в Бразилии и в Индонезии в 1964 и 1965 гг., не были полностью покорными слугами Вашингтона. Они оставались в определенной степени националистическими и временами шли против Соединенных Штатов. Не были они и неолиберальными в том смысле, который это слово имеет сегодня. Государство сохраняло высокую степень участия в экономике и пыталось руководить национальным развитием. Это были попросту капиталистические — точнее, относившиеся к особому типу капитализма — авторитарные режимы, хорошо интегрированные в расширяющуюся западную систему.

Безусловно, эти две антикоммунистические диктатуры имели много общего и являлись лучшими союзниками, которых Вашингтону когда-либо удавалось сформировать путем иностранных интервенций. Успех был настолько полным, что власти США и их союзники стали использовать эти страны как модель. Бразилия, крупнейшее государство в Латинской Америке, начала сотрудничать с гринго в борьбе с коммунистами и создании аналогичных режимов на территориях соседей. Индонезия, крупнейшее государство в Юго-Восточной

Азии, стала использовать антикоммунизм как оправдание расширения своего влияния на Восток с одобрения Вашингтона, и лидер второй по величине страны Юго-Восточной Азии скоро прибегнул к тому же сценарию, что и Сухарто, чтобы сосредоточить в своих руках диктаторскую власть правого толка.

Обе военные диктатуры, бразильская и индонезийская, могли препираться с Вашингтоном из-за той или иной экономической проблемы или внешнеполитического решения, но принципиальные вопросы были улажены. Они находились в западном лагере и яростно противодействовали коммунистической экспансии. Они были открыты для иностранных инвестиций и охотно экспортировали сырье в богатые страны, принимая условия, которые им диктовала ситуация в мировой экономике. Они никоим образом не пытались переписать правила мировой экономики или использовать силу объединенного третьего мира для того, чтобы вернуть влияние большинству мирового населения — тем, кто постоянно находился в неблагоприятном положении вследствие многовекового колониализма. Они следовали рекомендациям западных советников и обученных в США экономистов. В Индонезии хозяйничала «мафия из Беркли» — группа экономистов, прошедших подготовку в Калифорнийском университете и работавших с Сухарто¹. В Бразилии мятежу способствовала заговорщицкая и пропагандистская деятельность финансируемого Соединенными Штатами Института изысканий и общественных наук (Instituto de Pesquisas e Estudos Sociais), действовавшего в условиях диктатуры до 1972 г.

Оба правящих режима находились под сильным влиянием теории модернизации — и в обеих странах начался экономический рост. Все сливки практически полностью снимала малочисленная элита, но рост ВВП имел значение для иностранных инвесторов, и его можно было преподносить как историю успеха. В обоих случаях страны имели стабильное правительство из местных властителей, прослеживавших свою родословную до некоего момента бразильского или индонезийского про-

шлого, а не фигур, которые представлялись бы их народу и всему миру очевидными ставленниками Вашингтона.

В долгосрочной перспективе это оказалось много лучше того, что было создано в Гватемале или Иране в 1950-х гг. Гватемала погрузилась в жестокую гражданскую войну. Власти Ирана озлобили соседей и большую часть населения, что в следующем десятилетии обернулось против Вашингтона и возымело очень серьезные последствия.

И Индонезия, и Бразилия представляли собой антикоммунистические диктатуры, и это проявлялось не только на международной арене. Если антикоммунизм — господствующая идеология, практически национальная религия, то власти с легкостью могут объявлять любую обоснованную жалобу снизу коммунистической пропагандой. Все, что представляет очевидное неудобство для крохотной группки богатых семейств, управляющих страной, запросто можно назвать опасной революцией и уничтожить. Это касается любого намека на социализм или социальную демократию, любой земельной реформы и любой правовой нормы, которая ограничила бы власть монополий и обеспечила бы более эффективное развитие и рыночную конкуренцию. Сюда относится и деятельность профсоюзов, и любые адекватные требования по защите прав трудящихся.

Никто и не пытался всерьез утверждать, будто Бразилия или Индонезия — демократии. Впрочем, это не является обязательным условием для капитализма, такая схема может быть настолько же далека от системы, описываемой в учебниках экономики, насколько далеко советское общество отстояло от эскизов социализма, набросанных Карлом Марксом. Считается, что при капитализме землевладельцы-феодалы не должны управлять большей частью страны, словно собственными вотчинами. Предполагается исчезновение издержек рыночных механизмов, например огромной коррупции, вследствие конкуренции. Ожидается, что между различными секторами экономики возникнут взаимовыгодные, строящиеся на compro-

миссах отношения. Должно быть пространство, где могли бы возникать новые и инновационные фирмы, способные бросить вызов сложившемуся положению дел и помочь диверсифицировать внутреннее производство. Однако в системе, установившейся в Бразилии и Индонезии, логика выживания заставляла людей прикрепляться к коррумпированному, алчному и расточительному аппарату на верхушке общества, если они не хотели свалиться вниз, в черную бездну, став низкооплачиваемыми работниками в гигантском механизме извлечения ресурсов.

Молодой Барак Обама видел, что эта модель сотворила с его отчимом. «Чувство вины — это роскошь, которую могут себе позволить только иностранцы», — сказал Лоло матери Барака. Лоло знал, о чем говорил. «Она не представляла, каково это — потерять все, просыпаться и чувствовать, как словно поедает самого себя изнутри. ...нужна была полнейшая концентрация, чтобы не поскользнуться, не оказаться на обочине»².

Есть термин, в целом неплохо описывающий этот тип экономического устройства. Люди в Индонезии и Бразилии жили при «клановом капитализме».

Эта реальность очень сильно отличалась от той, в которой пребывали европейские капиталистические государства — союзники Вашингтона. Франциска с семьей приехала в Голландию в 1968 г. и сразу увидела, насколько западноевропейские динамичные, успешные общества отличаются от режима Сухарто.

Коммунистическая партия получила несколько мест на последних выборах в Голландии и прошла в парламент. Во Франции и Италии коммунистические партии, поддерживавшие линию Москвы, по-прежнему являлись крупными политическими игроками. Французская коммунистическая партия (*Parti Communiste Français*) набрала в 1967 г. больше 20% голосов и сформировала парламентскую оппозицию вместе с социалистами и радикалами³. Итальянские коммунисты заняли второе место на предыдущих выборах, и население значительных территорий страны составляло лояльную им изби-

рытельную базу. В Западной Германии не было влиятельной коммунистической партии, но главная левоцентристская партия (вторые по значимости социал-демократы) была основана как марксистская еще при жизни Маркса, и ее лидеры выбрали более умеренный путь, чем ленинцы, поскольку достигли больших успехов, действуя в рамках капиталистической демократии.

В предыдущий раз, когда Франциска видела Западную Европу, только что закончилась война, и все здесь было совершенно по-другому. Тогда, в 1940-х гг., потребление мяса и сливочного масла было строго нормировано и все отчаянно боролись, чтобы восстановить свою жизнь. В 1960-х гг. здесь царили справедливость, богатство и расслабленность. Экономика региона была восстановлена в основном в соответствии с американскими принципами, благодаря плану Маршалла, но страны Западной Европы не были фанатичными противниками коммунизма, когда речь шла об их внутренних делах. Безусловно, не настолько, как США, и несравненно меньше, чем Индонезия или Бразилия! Хотя, казалось бы, всего в нескольких милях к востоку затаилась «красная угроза», готовая поглотить их в любой момент, жители Западной Европы боялись ее намного меньше, чем Соединенные Штаты, отстоявшие от нее на полмира.

Франциске было совершенно ясно, почему европейцам позволили экспериментировать с социально-демократической и даже коммунистической политикой, между тем как у нее навсегда отняли родную страну:

«Расизм, в этом все дело. К белым европейцам относятся с терпимостью и симпатией, а к нам нет».

Когда Фрэнк Виснер и Говард Джонс работали после Второй мировой войны над переустройством финансовой системы Западной Германии, власти США аннулировали все государственные и частные долги, создав новую дойчмарку. Страшно подумать, как поступили бы с видным лидером третьего мира, считающимся врагом Америки или «коммунистом», если бы

его страна попыталась сделать то же самое после войны за независимость.

В капиталистических демократиях Западной Европы как умеренные, так и радикальные левые партии постоянно критиковали экономический строй изнутри системы, никогда не перехватывая в ней власть. Конечно, ЦРУ по-прежнему активно действовало в Европе, строя козни, которых мы даже не понимаем до конца. Оставленные ЦРУ в Европе сети, раскинутые еще в ходе операции «Гладио» на первом этапе карьеры Виснера, продолжали действовать и в 1980-х гг. Однако, если власти европейских стран слишком сильно, по мнению граждан, склонялись вправо, избиратели начинали поддерживать левые партии, и наоборот, и это считалось допустимым.

Почему Вашингтон эпохи холодной войны позволил, чтобы Западной Европе сошла с рук эта облегченная версия социализма, тогда как аналогичная политическая ориентация привела в странах третьего мира к жестоким вмешательствам в их внутренние дела? В том ли только дело, как утверждала Франциска, что американцы попросту доверяли способности своих европейских собратьев (белых — следовательно, ответственных) справиться с такой задачей, как «направляемая демократия»? Возможное дополняющее объяснение: эти страны, часть которых до сих пор контролировала остатки колониальных империй, были невероятно богатыми и могущественными. Их было намного труднее третировать, даже если бы Вашингтон захотел этого, и — что, пожалуй, еще важнее — они находились наверху мировой экономики. Они были полностью встроены в систему во главе с США, следовательно, намного меньшим был риск, что они попытаются радикально перекроить мировой порядок, ведь они сами пользовались всеми его благами.

В Бразилии и Индонезии никакая оппозиция не допускалась, что означало для элит возможность творить все что им заблагорассудится. Продажность и насилие правили бал в Джакарте и Бразилиа. Поскольку население было слишком запуга-

но, чтобы протестовать, махровым цветом расцвела коррупция. В начале правления Сухарто главы американских нефтяных компаний за обедом, где присутствовала мать Барака Обамы, похвалялись, как они всем этим пользуются. Правительству Сухарто, как и опирающийся на США режим Мобуту в Конго, установит мировой рекорд коррумпированности⁴. Разумеется, власть, которую установил Сухарто, была основана на массовом насилии. К концу 1960-х гг. в Индонезии действовала система финансируемых США концентрационных лагерей, сравнимая лишь с самыми мрачными годами в истории Советского Союза⁵.

Бразилия, однако, сползала к государственному террору медленно. Когда генерал Кастелу Бранку взял власть в 1964 г., он пользовался поддержкой крупных осколков прежней политической системы, но постепенно стало ясно, что его реальная база — это армейские казармы и советы директоров корпораций. Если он хотел выжить, то не должен был предавать интересы реакционных сил в военных кругах или бизнесменов, причем обе эти группы предъявляли претензии, исполнение которых требовало установления долгосрочной диктатуры, готовой применить массовое насилие. Он мог, однако, позволить себе рассориться с более умеренными силами, поддержавшими переворот 1964 г. в надежде на скорые новые выборы. Генералы и капиталисты, чаявшие радикального антикоммунизма и стабильных прибылей, были единственными, кто подпирал власть теперь, когда демократия исчезла, а политика свелась к самым базовым элементам. Безобидных либералов и демократов можно было игнорировать.

Ровно это и произошло. В следующие несколько лет несколько институциональных актов консолидировали власть в руках генералов и вернули не прямые выборы, что означало, что члены Конгресса попросту отбираются президентом. Опять-таки придерживавшаяся советской линии коммунистическая партия занимала очень умеренную позицию по сравнению с другими левыми силами. Бразильская коммунистическая партия (БКП)

призывала к созданию объединенной коалиции всех политических сил страны, находившихся теперь в оппозиции диктатуре, включая те, что первоначально поддерживали переворот 1964 г. ради призрака демократических свобод. Желать чего-то большего, в том числе построения любого варианта социализма в ближней перспективе, бразильские коммунисты считали безответственным и безрассудным, «авантюризмом и мелкобуржуазной возней»⁶.

Группы солдат и студентов, равнявшихся на Че Гевару и Гавану, а не на Брежнева и Москву, предпринимали более радикальные действия в 1965–1968 гг. и напугали правящий режим⁷. Коммунистическая партия Бразилии по-прежнему избегала насилия. Правые экстремисты вели себя иначе: организовали серию взрывов, в которых обвинили левых, намереваясь продлить и радикализировать военную диктатуру⁸.

В декабре 1968 г. генералы огласили AI-5, или «Институциональный акт № 5», дававший военной верхушке еще больше власти, вводивший цензуру и приостанавливавший действие гарантированных конституцией прав во имя «национальной безопасности». Так начались бразильские «годы лидерства» (*anos de chumbo*), что подразумевало пытки и убийства. В худшие годы бразильской диктатуры у власти по большей части находился Эмилиу Гаррастазу Медиси, непримиримый генерал в стиле *гаучо**, сторонник жесткой линии, занявший пост президента в 1969 г.⁹

В первые годы военной диктатуры студенты, люди искусства и интеллектуалы еще могли протестовать против режима, и жестокие репрессии были участием профсоюзных лидеров и организованных левых. В период *anos de chumbo* («годов лидерства»), с 1969 до 1974 г., все изменилось. Любого могли заподозрить в «подрывной деятельности», увезти в подвал в Сан-Паулу или Рио-де-Жанейро и подвергнуть долгим пыткам, нередко со смертельным исходом. Словно контактов с властями США

---

* Субкультура латиноамериканских ковбоев.

было недостаточно, солдаты изучили еще методы, разработанные французами в Алжире, например использование электрического тока¹⁰.

Сторонники Медиси сосредоточили свои усилия в основном на подозреваемых в участии в мелких городских партизанских движениях, многие из которых были молодыми марксистами из образованных средних классов и надеялись свергнуть диктатуру. В 1970 г. была арестована молодая женщина болгарского происхождения Дилма Русеф. Позднее она свидетельствовала, что ее пытали неделями: подвешивали вниз головой (этот метод называется «жердочка попугая»), выбивали зубы и били электрическим током¹¹.

Военные подавили небольшое восстание в сельской местности, в бассейне реки Арагуая, организованное маоистской КПБ — коммунистической партией, отделившейся от БКП в 1963 г. и равнявшейся на Че Гевару и коммунистов — участников гражданской войны в Китае¹².

Бразильские военные относительно легко подавили внутреннюю оппозицию и никогда не прибегали к массовому насилию в тех масштабах, что в Индонезии или в других странах Латинской Америки. Однако террор был совершенно реальным. Пауло Коэльо, ныне знаменитый писатель, прекрасно помнит, что происходило с теми, что оказывался по ту сторону закона. Это случилось и с ним. Группа вооруженных людей ворвалась в его квартиру, вспоминает он.

Они принимаются шарить в ящиках и шкафах — понятия не имею, что они там ищут, я ведь всего лишь сочиняю песни для рокеров. Один из них, повежливее, предлагает пройти с ними, «просто кое-что уточнить». Сосед видит все это и предупреждает мою семью, немедленно впадающую в панику. Все знали, что переживала Бразилия в то время, пусть это и не освещалось в газетах. <...>

Средь бела дня такси блокируется двумя машинами — человек с пистолетом в руке выходит из одной из них и выта-

скивает меня. Я падаю на землю и чувствую дуло пистолета на шее. Смотрю на отель передо мною и думаю: «Не может быть, что я так рано умру». Я впадаю в нечто вроде кататонии: не чувствую страха, ничего не чувствую. Я слышал рассказы об исчезнувших друзьях, я тоже исчезну, и последнее, что увижу, — этот отель. Человек поднимает меня, усаживает на пол своего автомобиля и велит надеть на голову мешок.

Автомобиль едет около получаса. Они, должно быть, ищут место, где казнить меня, но я по-прежнему ничего не чувствую. Я принял свою судьбу. Автомобиль останавливается. Меня выволакивают и бьют, вталкивают в какой-то коридор. Я кричу, но знаю, что никто не слышит, потому что они тоже орут. Террорист, говорят они. Ты заслуживаешь смерти. Ты воюешь против своей страны. Ты будешь умирать медленно, но сначала тебе придется как следует помучиться. Инстинкт выживания парадоксальным образом начинает мало-помалу пробуждаться во мне.

Меня приводят в пыточную с фальшполом. Я спотыкаюсь об него, потому что ничего не вижу, я прошу их не толкать меня, но меня толкают в спину — и я падаю. Они велят мне раздеться. Допрос начинается с вопроса, на который я не знаю, как отвечать. От меня требуют предать людей, о которых я никогда не слышал. Они говорят, что я не хочу сотрудничать, льют на пол воду и ставят что-то мне на ноги — затем я вижу из-под мешка, что это устройство с электродами, которые затем прикрепляются к моим гениталиям.

Теперь я понимаю, что, кроме ударов, которые я не могу отследить (следовательно, не могу хотя бы сжаться, чтобы ослабить воздействие), меня начнут бить электрическим током. Я говорю, что им незачем это делать, — я сознаюсь во всем, в чем они требуют от меня сознаться. Я подпишу все, что они захотят дать мне подписать. Однако им этого мало. Тогда в отчаянии я начинаю расцарапывать себе кожу, выдирая куски самого себя. Палачи, должно быть, были испуганы, увидев, как я сам себе пускаю кровь; меня остав-

ляют в покое. Они говорят, что я могу снять мешок, когда услышу, как хлопнула дверь. Я снимаю его и вижу, что нахожусь в звукоизолированной комнате с отметинами от пуль в стенах. Теперь понятно, зачем здесь фальшпол¹³.

Современные защитники бразильской диктатуры возражают, что генералы убили «всего лишь» несколько сотен человек. Однако не внутренними репрессиями Бразилия оказала самое сильное влияние на программы массовых убийств, сформировавших мир, в котором мы сегодня живем. В начале 1970-х гг., при Медиси, Бразилия принялась вмешиваться в дела других стран Южной Америки, создавая вокруг своих границ бесчеловечные режимы, также служившие интересам Вашингтона.

Таня Хармер, историк, наиболее тщательно исследовавшая этот короткий, очень важный, но часто упускаемый из вида период, отмечает следующее:

Счет жертв бразильской диктатуры относительно невелик по сравнению с Чили или Аргентиной, но именно за границей она оказала самое губительное воздействие, способствовав интенсификации холодной войны одновременно своим собственным примером, вмешательством во внутреннюю политику других стран и поддержкой контрреволюционных переворотов. Опыт Бразилии во время и после 1964 г. изменил правила игры, сформировав способ дальнейшей концептуализации и ведения идеологических битв 1970-х гг.

Бразилия помогла установить жестокие антикоммунистические режимы в Боливии и Уругвае. К 1976 г. значительная часть Южной Америки оказалась «зоной поражения» поддерживаемых США режимов на ее границах, которые использовали Бразилию как свой «прототип»¹⁴. Однако самая заметная иностранная интервенция Бразилии правого толка развернулась на западном тихоокеанском побережье Южной Америки — в Чили.

Альенде: на грани

В 1970 г. Сальвадор Альенде снова участвовал в президентской гонке в Чили, и снова ЦРУ финансировало кампанию запугивания. Генри Киссинджер, советник по национальной безопасности президента Ричарда Никсона, одобрил ассигнование сотен тысяч долларов на политическую войну. «Не вижу причин оставаться в стороне и наблюдать, как страна становится коммунистической из-за безответственности ее собственного народа», — сказал Киссинджер¹⁵. Центральное разведывательное управление поставляло пропагандистские материалы видным репортерам и добилось, чтобы в *Time* напечатали, с анонсом на обложке, репортаж, написанный под огромным влиянием этих материалов. В Чили главной опорой ЦРУ стала правая газета *El Mercurio* — агентство финансировало ее, а также оплачивало плакаты, брошюры и граффити на стенах зданий по всему городу¹⁶.

Эти усилия оказались тщетными. Собранная Альенде коалиция «Народное единство» (*Unidad Popular*) выиграла, хотя и с крохотным перевесом. Через несколько дней *El Mercurio* сделала большой специальный выпуск о Бразилии. Заголовок одной из статей гласил: «Бразилия: завтра начинается сегодня»¹⁷. В течение следующих нескольких месяцев бразильские военные стали замышлять, как обратить вспять становление социализма в Чили.

Альенде был социалистом и горожанином-элитарием из Сантьяго. Марксист-интеллектуал, он был ценителем красного вина и пиджаков из твида с шелком. Он восхищался Фиделем Кастро и считал его близким другом, но путь Чили в социализм виделся ему совершенно иным. Он будет действовать внутри системы и пользоваться перемирием в холодной войне Вашингтона и Москвы, по его мнению, делавшим возможным *la vía Chilena*, то есть мирный «чилийский путь» к социализму.

Став президентом, Ричард Никсон задумал «разрядку» в отношениях с Советским Союзом, в результате чего две сверхдержавы делали вид, что не обращают внимания на свои

идеологические разногласия. Оказалось, однако, что перемирие не распространяется на третий мир¹⁸.

Хаос и насилие в Чили не были вызваны президентом Сальвадором Альенде или неудачами его проекта демократического социализма. Поддерживаемый Америкой правый терроризм захлестнул страну до того, как он занял президентское кресло.

По чилийским законам Конгресс должен был ратифицировать избрание Альенде, поскольку тот не получил абсолютного большинства. Согласно чилийской традиции — формальность. Никсон придерживался иного мнения и приказал главе ЦРУ найти способ помешать Альенде получить власть. После встречи с Никсоном у Ричарда Хелмса остались записанные в блокноте распоряжения президента США:

шансы, возможно, 1 к 10, но спасти Чили! <...>

есть \$10.000.000, если понадобится, больше <...>

*задействовать лучших людей и экономические рычаги: выжать все*¹⁹

Пока Альенде в 1970 г. ждал вступления в должность, ЦРУ развернуло в Чили работы по двум направлениям. Направлением номер один была политическая война, экономическое давление, пропаганда и дипломатические маневры. Агенты ЦРУ старались подкупить чилийских политиков и запугать население. Если бы все эти меры оказались безуспешными, они бы «обrekli Чили на крайнюю экономическую депрессию и нищету», как сказал Киссинджеру посол Эдвард Корри, с расчетом «принудить Альенде принять жесткие меры полицейского государства»²⁰. Они хотели, чтобы Альенде отказался от демократии. Второе направление — военный переворот. ЦРУ стало плести заговоры с участием офицеров правых взглядов и финансировать группу радикалов, из которой впоследствии вырастет «Родина и свобода» (*Patria y Libertad*) — антикоммунистическая террористическая группа, известная своим отвратительным символом в виде геометризованного паука и симпатиями к фашизму²¹.

Подобно давним вылазкам Фрэнка Виснера в Восточную Европу или бомбардировке Индонезии в 1958 г., операция ЦРУ в Чили в 1970 г. завершилась полной катастрофой.

Рене Шнайдер, главнокомандующий Вооруженными силами Чили, был конституционалистом (*constitucionalista*), то есть приверженцем идеи, что военные ни при каких условиях не должны выходить за рамки своей роли, установленной конституцией. Альенде победил на выборах, следовательно, должен стать президентом. Шнайдер, убежденный противник военного переворота, воспрепятствовал бы вмешательству. Его позиция по этому вопросу была настолько бескомпромиссной, что появилось понятие «доктрина Шнайдера». С точки зрения ЦРУ и его правых соучастников по заговору, это также означало, что Шнайдер должен уйти. 22 октября 1970 г. группа вооруженных людей совершила попытку его похищения, в ходе которой он был убит. План состоял в том, чтобы обвинить в этом левых сторонников Альенде и получить предлог для антикоммунистического военного мятежа²².

Для тихой демократической Чили это был момент невообразимого общенационального смятения²³. Террористы убили главнокомандующего в попытке отменить результаты выборов.

Все пошло не совсем так, как планировало ЦРУ. Едва ли Шнайдера собирались убивать. Возможно, неправильная группа осуществила неправильный план в неправильное время. Сначала агентство даже не знало, кто именно из его местных партнеров это сделал²⁴. Что самое важное, все в Чили узнали, кто в действительности стоит за случившимся. Вместо того чтобы обвинить левых, чилийцы совершенно справедливо возложили ответственность на правых террористов, и военные страны с еще бóльшим подъемом сплотились вокруг позиции *constitucionalista*. Альенде становился президентом.

Трудно, однако, избавиться от навязчивой мысли: что, если бы они достигли успеха? Что, если бы они сумели убедительно обвинить левых радикалов, сторонников Альенде, что те устроили жестокое похищение — хотя ничего подобного,

чтобы получить власть, Альенде было совершенно не нужно? Мы бы до сих пор верили, что это правда? Стоял бы в центре Сантьяго антикоммунистический памятник Шнайдеру, подобный тому, что воздвигнут в Джакарте?

Этого не произошло, и операция стала одним из позорнейших провалов ЦРУ. Никсон был в ярости. Альенде стал президентом 3 ноября 1970 г. Кармен Херц была связана с MIR, более молодым и радикальным объединением чилийских левых, формально не веривших в то, что политику можно делать посредством выборов. Тем не менее она голосовала за Альенде, как и многие ее друзья.

«Это было потрясюще! Как и все остальные, мы высыпали на улицы, — вспоминает Кармен момент объявления Альенде президентом. — Когда мы наконец вернулись домой, нас переполняли надежда и радость, даже духовный экстаз»²⁵.

Они победили. И эта победа не последняя. Кармен рассказывает: «Я была убеждена — как все, с кем я общалась, — что мы изменим мир».

Альенде верил в движение третьего мира, и многие его сторонники считали, что мировая революция неминуема и что возглавит ее мировой Юг. Вскоре после вступления Альенде в должность Чили влилась в Движение неприсоединения и начала все более активно участвовать в деятельности организаций стран третьего мира²⁶.

Фидель призывал Альенде не ввязываться в борьбу с Вашингтоном, как и экономист Орландо Летельер, представитель так называемых элегантных левых, работавший в Межамериканском банке развития (Inter-American Development Bank). Кастро также рекомендовал Альенде не «поджигать» революцию на Южно-Американском континенте и не злить янки без нужды своей «излишней революционностью» — именно поэтому он не присутствовал на инаугурации Альенде²⁷. Фидель знал, что гринго лучше не провоцировать.

Как и в случае с Гватемалой, было ясно, что Вашингтон видит в Чили реальную угрозу. И дело было не в альянсе

с Советским Союзом — Альянде побывал в Москве, но вернулся практически с пустыми руками.

Советы по-прежнему рассматривали Латинскую Америку как сферу влияния Вашингтона и придерживались давнишнего ортодоксального убеждения, что революция в Западном полушарии должна развиваться постепенно²⁸. Альянде выступил против агрессивных шагов СССР на международной арене и осудил ввод войск в Венгрию в 1956 г. и в Чехословакию в 1968 г.²⁹

Вашингтон также не беспокоило, что экономика Чили может быть уничтожена безответственным и неумелым руководством левых, и даже то, что Альянде повредит деловым интересам США. Самое сильное государство в мире пугали перспективы успеха демократического социализма Альянде.

За несколько дней до победы Альянде на выборах президент Никсон на совещании с Советом национальной безопасности сказал:

Главное, что беспокоит нас в Чили, — это возможность того, что [Альянде] сумеет укрепить свою позицию и картиной, демонстрируемой миру, станет картина его успеха. <...> Если мы позволим потенциальным лидерам Южной Америки считать, что можно двигаться в том же направлении, что и Чили, и получить все сразу, у нас будут проблемы. Я хочу поработать над этим и над отношениями с военными — вложить больше денег. Что касается экономики, я ему хочу сказать без обиняков. <...> Мы будем вести себя очень спокойно, очень вежливо, но мы устроим им такое, что станет убедительным сигналом и Альянде, и прочим... Нельзя допустить, чтобы у Латинской Америки осталось впечатление, будто подобное сойдет им с рук³⁰.

После вступления Альянде в должность Белый дом интенсифицировал свои и так тесные отношения с Бразилией, которая воспринималась им как противовес угрозе, которую представ-

ляла Чили. Бразилия в то время находилась в еще более яростной оппозиции Альенде, чем Соединенные Штаты, и призывала США активнее участвовать в событиях в Южной Америке, раз уж у них общие цели.

В 1971 г., когда стараниями бразильских военных в стране начали «исчезать» диссиденты, диктатура Медиси помогла свалить правительство в Боливии и сделать диктатором правого генерала Уго Бансера. Имеются свидетельства того, что Бразилия и Вашингтон поддерживали августовский путч деньгами и помощью.

Несколько месяцев спустя проходили выборы в Уругвае. Казалось, может победить тяготеющая влево коалиция «Широкого фронта» (*Frente Amplio*), поэтому Бразилия выдвинула войска к границе и тайно вмешалась в ход голосования. Власти передали победу действующей Партии Колорадо (Colorado Party) правого толка³¹.

В самом конце 1971 г. Медиси встретился в Вашингтоне с Никсоном. Бразильский лидер сообщил президенту, что его диктатура поддерживает контакт с чилийскими армейскими офицерами и работает над свержением Альенде. Он сказал: «Не следует игнорировать ситуацию в Латинской Америке, которая может в любой момент привести к взрыву». Медиси заверил, что Бразилия могла бы помочь поднять «миллион» кубинских беженцев на борьбу против Кастро, и попросил Штаты более активно действовать в Южной Америке. Причиной тут был не страх, будто русские что-то замышляют, — наоборот. Согласно подкрепленному документами свидетельству, Медиси заявил, что «он не верит, что Советы и Китай заинтересованы в оказании какой бы то ни было помощи коммунистическим движениям этих стран, поскольку считают, что коммунизм придет сам собой вследствие неблагополучия и нищеты в этих странах».

Иными словами, этих двоих беспокоил не международный коммунистический заговор. Проблемой являлись их собственные опасения, что Советы и Китай могут оказаться правы. Обездоленные жители соседних с Бразилией стран могли

выбрать коммунизм совершенно самостоятельно, и их нужно было остановить.

Медиси произвел на Никсона огромное впечатление. Он в частном порядке сказал Госсекретарю Уильяму Роджерсу, что хотел бы, чтобы Медиси «правил всем континентом». Перед отъездом генерала из Соединенных Штатов Никсон провозгласил на прощальном банкете тост: «Куда идет Бразилия, туда последует и Латинская Америка»³².

В том же году в Соединенных Штатах бывший посол Говард Джонс опубликовал книгу мемуаров об Индонезии «Достижимая мечта» (*The Possible Dream*), где размышлял о неудачах американской политики в Азии. Она не вызвала особого резонанса. Мир в это время переживал очередную антикоммунистическую бойню. Коммунистическая партия Судана, крупнейшая из оставшихся после эпохи Бандунга коммунистических партий (в 1960-х гг. она была третьей по численности после индонезийской и иракской, но эти две уже были уничтожены), попыталась поднять восстание против нового правящего режима, стремившегося покончить с ней. После провала восстания правительство Джафара Нимейри ликвидировало оппозицию: был отдан приказ «уничтожать каждого, что утверждает, будто существует Коммунистическая партия Судана». Это также не вызвало на Западе особого резонанса³³.

Операция «Джакарта»

В ходе сотрудничества бразильского правительства с правыми силами в Чили слово «Джакарта» получило новое применение. В обеих странах название индонезийской столицы теперь обозначало одно и то же.

Согласно документам, собранным бразильской Комиссией по установлению истины, *Operação Jacarta* — операция «Джакарта» — это название секретной части плана уничтожения. Как показали свидетели, опрошенные после падения дикта-

туры, *Operação Jacarta* могла являться частью *Operação Radar* (операции «Радар»), направленной на разрушение структуры Бразильской коммунистической партии. Целью *Operação Jacarta* было физическое устранение коммунистов. Достижение этой цели требовало массовых убийств — как в Индонезии. До начала операции диктатура применяла насилие в отношении явных мятежников. *Operação Jacarta* представляла собой секретный план распространения государственного террора на всех членов коммунистической партии, действующих в открытую — через участие в гражданских общественных группах или посредством СМИ³⁴.

Бразильская общественность услышит словосочетание «*Operação Jacarta*» лишь через три года, но в Чили слово «Джакарта» пришло самым что ни на есть явным образом.

Вокруг Сантьяго, особенно в восточной части города — на холмах, где жили преуспевающие люди, кто-то начал писать на стенах послание. Оно имело несколько вариантов: *Yakarta viene*, *Jakarta se acerca*, что означает «Джакарта грядет».

Иногда писали просто «Джакарта».

События в Индонезии на протяжении многих лет являлись частью правого дискурса. На них многократно ссылался Юрай Домич Кушенич, хорватский антикоммунист, публиковавшийся в таких правых изданиях, как *El Mercurio*, и поддерживавший тесный контакт с *Patria y Libertad* с 1970 г.³⁵ Это, пожалуй, самый значительный пример.

Первая надпись «Джакарта», подразумевающая угрозу, появилась в январе 1972 г. в выпуске *El Rebelde*, официальной газеты MIR. Первая страница вопрошала «Что такое Джакарта?», а внутри номера было напечатано фото с этим словом, намалеванным на стене. В маленькой заметке «Индонезийский путь чилийских фашистов» (*La Vía Indonesia de Los Fascistas Chilenos*) газета попыталась объяснить, что означает это послание. Коммунистическая партия Индонезии играла активную роль в «независимом прогрессивном» государстве, как вдруг — почти мгновенно — от ее членов осталось лишь «море крови»³⁶.

В тот момент не все левые знали, что случилось в Индонезии, и идея о волне насилия казалась здесь неправдоподобной.

Вторая статья о Джакарте вышла в феврале 1972 г. в молодежном журнале Коммунистической партии *Ramona*. В ней утверждалось, что правое крыло выработало так называемый план «Джакарта», полученный от Дэвида Рокфеллера или Агустина Эдвардса (владельца *El Mercurio*). «Чилийские крайние правые хотят повторить бойню, — объяснялось в статье. — Что конкретно это означает? У террористов есть план, заключающийся в том, чтобы убить весь Центральный комитет коммунистической партии, верхушку Социалистической партии, национальных руководителей Единого профцентра трудящихся Чили (*Central Unitaria de Trabajadores de Chile*), лидеров общественных движений и всех видных деятелей левого крыла». Статья была опубликована 22 февраля, подписана Карлосом Бергером, членом коммунистической партии, спорившим с Кармен Херц о тактиках левого движения и значении бойни в Индонезии, когда та еще училась в Чилийском университете³⁷. Карлос и Кармен Херц были теперь женаты.

Настенные росписи были популярным средством политической борьбы в Сантьяго в начале 1970-х гг. Со стороны левых коллективы добровольцев покрывали городские поверхности сложными композициями — молодые художники, создатели этих фресок, вдохновлялись творчеством знаменитых мировых монументалистов, таких как мексиканец Диего Ривейра, а также автохтонной чилийской культурой мапуче. Что касается правых, деньги, рекой лившиеся из Вашингтона или поступавшие от местных элит, тратились на то, чтобы нанять профессиональных художников, у которых рука была набита, а вот таланта было поменьше — судя по тому, что использовали их, чтоб они малевали обычные рекламные объявления. Патрисио «Пато» Мадера, основатель левой группы художников-монументалистов «Бригада Рамоны Парра» (*Ramona Parra Brigade*), опознал в граффити «Джакарта» поделку тех же наймитов, что рисовали лозунги для правых во время периодических кампа-

ний устрашения с 1964 г. Однако сейчас происходила эскалация. Это была угроза массовых смертей³⁸.

Помимо росписи стен, правые рассылали почтовые открытки по домам официальных лиц из левого правительства и членов коммунистической партии.

Как-то раз в 1972 г. Кармен Херц и ее муж получили такую открытку. Бумага была тонкой и рыхлой. Вверху значилось — «Джакарта грядет». Внизу — геометризованный паук, символ *Patria y Libertad*.

Кампания устрашения сработала. Кармен и Карлос круглосуточно испытывали сильную тревогу. Они постоянно находились в состоянии «максимальной готовности». Повсюду их окружали саботаж, угрозы и агрессия. Кармен, которой не было и тридцати лет, получила работу юриста в программе земельной реформы, запущенной правительством Альенде, и видела, насколько бешено может сопротивляться оппозиция. В дополнение к партийной работе и журналистике Карлос участвовал в пиар-деятельности Министерства финансов. Оба они подозревали, что Вашингтон намеренно разрушает экономику их страны. Созная, что дома их подстерегает опасность, они часто ночевали на работе, бывая дома лишь от случая к случаю и никогда не проводя там много дней подряд. На улицах они часто переругивались с членами организации «Традиции, семья и собственность» (*Tradición, Familia y Propiedad*) — чилийского отделения антикоммунистической группы, основанной в 1960 г. в Бразилии. В Сантьяго молодежь из этой организации носила туники в средневековом стиле, часто устраивала уличные протесты и всегда была готова выкрикивать угрозы в адрес Кармен. Получив почтовую открытку «Джакарта грядет», она еще острее ощутила нависшую угрозу.

Когда Кармен ее прочла, раздался громкий стук в дверь и вопли: «Коммунист!» Что-то крикнув в ответ, она взяла на руки новорожденного сына Германа, схватила припрятанный в укромном месте пистолет и выбежала на улицу, водя дулом во все стороны. Кармен выстрелила в воздух и лишь

потом, когда сердце перестало грохотать, поняла, что стрели ет с младенцем на руках. Той ночью она не могла спать дома и решила сесть на автобус и добраться до дома, где вырос Карлос. Автобус так и не появился, и она пошла пешком по замершим улицам Сантьяго, изо всех сил прижимая к себе ребенка.

Трещина в чилийском обществе расколола надвое и семью Кармен. Она знала, что ее любимая мать, похоже, больше симпатизирует правым, чем собственной дочери. Неизменно терпеливый Карлос, старавшийся наладить их отношения, всегда настаивал на визитах к бабушке Германа и пытался смеяться и успокаивать их при неизбежных ссорах³⁹.

Однако Кармен и Карлос считали, что история на их стороне. Да, они вели борьбу, но они играли по правилам, за ними стоял народ, поэтому они не сомневались в победе. Они также были убеждены, что страна страдает из-за иностранного саботажа, и, безусловно, не ошибались. ЦРУ совместно со своими крайне правыми партнерами пыталось разрушить экономику Чили и делало все возможное, чтобы это выглядело виной Альенде.

Самой очевидной проблемой для правительства Альенде стала, по всей видимости, общенациональная забастовка в октябре 1972 г. Дальнобойщики, опосредованно получавшие финансирование от Вашингтона, спровоцировали прекращение перевозок, из-за чего простой народ остался без самого необходимого. Когда забастовка началась, ЦРУ делало все, что могло, чтобы она продлилась как можно дольше⁴⁰.

Однако дело было не только в экономическом саботаже. «Работы на втором направлении на самом деле никогда не прекращались», — сказал один из сотрудников ЦРУ, имея в виду, что с 1970 г. агентство не переставало искать способы организации переворота. В его записях от того времени сохранился вопрос Киссинджера: «Если Альенде проявляет себя как умеренный, почему бы не поддержать экстремистов?»⁴¹

«Прелесть» дестабилизации страны состоит в том, что тут не нужна хирургическая точность. Подходит даже очень боль-

шой молоток. Скоро в Чили царил хаос, в результате чего Альенде был вынужден отказаться от долгожданной поездки на конференцию Движения неприсоединения в Алжире⁴².

Имелись еще две серьезные проблемы. Во-первых, Альенде должен был оставаться у власти еще как минимум три года, кроме того, левые по-прежнему пользовались огромной поддержкой в обществе. Впрочем, похожие обстоятельства не предотвратили переворот в Бразилии. Вторая проблема — реальное препятствие — заключалась в том, что Карлос Пратс, возглавивший вооруженные силы после Рене Шнайдера, также был *constitucionalista*. Он видел, что в стране царит экономический кризис и что консерваторы замышляют военный мятеж, но был верен доктрине Шнайдера и демократии, поэтому отказался выходить за рамки своих установленных законом функций. Альенде сохранил власть.

В конце 1972 г. в мире появилась еще одна антикоммунистическая диктатура. С 1970 г. студенты протестовали против правительства Фердинанда Маркоса на Филиппинах — как из-за его вопиющей коррупции, так и из-за сотрудничества его правительства с США в войне во Вьетнаме. Филиппины стали площадкой для самого масштабного эксперимента Вашингтона с прямым колониальным правлением, и с тех пор как в 1954 г. ЦРУ разгромило движение левых националистов «Хук» (*Huks*) с помощью террора и психологической войны, страна, хоть и независимая, жестко контролировалась — так, чтобы Манила неизменно оставалась в западном лагере. Американские базы на Филиппинах использовались в 1958 г. при попытках ЦРУ расколоть Индонезию. Правый Маркос, переизбранный при нескольких подозрительных обстоятельствах в 1968 г., и его жена Имельда были близкими друзьями губернатора Калифорнии Рональда Рейгана, явившегося на торжественное открытие роскошного, обошедшегося в многие миллионы долларов Культурного центра Имельды⁴³.

Некоторые студенты, противники Маркоса, были сторонниками коммуниста Хосе Марии «Джомы» Сисона, профессора

литературы и маоиста, вдохновлявшегося Лумумбой, Кастро и западными интеллектуалами из «новых левых». Сисон учился в Индонезии до свержения Сукарно и в 1965–1966 гг. пришел к тому же выводу, что и Пол Пот: невооруженная Коммунистическая партия Индонезии совершила ошибку, позволив себе остаться беззащитной. В 1968 г. он основал маоистскую Коммунистическую партию Филиппин, опиравшуюся на партизанские группы в сельской местности, а не на легальные, массовые методы партийной работы, которыми пользовалась КПИ. (Сисон сказал мне, что увиденное им в Индонезии в 1965 г. убедило его, что Коммунистическая партия Филиппин должна быть вооруженной и подпольной, и эта партия до сих пор действует.)⁴⁴

Однако многие из участников протестов против Маркоса были всего лишь сторонниками центристской Либеральной партии. Сам Маркос следовал чужому примеру. «Теперь необходимо добиться перерастания беспорядков в кризис, чтобы можно было предпринять более решительные шаги, — писал он. — Чуть больше разрушения и вандализма — и я смогу делать все что угодно»⁴⁵.

Маркос и его министр обороны Хуан Понсе Энриле постоянно пугали страну коммунистической угрозой, а 22 сентября 1972 г. Энриле разыграл попытку покушения на свою жизнь. Он пересел в другую машину, а стрелок поджег ту, в которой он должен был находиться. Вместе с Маркосом, участвовавшим в планировании этого обмана, они утверждали, что их спас Господь. В покушении, разумеется, обвинили коммунистов. Они также сообщили (дня не прошло!), что все это не оставляет им другого выбора, кроме как объявить военное положение. Были развернуты военные подразделения, получившие задачу арестовать лидеров оппозиции, прежде всего сенатора от Либеральной партии Бениньо Акино — младшего. У Сухарто и так уже был союзник-антикоммунист в лице Маркоса, а теперь он — и Вашингтон — получил дружественный авторитарный режим во второй по численности населения стране Юго-Во-

сточной Азии. Маркос при активной поддержке США создал собственный вариант кланового капитализма с запредельным уровнем коррупции. Затем он убил тысячи человек, тела которых часто сваливались на видном месте, чтобы наводить ужас на его врагов⁴⁶.

Marineros Constitucionalistas

К началу 1973 г. Педро Бласету было 23 и он был моряком — выходцем из рабочих, оказавшимся в среде привилегированных консерваторов, из которых традиционно комплектовался чилийский ВМФ. Ему посчастливилось принять участие в шестимесячном путешествии в Швейцарию, и происходивший на родине процесс радикализации общества он по большей части пропустил. В Европе Педро и сослуживцев поразила либеральность организации ВМФ — в противоположность строгим прусским традициям, царившим в чилийском флоте. Когда он стал новобранцем, его избили в традициях дедовщины. Глубоко консервативные флотские офицеры, в основном выпускники частных школ, подчеркивавшие свою аристократичность, были не в восторге даже от поддерживаемого ЦРУ правительства Эдуардо Фрея. Насколько понимал Бласет, основную проблему для них представляло то, что вследствие умеренных реформ отдельные представители среднего класса оказывались в их элитных школах и их дети были вынуждены учиться вместе с плебеями.

Когда Педро вернулся в Сантьяго в феврале 1973 г., там все было не так, как раньше. Флот представлял собой, пожалуй, самый антикоммунистически настроенный род войск, и его коллеги не скрывали своих чувств. Старшие офицеры толковали об общих делах с посольством Бразилии, обсуждали передачу оружия организации *Patria y Libertad*. Главу армии Пратса яростно критиковали за верность Конституции, особенно после успеха левых на мартовских выборах. Пошли практически

открытые разговоры о некоем *El Plan Yakarta* — плане «Джакарта».

Педро уже слышал о Джакарте. Незадолго до его поступления во флот в 1966 г. моряки начали обмениваться ужасающими историями, привезенными из одного совершенно необычного похода в Юго-Восточную Азию. Они говорили, что стали свидетелями бойни, разразившейся вследствие программы истребления в индонезийской столице. Рассказы об отрубленных и насаженных на пики головах внушали ужас молодым морякам, внимавшим рассказам о фантастическом насилии в далеком краю⁴⁷.

Однако когда его командиры стали разговаривать об *El Plan Yakarta* в 1973 г., то высказывались они очень конкретно и всерьез. План состоял в том, чтобы убить около 10 000 человек — левых и ядро их сторонников, чтобы гарантировать надежную передачу власти правому правительству. Педро и его друг Гильермо Кастильо слышали, как это обсуждается не на одном корабле.

«Нам бы только привести план “Джакарта” в исполнение, убить десять или двадцать тысяч, и все дела — сказал один офицер. — Сопrotивлению крышка, мы, считай, выиграли». Вероятно, старшие по званию полагали, что подчиненные согласны с этой стратегией или, по крайней мере, настолько уважают внутреннюю иерархию ВМФ, что будут помалкивать.

Однако моряки низших чинов не считали это нормальным. «Кого они собираются убивать? Наши семьи? — спросил Педро нескольких своих лучших друзей. — Что произошло в Чили, пока меня не было?»

Они договорились собраться, создать маленькую тайную группу *constitucionalista* внутри ВМФ и обсудить ситуацию. И раз уж они присягали стране, а не своим непосредственным командирам, то решили передать предупреждение политикам.

Их раскрыли. Педро и Гильермо были брошены ВМФ в тюрьму и подвергнуты многократным пыткам. На свет божий они вышли лишь после того, как чилийский вариант *Plan Yakarta* был реализован.

Operação Jacarta. Yakarta Viene. Plan Yakarta. На испанском и на португальском языках во всех трех вариантах очевидно, что здесь означает «Джакарта», и это невероятно далеко от того значения, которое данное слово имело в далеком 1948 г., когда администрация Трумэна руководствовалась «джакартской аксиомой». В те времена «Джакарта» символизировала независимость движения третьего мира, и Вашингтону незачем было видеть в этом угрозу. Теперь «Джакарта» означала нечто совсем другое. Это слово означало массовые убийства, совершаемые антикоммунистами. Оно означало срежиссированное государством истребление гражданских лиц, являвшихся противниками создания капиталистических авторитарных режимов, верных Соединенным Штатам. Оно означало организованные насильственные исчезновения и не ведающий стыда государственный террор. Это слово будет звучать по всей Латинской Америке следующие два десятилетия.

Операция «Кондор»

В 1973 г. Альенде пал. Он погиб, как и чилийская мечта о демократическом социализме. На смену ему пришел жестокий антикоммунистический режим, который совместно с Бразилией и Соединенными Штатами занимался формированием международной сети уничтожения несогласных. Смертельный террор, развязанный этими странами, распространялся не только на левых, но и на бывших союзников, которые вставали у них на пути.

В месяцы, предшествовавшие 11 сентября 1973 г., Чили имела много общего с Бразилией 1964 г. Группы из частного сектора финансировали оппозиционные группы, группы «традиционалистов» и «защитников семьи» организовывали протесты, и правые СМИ распространяли страх перед вымышленным левым заговором. ЦРУ в конце 1973 г. сообщало, что чилийская оппозиция получает от бразильской диктатуры «эконо-

мическое содействие и оружие, в частности автоматы и ручные гранатометы»⁴⁸.

Однако дни после 11 сентября 1973 г. больше напоминали Индонезию в 1965 г., только в уменьшенном масштабе — поначалу. Если бразильское военное правительство переходило к террору медленно, то диктатура генерала Аугусто Пиночета началась со взрыва насилия.

Первая попытка переворота произошла в июне. Так называемый «Танкетасо» (*Tanquetazo*) провалился главным образом потому, что Карлос Пратс, глава вооруженных сил, подавил военных мятежников, союзничавших с *Patria y Libertad*. Пратс не собирался смотреть сквозь пальцы на то, как Армия Чили предаст свою историческую миссию.

В последующие недели левые издания начали сообщать, что *Patria y Libertad* и другие правые силы, стоявшие за попыткой переворота, планировали в случае его удачи привести в действие *Plan Yakarta*. Похоже, у них были причины для беспокойства. Один политик, Доминго Годой Матте из правой Национальной партии, даже выступил в Конгрессе и заявил, что они — националисты — «останутся здесь, пока не случится Джакарта»⁴⁹. Это вызвало волну осуждения со стороны шокированных центристов и левых, яростные обвинения в широком спектре изданий, что правые планируют «массовое убийство». Газета Социалистической партии обнародовала присланную главному редактору почтовую открытку, на которой было написано «Джакарта грядет». Газета обвинила в происходящем Соединенные Штаты⁵⁰.

Как ни странно, правые СМИ стали распространять вывернутую наизнанку версию связанного с террором мема «Джакарта». Финансируемая ЦРУ газета *El Mercurio* воспроизвела байку о том, будто бы коммунисты зверски убили генералов в Индонезии и могут сделать то же самое в Чили⁵¹.

В 1970 г. Кастро призвал Альенде не провоцировать Вашингтон. Теперь этот совет выглядел запоздалым. Когда над чилийским президентом сгустились тучи правого террора и в атмосфере запахло близким путчем, Кастро посоветовал коллеге

занять более жесткую позицию. Он сказал, что Альенде дал оппозиции слишком много свободы и слишком упорствует в нежелании применять насилие, чтобы вытащить революцию из кризиса. Кастро предостерег: близится конфронтация между «социализмом и фашизмом», и если чилийские левые не прислушаются к его совету, то им не выжить⁵². Однако коалиция Альенде «Народное единство» сохранила приверженность демократическому социализму.

В июле правые террористы убили еще одного военного, Артуро Арайю, адъютанта Альенде, когда тот стоял на балконе своего дома⁵³.

К августу Карлос Пратс понял, что давление на него не ослабнет. Влиятельные фигуры в армии жаждали переворота, как и значительная часть элиты, о чем свидетельствовали протесты жен военных под стенами его дома⁵⁴.

Похоже было, что вошедшие в раж правые террористы скорее убьют генерала Пратса, чем дадут Альенде досидеть президентский срок. Все эти три группы пользовались поддержкой самого могущественного государства в истории. Пратс не собирался дарить им этот переворот. 23 августа 1973 г. он подал прошение об отставке и собрался уезжать в Буэнос-Айрес.

Его сменил Аугусто Пиночет, ничем не примечательный, немногословный генерал, всего несколькими неделями ранее лояльный Пратсу и не проявлявший особого стремления участвовать в мятеже. После провала июньского *Tanquetazo* Пиночет сказал собравшейся группе заговорщиков, что не хочет «говорить о политике, потому что это против Конституции».

Девятого сентября лидер Социалистической партии Карлос Альтамирано выступил с речью на национальном стадионе в Сантьяго. Он зачитал письмо, переданное правительству группой моряков *constitucionalista*, таких как Педро Бласет и Гильермо Кастильо, пытавшихся предупредить власти, что в августе планируется переворот.

«Для нас было жизненно важно избежать большой бойни, которую они задумали устроить простому народу между

8 и 10 августа, — зачитывал Альтамирано текст письма. Начальство объяснило нам, что так или иначе марксистское правительство пора свергнуть, а народ очистить от лидеров марксистов. Они решили, что к любому левому лидеру нужно без вариантов применить план “Джакарта”»⁵⁵. К тому времени большинству чилийских левых должно было быть ясно, что значит «план “Джакарта”». А еще к тому времени абсолютно всем ясно было, что вот-вот произойдет государственный переворот. Речь Альтамирано стала в большей степени данью уважения смелости моряков, чем откровением.

Прошло еще два дня, и 11 сентября Сальвадор Альенде уже знал, что происходит. Он забаррикадировался в президентском дворце Ла-Монеда и выступил по радио с последним обращением к своим сторонникам.

Безусловно, это моя последняя возможность обратиться к вам. Военно-воздушные силы уже бомбят радиовышки...

Я заплачу жизнью за верность народу. И я заверяю вас всех в своей убежденности, что семена, посеянные нами в сознании тысяч и тысяч чилийцев, невозможно искоренить навсегда... Да здравствует Чили! Да здравствует народ! Да здравствуют трудящиеся!

Это мои последние слова, и я убежден, что моя жертва не будет напрасной.

Он взял свой автомат (подарок Фиделя Кастро), повесил на плечо и надел армейский шлем. Пока чилийские ВВС бомбили президентский дворец и обстреливали кварталы бедняков, которых подозревали в готовности защищать президента, Альенде выстрелил себе в голову⁵⁶.

Той ночью новая военная хунта предельно ясно дала понять, какая идеология обеспечила ее насильственный взлет к власти. В телевизионном обращении к нации генерал Хорхе Густаво Ли, один из ее четырех членов, сказал: «После трех лет поддержки марксистской опухоли... мы считаем себя обязанны-

ми в священных интересах нашей страны взять на себя печальную и мучительную миссию, которую и осуществляем... [Мы] готовы сражаться против марксизма и желаем искоренить его целиком и полностью»⁵⁷.

Убийства и исчезновения начались сразу же.

Фанатичный антикоммунизм в очередной раз стал базовой идеологией для нового кровавого политического режима на мировом Юге. На международной арене хунта будет верным союзником Соединенных Штатов, но внутри страны путчисты не хотели воспроизводить модель США. Они хотели воспроизвести Бразилию⁵⁸. Хунта начала устанавливать диктатуру и искать оправдания своего существования. 22 сентября 1973 г. газета чилийской Национальной партии *Tribuna* опубликовала любопытное интервью с генералом Эрнесто Баэзой Михельсеном. На фотографии он позировал с почтовой открыткой, такой же, какие оказались в почтовых ящиках у Кармен Херц и Карлоса Бергера. «Джакарта грядет» значилось на ней. Тут, однако же, генерал утверждал, что на самом деле это левые рассылают сообщения с угрозами высокопоставленным консервативным офицерам. Согласно этой версии — теперь подкрепляемой полномасштабным давлением военной диктатуры, за которой стояли США, — марксисты планировали 22 сентября убить всех 27 высших офицеров, и только правый путч предотвратил кровавый мятеж левых. Через несколько дней генерал Хорхе Густаво Ли, один из основоположников военной хунты, поведал ту же историю. Он сказал газете *La Segunda*: «Эта кампания была нацелена на то, чтобы полностью уничтожить вооруженные силы... и такая Джакарта привела бы к окончательной катастрофе. Пал бы этот последний бастион — вот тут они и обрушили бы свой террор на всю нашу страну»⁵⁹.

22 сентября, когда все это было опубликовано, терроризировала народ как раз хунта. Широкую известность получил эпизод, когда путчисты согнали тысячи подозреваемых противников режима на Национальный стадион для допросов, пыток и казней.

Гораздо меньше информации о присутствии там бразильских военных советников, помогавших чилийцам уничтожать молодых мужчин и женщин, которых и те и другие считали врагами⁶¹. Больше тысячи человек были сразу же казнены, их тела спрятаны в массовых захоронениях⁶¹. Кармен Херц и Карлоса Бергера среди них не было. Они находились на севере страны, где Карлос работал сотрудником по вопросам связей с общественностью на медной шахте Чукикамата, отчаянно пытаясь отстоять проведенную Альенде национализацию медной промышленности.

Карлоса арестовали 12 сентября, но скоро отпустили, после повторного ареста 14 сентября он уже не вышел. Кармен, молодая юрист, пыталась добиться его скорейшего освобождения. Она была уверена, что он выйдет на свободу, вопрос лишь в том, когда это случится. Понимая, что судьба мужа висит на волоске, она не контактировала с коммунистической партией или любым другим руководством в Сантьяго. Она оставалась поблизости от него, посещая при любой возможности и пытаясь договориться с местными чиновниками. Формально Карлоса приговорили к заключению на 61 день, и Кармен надеялась уменьшить срок до уже проведенного в заключении. 19 октября она навестила его в тюрьме около пяти часов вечера. Карлос был в смятении, нервничал: что-то случилось

«Увели группу заключенных. За ними явилась какая-то особая команда, другая группа. Я не узнал никого из полка, — рассказал Карлос. — Они вывели их очень грубо, с мешками на головах».

Позже тем же вечером Кармен позвонил аноним. «Его увели», — сообщил голос. Она позвонила надзирателю. «Да, его увели, но не беспокойтесь, это всего лишь допрос, и скоро все вернутся обратно». Карлос так и не вернулся. Всех казнили. Джакарта пришла.

Позднее сторонники Пиночета по-своему дали ей понять, что все кончено. Следующим вечером они припарковали свой джип на дороге и стали ждать ее. Из машины не вышли. Подойдя ближе, она увидела внутри полкового священника и кого-то еще, какого-то человека в форме. Он сказал: «Карлоса Бергера и дру-

гих заключенных перевозили в город Антофагасту, они по пути взбунтовались, совершили попытку побега и впоследствии были убиты. *Hasta luego* — До свидания». Двигатель продолжал работать, водитель включил передачу, и они уехали. Кармен не заплакала. Она закричала: «Убийцы! Убийцы! Сучьи дети, вы пожалеете! Вы поплатитесь за это! Убийцы, жалкие трусы!»

Официальные лица в Вашингтоне наблюдали, как развивающиеся страны во всем мире со смятением и ужасом реагируют на приход к власти Пиночета. В октябрьском отчете службы разведки Госдепартамента отмечалось, что умеренная камерунская газета назвала свержение Альенде «пощечиной третьему миру»⁶².

Юрай Домич, беженец из Хорватии, запустивший в оборот метафору «Джакарта» в чилийской политике, получил работу в министерстве иностранных дел Пиночета.

До переворота разработчики секретных планов в Вашингтоне боялись, что чилийцы не обладают качествами, необходимыми для борьбы с социализмом. Однако по части рвения чилийцы вскоре превзошли своих бразильских покровителей. Военное командование было готово к тысячам смертей — в полном соответствии с тем, что слышали Педро Бласет и другие моряки *constitucionalista*. В конечном счете Пиночет и его люди убили около 3000 человек, главным образом в самом начале диктатуры. Они гордились своей эффективностью. Мануэль Контрерас, тесно сотрудничавший с ЦРУ создатель кровавой тайной полиции Пиночета — ДИНА (*Dirección de Inteligencia Nacional, DIN*A), знал, что цель государственного террора не только варварски уничтожить врагов, но и сделать сопротивление невозможным, укрепить властные политические и экономические структуры.

Нужно было развязать террор против населения, чтобы один человек, Аугусто Пиночет, согласился на роль, которую, по мысли Вашингтона, должны были играть чилийские военные. Вашингтон с самого начала благоволил правительству Пиночета. Генри Киссинджер придерживался очень простой политики в отношении нового южноамериканского диктатора: «Защищать, защищать, защищать»⁶³.

Однако, как и в случае с бразильской военной диктатурой, последствия жестокости Пиночета никоим образом не были ограничены узкой полосой территории его страны. Почти сразу же после захвата власти он решил влиять на события за рубежом — как посредством борьбы с коммунизмом во всем полушарии, так и казнями гражданских по всему миру.

Международный террор начался совсем рядом. 29 сентября 1974 г. тайная полиция Пиночета убила его бывшего босса Карлоса вместе с женой в их доме в Буэнос-Айресе (Аргентина). Пратс работал над мемуарами. После того как его убили, Пиночет сделал заявление, где утверждалось, что эта смерть «оправдывает принятые правительством меры безопасности»⁶⁴.

Через несколько месяцев после убийства Пратса бразильские военные проболтались о существовании их собственной *Operação Jacarta*.

В августе 1975 г. Лусиану Мартинс Коста был студентом факультета журналистики в Сан-Паулу. Ему и другим студентам удалось взять интервью у генерала по имени Эднарду Д'Авила Меллу, известного своей жестокостью. Военные офицеры, разумеется, проверили личности молодых журналистов до этого интервью и заполнили помещение студентами с правыми взглядами — своего рода тактика устрашения. Как обычно и бывало на подобных событиях, Д'Авила Меллу поведал приятную полуправду о правящем режиме, создавая иллюзию его прозрачности, однако покой был нарушен: генерала вывел из себя вопрос одной студентки. Ее отношение показалось ему непочтительным, и он разразился гневной тирадой.

«Вам всем промыли мозги! — кричал он. — И вот ровно поэтому мы собираемся осуществить операцию “Джакарта” и нейтрализовать две тысячи коммунистов прямо здесь, в Сан-Паулу». Генерал стал перечислять имена жертв.

Лусиану лихорадочно записывал: «*Neutralizar 2mil comunistas em São Paulo...*» — «Нейтрализовать 2000 коммунистов в Сан-Паулу...»

Генерал отклонился от сценария. Диктатура, однако же, упрощала многие нюансы, и не допустить, чтобы случившееся просочилось в печать, было легче легкого.

«Опубликуете хотя бы строчку из того, что я только что сказал, — жертв будет две тысячи одна!»

Студенты довольно долго молчали⁶⁵.

Три месяца спустя Пиночет и его помощники провели встречу с представителями Бразилии и своими единомышленниками-антикоммунистами из соседних стран, которых поддерживали США. Теперь их было много. Представители Аргентины, Боливии, Бразилии, Парагвая и Уругвая встретились с Мануэлем Контрерасом, приспешником ЦРУ и основателем чилийской тайной полиции, в великолепном зале Чилийской военной академии. Настроение царило приподнятое. Нам нужно работать вместе, решили присутствующие. Недостаточно убить коммунистов и избавиться от прочих подрывных элементов в своих странах. Так была разработана программа сотрудничества с целью истребления врагов по всему миру, организован центральный банк информации, чтобы обмениваться разведанными. Компьютеры для этой системы пообещали вскоре предоставить Соединенные Штаты. Первый день завершился торжественным ужином с участием красивых чилиек, предоставленных тайной полицией⁶⁶.

Новый альянс был назван в честь птицы — национального символа Чили, великолепного падальщика. В ноябре 1975 г. была запущена операция «Кондор».

Прогулка до кинотеатра

Бенни приехал в Чили в 1975 г. После более десяти лет работы в Бангкоке его перевели сюда на должность экономиста ООН. Когда-то в Канзасе он полюбил Северную Америку, но в Латинской Америке оказался впервые и, конечно, был в восторге. Он приехал с женой и детьми, которые изо всех сил учили язык.

Они очень быстро узнали, как живет при Пиночете. Как-то вечером Бенни решил прогуляться по центру Сантьяго и посмотреть фильм. На улице его остановили двое *carabineros*, сотрудников чилийской полиции. Они хотели узнать, кто он такой и куда направляется.

Подозрительно было уже то, что он куда-то идет. В Сантьяго действовал комендантский час — и он приближался. Однако подозрение вызвала и расовая принадлежность Бенни. Точно так же поддерживаемые США военные травили его общину только за то, что они были китайцами, а диктатура Сухарто заставила официально изменить имя на Бенни Видьоно, когда он работал в Бангкоке. Ровно по тем же причинам его лицо и в Чили вызывало подозрения.

К этому моменту своей жизни Бенни достаточно хорошо знал испанский язык, чтобы понять слова копа: «Хочешь, чтобы я тебя забрал?» Подтекст был ясен Бенни как день. Хочешь оказаться за решеткой, подвергнуться пыткам и, может быть, остаться там на веки вечные? Ты понимаешь, что можешь исчезнуть этой ночью?

Бенни изо всех сил старался вести себя с копами максимально вежливо. Это сработало — тот парень всего лишь хотел немного его припугнуть, и это сработало, — и Бенни позволили уйти. Однако за первые несколько недель пребывания в Чили он понял, что даже его шикарный ооновский кабинет не является убежищем от хаоса этой жестокой диктатуры. Точнее, хаос проникал туда как раз потому, что это было убежище. Пока Бенни с коллегами находились на службе, молодые китайцы прибегали к комплексу ООН, спасаясь от властей, и перепрыгивали через ограду. Внутри этих стен тайная полиция не могла их арестовать, потому что здания ООН, расположенные на южном берегу реки Мапочо, обладали определенной автономией. Эти молодые мужчины и женщины были по большей части членами левой партии MIR, прислушавшейся к предупреждению, которым стала бойня в Индонезии в 1965 г.: они присоединились к доктрине вооруженной

революции. Бенни видел, как молодежь все прибывает и прибывает, разбив на территории комплекса нечто вроде лагеря, почувя на матрасах на полу и изыскивая возможность покинуть страну. Вряд ли они знали, что в рамках операции «Кондор» их могут настигнуть в любой точке земного шара, даже если все-таки удастся выбраться отсюда.

Пиночет ненавидел организацию, где работал Бенни. С его точки зрения, вся ООН представляла собой, по сути, коммунистический гадюшник. Что еще хуже, Бенни служил в Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (Economic Commission for Latin America and the Caribbean, CEPAL). Это, в глазах Пиночета и его мировых союзников, был оплот неприемлемо левой экономической мысли. Экономическая комиссия являлась эпицентром, откуда распространялись теории экономики развития и зависимости; новый диктатор Чили, напротив, возвысил группу чилийских экономистов с серьезными связями, которые отучились в Чикагском университете и отдавали предпочтение радикальному развороту к экономике свободного рынка. Эта компания, получившая впоследствии неофициальное название «чикагские мальчики», была гораздо более нахрапистой, чем даже старые знакомцы Бенни по Индонезии — «мафия из Беркли». Их взлет оказался незапланированным — смыслом существования правительства Пиночета был антикоммунизм, а не рыночный фундаментализм, но под приглядом этих экономистов Чили стала первым в мире испытательным полигоном «неолиберальной» экономики. Комиссия же, где работал Бенни, давала рекомендации, которые отныне не приветствовались⁶⁷.

Тем не менее вскоре Бенни стали приглашать на шикарные мероприятия в *barrio alto* — восточные районы на холмах, где жила элита. Если взглянуть на восток из делового центра Сантьяго, почти от любого открывшегося вида дух захватывает. Обычно виден снег на вершинах Анд, высящихся над вами, а ниже по склонам теплый воздух, густой от ароматов тропических растений, обещает приятную прогулку.

Именно там, поднявшись наверх и едва только вступив в роскошно выглядевший квартал, Бенни впервые увидел эти надписи: «Джакарта близко», «Джакарта грядет» или просто «Джакарта».

Это показалось ему удивительным — пришлось расспрашивать окружающих, что именно означают эти граффити, откуда взялись такие лозунги. Уразумев, о чем речь, Бенни был потрясен. Название столицы его родины теперь означало не космополитичность, не солидарность третьего мира и справедливость во всем мире, а только одно — реакционное насилие. Слово «Джакарта» обозначало безжалостное истребление людей, организовавших, чтобы построить лучший мир. И вот он оказался в другой стране, также поддерживаемой США, власти которой восхваляли эту историю, вместо того чтобы осуждать.

Надписи были повсюду. Однако постепенно они исчезали.

Государственный переворот, с момента которого прошло уже два года, вписывался победителями в новую историю в отредактированном виде. Как это делается, Бенни знал не понаслышке. Он сразу же заметил и другое сходство с Индонезией. Пиночет, как и Сухарто, был всегда немногословен. Иногда чилийское телевидение показывало видеозапись очередной речи Пиночета, но дублировало его голос, чтобы исправить то, что он сказал на самом деле. Даже настоящее можно было переписать⁶⁸.

Бенни пришлось притерпеться к слову «Джакарта», которое мелькало повсюду, но каждый раз он ощущал из-за этого неловкость. Однажды эмоции, которое он скрывал, вырвались наружу. Индонезийский посол в Аргентине приехал выступить с лекцией перед чилийскими студентами — и Бенни с ним заодно, раз уж он часто оказывался для своей родины самым близким аналогом фигуры посла в Сантьяго. Из-за этого ему приходилось взаимодействовать с правительством Сухарто, но, как и большинство индонезийцев, Бенни смирился с этой реальностью.

После лекции студенты стали допытываться у посла, как случилось, что чилийское правительство обратилось к Джакарте за примером славного антикоммунистического террора. Что означают все эти граффити? Посол пришел в ярость:

«Это просто название нашей столицы! Как вы смеете предполагать, что это синоним массовой бойни?» Бенни тоже рассердился.

Однако заблуждались ли студенты? Бенни пришлось взглянуть фактам в глаза. Он знал всю огромную Джакарту — как непросто смешались в ней грязь и красота. Но за пределы страны — сюда, в Чили — просочилась только история массовых убийств. Массовых убийств, которые были совершенно реальными и которые Пиночет на свой лад воспроизвел здесь, в Чили. Граффити не были клеветой. Это была правда.

Позднее Бенни глубже рассмотрел этот вопрос, мысленно вернувшись в свое прошлое, во времена учебы в Канзасе в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Он вспомнил о многочисленных индонезийских военных, которые приходили к нему домой угоститься индонезийскими блюдами и затем возвращались в город. Именно тогда этих людей воспитывали в духе жестокого, фанатичного антикоммунизма — воспитывали Соединенные Штаты. Именно эти офицеры, после ночных гулянок в стрип-клубах и попоек с Бенни, вернулись в Джакарту, чтобы участвовать в осуществлении самой позорной в мире программы уничтожения, развязанной правыми. Именно там все началось.

«Еще там, в Канзасе, — размышлял Бенни. — И вот поэтому название города, в котором я вырос, где учился, где узнал о социализме и участвовал в маршах против колониализма и расизма, стало синонимом массовых убийств».

Возвращение Севера

Новые театры военных действий

В 1975 г. в холодной войне произошли определенные географические сдвиги. Вашингтон покинул несколько регионов, где вел постоянную войну с коммунизмом, но уже созданные там антикоммунистические режимы продолжили тотальные репрессии.

Соединенные Штаты ушли из Южного Вьетнама. В западном мире это означало, что Сайгон «пал». С точки зрения Ханоя вьетнамцы попросту добились того, чего должны были достичь посредством референдума, отмененного еще в 1956 г. при участии Вашингтона. Три миллиона человек погибли, вся нация была милитаризована, а огромные участки великолепных джунглей отравлены на несколько поколений вперед — вследствие химической войны, которую вели США. После падения Сайгона вьетнамские коммунисты не стали устраивать массовое уничтожение гражданских лиц.

Бойня произошла в Камбодже. В 1970 г. Соединенные Штаты, чтобы свергнуть принца Сианука, организовали переворот и поставили править страной Лона Нола, генерала, которому отвели роль камбоджийского Сухарто. Его войска про-

шли обучение в Бандунге недалеко от того места, где Сукарно провел в 1955 г. Конференцию стран Азии и Африки¹. Во время правления Лона Нола Соединенные Штаты продолжили неизбирательные бомбардировки страны, убивая сотни тысяч человек, главным образом крестьян, безуспешно пытаясь остановить продвижение вьетнамских коммунистов через сельскую местность. Соединенные Штаты сбросили на Камбоджу в три раза больше боеприпасов, чем было сброшено на Японию во время Второй мировой войны, даже с учетом атомных бомб. По словам выживших, появление американских бомбардировщиков В-52 вызывало тот же эффект, что и *sulfatos* в Гватемале: «Это был совершеннейший ужас. Человек переставал контролировать свои телесные функции и только инстинктивно слышал сирену: беги отсюда куда подальше», — вспоминал впоследствии один вьетнамский чиновник².

Крайнее пренебрежение человеческой жизнью стало в Юго-Восточной Азии почти нормой. Оглушенные войной беженцы наводнили камбоджийские города. Свергнутый в ходе мятежа, за которым стояли США, принц Сианук издал книгу мемуаров, озаглавленную «Моя война с ЦРУ» (*My War with the CIA*, 1973). «Мы отказались стать марионетками США или присоединиться к крестовому походу против коммунистов, — писал он. — В этом и состояло наше преступление»³. Народом Сианук оказал поддержку маленькой подпольной и крайне странной группе марксистов, которую преследовал, будучи у власти. *Khmer Rouge* (красные кхмеры), как он называл их на старом колониальном языке, были единственными, кто сражался против Лона Нола и армии США, истреблявших целые группы населения. В 1975 г. Красные кхмеры отбили Пномпень у Лона Нола без помощи вьетнамцев. Они закрыли границы и установили один из самых ужасающих режимов XX столетия. Пройдут годы, прежде чем кто-либо, даже их предполагаемые союзники в Ханое, узнают, что они творят.

В 1975 г. Магдалена и Сакото по-прежнему находились в тюрьме. Их держали на скудном пайке и принуждали к непо-

сильному труду в системе концентрационных лагерей Индонезии. Десять лет им вбивали в головы, что они — зло, отбросы, изгои. Полный отрыв от семьи. В крохотной порции риса, которую получали заключенные, мог быть песок или стекло; они выращивали или искали, где могли, овощи, чтобы дополнить свой рацион. На работах в полях заключенным часто не позволяли пользоваться серпами — ведь это была половина запрещенного теперь коммунистического символа⁴.

На Бали группа заключенных тщательно собирала собственные фекалии и использовала их для удобрения крохотных клочков почвы, чтобы выращивать овощи. Они коротали время, распевая песни эпохи Сукарно или те, где пелось о таких же, как они сами. Припев одной из них, на испанском языке, отсылал к названию речи Фиделя Кастро, произнесенной в 1953 г.: «*La historia me absolverá*» — «История отпустит мне грехи»⁵.

В 1975 г. завершилось еще одно колониальное правление, и это событие пустило круги, разошедшиеся по всему третьему миру. Диктатура в Португалии, правившая с 1933 г., рухнула. Соединенные Штаты разработали «чрезвычайный план» вторжения на части территории Португалии, если там возникнет правительство, которое они сочтут коммунистическим⁶. К счастью для португальцев, Вашингтон позволил законно избранному левому (не коммунистическому) правительству заниматься своим делом. Новое португальское руководство решило быстро избавиться от остатков империи.

Сухарто, заинтересованный в продвижении на восток, прибегнул к старой хитрости. Среди только что получивших свободу португальских колоний был маленький Восточный Тимор, жители которого делили остров с индонезийцами. Когда Восточный Тимор стал независимым, Сухарто заявил, что его границам угрожают коммунисты.

Сказать, что это было чудовищное преувеличение, — значит ничего не сказать. Ни Китай, ни Советский Союз, ни Вьетнам не поддерживали крохотную страну. В партии, куриро-

вавшей провозглашение Тимором независимости, ФРЕТИЛИН, действительно было левое крыло, и некоторые ее члены использовали марксистскую терминологию, что едва ли удивительно для тогдашнего освободительного движения народа, говорящего на португальском языке. Однако этого хватило Вашингтону, убежденному, что Восточный Тимор может стать «азиатской Кубой», несмотря на то что Никсон уже восстановил отношения с коммунистической партией в Пекине. Он дал Сухарто отмашку, и индонезийские генералы быстро разработали *Operasi Seroja* — операцию «Лотос»⁷.

Вторжение Индонезии началось в декабре 1975 г. Народ Восточного Тимора не хотел видеть индонезийских военных на своей земле. ФРЕТИЛИН радикализировалась и начала народную войну с агрессорами. Чтобы сломить сопротивление борцов за свободу, Вооруженные силы Индонезии убили до 300 000 человек⁸. С 1975 по 1979 г., когда Джеральд Форд и Джимми Картер сидели в Белом доме, ближайший союзник Вашингтона в Юго-Восточной Азии истребил до трети населения Восточного Тимора — это больше, чем доля погибших при Пол Поте в Камбодже.

В бывших португальских колониях в Африке кровопролитие развивалось по другим сценариям. Как в Мозамбике, так и в Анголе разразились полномасштабные конфликты эпохи холодной войны, где с обеих сторон участвовали как сильнейшие, так и менее мощные государства мира. Советский Союз, где у власти по-прежнему был Брежнев, начал более решительно вмешиваться в дела третьего мира, временно — и ошибочно — уверовав, что Соединенные Штаты допустят подобные вмешательства Советов, как сами они позволили Вашингтону влезть в Чили в 1973 г.⁹ Соединенные Штаты на это не пошли, и подпадаемые Америкой прокси-режимы в обеих странах, воюющие в союзничестве с Заиром (так в то время называлось Конго под властью Мобуту), Южной Африкой с ее режимом апартеида и Родезией, объединились против политических движений, которым благоволила Москва. Куба отправила

в Анголу 25 000 солдат в помощь союзнику Москвы. Немного численные американские и британские добровольцы, зачастую одинокие безработные мужчины, откликнувшиеся на объявления в журналах, соглашались влиться в ряды белых супрематистских сил в Родезии и Южной Африке¹⁰.

Диктатура в Бразилии, некогда принадлежавшей португальцам части Южной Америки, претерпела внутренний раскол. Правление Медиси завершилось, и очередной генерал во власти, Эрнесту Гайзел, приветствовал ослабление мер противодействия повстанцам и так называемую *abertura*, или медленное «открывание» бразильского общества. Проблема, однако, в том, что сама практика пыток и убийств, как часто бывает, сформировала в государстве мощные структуры, привилегии которых обеспечивались бесконечной войной. Они противились «абертуре» и выступали за расширение насилия на законопослушных членов коммунистической партии, которые даже не вызывали подозрений.

Считается, что бразильская операция «Джакарта» была планом усиления, а не ослабления репрессий, следовательно, срыва «абертуры». Также считается, что одной из немногих ее жертв стал любимец страны журналист Владимир Эрзог. Выходец из среднего класса, Эрзог был популярным репортером, не скрывавшим своих взглядов. Не будучи большим поклонником СССР (он вдохновлялся чехословацким «социализмом с человеческим лицом» Александра Дубчека), он в начале 1970-х гг. вступил в Бразильскую коммунистическую партию. Пытаясь выстроить объединенный демократический фронт, БКП держалась умеренного курса и была наряду с некоторыми силами внутри католической церкви одной из наиболее организованных групп, оппозиционных диктатуре. В октябре 1975 г. Эрзог стал главным редактором общественной станции TV Cultura. Один журналист правых взглядов назвал станцию «TV Viet-Cultura», намекнув, что та «напичкана» коммунистами¹¹. 25 октября 1975 г. представители армии вызвали Эрзога на допрос. Тот добровольно вошел в военную комендатуру —

и уже не вышел оттуда. Никто не купился на официальную версию случившегося, что он якобы покончил с собой: жуткая фотография его трупa, висящего слишком близко к земле, чтобы так действительно можно было повеситься, воспринималась как доказательство заведомого подлога — и общество, оскорбленное этим преступлением, поднялось на протесты против диктатуры.

Влиятельные иерархи католической церкви не позволили спустить на тормозах дело о смерти Эрзога и стали готовить непримиримых критиков военного режима¹². Вместо того чтобы поспособствовать эскалации внутренней войны в Бразилии, операция «Джакарта» обернулась против своих создателей и заставила военных пойти на попятный. Несмотря на желание некоторых сторонников жесткой линии, «абертура» Гайзела продолжилась.

Бразилия начала понемногу отдаляться от своих более упертых соседей-антикоммунистов. Тем временем в Чили продолжалась операция «Кондор», которая охватывала и другие страны Южной Америки, пока в антикоммунистической зоне поражения не оказался весь континент. С тех пор хоть сколько-нибудь реальная угроза авторитарному капиталистическому развитию по рецептам США существовала разве что в параноидальном сознании диктаторов, объединенных операцией «Кондор», и их друзей в США. Фанатичный антикоммунизм захватил континент.

В 1976 г. переворот в Аргентине привел к власти самый кровавый из этих режимов. При диктатуре генерала Хорхе Рафаэля Виделя были похищены, подвергнуты пыткам и исчезли десятки тысяч человек. Режим Виделя раскинул свою сеть убийств еще шире, чем пиночетовцы. Этот период часто называют «Грязной войной», что не вполне верно — не было никакой войны. Это была направленная сверху антикоммунистическая кампания уничтожения, уходившая идеологическими корнями в доморощенный аргентинский фашизм¹³. «Подрывные элементы» подвергались пыткам и уничтожались за реальную

или мнимую приверженность коммунизму, за реальный или мнимый атеизм, за реальное или мнимое еврейство или просто за участие в деятельности профсоюзов. Ford Motor Company и Citibank были пособниками исчезновений рабочих — членов профсоюзов¹⁴. Бороды и те вызывали подозрение — именно из-за бороды бразильского пианиста Теноринью схватили в Буэнос-Айресе, сначала пытали током, а затем утопили¹⁵.

Представители аргентинских военных присутствовали на встрече, положившей начало операции «Кондор» в 1975 г., и кровавый альянс «трех А» — Антикоммунистический альянс Аргентины (*Alianza Anticomunista Argentina*) — начал террор еще при Исабель Мартинес де Перон, которая находилась на президентском посту с 1974 по 1976 г. Однако теперь у власти оказались настоящие фанатики.

Адмирал Эмилио Массера заявил, что Аргентина ведет «Третью мировую войну» — между «диалектическим материализмом и идеалистическим гуманизмом». Это подразумевало необходимость устранить влияние Карла Маркса, а также Зигмунда Фрейда и Альберта Эйнштейна¹⁶. Генерал Иберико Сен-Жан объяснил, что это означает: «Сначала мы убьем все подрывные элементы, затем убьем всех коллаборантов, затем тех, что симпатизирует подрывным элементам, затем мы убьем тех, кто остается индифферентным, ну и наконец, мы убьем трусов»¹⁷.

Участники операции «Кондор» не ограничивали свою деятельность пределами собственных государств. Они взяли за образец «спящие» армии, которые Фрэнк Виснер помог создать в Европе, чтобы охотиться на врагов в Германии, Испании, Италии и Ирландии¹⁸. Люди, стоявшие за операцией «Кондор», часто считали зарубежные ненасильственные демократии и борьбу за гражданские права даже более опасными, чем настоящие партизанские войны на собственной территории¹⁹. Самым вопиющим стал эпизод, когда, именно в соответствии с этой логикой, гражданин США, известный агент ЦРУ и оперативник «Кондора» Майкл Таунли убил бывшего министра иностранных дел Чили Орландо Летельера в центре Вашингтона

(округ Колумбия). При взрыве бомбы, заложенной в автомобиль, припаркованный в «Посольском ряду», Летельеру оторвало ноги, и он скончался на месте, а его 25-летняя помощница американка Ронни Моффитт выползла из машины и медленно захлебнулась собственной кровью²⁰. А Таунли сейчас находится под защитой ФБР в рамках программы по защите свидетелей.

В 1978 г. Инь Джиок Тан зачислили в Университет Сан-Паулу. Это было огромное достижение для иммигрантки из бедной азиатской страны, ей предстояло бесплатно учиться в лучшем вузе Бразилии — всего через пятнадцать лет после того, как они с семьей отплыли из Джакарты на борту обшарпанного плавучего госпиталя. Ее упорно работавшим близким это казалось естественным. Инь Джиок трудилась в поте лица в своей прекрасной старшей школе, где учились почти исключительно белые, а ее родители тоже сидели тише воды, ниже травы, избегая участия в политических конфликтах словно чумы, которой они и были для них всю жизнь.

Не было ничего неестественного и в том, что Инь Джиок в университете стала притягивать левая контркультура. В то время бразильские университеты, особенно элитные учебные заведения, были очагами студенческого движения. То были не по-настоящему серьезные, сверхдисциплинированные коммунистические организации, как в 1950-х и 1960-х гг., а намного более эклектичные группы молодежи. Настала эра тропикализма (*Tropicália*): всемирный рок-н-ролл оказался поглощен и переосмыслен в рамках нового концепта бразильского высокого искусства, в котором ощущалась гордость индигенными, «дикарскими» корнями; на фоне общей либерализации культуры это воспринималось как сопротивление цензуре, которую навязывала диктатура. А еще Инь Джиок очень быстро поняла, что и в ее группе в университете нет ни единого темнокожего студента.

В этой среде Инь, как все ее теперь звали, обрела друга из Уругвая — Эрнана Пьетро Шмитта по прозвищу Тупа. Он всегда до ужаса боялся полиции, и она не понимала почему.

Не то чтобы Эрнан был активистом или особым леваком! Его поведение — и прозвище — объяснилось только после того, как он все ей рассказал. Отец Эрнана был членом уругвайской группы левых «Тупамаро», из-за которой Бразилия угрожала соседней стране вторжением в 1971 г. При диктатуре, установившейся в Уругвае с 1973 г., новый антикоммунистический режим прислал людей в дом Эрнана и забрал его отца.

Инь Джиок не знала, что тогда жестокая кампания Вашингтона по борьбе с коммунизмом уже в четвертый раз непосредственно затронула ее семью. Первый раз, когда военные, за которыми стояли США, — зарождающееся «государство в государстве» — инициировали погромы китайцев в той части Индонезии, где они жили, и в результате ее семья была вынуждена бежать из страны. Второй — когда ее семья пережила пользовавшийся поддержкой США военный переворот в Бразилии в 1964 г. Третий — когда массовые убийства в Индонезии разрушили жизнь их родственников, оставшихся на родине. И вот теперь один из ее друзей-студентов оказался жертвой кампании в рамках операции «Кондор».

В том же 1978 г. далеко на севере от Сан-Паулу стали раздаваться тревожные звонки. Возникли опасения, что новая волна партизанских движений представляет собой угрозу хрупким военным олигархиям, созданным Фрэнком Виснером и ЦРУ еще в 1950-х гг. Поэтому по указке из Вашингтона некоторые наиболее фанатичные борцы с коммунизмом в Южной Америке обратили свои взоры на север. Это означало, что операция «Кондор» теперь развернется и в Центральной Америке²¹.

Осушить море

Страны Центральной Америки спаяны между собой гораздо прочнее, чем южноамериканские. Их народы прекрасно знают друг друга и в общем одинаково переживают волны истории. Это особенно верно в отношении четырех самых густонаселен-

ных стран в средней части Центральной Америки: Гватемалы, Сальвадора, Никарагуа и Гондураса. (Белиз, самая верхняя точка на карте, был британской колонией; нижняя, Панама, встала на совершенно иной исторический путь после того, как США создали эту нацию ради постройки канала.) В последние столетия волны мировой истории били об их маленький субконтинент с таким неистовством, словно желали наказать его жителей. В конце 1970–1980-х гг. этот процесс вылился в ошеломляющую жестокость.

Еще до того как началась новая буря кровавого насилия, жестокое подавление несогласных стало нормой для огромного большинства населения Центральной Америки. Этим регионом правили диктаторы, почти не пытавшиеся скрывать свою жестокость. Практика «принудительного труда», а именно порабощения коренных народов, развернувшегося несколько столетий назад, по-прежнему оставалась широко распространенной²².

В Гватемале террор начался в 1954 г. и, усилившись в 1965 г., после приезда Джона Гордона Майна и Джона Логана, так и не прекращался. В год прибытия этих двоих представители Сальвадора, Коста-Рики, Гватемалы, Гондураса, Никарагуа и Панамы собрались, чтобы формализовать военные связи и совместную разведдеятельность в рамках Центральноамериканского совета обороны (*El Consejo de Defensa Centroamericana*, CONDECA) — своего рода протоальянса, созданного с целью предотвращения угрозы партизанской войны²³. Эта угроза была реальна. Сам Майн был убит в 1968 г. повстанческой вооруженной группой, сформированной в Гватемале по окончании столкновения 1960 г. (*Fuerzas Armadas Rebeldes*, FAR), — база в Гватемале использовалась для подготовки кубинских беженцев к вторжению в заливе Свиней²⁴.

Насилие, развязанное гватемальской диктатурой во время гражданской войны, было неизбирательным. Правые террористические группы — «Белая рука» (*La Mano Blanca*), Новая организация антикоммунистов и Антикоммунистический совет

Гватемалы — устраивали каждая свою резню при поддержке американских «зеленых беретов». Впоследствии их эскадроны смерти были включены в структуру государства²⁵.

Исчезновения людей, начавшиеся в 1966 г., к 1970-м стали настолько массовыми, что превратили города Гватемалы в заказники для охоты на любых подозреваемых в левых взглядах или потенциальных подрывных элементов. Количество людей, которые стараниями государства превратились в *desaparecidos* — исчезнувших, достигло десятков тысяч. Неважно, были ли вы членом профсоюза, студентом-активистом, политиком левого толка, критически настроенным журналистом или даже бездомным ребенком, режим мог явиться за вами. Каждый раз, когда усиливалась напряженность, ваши друзья исчезали навсегда, вы активнее применяли тактику уклонения, затем возвращались к «нормальной» жизни в условиях неинтенсивного террора — если сумели выжить в этот раз. Жизнь представляла собой постоянную игру в кошки-мышки, и город Гватемала превратился в постоянно расширявшуюся смертельно опасную полосу препятствий, на которой подчас проходила вся жизнь его жертв.

Мигель Анхель Альбизурес, в душе так и оставшийся младшеклассником, не забывшим психологический шок от бомб *sulfatos*, сброшенных возле его школы во время переворота 1954 г., который поддерживали США, вырос и стал профсоюзным организатором. Не все профсоюзы имели левый уклон. Подростком, незадолго до свержения Арбенса, он влился в Движение католических рабочих и к 1970-м гг. стал не ахти какого масштаба, но лидером. В профсоюзном движении участвовали умеренные коммунисты, христианские демократы, а также некоторые сторонники более радикальных партизанских действий. Власти не обращали особого внимания на подобные различия. В 1977 г. они вышибли дверь в помещение, где проходило собрание профсоюза с участием Мигеля, и устроили стрельбу. Мигелю удалось убежать по крышам: чтобы спастись, он перепрыгивал с крыши одного дома

на крышу другого. Спустя время нескольких его коллег застрелили прямо перед фабрикой Coca-Cola. Мигель знал, что ему в каком-то смысле повезло, потому что его, похоже, хотели не просто убить. Убить ничего не стоило прямо на улице — всего-то и нужно несколько человек с автоматами в машине. Власти хотели схватить его, подвергнуть пыткам и *заставить исчезнуть* плюс попутно получить какую-то информацию и сделать его смерть загадочной. Поскольку все это требовало немного бóльших усилий, Мигель продолжал убегать и прятаться, пока не нашел способ выбраться из страны²⁶.

«Нельзя было долго ночевать в одном и том же месте. Мы не видели своих родных. Все подозревали друг друга, это была атмосфера чудовищного страха... мы не знали, что происходит. Однако мы знали, что повсюду то и дело появлялись трупы, так что знали мы достаточно».

К 1978 г. ситуация в Центральной Америке стала меняться. В Никарагуа группа левых повстанцев, вдохновленных кубинской революцией, сандинисты, была готова взять власть силой. В Сальвадоре власти ответили бойней на протесты из-за откровенно сфальсифицированных выборов, и сотни людей были убиты. Затем переворот в этой стране привел к созданию полувоенного полутражданского режима правления, также погрязшего в убийственных репрессиях. В результате мирные жители взбунтовались, и поддержка левых партизанских движений усилилась²⁷.

Все это вызвало у властей Гватемалы страх: смогут ли они удержаться. В стране новые партизанские группы приходили на смену прежним MR-13 и FAR, разгромленным в ходе кампании борьбы против подрывной деятельности, осуществлявшейся при поддержке США. Самой заметной новой группой была Партизанская армия бедняков (*Ejército Guerrillero de los Pobres*). В отличие от FAR, следовавшей предложенной Че Геварой стратегии фокизма (создавать мелкие партизанские подразделения), Партизанская армия бедняков решила вовлечь в партизанскую борьбу более широкие слои крестьянского населения, воспроизводя опыт победоносного Вьетконга²⁸.

Гватемальские власти принялись в массовом порядке убивать представителей коренного населения просто из-за их этнической принадлежности. Целые этносы, племена, деревни объявлялись коммунистическими или потенциально коммунистическими. Часто эти люди имели самое туманное представление о марксизме или партизанских отрядах. Это были новые методы террора, отличавшиеся от городских — там правительственные силы похищали отдельных людей. В случае майя и других народностей армия просто приходила и убивала всех до одного.

Тесное сотрудничество функционеров США с диктатурами Центральной Америки, занимавшихся истреблением собственного населения, хорошо документировано — намного лучше, чем деятельность США в Индонезии, приведшая к событиям октября 1965 г.²⁹ Масштабы насилия, однако, и последствия этих действий часто недооцениваются.

Мигель Анхель Альбизурес и другие, кто жил в Центральной Америке в период конца 1970-х и 1980-х гг., всегда подчеркивают, что новые центральноамериканские партизанские движения возникли после жестокого подавления или самого настоящего уничтожения любых попыток мирного перехода к демократии. Они говорят, что почти любая политическая идеология в мире — не только социализм и марксизм, преобладавшие среди этих партизанских групп, — позволяет вооруженное сопротивление тирании, и в этом смысле революционная традиция США не исключение. Неудивительно, что уцелевшие движения представляли собой левые ополчения: к концу 1970-х гг. большинство умеренных диссидентов были мертвы.

В январе 1979 г. диктатура красных кхмеров рухнула, и мир узнал о том, что творилось в Камбодже. Правительство, если его можно было так назвать, пало потому, что вьетнамские коммунисты поняли, чем занимается Пол Пот, который, кроме того, зачем-то еще и несколько раз пытался атаковать более сильных бывших союзников. Вьетнам вторгся в Камбо-

джу и легко сверг клику помешанных на секретности психопатов, которая терроризировала страну с 1975 г. Красные кхмеры были вытеснены в леса и горы вдоль границы Таиланда. Вьетнам захватил большую часть страны, прекратил функционирование полей смерти и позволил камбоджийцам возможность вернуться в города — под власть правительства, которое они сами создали. Около четверти жителей страны к тому времени были убиты³⁰.

Соединенные Штаты не слишком радовались падению кровавых красных кхмеров. Китай, сблизившийся с Вашингтоном с момента визита Никсона 1973 г., был союзником Пол Пота. Дэн Сяопин пришел в ярость, не желая терпеть то, что сам квалифицировал как агрессию Вьетнама против китайского союзника. Приняв решение о вторжении во Вьетнам, он поделился своими планами с США.

Президент Картер сказал, что не может открыто одобрить нападение, но заверил Дэна, что понимает: «Китай не может позволить Вьетнаму безнаказанно проявлять агрессию», и в частном порядке обещал поддержать Пекин в случае угрозы Советов оказать помощь вьетнамцам³¹.

О китайском вторжении во Вьетнам в 1979 г. часто забывают, и на то есть две причины. Во-первых, этот сюжет осложняет сложившиеся нарративы о якобы существующем мировом коммунистическом заговоре или по меньшей мере о якобы монолитном азиатском коммунистическом движении. Согласно единой точке зрения Запада, Китай и Вьетнам должны быть на одной стороне. Важнее, однако, то, что вьетнамцы немедленно дали отпор и унизили Народно-освободительную армию Китая, — и прежде всего поэтому этот эпизод был забыт. После десятилетий борьбы с Францией и США вьетнамцы стали не по зубам нации, которая когда-то правила ими больше тысячи лет³².

Столкновения с Китаем во второй половине 1970-х гг. вылились и в серьезнейшее нарушение прав человека при новом коммунистическом правлении в объединенном Вьетнаме.

Отчасти чтобы подорвать возможности этнических китайцев во Вьетнаме, считавшихся потенциально нелояльными, Ханой объявил национализацию всех частных предприятий. Сотни тысяч беженцев, включая так называемых людей в лодках (boat people)*, без гроша за душой устремились за границу в поисках лучшей доли, десятки тысяч человек погибли.

В то время Бенни находился в Таиланде. Он отработал свое в Чили и вернулся в Бангкок работать в ООН. Вскоре после приезда его коллега, молодой австралиец, принес с камбоджийско-тайской границы ужасные вести. Он рассказывал, что из джунглей выходят голодающие камбоджийцы и падают без сил на тайской стороне границы. После краха режима красных кхмеров они готовы были просить убежища везде, где кто-то мог помочь им.

Бенни поехал взглянуть на происходящее сам. На границе он разрыдался. Он увидел «беженцев в лохмотьях, спасавшихся из страны десятками тысяч, многие истощены и едва бредут, очевидно, у них уже нет сил ни говорить, ни улыбаться» и немедленно отправил телеграмму в Нью-Йорк: «Пожалуйста, направьте меня в Камбоджу»³¹. Вместо этого Бенни послали в Нью-Йорк, где он стал свидетелем почти столь же шокировавшего его события. Соединенные Штаты решили признать осколок государства красных кхмеров в качестве законного члена Организации Объединенных Наций и, поддерживая жизнь в этом крохотном образовании, отказали в легитимности правительству, союзничавшему с вьетнамцами. Эта ситуация сохранялась долгие годы — отчасти чтобы ублажить нового союзника Картера в Пекине, но не только: Бенни знал, что за этим стоит что-то еще.

«Они слишком сильно ненавидели Вьетнам, — сказал Бенни. — Не могли простить, что тот выиграл войну».

* Беженцы из Вьетнама китайского происхождения, чей массовый исход начался после 1975 г., в основном переправлялись на лодках и небольших судах по морю в близлежащие страны Юго-Восточной Азии.

К его большому огорчению, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которую Индонезия помогла создать в 1967 г., тоже поддержала красных кхмеров³⁴.

Однако в Центральной Америке правительство Джимми Картера слегка обуздало тамошнюю brutальную «реалполитик» с позиции силы. В эту эпоху, после Уотергейта и расследования деятельности ЦРУ и ФБР, предпринятого Комиссией Чёрча в 1975 г., американские СМИ уже не демонстрировали, как прежде, слепоту и полное отсутствие критических способностей в отношении тайных и явных схем, которые Вашингтон проворачивал за рубежом в рамках холодной войны. Такие издания, как *The New York Times* и *The Washington Post*, сыграли решающую роль в обнародовании информации о резне в Пансо-се, гватемальской деревне, где военных поймали с поличным на расстреле из автоматов мужчин, женщин и детей в 1978 г.³⁵ Вашингтон наложил запрет на продажу оружия правящим режимам, не соответствующим основополагающим критериям с точки зрения прав человека. Вместо того чтобы хотя бы попытаться соблюсти эти требования, гватемальская диктатура, которую теперь возглавлял некто Фернандо Ромео Лукас Гарсия, обратилась к Израилю и Тайваню, которые и согласились предоставлять оружие и помощь вместо США. Сотрудничество США и Гватемалы продолжалось на нескольких уровнях, но позиции Картера оказалось достаточно, чтобы вызвать ярость некоторых самых убежденных антикоммунистов в этом полушарии³⁶. Марио Сандоваль Аларкон, один из основателей организации «Белая рука», *La Mano Blanca*, теперь вице-президент, обвинил Межамериканскую комиссию по правам человека при администрации Картера в том, что она превратилась в «марксистский инструмент, использующий права человека как орудие клеветы»³⁷.

В июле 1979 г. сандинисты взяли Манагуа и создали правительство в Никарагуа. Для левых всей Центральной Америки это был момент всеобщего подъема, подобный тому, что пережили чилийские социалисты в 1970 г. Сандинисты не только победи-

ли — им еще и ничего за это не было! Даже английская панк-группа Clash в экстазе распевала об этой потрясающей новости:

В самый первый раз с тех самых пор,
Как в Никарагуа случилась революция,
В это дело не вмешалась Америка,
Права человека — в Америке.
Народ победил вождя — и тот сбежал.
А куда ему было деваться без вашингтонских пуль?³⁸

На первом этапе своего существования Коммунистическая партия Никарагуа выступала против ориентации сандинистов на вооруженную борьбу. С годами Сандинистский фронт национального освобождения (*Frente Sandinista de Liberación Nacional*, FSLN) разделился на три фракции. Победившая группа, относительно умеренная третья фракция (ее называли терсериста), предпочла широкий тактический альянс с «буржуазией»³⁹. Именно эта группа, которую возглавляли Даниэли и Умберто Ортега, взяла власть, получив большинство в коалиционном правительстве⁴⁰. Терсериста будут участвовать в демократических выборах.

Так же как их предшественники — Хо Ши Мин, Мао, Арбенс, Фидель, Сукарно и Альянде, терсериста сначала надеялись создать правительство, к которому Вашингтон сможет отнестись терпимо. Этим надеждам не суждено будет сбыться: получив власть, Рейган начнет бесславную кампанию финансирования мятежников «контрас». Однако лидеры операции «Кондор» не ждали отмашки от Рейгана и сами попытались справиться с новым левым правительством, формирующимся в Центральной Америке.

В 1977 г. аргентинская верхушка, убежденная, что Картер бросил их в разгар «священной войны» с коммунизмом, начала предоставлять услуги военной подготовки режиму Сомосы в Никарагуа. После победы сандинистов в 1979 г. аргентинцы создали базу в Гондурасе, чтобы учить гватемальцев и ника-

рагуанцев искусству контрреволюции и репрессий⁴¹. Солдаты из Центральной Америки ездили в Чили осваивать тактики борьбы с коммунистической подрывной деятельностью⁴². Собрание латиноамериканского отделения Всемирной антикоммунистической лиги в 1980 г., которое состоялось в Буэнос-Айресе, позволило командирам эскадронов смерти наладить еще более прочные связи с властями стран Южной Америки, а также с конгрессменами-республиканцами из США⁴³. Методы, обкатывавшиеся в Центральной Америке в последующие годы, соответствовали отличительным характеристикам операции «Кондор»: похищения и убийства людей по заранее составленным спискам многонациональными эскадронами «охотников-убийц», часто состоящими из «контрас» и гондурасских командос в штатском; тайная перевозка заключенных через государственные границы; такие методы, как исчезновения, пытки и устранение жертв руками наемных убийц, в том числе применение электрошока, «капуча» (*sapucha*, воздухонепроницаемый мешок на голове жертвы, приводящий к удушью) и сбрасывание людей живыми с вертолета; допросы пленников офицерами из нескольких стран, а также организация тюрем для иностранцев, похищенных где-то еще⁴⁴.

С приходом к власти Рейгана Вашингтон вернулся к более открытым и агрессивным тактикам борьбы с коммунизмом, чем в предшествовавшие два десятилетия. ЦРУ с готовностью присоединилось к аргентинцам в Гондурасе и в рамках крупнейшей операции агентства со времен залива Свиней начало тренировать и финансировать мятежников «контрас». «Контрас» не были регулярной армией и никогда всерьез не пытались превзойти сандистов в прямой конфронтации⁴⁵. Это была хорошо финансируемая террористическая группа, стремившаяся дестабилизировать власть — насколько возможно⁴⁶. Ее мировоззрение и тактика радикально трансформировались под влиянием фанатичного антикоммунизма спонсоров.

Бывший глава «контрас» по «связям с общественностью» Эдгар Каморро дал понять, что под мощным идеологическим

влиянием аргентинских офицеров и операций ЦРУ их движение обрело новую форму. Историк Пэтрис Макшерри пишет, что «главным стимулом антисандинистов с самого начала было возвращение их частной собственности и олигархической власти и привилегий, а также месть... но мессианская антикоммунистическая идеология аргентинцев и американцев скорректировала их мотивы участия в этой войне».

Антисандинисты также усвоили заграничные уроки. Офицер ЦРУ, известный под именем Джон Киркпатрик и имевший опыт противодействия подрывной деятельности в рамках программы «Феникс» во Вьетнаме, составил учебный курс, который включал в себя руководство по совершению убийств для «контрас». Один из разделов назывался «Тайный и явный террор»⁴⁷.

По словам аргентинских журналистов Хуана Пабло Ципки и Игнасио Гонзалеса Хансена, аргентинцы и жители Центральной Америки также обсуждали применение метода Джакарты. Они сообщают, что в начале 1970-х гг., перед тем как страна свалилась в жестокую диктатуру Виделы, руководитель аргентинского крайне правого эскадрона смерти Антисантимунистического альянса Аргентины (*Triple A*), политик Хосе Лопес Рега, побывал во франкистской Испании. Там он встретился с Максимо Сепедой, лидером гватемальского эскадрона смерти — Новой организации антикоммунистов. Они обсудили план «Джакарта» — «профилактический переворот», который позволил бы им разгромить марксистов, «практически истребив» их, когда консерваторы придут к власти. Эти аргентинские журналисты утверждают, что встречу организовал посол США в Испании Роберт Хилл и что Сепеда, часто сотрудничавший с ЦРУ, не только передал кое-какие свои отчеты по плану «Джакарта», но и сказал своему соратнику по борьбе с коммунистами, что Вашингтон может помочь ему в формировании «штурмовых отрядов», чтобы реализовать этот план в Аргентине⁴⁸.

«Нам не понадобится убивать миллион, как в Индонезии, — якобы заявил Лопес Рега, — потому что можно будет обойтись десятью тысячами». Он сильно просчитался — в меньшую

сторону. Антикоммунисты убили в Аргентине намного больше людей. 24 марта 1980 г. архиепископ католической церкви Оскар Ромеро начал служить мессу в Сан-Сальвадоре, столице Сальвадора. Недавно Ромеро высказался против неоправданного нарушения властями прав человека. Тем вечером по окончании службы в церковь ворвался человек и убил его.

Убийцами стали члены эскадрона смерти во главе с майором Роберто д'Обюссоном, фанатичным антикоммунистом, обучавшимся в 1972 г. в Школе Америк (School of the Americas)⁴⁹. Если Форт-Ливенворт — это универсальная военная академия для курсантов со всего мира, то Школа Америк, находившаяся в контролируемой США «зоне Панамского канала», представляла собой тренировочный лагерь для латиноамериканских «борцов с повстанцами». Школа приобрела настолько дурную славу, что Панама изгнала ее со своей территории, а ее название в 2000 г. поменяли на «Институт сотрудничества в области безопасности в Западном полушарии» (Western Hemisphere Institute for Security Cooperation). Д'Обюссон также посещал Академию кадрового обеспечения политической войны на Тайване, к тому времени занимавшуюся инструктажем должностных лиц практически всех стран Латинской Америки⁵⁰.

В 1983 г. д'Обюссон очень точно передал суть подлинной идеологии антикоммунизма. «Вы можете быть коммунистом, — сказал он репортеру Лори Беклунд, — даже если сами не считаете, что вы коммунист»⁵¹.

Когда в Сальвадоре началась гражданская война, военные при поддержке Рональда Рейгана сделали тактику выжженной земли стандартным элементом своего *modus operandi*. 11 декабря 1981 г. появились сообщения о бойне в деревне Мосоте. Сальвадорские войска казнили более 900 мужчин, женщин и детей, расстреляв их из штурмовых винтовок, произведенных в США. На следующий день Рейган назначил Эллиота Абрамса, в прошлом либерала гарвардской выучки, помощником госсекретаря по правам человека и гуманитарным вопросам. Выражаясь без обиняков, его работа состояла в том, чтобы окорачивать

прессу, пытающуюся расследовать деятельность союзничавших с США правых режимов, и прикрывать их от критики возмущенных правозащитников.

Абрамс назвал сообщения о бойне в Мосоте, включая опубликованные в *The New York Times*, коммунистической пропагандой⁵². Это самый известный на сегодня пример зверства, совершенного в ходе гражданской войны в Сальвадоре, но этот эпизод составлял лишь ничтожную долю насилия, обрушившегося на гражданское население этой страны. Варварство продолжалось долгие годы, лишь усугубляясь со временем, потому что Вашингтон так и не позволил правому правительству выработать политическое решение проблемы повстанцев. Поскольку у повстанцев были связи с «коммунистами» в Никарагуа, любые переговоры, согласно логике Рейгана⁵³, были невозможны.

Самая страшная кровавая бойня в Западном полушарии в ходе развязанной США холодной войны произошла в Гватемале — самой большой стране Центральной Америки, где в далеком 1954 г. ЦРУ одержало свою первую крупную «победу».

Маленькая община Илом приютилась между мглистыми горами на северо-западе Гватемалы — ближе к мексиканской границе, чем к столице страны. Здесь обитатели, майя, говорящие на языке ишиль, а не на испанском, десятилетиями вели натуральное хозяйство или работали за гроши на ближайшем ранчо. Это ранчо принадлежало богатым белым людям, было расположено на земле, отнятой у майя несколько столетий назад, и с годами становилось все больше.

Илом находится слишком далеко от города Гватемала, чтобы на нем как-то сказались едва начавшаяся земельная реформа, которую пытался провести Хакобо Арбенсо в 1954 г. Жители почти и не слышали о реформах, задуманных ЦРУ.

Однако в 1981 г. в деревню пришла мировая политика. Сначала туда зашла Партизанская армия бедняков. На испанском языке партизаны объяснили, что они на стороне майя, что устраивают революцию, которая поможет им вернуть свою землю, и будут сражаться за них.

Хосефа Санчес Дель Баррио, которой тогда было 16 лет, вспоминает, что большинство жителей вежливо выслушали это сообщение, хотя его содержание озадачило их. Лишь немногие из них знали испанский. Было не вполне ясно, что конкретно собираются делать эти 30–40 революционеров в зеленой униформе и какой помощи они ожидают от жителей деревни. Однако люди поблагодарили гостей, проявили традиционное гостеприимство, предложили пышные кукурузные *тортильи* и, сказав нескольких добрых слов на прощание, выпроводили их восвояси⁴⁴.

Вскоре армия прислала мужчин, притворившихся партизанами. Жители деревни почти сразу догадались, что происходит. Пришельцы выглядели не слишком достоверно — у одного даже была дешевая фальшивая борода. Да и вели они себя совершенно неправильно: задавали слишком много вопросов и обращались с жителями агрессивно. Когда приходили партизаны, ничего подобного не было. На хитроумную тайную операцию все это никак не тянуло. Очевидно было, что это просто молодые солдаты, пытавшиеся вызнать, кто больше всех симпатизирует мятежникам.

В январе 1982 г. военные явились снова. На сей раз они были в армейской форме, но с черной краской на лицах. Они ворвались в дом Хосефы. Ее не удивило, что их семья находится в списке военных. Отец Хосефы был участником маленькой группы, пытавшейся еще в 1970-х гг. просить местные власти в ближайшем городе внизу, под горой, спасти их землю. Они выволокли из дома отца ее мужа. Хосефу ударили камнем по голове. Затем заткнули ей рот платком и несколько человек изнасиловали ее.

В общей сложности 30 человек забрали в тот день, и никто из них не вернулся. Несколько дней спустя солдаты пришли опять и увели отца и брата Хосефы.

В феврале солдаты явились снова. Другой брат Хосефы работал в поле — они швырнули в него гранату и убили. В этот раз они забрали больше людей, а уходя, сожгли пустые дома.

Антонио Каба Каба, маленький мальчик, вернувшись в тот день с полевых работ, понял: что-то стряслось. На подходе к дому он увидел мать: в длинной красной юбке, какие носят женщины-мая в этом регионе, она стояла в дверях, устремив невидящий взгляд вдаль. Он спросил у нее, что случилось. Она рассказала о поджогах. Солдаты сожгли старую женщину заживо в собственном доме, когда уходили⁵⁵.

Пошли разговоры о том, чтобы бежать, но бежать было некуда, разве что в горы, где невозможно прокормиться. Их община никогда не переживала такого чудовищного насилия, они пришли к выводу, что это уж точно был последний раз, хуже уже быть не может.

Они ошиблись. 23 марта 1982 г. солдаты пришли в пять утра и разбудили всех жителей Илома до единого. На их лицах снова была черная краска.

«Давай-ка, будет сельский сход, тебе нужно идти», — сказали они Антонию, Хосефе и всем остальным. Солдаты согнали жителей на маленькую центральную площадь. Мужчин отправили в церквушку за площадью, а женщин в соседнее крохотное здание суда.

Антонио услышал, как один из них возился с радио, разговаривая с командиром.

«Мы убьем партизан», — сказал он.

Сначала по одному, затем по двое солдаты выводили мужчин из церкви, ставили перед школой и расстреливали. Каждый мог видеть каждое убийство. В этом, очевидно, и состояла их цель. Когда около ста человек были мертвы, они остановились.

«Мы убиваем только тех, кто выглядит виновным. Тех, кто выглядит испуганным», — сказал один из солдат.

Другим деревням повезло меньше⁵⁶. Во многих частях региона военные просто убивали каждого мужчину, каждую женщину и каждого ребенка. Власти решили, что люди народ ишиль по своей сути являются коммунистами или, по крайней мере, с очень большой вероятностью могут ими стать. В Индонезии массовые убийства, возможно, и не были гено-

цидом. Это были массовые убийства коммунистов. В Гватемале же произошел антикоммунистический геноцид. 23 марта 1982 г. генерал Эфраин Риос Монтт захватил власть в Гватемале в результате военного переворота. Он был христианином-евангелистом (это обеспечило ему особое расположение Рональда Рейгана) и продолжил геноцид в несколько иной манере. Некоторых представителей коренных народов из подозрительных в этническом отношении общин согнали в «образцовые деревни» (*aldeas modeloss*), построенные государством, чтобы помочь им начать новую жизнь — должным образом некоммунистическую, причем настолько, что во многих случаях это вплотную приближалось к концентрационным лагерям смерти. Для многих других людей бойня просто продолжилась — в уже привычном темпе. «Они коммунисты, следовательно — атеисты, следовательно — демоны, и, следовательно, вы можете их убивать» — так выразила эту логику одна из жертв гражданской войны, теперь глава одной из самых значительных исследовательских организаций Гватемалы⁵⁷. Огромное большинство убитых исповедовали традиционные религии майя.

Уцелевших жителей Илома загнали в рабство, только теперь они должны были работать на военных. Антонио заставили вступить в ополчение, и он рос, «сражаясь» с повстанцами до конца 1980-х гг. Они втихую бунтовали, нарочно промахиваясь, когда стреляли во «врага». Хосефа быстро вышла замуж, иначе ее силой сделали бы «женой» одного из солдат, надзиравших за «образцовой деревней», и принудили к сексуальному рабству, как многих ее подруг. Их деревню ликвидировали — сожгли дотла.

Все это были элементы новой стратегии Риоса Монтта по борьбе с коммунизмом. «Партизанская война — это рыба. Народ — море, — сказал он. — Если не можешь поймать рыбу, придется осушить море»⁵⁸.

С 1978 по 1983 г. гватемальские военные убили больше 200 000 человек⁵⁹. Около трети из них были насильственным образом угнаны и затем «исчезли» — это главным образом происходило в городах. Большинство остальных составляли корен-

ные народы майя, которых истребляли в полях и горах, где поколениями жили их семьи. Гражданская война в Сальвадоре унесла 75 000 жизней; опять-таки большинство были невинные люди, убитые властями. Аргентина уничтожила где-то 20 000 30 000 гражданских лиц, остальные страны — участницы операции «Кондор» погубили еще десятки тысяч. Антикоммунистическая бойня шла по всей Латинской Америке и всегда осуществлялась при поддержке Соединенных Штатов. В общей сложности количество погибших приближается к предполагаемому числу жертв индонезийской бойни 1965–1966 гг.

Даже злейший враг антикоммунистов, теоретически являвшийся причиной этого террора, не прибегал к подобному насилию. На основании данных, составленных финансируемой США организацией Freedom House, историк Джон Котсуорт сделал вывод, что с 1960 по 1990 г. число жертв насилия в Латинской Америке, за которым стояли США, «в огромной мере превосходит» количество людей, убитых в Советском Союзе и странах Восточного блока за тот же период времени⁶⁰.

Падение

Насилие в Латинской Америке бушевало до самого падения Берлинской стены, да и после этого события далеко не закончилось. С 1989 по 1991 г. произошли впечатляющие события: распад Советского Союза и всех государств, созданных непосредственно Москвой по окончании Второй мировой войны. Второй мир прекратил существование, и для его граждан это исчезновение вылилось буквально в коллапс власти в их родных странах. Для остальной планеты, большая часть которой была так или иначе затронута холодной войной, ситуация в чем-то изменилась, а в чем-то осталась прежней.

В первом мире за происходящим с чувством триумфа наблюдали Северная Америка и Западная Европа. Лидеры стран Запада получили убедительное подтверждение правиль-

ности своих идей и поступков: советский коммунизм явным образом так и не стал устойчивой системой.

В некоторых частях третьего мира, а именно там, где холодная война продолжалась, стало немного полегче.

Бенни наконец удалось добиться триумфа в ООН. Годами он лоббировал требование в адрес США перестать признавать красных кхмеров официальным правительством Камбоджи и пытался поведать миру об ужасах, совершенных Пол Потом. Благодаря усилиям Бенни удалось убедить достаточное количество стран покончить с дипломатическим тупиком, возникшим из-за упрямого нежелания Вашингтона хоть в чем-то потакать Ханую. В 1992 г. он переехал в Сиамреап, самую беспокойную часть страны, чтобы участвовать в создании нового коалиционного правительства, деятельность которого координировала бы ООН⁶¹.

Сальвадору, наконец, позволили заключить перемирие в гражданской войне. В 1992 г. повстанческая группировка «Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти» (*Frente Farabundo Martí para la Liberación Nacional*) стала легальной партией. Историки подозревают, что это могло случиться намного раньше, если бы не приверженность фанатичному антикоммунизму, заставлявшая Вашингтон блокировать любую возможность переговоров.

В Никарагуа сандинисты легко выиграли выборы 1984 г. Вашингтон велел правой оппозиции не участвовать в них, поскольку администрация Рейгана не хотела, чтобы голосование выглядело легитимным⁶². «Контрас» так и не прекратили террористическую деятельность. Когда страна снова пришла на избирательные участки в 1990 г., всем было ясно, что насилие не прекратится, пока левые не лишатся власти. Никарагуанский народ проголосовал против них, и они мирно отдали власть.

В Афганистане, где советские войска девять лет пытались поддерживать союзника-коммуниста, силы Москвы отступили, исламские фундаменталисты, за которыми стояло ЦРУ, установили теократию фанатиков, и Запад потерял интерес к этой территории.

В Чили Пиночет был лишен власти в ходе национального плебисцита в 1988 г., но оставался главнокомандующим армии до 1998 г., после чего стал пожизненным сенатором.

На двух крупнейших антикоммунистических державах в истории бывшего третьего мира окончание холодной войны сказалось опосредованно. И Индонезия, и Бразилия перешли от авторитарного правления к многопартийной демократии. Это случилось в разное время: Бразилия запустила этот процесс задолго до падения Берлинской стены, а Сухарто потерял власть почти через десятилетие после этого события. Принципиально однако то, что в обеих странах это произошло одинаково. В Бразилии и Индонезии переход от военной диктатуры осуществлялся контролируемым образом. Процесс передачи власти заранее согласовывался, и была сохранена базовая социальная структура, которую диктатура призвана была защищать, а также обеспечена безнаказанность правителей: они сохранили богатство и влияние. Элиты, видевшие угрозу в общественных движениях 1950–1960-х гг., остались у власти, и обе страны были интегрированы в мировую капиталистическую систему. Теперь это относится практически ко всем странам Латинской Америки и к огромному большинству государств Юго-Восточной Азии. Разными способами и в разной степени, но фанатичный антикоммунизм остался мощной силой в обеих странах и в соседствующих с ними регионах. Он принял иные формы, как явные, так и скрытые, но сохранился и грозит возродиться в любой момент. Он, безусловно, не исчез с лица земли с исчезновением мнимой советской угрозы.

Не изменил Вашингтон и своего отношения к Кубе после падения Советского Союза. Вместо того чтобы ослабить давление на Гавану или испробовать другую тактику, Вашингтон закрутил гайки, приняв в 1992 г. закон Хелмса — Бёртона и штрафуя все компании, ведущие дела с Кубой. Однако Куба осталась жизнеспособной. Кастро одумался, и остров, пройдя через так называемый особый период, отмеченный самы-

ми тяжелыми лишениями, пережитыми с 1950-х гг., вновь внедрил капитализм и смог опереться на туризм.

Трудно объяснить поведение США в отношении Кубы реакцией на угрозу советского коммунизма или защитой свободы. С 1960 г. по настоящее время Куба была далеко не самой репрессивной политической системой и не худшим нарушителем прав человека в Западном полушарии.

По-видимому, непростительным грехом Кастро было то, что он — на глазах всего мира — пережил многократные попытки переворотов и покушений на свою жизнь, чем унизил Вашингтон. А возможно, реальной угрозой, как ее понимал Вашингтон, стало само существование конкурирующей модели за пределами американоцентричной глобальной системы — то, что, как нам теперь известно, беспокоило верхушку США в Гватемале в 1954 г., Бандунге в 1955 г. и Чили в 1973 г.

Еще в одном вопросе Соединенные Штаты, очевидно, не изменили прежним привычкам. Сразу же после окончания холодной войны американские лидеры, особенно президент Джордж Буш — старший, рассуждали о «мирном дивиденде». Идея состояла в том, что с исчезновением советского коммунизма Вашингтон урежет военные расходы и перестанет насильственным образом вмешиваться в дела других стран. Произошло противоположное. В 1990-х гг. наблюдалось незначительное сокращение военных ассигнований, но с началом нового столетия бюджет Пентагона снова раздулся. Барак Обама боролся за президентское кресло как противник войн, но к тому моменту, когда в 2016 г. закончились его президентские полномочия, Соединенные Штаты активно бомбили по меньшей мере семь стран⁶³.

Последние два десятилетия заставили ведущих историков шире взглянуть на поведение США. До и после холодной войны Соединенные Штаты всегда являлись экспансионистской и агрессивной державой.

«В историческом смысле — особенно насколько это видится с Юга — холодная война была продолжением колониализ-

ма, осуществляемого несколько иными средствами, — пишет Одд Арне Вестаг. — Новая безудержная интервенционистская политика, которую мы наблюдали после атак исламистов на Америку в сентябре 2001 г., является не отклонением, а продолжением — в чуть менее крайней форме — политики США времен холодной войны»⁶⁴.

В Африке гражданские войны были закончены иными средствами, но почти повсеместно нормой жизни стали клановый капитализм и продажа полезных ископаемых⁶⁵. В Восточной Европе процесс обрушения коммунизма был не таким «чистым», как принято считать на Западе.

Нури, дочь посла Сукарно на Кубе, переехала в Болгарию со своим мужем-болгарином, когда вышла из-под опеки Фиделя в Гаване. В 1990 г. в Болгарии прошли выборы. Несмотря на щедрое финансирование оппозиции Вашингтоном, Социалистическая партия Болгарии — новое название коммунистической — победила. Однако верхушка США и европейских стран ясно дала понять, что не желает иметь дела с социалистами, и после периода раздоров и протестов социалисты передали власть коалиционному правительству. В следующие несколько лет уровень жизни резко снизился. Нури и ее муж, привыкший если не к демократическим свободам, то хотя бы к высокой занятости и достойному уровню общественных благ, с ужасом наблюдали, как экономика сдувается девять лет подряд, а инфляция выходит из-под контроля⁶⁶.

«Когда мне наконец удалось вернуться в Индонезию, я была потрясена, услышав, чем люди считают коммунизм, — сказала Нури. — Я знаю это на собственном опыте и понимаю, что они попросту заблуждаются. Жить в Болгарии при коммунизме было несравненно лучше, чем в Индонезии при Сухарто».

В Гватемале гражданская война закончилась в 1996 г. Выжившие жители Илома смогли наконец вернуться в родные места и заново отстроить свою крохотную деревню. Единственная возможность попасть туда сегодня не на своей машине — это приехать по извилистым опасным дорогам в переполненном

автобусе, когда-то возившем в США школьников. Путешествие займет два или три дня, притом что от города Гватемала до деревни чуть меньше 130 км.

Женщины-маия по-прежнему носят красные юбки вроде той, в которой мать Антонио была в тот день, когда поняла, что ее соседку сожгли заживо. Жители деревни по-прежнему выращивают кукурузу, встают рано утром и ведут лошадей через чащи, чтобы обрабатывать поля, а на закате возвращаются домой, сидят, рассказывая истории на ишиле, и смеются.

Однако, чтобы участвовать в современной экономике, возникшей вокруг них, нужны еще и деньги. Поэтому они отправляют своих юных сыновей и дочерей в Соединенные Штаты. Сын Хосефы уехал в 2016 г., когда ему было 17 лет. Каждый знает: если поехать, когда тебе еще нет восемнадцати, легче попасть в страну и остаться там. Он работает на стройках во Флориде, где очень неплохо выучил испанский. Он расплатился со своим «койотом» — человеком, переправившим его контрабандой через границу, и теперь может присылать деньги домой.

Илом продолжает посылать свою молодежь на север. Дело не в любви к Соединенным Штатам или американской мечте. Они не хотят ехать. Они знают, кто виновен в насилии, которое они пережили.

«Многие из нас, прямо-таки очень многие, уехали в Соединенные Штаты», — сказал Антонио Каба Каба, показывая мне Илом. Мы шли через площадь, где на его глазах почти все мужчины, кого он знал, были убиты по подозрению в причастности к коммунизму. «Это даже смешно — хотя, наверное, “смешно” неправильное слово, — мы же знаем, кто ответствен за насилие, уничтожившее это место. Мы знаем, что за ним стояли именно Соединенные Штаты. Но продолжаем посылать туда детей, потому что больше им некуда идти».

Мы чемпионы

Какой мир мы получили после холодной войны? Кто выиграл в этой войне? Кто проиграл? Конкретнее: как именно крестовый поход против коммунизма повлиял на жизнь миллиардов ныне живущих людей? Эти вопросы занозой сидели в глубине моего сознания, пока я ездил по миру, собирая материал для своей книги. Я был воспитан на определенном наборе ответов на эти вопросы. Сказать, что информация, которую я узнал с тех пор, как занялся этим проектом, пошатнула мою веру в эти ответы, — значит, ничего не сказать. Однако, вместо того чтобы просто самому сформулировать новые ответы, я хотел услышать, что говорят люди, которые жили во всех этих страшных местах в ту эпоху и ощутили тот конфликт непосредственно на себе.

Поэтому я адресовал эти вопросы напрямую тем, кому удалось выжить в Индонезии и в странах Латинской Америки. Большинству из них было несложно на них ответить. Я спросил об этом Винарсо, главу Единого секретариата 1965 года — слабой и бедной организации, выступающей в защиту выживших в волне насилия в Индонезии.

«Соединенные Штаты победили. Здесь, в Индонезии, вы добились, чего хотели», — ответил он мне в 2018 г., сидя на полу

своего скромного дома в Соло и постоянно ерзя — пытаюсь облегчить постоянную боль в спине от старой раны. Он помогал мне организовать интервью со свидетелями, и я довольно близко узнал его за годы, пока занимался поиском ответов. Он продолжил: «Холодная война была конфликтом между социализмом и капитализмом, и капитализм победил. Более того, все мы получили американоцентричный капитализм, который Вашингтон хотел навязать всем, до кого дотянется. Просто оглядись вокруг». Он указал на свой город и весь Индонезийский архипелаг вокруг него.

Я спросил его, как мы победили.

Винарсо на мгновение замер и сказал: «Вы убили нас».

Подобные ответы были очень типичны.

Люди, с которыми я познакомился, не представляют случайную выборку мирового населения. Они по большей части жертвы программ массовых убийств коммунистов в XX столетии и эксперты по этим программам. Существуют и другие значимые точки зрения, но я убежден, что восприятие таких людей, как Винарсо, а также опыт Франциски, Кармен, Инь Джиок и Саконо принципиальны для понимания того переворота, который пережил наш мир.

В 1955 г. Индонезия Сукарно и значительная часть остальных стран третьего мира объединились с намерением изменить отношения между первым и третьим миром. Они верили, что после столетий расистского колониализма настало их время занять свое место в международных отношениях в качестве независимых наций, оценить свои экономические и интеллектуальные возможности, свой потенциал и встать в положение равных.

На тот момент они явно были сильно отстающими, и это не просто образ. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд на показатели ВВП на душу населения — величину годового экономического результата страны, разделенную на количество жителей, — в самых населенных странах мира (см. Приложение 1). Показатели США и других экономик «белых», быв-

ших колониальных держав, были гораздо, гораздо лучше, чем у третьего мира.

Сукарно считал, что это положение дел должно измениться. Ричард Райт, скептически настроенный журналист-афроамериканец, освещавший Бандунгскую конференцию 1955 г., тоже полагал, что движение третьего мира добьется успеха¹. С колониализмом было покончено. Естественно, эти страны наверстают упущенное!

Однако на что же указывал Винарсо, когда обвел рукой вокруг, имея в виду текущее состояние внешнего мира? Об этом мы заговорили далее. Даже если не смотреть на экономические показатели или таблицы сравнения качества жизни, совершенно ясно, что Соединенные Штаты до сих пор являются самой могущественной страной на свете и американцы, путешествующие в Индонезию, Мексику, Африку или Парагвай, богаче местных жителей. Однако граждане Соединенных Штатов в огромной степени недооценивают разрыв между собой и остальным миром. Разрыв между первым миром и третьим миром колоссален. Экономика США не просто на сколько-то больше индонезийской. Она больше в 20 раз. ВВП Бразилии меньше 1/6 ВВП США. За очень малыми исключениями, страны, участвовавшие в Бандунгской конференции, остались в прежних структурных отношениях с бывшими имперскими державами (см. Приложение 2).

Китайская Народная Республика стала намного сильнее, сегодня это ощущают все в Юго-Восточной Азии. Китайская экономика сейчас почти равна по величине американской. Однако причина этого состоит в том, что китайцев в четыре раза больше, чем американцев. Из невероятно бедной страны Китай превратился в среднюю страну с ВВП на душу населения примерно на уровне Латинской Америки, а китайский народ в среднем остался невероятно бедным по стандартам США. Именно экономическим ростом Китая в последние десятилетия по большей части объясняется снижение глобального неравенства, наблюдающееся с 1980 г. Ведутся яростные споры

по вопросу о том, вырос ли Китай благодаря принятию капитализма или потому, что осуществил коммунистические реформы и по-прежнему находится под властью одной технократической партии. Ясно, однако, что Китай никоим образом не является антикоммунистическим режимом, созданным в результате вмешательства США в дела других стран в годы холодной войны. При одном способе рассмотрения видно, что глобальное неравенство слегка уменьшилось по сравнению с 1960 г. благодаря главным образом Китаю (см. Приложение 3). Другой способ — попробуем теперь сгруппировать страны по регионам — свидетельствует, что третий мир застрял там же, где и был, тогда как первый мир устроился даже еще лучше, чем прежде (см. Приложение 5).

Разумеется, вопрос о том, почему менее богатые страны так и не смогли сравняться с богатыми, вызывает бесчисленные запутанные и непримиримые дебаты². Важно, однако, отдавать себе отчет в самом масштабе пропасти между разными странами, о котором слишком часто забывают, и помнить об истории глобального неравенства после Второй мировой войны, и в эту историю должны быть вписаны события, освещенные в этой книге. В ходе недавнего исследования гражданам США предложили приблизительно оценить, сколько средний житель Земли зарабатывает за год. Названные ими — наугад — цифры оказались больше реальных в десять раз. Люди были потрясены, узнав, как на самом деле до сих пор живет третий мир³.

Реальность такова, что «белый» мир и страны, завоевавшие земной шар до 1945 г., так и остаются наверху, тогда как «цветные» страны, бывшие колонии, по-прежнему находятся внизу. В сугубо материальном плане да, почти каждый человек сегодня живет лучше благодаря технологическим достижениям и росту мировой экономики, однако пропасть между первым и третьим миром остается практически такой же бездонной, как и после Бандунгской конференции. Было бы преувеличением утверждать, что виной тому холодная война или, конкретнее, широкая сеть антикоммунистических программ мас-

совых убийств, организованных и поддерживавшихся США. Но факт остается фактом: период холодной войны и непосредственно последовавший за ним — период, когда США в рутинном порядке применяли насилие, вмешиваясь в международные дела, — не были отмечены падением могущества белых стран.

Можно без малейших колебаний утверждать, что первый мир выиграл холодную войну и, шире, историю XX в. Это мир, в котором я родился. В предисловии я отметил, что историю обычно пишут победители, и, к добру или к худу, это относится и к моей книге. Я родился и вырос в Соединенных Штатах, по всей видимости, неслучайно, что именно человек с моей предысторией, а не женщина из яванской глубинки или обитатель бразильских фавел смог завязать нужные контакты и получить финансирование, чтобы описать эти мировые события.

Что можно сказать о втором мире? Этот вопрос всплыл недавно за чаепитием с одним престарелым членом Коммунистической партии Вьетнама. Очень откровенно высказавшись о проблемах социалистической системы в своей стране, он заметил, однако, что власти Вьетнама, во многом как и власти Китая и остальных осколков социалистического мира, очень внимательно следили за тем, что творилось с Советским Союзом и его сателлитами после 1989 г., и полны решимости избежать повторения этого опыта. Несомненно, лидеры коммунистических партий, руководивших Советским Союзом и странами Варшавского договора, потерпели поражение, и поражение крупное. Но что можно сказать об их гражданах, обычных терпевших лишения людях из коммунистического мира? Означал ли триумф мирового капитализма победу и для них? Были ли они вознаграждены богатством и демократией?

Экономист Бранко Миланович, один из ведущих в мире экспертов по глобальному неравенству, родившийся и выросший в коммунистической Югославии, задал эти вопросы на праздновании 25-й годовщины падения Берлинской стены. Мы

не ошибемся, предположив, что ответ отрицательный (ничего такого они не получили), но тогда, в 1991 г., сама эта идея присутствовала и во многих смыслах именно это было обещано страдающим жителям коммунистического мира, включая самого Милановича. Однако в реальности все эти надежды обернулись разрушительной Великой депрессией⁴. В коротком очерке «Для кого упала стена?» Миланович рассматривает посткоммунистические страны в 2014 г. У некоторых из них экономика до сих пор меньше, чем была в 1990 г. Какие-то растут медленнее, чем их западноевропейские соседи, следовательно, все сильнее отстают даже от нижней точки 1990 г., когда крах системы подорвал их экономики. Он нашел только пять примеров капиталистического успеха: Албания, Польша, Беларусь, Армения и Эстония, которым более или менее удастся догонять первый мир. Лишь три из них являются демократиями.

Это означает, согласно выкладкам Милановича, что только 10% населения бывшего коммунистического блока в Восточной Европе получили то, что им было обещано в момент обрушения стены. Второй мир проиграл, и проиграл по-крупному. Его страны утратили геополитическую силу, которой обладали во время холодной войны, многие их граждане потеряли материальное благополучие, а многие и демократических свобод-то не обрели, чтобы хоть как-то уравновесить потерянное⁵.

А третий мир? Разумеется, больше всего времени я провел в Индонезии, четвертой стране в мире по численности населения, основательнице движения третьего мира (она остается домом Движения неприсоединения, административные органы которого размещаются в Джакарте).

Многие из переживших насилие 1965 г., которых я проинтервьюировал, предполагали, что я стану расспрашивать их о пытках. Каково это — терпеть побои и голод, слышать, как тебя называют ведьмой или демоном, полностью утратить связь со своей семьей? Подвергнуться групповому изнасилованию, после которого тебя просто швыряют в угол камеры, словно ты вообще ничто и никто? Обычно я хотел говорить

не об этом. Те немногие журналисты или ученые, которые взяли на себя труд выслушать истории выживших, уже спрашивали их об этом. Слишком часто — исключительно об этом, исходя из внутреннего убеждения, что проблема заключалась лишь в перегибах репрессий. Как будто если бы воины насилия спокойно арестовали 2 млн человек, доказали в судебном порядке, что эти люди действительно коммунисты, и половину из них расстреляли, то все было бы нормально! Лично мне было достаточно, чтобы выжившие вкратце обрисовали худшие фрагменты тех событий в самых общих словах, если было понятно, что, переживая эти моменты снова, они разбередят те душевные раны, которые терзали их.

К сожалению, мне все-таки пришлось задавать один, состоящий из двух частей, вопрос, на который многим из них оказалось чрезвычайно трудно ответить. Мне потребовалось много времени, чтобы сформулировать его на бахаса индонезия так, чтобы его смысл был предельно ясен. Во всяком случае, разговаривая с подлинными сторонниками левых взглядов, я всегда просил: «Вспомните 1963-й, 1964 годы. Как вам казалось в те годы, какой мир вы строите? Каким вам виделся мир двадцать первого столетия?» Затем я задавал вопрос: «Сейчас вы живете в этом мире?»

У многих загорались глаза, когда они отвечали на первую часть вопроса. Они знали ответ. Они строили сильное независимое государство и шли к тому, чтобы встать вровень с империалистическими странами. Социализм не мог наступить сию минуту, но он приближался, и они знали, что создадут мир без эксплуатации или системного неравенства. Ответ на второй вопрос был настолько очевидным, что даже задавать его представлялось мне жестоким. Одно дело, если бы их власти совершили чудовищные зверства, но признали ошибку и затем построили справедливое и сильное общество. Этого не произошло. Они проживают свои последние годы в стране кланового капитализма, неустроенной и нищей, и почти каждый божий день им твердят, что с их стороны было преступлением желать чего-то другого.

Давайте прочтем текст вступительной речи Сукарно на Бандунгской конференции, ознакомимся с левыми публикациями всего мира с 1955 по 1965 г., полистаем *Afro-Asian Journalist* — проникнутый духом Бандунга, продвигающий третий мир журнал, для которого переводила Франциска, или издания социал-демократов в Бразилии и Чили. И зададимся вопросом: все эти люди — они были безумными? Их ожидания были совершенно нереалистичными? Или все могло сложиться иначе?

Как мы убедились, в 1945–1990 гг. по всему миру раскинулась широкая сеть поддерживаемых США программ уничтожения коммунистов, в рамках которой осуществлялись массовые убийства как минимум в 23 странах (см. Приложение 4). Не было единого плана, не было главного командного пункта, откуда управлялись бы все эти действия, но я считаю, что программы истребления в Аргентине, Боливии, Бразилии, Чили, Колумбии, Восточном Тиморе, Сальвадоре, Гватемале, Гондурасе, Индонезии, Ираке, Мексике, Никарагуа, Парагвае, Филиппинах, Южной Корее, Шри-Ланке, Судане, Тайване, Таиланде, Уругвае, Венесуэле и Вьетнаме следует рассматривать как взаимосвязанные и считать их принципиально важным фактором, обусловившим победу США в холодной войне. (Я не включаю в этот список ни прямые военные интервенции, ни даже «сопутствующий ущерб» — невинных людей, убитых в ходе войн.) Люди, осуществлявшие целенаправленное уничтожение диссидентов и невооруженных гражданских лиц, учились друг у друга. Они усваивали методы, разработанные в других странах. Иногда они даже называли свои операции в честь других программ, которые стремились воспроизвести. Я нашел данные, опосредованно связывающие метафору «Джакарта», возникшую в результате самой масштабной и важной из этих программ, по меньшей мере с 11 странами (12, если считать Шри-Ланку, где власти применили, как они это называли, «индонезийское решение»)⁶. Однако даже режимы, не перенявшие эту терминологию, прекрасно видели, что сделали индонезийские военные и какой успех и престиж в западном мире

им это принесло. Хотя эти программы массово промахивались мимо своих целей и под их удар часто попадали люди, не представлявшие ни малейшей угрозы и просто оказавшиеся рядом, они тем не менее искоренили реальную оппозицию мировому проекту, возглавляемому Соединенными Штатами. Самым важным примером является опять-таки Индонезия. Не случись массового уничтожения членов Коммунистической партии Индонезии, страна не перешла бы от правления Сукарно под власть Сухарто. Даже в странах, где судьба власти не висела на волоске, массовые убийства функционировали как эффективный государственный террор, как на собственных территориях, так и в сопредельных регионах, демонстрируя, что случится с теми, кто посмеет сопротивляться.

Я не говорю, что Соединенные Штаты выиграли холодную войну благодаря массовым убийствам. Холодная война завершилась главным образом из-за внутренних противоречий советского коммунизма и того факта, что его лидеры в России ненароком уничтожили собственное государство. Однако я утверждаю: широкая сеть программ уничтожения, строившихся на принципах антикоммунизма и оправдывавшихся ими, была настолько важным фактором в победе США, что насилие в огромной мере сформировало наш сегодняшний мир.

Все зависит от того, что считать истинной сутью холодной войны. Мне кажется, согласно популярной точке зрения англоговорящего мира, холодная война представляла собой конфликт двух стран, которые, хотя и не стали воевать, вступили в ряд опосредованных конфликтов. Этот взгляд не является буквально ошибочным, но основывается на опыте ничтожного меньшинства людей, тогда как холодная война сказалась почти на каждом жителе Земли.

Вслед за гарвардским историком Оддом Арне Вестадом я вижу в холодной войне нечто иное. Мы можем рассматривать холодную войну как такое положение дел в мире, когда огромное большинство стран перешли от прямого колониального правления к иному состоянию, заняли новое место в новой

глобальной системе. При подобном рассмотрении видится уже не просто бинарная пара «победитель / побежденный», Соединенные Штаты / Советский Союз соответственно. В третьем мире каждая страна могла бы пойти любым из многих путей; что еще важнее, большинство из них до сих пор находятся на определенном пути, сформированном и принятом в эпоху холодной войны. Нечто подобное можно сказать обо всем комплексе структурных отношений богатых и бедных стран. Отношения, существующие в настоящее время, были по большей части предопределены действиями двух сверхдержав в XX в.

Ни одной из систем, выстроенных Советским Союзом, на данный момент не существует. В то же время страны, выбравшие путь, который ведет в мировую капиталистическую систему, возглавляемую Америкой, — или принужденные его избрать, — по-прежнему идут по нему. Многие из стран, когда-то сделавших другой выбор, перешли на этот путь в течение последних 25 лет. За тот же период мир пережил процесс, который часто называют глобализацией. Да, этот термин прижился, но, как замечает Вестаф, если вы стремитесь к точности, для вас найдется термин получше — «американизация»⁷. Хорошо это или плохо, почти все мы сегодня живем в глобальной экономической системе, в которую Индонезия и Бразилия вступили в середине 1960-х гг., — это общемировой капиталистический строй, в котором ведущей военной силой и центром производства культурных ценностей являются Соединенные Штаты Америки. Возможно — кто знает! — это скоро изменится, но пока мы живем именно в этих рамках.

В этой книге я меньше внимания уделял описанию столь же реальных зверств некоторых коммунистических режимов XX в. Отчасти это объясняется тем, что о них уже прекрасно известно. Более важная причина — эти преступления почти не связаны с историями мужчин и женщин, судьбы которых за минувшее столетие мы с вами проследили. Однако дело еще и в том, что мы не живем в мире, непосредственно создан-

ном сталинскими чистками или массовым голодом при Пол Поте. Эти государства исчезли. Даже Большой скачок Мао был быстро забыт и отвергнут Коммунистической партией Китая, хотя сама партия живет и здравствует. Живем же мы в мире, в значительной мере созданном насилием времен холодной войны — насилием, за которым стояли США. Внедрению американизации способствовали программы массовых убийств, рассмотренные в этой книге. В определенном смысле как раз они-то и сделали американизацию возможной. Безусловно, это были не единственные события такого рода: мы не рассмотрели все ненасильственные методы Вашингтона, позволяющие принудительно менять политические режимы в XX в., и не проанализировали причины, по которым американские институции сделали свою страну настолько богатой, динамичной и могущественной. Но мы уверенно можем предположить, что, не будь именно этих событий, все было бы иначе.

Крестовый поход Вашингтона против коммунистов, в котором Индонезия играла роль острия его кровавого насилия против гражданских лиц, сформировал наш сегодняшний мир в самих его основах. Это прослеживается в пяти отношениях.

Первое, и самое простое: он стал причиной психологической травмы, которая по большей части до сих пор не исцелена. Такие страны, как Чили и Аргентина, очень неплохо поработали над решением задачи национального примирения. Бразилия справилась хуже. Индонезия не сделала в этом отношении абсолютно ничего. Очевидно, впрочем, что даже при наилучшем сценарии невозможно просто стереть шрамы, оставленные массовым террором в одном или двух поколениях. Психологические последствия секретных операций США ощущаются повсеместно, в том числе в Северной Америке. Здесь становится все больше граждан, имеющих связи со странами, затронутыми недавними интервенциями США, и опосредованно психологический эффект этих вторжений сказывается даже на белых американцах. Когда люди узнают, что от них скрывали нечто важное, то начинают сомневаться в том, что не дол-

жно бы вызывать никаких сомнений, и погружаются в дикие теории заговора.

Второе: кровавый крестовый поход Вашингтона против коммунистов уничтожил ряд альтернативных вариантов развития мира. Движение третьего мира развалилось отчасти из-за собственных внутренних проблем, но не только — оно было раздавлено. Эти страны пытались создать нечто совершенно новое, но любые усилия бесполезны, если самая сильная держава в истории старается вас остановить.

Трудно сказать, как бы они переустроили мир, если бы обладали подлинной свободой экспериментировать и строить нечто иное. Возможно, страны развивающегося мира смогли бы объединиться и добиться изменения правил мирового капитализма. Может быть, многие из этих стран вообще не были бы капиталистическими. Я даже считаю возможным — хотя крайне маловероятным в свете того, кем были жертвы насилия, а также с учетом могущества США, — что, не будь этого насилия, социалисты-авторитаристы сумели бы обеспечить себе выигрыш в XX в. Неясно даже, можно ли в принципе вообразить, в чем именно другой мир мог бы отличаться от существующего. Что касается чисто экономических показателей, то исследователи сходятся на том — и эта позиция постоянно подкрепляется новыми данными, — что развивающиеся страны потеряли шансы «догнать» первый мир примерно в начале 1980-х гг., когда взрывной рост долга, начало неолиберальных структурных преобразований и глобализация вывели их на нынешний путь⁸. В рамках действующей структуры единственные две крупные страны третьего мира, ставшие после 1945 г. столь же богатыми, что и первый мир, — это Южная Корея и Тайвань, и совершенно очевидно, что этим странам было позволено пользоваться особыми исключениями из правил нового мирового порядка вследствие их стратегического значения в холодной войне⁹.

Третье: секретные операции оказали колоссальное влияние на характер правящих режимов и экономических систем, уста-

новившихся по их окончании. Двумя — и, пожалуй, основополагающими — примерами являются Индонезия и Бразилия.

Пожалуй, сейчас можно с достаточной уверенностью утверждать, что все страны Латинской Америки, за исключением Кубы, представляют собой государства кланового капитализма с мощным олигархатом. В Юго-Восточной Азии это относится к большинству стран, и даже коммунистические страны были интегрированы в АСЕАН, учрежденный Индонезией и Филиппинами в 1967 г. в качестве антикоммунистической организации. Как показано в «Машине разграбления» (The Looting Machine, 2015) Тома Бёрджиса, в политэкономии Африки по-прежнему ключевыми факторами являются слабость государств и хищническая добыча ресурсов. Если реализовать этот подход к анализу ситуации в предельном выражении, можно даже утверждать, что после краха второго мира эти страны были интегрированы в мировую систему, имеющую лишь два базовых структурных типа: развитые капиталистические страны Запада и экспортирующие ресурсы общества кланового капитализма, сформированные антикоммунизмом, — и угодили прямиком во вторую категорию, став очень похожими на Бразилию.

В предисловии я сказал, что Бразилия и Индонезия являлись, пожалуй, величайшими «победами» в холодной войне. В узком смысле я считаю это верным хотя бы потому, что вследствие численности своего населения это самые большие страны, вступившие в игру, в которой, казалось бы, могли пойти любым из двух путей, но затем с треском провалились в западный лагерь. В сегодняшней Бразилии мысль о том, что правительство Жуана Гуларта было «коммунистическим» или что разворот в сторону советской модели был неминуем, воспринимается как откровенно смехотворная. Тем не менее консерваторы во многом правы. Другой вариант тоже был возможен, но события 1964 г. убили эту возможность. Другая причина, вынуждающая меня считать Бразилию и Индонезию столь важными элементами процесса американизации, в конечном

счете сформировавшего весь мир, состоит в том, что после 1964 и 1965 гг. очень многие их соседи вступили на путь, находившийся под прямым или косвенным влиянием антикоммунистических режимов крупнейших государств своего региона.

Что касается победителей в крестовом походе против коммунистов, то здесь процветание Соединенных Штатов как *государства-нации* после 1945 г. очевидно. Это чрезвычайно богатая и могущественная страна. Однако, если посмотреть на отдельных американцев и провести анализ с разбивкой по классам и расам, становится ясно, что и трофеи этого глобально-го господства были распределены чудовищно несправедливо. Чем дальше, тем больше потоки благ, поступающие от других наций, аккумулируются на самом верху социума, между тем как некоторые граждане США живут в бедности, сопоставимой с уровнем жизни в бывшем третьем мире.

Четвертый аспект формирования мира антикоммунистическими программами уничтожения состоял в том, что они деформировали мировое социалистическое движение. Многие глобальные участники левого движения, сумевшие пережить двадцатое столетие, пришли к выводу, что должны использовать насилие и ревниво оберегать власть, если не хотят быть уничтоженными. Они стали свидетелями массовых убийств, совершавшихся в этих странах, и это изменило их. Возможно, граждане США не обращали особого внимания на то, что случилось в Гватемале или Индонезии, но другие левые движения во всем мире, безусловно, внимательно следили за происходящим. Когда членов самой большой в мире коммунистической партии, не имевшей армии и не установившей в стране свою диктатуру, перебили одного за другим и никто за это не заплатил, многие люди по всему миру извлекли из этого уроки, и последствия оказались самые серьезные.

Отсюда следовал еще один трудный вопрос, который мне пришлось задавать интервьюируемым, особенно левым из Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Когда мы начинали обсуждать давние дебаты между сторонниками мирной

и вооруженной революции, бескомпромиссного марксизма и демократического социализма, я спрашивал:

«Кто был прав?»

Кто придерживался верного курса в Гватемале: Арбенс или Че? А в Индонезии, когда Мао предостерег Айдита, что коммунистам следует вооружиться и это не было сделано? Кто был прав в давних студенческих спорах в Чили: молодые революционеры из MIR или более дисциплинированные умеренные члены Коммунистической партии Чили?

Большинство моих собеседников, участвовавших в политических событиях того времени, истово верили в ненасильственный подход, в постепенное, мирное, демократическое изменение. Многие из них не были поклонниками систем, созданных такими людьми, как Мао. Однако они знали, что их сторона потерпела поражение в этом споре, поскольку слишком многие их друзья были мертвы. Часто они без колебания, хотя и без удовольствия признавали правоту сторонников жесткой линии. Безоружная партия Айдита не выжила. Демократическому социализму Альенде перекрыли кислород, даже невзирая на разрядку между Советами и Вашингтоном.

Если смотреть так, то главными проигравшими в XX в. оказываются те, кто слишком искренне верил в существование либерального международного порядка, слишком доверял демократии или декларируемым принципам, поддерживаемым Соединенными Штатами (в отличие от тех, которые эта страна поддерживала на самом деле), верил словам богатых стран, а не их реальным делам. Эта группа подверглась истреблению.

Наконец, пятое последствие крестового похода: фанатичный антикоммунизм никуда не делся, даже из первого мира. Не только в Бразилии и Индонезии в последние несколько лет стало ясно, что это жестокое параноидальное направление политики остается очень мощной силой.

И все же, думаю, понятно, что больше всего наводнены призраками этой битвы страны развивающегося мира.

Где они сейчас? И где мы?

Денпасар

Баян Бадра, индуистский священник, живет на той же улице, где и вырос, в Семиньяке на юго-западе Бали. Однако окружение полностью изменилось. пляж, по которому он когда-то каждое утро шел сорок минут в школу в Куте, никоим образом не назовешь пустынным. Он застроен стена к стене роскошными курортами и пляжными клубами — это типичнейший бизнес на острове, где иностранцы могут целыми днями потягивать коктейли и нырять в бассейн прямо на пляже.

На этот самый песок военные привезли ночью людей из Керобокана, что в нескольких милях к востоку отсюда, чтобы убить их. Прямо на пляже в нескольких шагах от дома Бары находится один из самых крупных и фешенебельных балийских пляжных клубов. Семиньяк превратился в одно из самых дорогих мест на острове, куда туристы обычно едут за услугами wellness-индустрии и спа, за «осознанностью», медитацией и массажем, ну и, разумеется, за солнцем и сёрфингом.

Если бы инопланетяне вдруг приземлились на Бали, то немедленно пришли бы к выводу, что на нашей плане-

те существует расовая иерархия. Белые люди, приезжающие сюда в отпуск, на порядки богаче местных жителей, которых их обслуживают. Это просто принимается как нечто абсолютно естественное. Почти всюду в Юго-Восточной Азии белые люди имеют непропорционально больший доход, позволяющий им покупать у местных гостеприимство по высшему разряду или секс. Они родились, владея этим богатством. По сравнению с остальной Индонезией Бали неплохо чувствует себя в экономическом отношении благодаря туризму, и балийцы часто послушно изображают фирменную «балийскую улыбку», подавая яичницу сёрфингистам из Австралии или кокосовый сок блогерам из России.

Почти никто из приезжающих сюда туристов, даже преисполненные самых благих намерений и хорошо образованных, не знает, что произошло здесь, говорит Нгурах Термана, племянник Агунга Алита — человека, который однажды провел чудовищный, невообразимый вечер, перебирая груды черепов в поисках останков отца. В отличие от Камбоджи, где туристы-иностранцы с искренним любопытством (а может быть, и поеживаясь от ужаса) посещают Поля смерти и Музей геноцида под Пномпеном, лишь немногие из тех, кто приезжает на Бали, знают, что огромная часть местного населения была умерщвлена ровно на том месте, где стоят их шезлонги.

«Даже когда мы встречаемся с представителями неправительственных организаций — людьми, наиболее осведомленными о международных событиях и знающими о Руанде, Пол Поте, обо всем, — ни один из них не имеет ни малейшего представления о том, что произошло здесь», — сказал Нгурах Термана. Он основатель Таман 65, или 1965 Garden, — коллектива, посвятившего себя распространению памяти о тех событиях и продвижению единства островитян. Группа выпустила книгу об убийствах на Бали и компакт-диск с песнями, которые пели узники здешних концентрационных лагерей¹.

Участники Таман 65 знают: тому, что никто из туристов понятия не имеет о насилии, унесшем жизни множества их

родственников, есть причина. Власти надежно похоронили эту историю, закопав ее даже глубже, чем это было сделано на острове Ява. Этого потребовал туристический бум, начавшийся в конце 1960-х гг. До Сухарто огромная часть земли на Бали была общественной и часто вызывала споры. «Им понадобилось убить коммунистов, чтобы иностранные инвесторы смогли построить здесь свою столицу», — сказал Нгурах Термана.

«Теперь посетители видят лишь одно — нашу знаменитую улыбку, — продолжил он. — Они не имеют представления о тьме и пламени, таящихся за ней».

Роскошный пляжный клуб в нескольких шагах от дома Ваяна Бадры носит название, до нелепости ему подходящее. На бахаса индонезия он называется «Ку Де Та» — «Переворот» (от фр. *coup d'état*). Я спросил работников, знают ли они, почему в этом можно усмотреть двусмысленность. Нет, они не знали.

За долгие годы Ваян Бадра и его соседи собрали кости и черепа в песке вокруг «Ку Де Та». Будучи старейшим священником здешней деревни, он считает своим долгом предать останки достойному погребению по индуистскому обряду. Недавно один из жителей деревни совершил ошибку. Он оставил один череп и поставил у себя в кабинете на стол рядом с цветами. Придя в шутейное расположение духа, он надел на череп шляпу.

«Наверное, умершему не понравилось такое обращение. Череп начал двигаться», — поведал мне Ваян Бадра. Двигаться сам по себе! Тот человек перепугался и поскорее принес его Ваяну Бадре, чтобы тот устроил ему уважительное достойное погребение².

Стамфорд

Я встретился с Бенни Видьоно у него в доме в Коннектикуте. На его поиски ушло очень много времени — сначала я только слышал, что есть якобы где-то один индонезиец, живший в Чили при Пиночете. Мне пришлось вести поиски в несколь-

ких странах. И в итоге он стал для меня очень реальным человеком и драгоценным другом.

После усилий, направленных на восстановление Камбоджи, Бенни стал вести жизнь ученого в Соединенных Штатах: он преподавал в Коннектикутском университете и работал над книгой об успехах и многочисленных провалах ООН в Камбодже.

Внешне он выглядел невероятно забавным. Вспоминая о своих походах в канзасские стрип-клубы в далекие 1950-е гг., он прикрывал ладонью рот, делая вид, что скрывает историю от улыбавшейся жены. Несколько часов он показывал мне свои фотографии и материалы о Камбодже и затем сам отвез меня на железнодорожную станцию — с удивительной для 82 лет бодростью. Несколько недель спустя он стал наконец гражданином США.

После этого мы много месяцев поддерживали связь. Я звонил с вопросами по его интервью, Бенни присылал мне новости и ссылки через «Ватсап». Однажды от него пришло сообщение, похожее на массовую рассылку, о том, что он ложится на операцию на сердце. Я пожелал ему удачи, потом отправил из Гватемалы открытку с пожеланием здоровья, наконец, позвонил ему на домашний номер, чтобы справиться о самочувствии. Я разминулся с Бенни совсем чуть-чуть. Его жена сказала, что он умер неделей раньше.

Я хочу посвятить эту книгу ему, Франциске Паттипилохи и всем невинным жертвам государственного террора XX в.

Сан-Паулу

Мы встретились с Инь Джиок Тан возле площади Республики в Сан-Паулу совсем рядом с моим жильем в самом большом городе Бразилии. Для нее это было удобно. Шел октябрь 2018 г., и Инь Джиок участвовала в проходившем на площади митинге за недопущение избрания Жаира Болсонару.

Пятидесятивосьмилетняя, одетая в красное, просто ослепительная, Инь Джиок стояла на площади с несколькими подругами — они размахивали флагами и раздавали брошюры. Это был не один из гигантских маршей против Болсонару, в которых мог принять участие любой желающий, а пикет группы преданных своему делу активистов — из тех, что происходят здесь несколько раз в неделю.

Их ждало поражение. Это становилось все более очевидным. Тот самый момент, когда Болсонару легко вышел во второй раунд голосования, даже не явившись на дебаты со своим противником из левой Партии трудящихся, стал, пожалуй, самым серьезным провалом бразильских левых с момента возвращения демократии. Однако Инь Джиок все равно была на улице вместе с пятью или шестью женщинами и бесстрашно стояла за Лулу, популярного бывшего президента и первого после падения диктатуры лидера страны с левыми взглядами. Она поддерживала его с тех пор, как проголосовала за него в 1989 г. (на тех выборах бразильская телекомпания TV Globo устроила манипуляции с трансляцией ключевых дебатов между Лулу и Фернанду Коллором, который в итоге победил, а затем был подвергнут импичменту за коррупцию). Особенную активность Инь Джиок проявляла в 2016 г., когда правые силы объединились в попытке объявить импичмент Дилме Русеф. Она не надеялась, что это может хорошо кончиться, и не ошиблась.

Если вам понадобится выразить суть политической карьеры Жаира Болсонару всего в двух словах, «ярый антикоммунизм» станет прекрасным выбором. Он был посредственным солдатом и посредственным политиком, скакавшим между девятью партиями в течение двух десятилетий в нижней палате законодательного органа. Единственное, что в нем было примечательного, это привычка иногда выкрикивать в пустых залах Конгресса или в эфире ночных телешоу, что вокруг одни коммунисты или что государству следовало бы убить побольше леваков. Однажды он сказал: «Голосование ничего не изменит в этой стране. Ничего! К сожалению, что-то изменится лишь после

того, как здесь начнут гражданскую войну и сделают работу, не сделанную диктатурой. Убьют тысяч тридцать человек, начав с Ф. Э. К. [имелся в виду тогдашний президент Фернанду Энрике Кардозу из Бразильской социал-демократической партии]. Убьют кого-то невиновного — ничего страшного»³.

С годами его истовое отстаивание диктатуры, включая ее самые порочные практики, шокировало и отвратило от него даже военную верхушку, предпочитавшую оставить подобные вещи в прошлом или, по крайней мере, замалчивать их. Идеологию Болсонару можно непосредственно проследить вплоть до 1975 г. и времен операции «Джакарта».

В ту эпоху в военной среде не было единого мнения относительно политического вектора Бразилии. Генерал Гейзел хотел, чтобы страна постепенно открывалась для демократии, а радикальная группа из числа военных, источником силы которой являлся террор, противилась *abertura*. Лидером этой кровожадной ультраправой фракции был Брильянте Устра, тот самый человек, которого Болсонару восхвалял в день голосования относительно импичмента президента, когда я его встретил.

«Болсонару представляет фракцию вооруженных сил, получившую власть, когда пытки стали важной частью военного правления», — написал Селсу Роша ди Баррус в газете *Folha de S.Paulo*. Иными словами, его президентство — это возвращение того самого импульса, который привел к массовому уничтожению коммунистов в прошлом столетии⁴.

Сегодня Инь Джиок — бразильянка во всех отношениях, вплоть до того, что теперь зовется просто Инь, и даже это имя произносится на местный манер «Ини-и» (в бразильском варианте португальского языка слова не могут заканчиваться на согласный). Я познакомился со многими представителями индонезийской общины в Бразилии. Почти все они этнические китайцы. Одни консервативны, другие придерживаются левоцентристских взглядов. Никто из них не знал, что первоначальные антикитайские бунты в Индонезии являлись результатом политики США в регионе. Некоторые не могли внятно объяс-

нить, почему вообще переехали в Бразилию. Другие, например Хедианди Лесмана и Хендра Винарди, прибыли позже, после хаоса 1965–1966 гг., когда антикитайские настроения в среде джаккартских студентов чрезвычайно осложнили им жизнь. Хендра стал в Бразилии очень успешным инженером и в буквальном смысле построил ряд важнейших архитектурных достопримечательностей. Его компания участвовала в возведении пяти стадионов для Кубка мира 2014 г., который теперь вспоминается как событие, произошедшее в другом, намного лучшем мире.

Мы с Инь Джиок разговаривали много раз. Вернувшись к своему компьютеру после одной из этих бесед, я проверил «Твиттер», и кое-что привлекло мое внимание. Сторонники Болсонару уже несколько недель называли представителей иностранной прессы «коммунистами», поскольку мы освещали происходящее в критическом ключе.

На сей раз обвинение сопровождалось иллюстрацией, похожей старой. Красная дьявольская рука сжимала длинное острие, словно намереваясь пронзить сердце Бразилии, а другая рука, зеленая, удерживала ее, не позволяя нанести удар. Смысл был очевиден: коммунисты хотят разрушить страну, но военные всех спасут. Я, однако, вспомнил этот рисунок и сверился со своими книгами по истории. Это была иллюстрация, созданная в 1930-х гг. на основе легенды о коммунистах, убивших генералов под покровом ночи, — мифа, выстроенного вокруг восстания *Intentona Comunista*.

Болсонару был избран на пост президента 28 октября 2018 г. Я находился в Рио — лихорадочно выстукивал на клавиатуре репортаж после того, как стали известны окончательные результаты. Внизу на улицах района Леме, в нескольких кварталах от пляжа Копакабана, раздались крики, и я, метнувшись к окну, стал свидетелем краткой вспышки политического насилия — одной из первых. В тот день в нашем районе было много людей со значками в поддержку кандидата от левых Аддада.

«*Comunistas! Comunistas!*» — стала выкрикивать в их адрес группа крепких мужчин. Несколько женщин в ответ крикнули:

«*Fascistas!*» Однако им стало страшно. Парни были здоровенные, и их оппоненты поспешили прочь, сняв значки.

После объявления результатов я разговаривал с Иво Эрзогом, сыном Владимира Эрзога — журналиста, убитого в ходе предполагаемой *Operação Jacarta*. «Думаю, мы совершаем огромный шаг назад. Все это очень страшно, — сказал он. — Политическая ситуация вызывает у меня сильнейший стресс. Я не могу спать без снотворного. Но я решил, что сейчас не время уклоняться от борьбы».

Париж

Я коротал время в Djakarta Bali, ресторане индонезийской кухни в нескольких кварталах от Лувра. Заметив пожилую женщину, которую я ждал, — она стремительно приближалась к дверям — я удивился, как быстро она передвигается, поскольку сначала не видел ее ног. Когда она остановила у дверей скутер и вошла, все разъяснилось.

Это была Нури Ханафи, дочь посла Сукарно на Кубе. А ресторан этот открыла в Париже ее семья после переезда с Кубы. На стенах развешаны фотографии ее отца с Че и с Фиделем, сделанные в те дни, когда они считали, что создают движение трех континентов. Мы ели превосходный ренданг из говядины, одно из моих любимых индонезийских блюд. Она сказала, что скутер — это ее «харлей-дэвидсон».

Странное, наверное, это было зрелище: белый американец и азиатка преклонных годов, разговаривающие по-испански в Париже.

Проведя немало лет в Болгарии, она вернулась сюда, чтобы воссоединиться с семьей, но даже в Париже им не удалось избавиться от клейма коммунистов. Индонезийское посольство в Париже отказалось признать, что их ресторан вообще существует. Нури не знает, к какой стране принадлежит, по ее ощущениям, она потеряла Индонезию в далеком 1965 г.

«Разговаривая сегодня с молодежью из Индонезии, я понимаю, что у нас разная история, — сказала она. — Я имею в виду не разные личные судьбы. Я хочу сказать, они даже не знают правды о том, какой была когда-то наша страна, — о нашей борьбе за независимость и о ценностях, которых мы придерживались».

Жизнь изгнанников в Европе и Азии по-прежнему тяжела. Однако, поспешно признает она, для жертв там, на родине, все обернулось намного хуже.

Соло

Магдалена была красавицей всю жизнь. На протяжении всего ее тюремного срока охранники предлагали жениться на ней. Она отказывалась, хотя знала, что это улучшило бы ее положение и, может быть, даже позволило быстро оказаться на воле. Она не хотела подобных отношений.

Когда она все-таки вышла из тюрьмы, находились другие желающие взять ее в жены. Она отказывалась. Она не чувствовала себя в безопасности ни с одним мужчиной, который сам не отсидел в тюрьме.

Магдалена знала, что на всю жизнь отмечена клеймом коммунистки, ведьмы. Любой обычный мужчина, скорее всего, видел бы в ней отверженную и обращался бы с ней как с мусором, чуть только что не по нему.

«Разве я могла довериться обычному мужчине, став его женой? — спросила она. — А если б он разозлился? Он мог бы просто бить меня, обзывать коммунисткой, и никто бы ради меня пальцем не шелохнул».

С семьями коммунистов и лиц, обвиняемых в коммунистических убеждениях, происходили намного худшие вещи. В Индонезии быть коммунистом означает всю жизнь носить на себе печать зла, и во многих случаях это зло видится наследственным, передающимся твоему потомству, словно генети-

ческое уродство. Детей родителей, обвинявшихся в пособничестве коммунизму, пытали и убивали⁵. Некоторых женщин преследовали всего лишь за создание приюта для детей уничтоженных коммунистов⁶. Один индонезийский бизнесмен, близкий Вашингтону, через много лет после массовой бойни предупредил американскую верхушку, что сильная армия необходима, поскольку коммунистическое отродье уже подрастает⁷.

В 71 год Магдалена выглядит безмятежной и лучезарной — при этом держится несколько стеснительно и настороженно. Она живет одна в крохотной лачуге в две комнатки в одном из переулков города Соло в Центральной Яве.

На жизнь у нее есть 200 000 рупий в месяц, или около 14 долларов. Местная церковь выделила ей крохотное вспомоществование — 5 кг риса в месяц. Однако у нее нет семьи, нет и традиционных связей со своей общиной, а это главное, что обеспечивает существование большинства женщин ее возраста. Эти связи были обрублены, когда Магдалену обвинили в том, что она коммунистка. Когда я в первый раз подъехал на мотоцикле по тихой дороге к ее дому и вошел в гостиную, то глазам своим не поверил. Не так живут престарелые индонезийцы. Они живут в доме большой семьи, а если у них нет семьи, то о них заботятся соседи. Пока я подходил к ее дому, никто из соседей по улице не поздоровался с нами. Она не ошиблась, когда предположила, что на всю жизнь останется меченой.

Такое положение типично для выживших в насилии и репрессиях 1965 г.⁸ Согласно оценкам, в Индонезии до сих пор проживают десятки миллионов пострадавших или родственников жертв — и почти все они находятся в худшем положении, чем того заслуживают: от крайней нищеты и социальной изоляции до отказа в признании того, что их родители, дедушки или бабушки были убиты несправедливо и что их семья ни в чем не была виновата.

Маленькая организация, отстаивающая права выживших в этом регионе, *Sekretariat Bersama '65*, десятилетиями борет-

ся за признание преступлений, совершенных против таких людей, как Магдалена. Пострадавшие ожидали, что возникнет нечто вроде комиссии по установлению истины или процесса национального примирения, что жертвам будут выплачены компенсации или, по крайней мере, прозвучит публичное извинение за то, что с ними произошло, подтверждение, что они не являются недочеловеками. Ничего подобного так и не произошло.

Еще в 2017 г., когда я в первый раз договаривался о встречах с пострадавшими, Баскара Вардая, католический священник-иезуит и историк, специализирующийся на событиях 1965 г., предупредил меня: «Многие выжившие устали от разговоров, устали от борьбы. Это длится очень долго, и они совершенно ничего не добились».

В 1965 г. мэром Соло был член коммунистической партии по имени Утомо Камелан. За те несколько лет, когда я приезжал в Соло, чтобы встретиться с выжившими, я нашел буквально горстку людей, работавших в его администрации, — на тот момент молодых индонезийцев, осчастливленных возможностью устроиться на официальную должность в мэрию. Когда Сухарто захватил страну, Утомо Камелан был арестован и приговорен к смерти.

В 2005 г. бывший бизнесмен-мебельщик Джоко «Джокови» Видодо был избран мэром Соло. В 2014 г. он выиграл президентские выборы. Его кандидатуру поддерживал ряд групп по защите прав человека. Многие из них надеялись, что, будучи первым руководителем Индонезии, не происходящим из сухартовской военно-олигархической среды, он признает преступления 1965 г. и извинится за них или откроет к 50-й годовщине массовых убийств какое-то расследование.

Они ошиблись. Вскоре после начала президентского срока он с улыбкой заявил репортерам, что «и не подумает извиняться»⁹. В 2017 г., когда моего соседа по комнате терроризировали в Джакарте за участие в конференции, посвященной 1965 г.,

Джокови — сам обвиненный в том, что был коммунистом, — занял более жесткую позицию. «Если коммунисты вернутся, просто разгромите их», — сказал он¹⁰. В 2019 г. Джокови был переизбран на второй пятилетний срок.

В Соло мне пришлось очень трудно. Было очень тяжело договориться об интервью, продвигаться вперед приходилось медленно, и томительные недели тянулись одна за одной. Сначала я думал, что смогу разговаривать с индонезийцами через переводчика, но быстро понял, что многие люди до сих пор слишком травмированы и слишком боятся того позорного клейма, что не перестает причинять им боль даже в преклонные годы, чтобы свободно говорить в присутствии незнакомого или не пользующегося их доверием индонезийца. Даже если кто-то и согласился бы общаться со мной через переводчика, сами вопросы были слишком деликатного свойства, чтобы переложить на кого-то еще ответственность за их формулировку. Поэтому я усовершенствовал свое знание языка, чтобы проводить интервью с глазу на глаз, и мало-помалу завоевал их доверие. Я переговаривал с очень многими людьми, истории которых не смог включить в книгу. Некоторые оказались все-таки не готовы рассказать мне все без утайки, многие другие бесстрашно сделали это и помогли мне сформировать собственное понимание тех событий. Несколько историй я выбрал, чтобы включить в книгу. Мне даже неловко признаваться в том, что этот процесс был для меня психологически очень трудным, поскольку все мои ничтожные испытания меркнут в сравнении с тем, что выпало на долю моих собеседников, да к тому же я-то в любой момент мог вернуться к своей комфортной жизни в Соединенных Штатах.

В Соло мне пришлось провести много времени в новом городском мегамолле, где сосредоточены все важные коммерческие предприятия. В некотором смысле мегамолл сегодня служит культурным центром индонезийского города. В фойе проходят детские концерты, люди бесцельно прогуливаются, покупая

кофе со льдом и донаты. Эскалаторы расположены так, что часто вы оказываетесь в буквальном смысле запертым на верхних этажах, где бродите до бесконечности и покупаете что-нибудь еще. Как в любом индонезийском торговом центре, почти все время из громкоговорителей звучит американская поп-музыка. Индонезийской музыки вы не услышите. Не услышите и японской, и даже корейской попсы — вообще ничего азиатского. Ни европейской музыки, ни латиноамериканской. Все упаковано и выставлено на продажу в США¹¹.

Саконо также живет возле Соло. Он до сих пор настроен очень боевито и подвергает окружающую действительность острому политическому анализу. В отличие от Магдалены, он способен говорить о былом без умолку — не устремляя вдаль остановившийся взгляд и не заливаясь слезами. Подобно Магдалене, в тюрьме он обратился в христианство. Это тоже очень распространено среди выживших, особенно жертв 1965 г., изначально воспитанных в яванском варианте ислама. После того как их обвинили в атеизме, коммунисты были отвергнуты крупными мусульманскими институциями Явы, часто принимавшими участие в убийствах. Тем не менее они по-прежнему верят в бога и ищут духовного утешения и спасения от материальных ужасов своей жизни.

Единственное, о чем Саконо любит говорить больше, чем о марксизме, — это великодушие и прощение. Он непреклонно стоит на том, что не держит зла на своих тюремщиков и на убийц своих друзей. Он не хочет возмездия и пребывает в мире со своим прошлым. Однако Саконо столь же непреклонен и в убеждении, что его страна не пребывает в мире со своей историей.

«Выход для нашего государства — признать свои грехи и покаяться. Я ценю свой жизненный опыт, даже самый тяжелый, потому что он научил меня к каждому относиться с любовью, — сказал он. — Если мы сможем признать то, что мы натворили, и попросить о прощении, то будем способны двигаться вперед».

Нью-Йорк

Рокфеллер-плаза, 30 — это огромное здание в Среднем Манхэттене. Прежде я никогда здесь не был, хотя слышал о нем и, пожалуй, видел пару серий «Студии 30»* с Тиной Фей и Трейси Морганом — название этого сериала прибавило этому адресу популярности.

Очевидно, что это своего рода туристическая достопримечательность. Стены первого этажа покрывают сцены из «Сайнфелда», «Друзей» и других сериалов от NBC. На 23-м этаже находится элитная юридическая фирма Squire Patton Boggs.

Здесь у Фрэнка Виснера — младшего кабинет. Он много десятилетий работал в Госдепартаменте, в том числе в должности посла в Египте и на Филиппинах при Рейгане и в Индии при Билле Клинтоне, но я расспрашивал его главным образом о его отце: что он помнит из его высказываний об Индонезии или борьбе с коммунизмом. Было бы несправедливо заставлять его отвечать за то, что совершил его отец, но, кроме этого, было кое-что еще, о чем он мог мне рассказать, — один миф, который я хотел развеять.

По его словам, независимо от того, переоценило ли ЦРУ силу Советского Союза или нет, и независимо от того, к каким это привело последствиям, его отец действительно верил, что сражается с коммунизмом. И нет, он делал это не для того, чтобы помочь своим нью-йоркским друзьям по бизнесу, дело было в самой цели. Как бы то ни было, я верю, что он в это верил.

Очень осторожно затронув 1950-е и 1960-е гг., мы заговорили о жизни в сегодняшней Индонезии. Собираясь попрощаться, я заметил, что для многих стран эта история до сих пор крайне важна. Пусть американцы забыли о тех событиях и стра-

---

* Также «Площадь Рокфеллера, дом 30», «30 потрясений» — американский комедийный сериал (2006–2013) телесети NBC, штаб-квартира которой находится в Рокфеллер-плаза, 30.

нах, у их жителей такого варианта нет. Виснер сразу же горячо со мной согласился.

«Все верно, — сказал он, когда я поднялся. — Во многих отношениях мы “земля больных тяжелой амнезией”».

«У нас имеется психологическая привычка смотреть вперед, а не назад», — заметил он. Пустившись в размышления, как это свойственно общительным людям за восемьдесят, он сказал, что власти США не попали бы в сегодняшнее положение на Ближнем Востоке, если бы обращали внимание на историю. И закончил с мрачным сарказмом: «У равнодушия Америки к окружающему миру долгая славная история».

Сантьяго

Кармен Херц — занятая женщина. Сейчас она член Конгресса, куда прошла в 2017 г. Она до сих пор состоит в коммунистической партии, имеющей восьмерых членов в *Cámara de Diputados*, Палате представителей, во главе с молодой Камилой Вальехо, бывшим лидером студенческого движения.

Когда я рассказывал индонезийцам, пострадавшим в результате событий 1965–1966 гг., что сегодня в некоторых частях Латинской Америки вполне дозвоительно быть коммунистом, а бывшие участники партизанского движения, некогда сидевшие за решеткой, даже становятся президентами, они не могли в это поверить. Тем не менее в значительной части Южной Америки действительно произошло нечто вроде национального воссоединения.

Страна правоцентристского капитализма, Чили далека от идеала. Безусловно, не таким мир виделся Кармен в далеком 1970 г., когда они с друзьями верили, что движутся к созданию мира без бедности или эксплуатации.

В Сантьяго есть впечатляющий памятник жертвам режима Пиночета — мемориальный комплекс *Museo de la Memoria y los Derechos Humanos*, Музей памяти и прав человека. Вну-

три горят свечи — по одной на каждого человека, убитого при диктатуре. Надписи на стенах не замалчивают тот факт, что многие из жертв были левыми, даже коммунистами или сторонниками марксистской вооруженной борьбы. На одной из стен показывают, как в разных странах по кусочкам собирают правду и идет процесс восстановления истины и примирения: в Южной Африке, в Аргентине — более чем в 30 странах. Есть там и небольшая табличка, посвященная Индонезии. Но рассказ о тамошних поисках примирения резко прерывается: «Индонезия отменила закон, согласно которому должна быть создана комиссия по установлению истины».

Джакарта

В центре индонезийской столицы высится конструкция под названием «Священный памятник Панча сила» (*Monumen Pancasila Sakti*). Мой путь к нему, как и любая другая поездка из одной точки в другую в Джакарте, — это бесконечные пробки: медленно лавируешь себе сквозь потоки транспорта по загроможденным улицам.

По причинам, которые трудно описать, во многих местах в Индонезии местные жители просят белых иностранцев сфотографироваться с ними. Хотя это очень странно и даже некомфортно, обычно я соглашаюсь, но только не у Священного памятника Панча сила, поскольку формально я вроде как совершил проникновение в запретную зону. Недавно индонезийские военные запретили иностранцам посещать этот комплекс мемориалов и музеев — похоже, властям не хочется, чтобы его изучали исследователи из других стран¹². Побывав там, я понял почему.

Священный памятник Панча сила — это большая беломраморная стена, перед которой стоят фигуры в человеческий рост, изображающие жертв Движения 30 октября. Отсюда лишь несколько шагов до Лубанг-Буая (*Lubang Buaya*) — колодца, где были обнаружены тела генералов.

У всех остальных, кого убили, мемориала нет. Зато целый музей — Музей коммунистической измены, *Museum Pengkhianatan PKI (Komunis)*, — существует для подкрепления нарратива о том, что коммунистическая партия была партией предателей и ее члены заслуживали истребления. Вы идете чередой странновато выглядящих затемненных залов, и последовательность макетов-диорам проводит вас через историю этой партии, наглядно демонстрируя все без исключения случаи, когда коммунисты предавали нацию, нападали на военных и замыслили уничтожить Индонезию — все это дословно воспроизводит пропагандистскую версию Сухарто о событиях октября 1965 г. При этом ни одного упоминания о миллионе с лишним мирных граждан, которые были в результате убиты.

На выходе я вижу детей, которые фотографируются перед большим плакатом: «Благодарим вас за то, что осмотрели наши диорамы о зверствах, сотворенных Коммунистической партией Индонезии. Не допустите, чтобы подобное когда-нибудь повторилось».

Гватемала

Из Илома я снова еду в столицу в тесном салоне старого американского школьного автобуса. Это единственный общественный транспорт в этой части сельской Гватемалы. Я много поездил, и редко у меня были деньги, чтобы путешествовать с комфортом, да и никакого комфортного путешествия там часто не существует в принципе. Ехать в таких автобусах означало терпеть постоянную боль, причем почти два дня подряд.

Тем не менее я был благодарен за эту поездку. Автобус принадлежал Доминго, брату Антонио Кабы Кабы. Они оба смотрели тем утром 1982 г., как военные, которых поддерживали США, казнили большинство жителей их деревни. Доминго

много лет работал в Соединенных Штатах, поэтому смог скопить денег, вложить их в приобретение автобуса и обеспечивать свою семью некоторым доходом. Автобус красиво разрисован, и он им гордится. Спереди Доминго написал «Бог — это любовь».

Если вы спросите людей в городе Гватемала, когда в стране закончилась демократия, многие ответят не раздумывая: в 1954-м. Арбенс был последним шансом на социальную справедливость, скажут они. У большинства людей старше определенного возраста найдутся знакомые, убитые в последовавшие десятилетия насилия. Можете остановить любого прохожего на улице и спросить — почти наверняка он расскажет вам какую-нибудь ужасную историю и растолкует все и про значение 1954 г., и про то, как Америка устанавливала здесь свои порядки.

Когда я разговаривал с экспертами, например с Кларой Арена-нас, главой Ассоциации развития социальных наук в Гватемале (*Asociación para el Avance de las Ciencias Sociales en Guatemala*), мы пользовались несколько иной терминологией.

«Были ли отношения Соединенных Штатов с Гватемалой в 1954 г. империалистическими?» — спросил я.

Ответить очень просто: «Да».

«А отношения Вашингтона — сегодняшнего правительства — и Гватемалы? Они по-прежнему империалистические?»

И это просто. Снова «да».

Пассажиры автобуса, следующего из Илома в Небах, иначе понимали политику XX в. Ишили, а большинство этих людей до сих пор говорит на ломаном испанском или с акцентом, выражаются иначе. Я спросил, что представлял собой, по их мнению, коммунизм. Доминго, хозяин автобуса, ответил так: «Ну, говорят, это все коммунисты и что, мол, коммунисты опасны. Но на самом деле это все правительство — вот кто устроил все это смертоубийство. Так что если кто и был опасен, если кто и был “коммунистами”, так это они сами».

Амстердам

Как многие другие индонезийцы-изгнанники, Франциска Паттипилохи живет в Амстердаме. У нее маленькая, со вкусом обставленная квартира, забитая книгами, всего в нескольких милях от центра города. Она читает медленнее, чем раньше, но приходит в восторг от каждой новой публикации — об Индонезии в 1965 г., о голландском колониализме, о теории искусства и капитализме, о внешней политике США — и прочитывает такие книги от корки до корки¹³. Мне очень нравится ее навещать. Франциска готовит закуски и говорит часами — пускай иногда повторяясь, но зато это настоящий фонтан информации, у меня самого в голове и близко ничего подобного никогда не было.

Множество престарелых индонезийцев живут в Нидерландах. В конце концов добрались сюда и Гдэ Арка с Ярной Мансур — студенческая пара, застрявшая в Советском Союзе в 1965 г. Сармадджи, оказавшийся запертым в Китае 1 октября 1965 г., тоже живет здесь и собирает еще нескольких изгнанников в своей маленькой квартире — отведать индонезийской стряпни.

Все они родились на голландской территории и вот надо же — на нее и вернулись. Их мечта о независимой Индонезии, которую они могли бы назвать своим домом, просуществовала короткие пятнадцать лет их долгой жизни.

С Франциской было зачастую трудно согласовать время интервью. Мне приходилось договариваться сильно заранее, потому что эта женщина 94 лет крайне занята. То она была глубоко вовлечена в создание Международного Народного трибунала по преступлениям 1965–1966 гг., а теперь вот активно работает в другой группе, заявляющей протесты голландскому правительству. Группа оспаривает исследовательский ракурс в одной свежей голландской работе, посвященной периоду, непосредственно предшествовавшему независимости Индоне-

зии: там уделено недостаточно внимания жестокости колониализма. Она до сих пор борется за возможность рассказать миру о том, что на самом деле произошло в Индонезии.

Бывают в ее хлопотливой жизни и паузы. Франциска ездила с семьей на Бали, там у нее случился инсульт. Однако это ее не остановило. Отдохнув несколько месяцев, она вернулась к борьбе.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Мир в 1960 г.: 25 стран с самым большим населением

Страна	Место в рейтинге населенности	Подушевой ВВП (номинальный), \$	Структурное положение в 1945 г.
Китай	1	90	третий мир
Индия	2	82	третий мир
Советский Союз	3	991*	второй мир
США	4	3007	первый мир
Япония	5	479	первый мир
Индонезия	6	665**	третий мир
Германия	7	1127***	первый мир
Бразилия	8	210	третий мир
Великобритания	9	1381	первый мир
Италия	10	804	первый мир
Бангладеш	11	89	третий мир
Франция	12	1344	первый мир
Нигерия	13	93	третий мир
Пакистан	14	82	третий мир
Мексика	15	345	третий мир
Вьетнам	16	70 (Северный); 110 (Южный)****	третий мир
Испания	17	396	первый мир
Польша	18	573*****	второй мир

* Согласно властям США, оценившим размер экономики СССР в 38,1% американской (см. "A Comparison of Soviet and US Gross National Products, 1960–1983," доступно в читальном зале ЦРУ, основанном в соответствии с Законом о свободном доступе к информации (CIA FOIA Reading Room), <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85t00313r000200060004-2>), а также данным переписи населения СССР 1959 г. (208,8 млн человек, см. www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/1959-07-01/soviet-population-today) и данным Всемирного банка о ВВП Советского Союза.

** Penn World Tables 9.1 (PWT91) (www.rug.nl/ggdc/productivity/pwt/) — производство, 1961 г.

*** PWT91, 1960.

**** Эти показатели для Вьетнама взяты из анализа ЦРУ тех лет: Economic Intelligence Report, A Comparison of the Economies of North and South Vietnam, December 1961, доступно в CIA FOIA Reading Room. <https://www.cia.gov/readingroom/document/ocia-rdp79r01141a002200070001-8>

***** Данные предоставлены Бранко Милановичем, исходившим из показателей мирового развития Всемирного банка, и скорректированы с использовани-

Турция	19	509	третий мир
Таиланд	20	101	третий мир
Египет	21	191	третий мир
Филиппины	22	245	третий мир
Южная Корея	23	158	третий мир
Эфиопия	24	61	третий мир
Иран	25	192	третий мир

Все данные (включая рейтинг по населенности) взяты из банка данных Всемирного банка (databank.worldbank.org), если не указано иное.

Приложение 2

Мир сегодня: 25 стран с самым большим населением (плюс Южная Корея) в 2018 г.

Страна	Место в рейтинге населенности	Подушевой ВВП (номинальный), \$	Структурное положение в 1945 г.
Китай	1	9771	третий мир
Индия	2	2016	третий мир
Соединенные Штаты	3	62 641	первый мир
Индонезия	4	3894	третий мир
Пакистан	5	1473	третий мир
Бразилия	6	8921	третий мир
Нигерия	7	2028	третий мир
Бангладеш	8	1698	третий мир
Россия	9	11 289	второй мир
Япония	10	39 287	первый мир
Мексика	11	9698	третий мир
Эфиопия	12	772	третий мир
Филиппины	13	3103	третий мир
Египет	14	2549	третий мир
Вьетнам	15	2564	третий мир
Демократическая Республика Конго	16	562	третий мир
Германия	17	48 196	первый мир
Турция	18	9311	третий мир
Иран	19	5628*	третий мир
Таиланд	20	7274	третий мир
Франция	21	41 464	первый мир
Великобритания	22	42 491	первый мир
Италия	23	34 318	первый мир
Южная Африка	24	6374	третий мир
Танзания	25	1051	третий мир
Южная Корея	27	31 363	третий мир

* 2017 г.

Все данные (включая рейтинг по населенности) взяты из банка данных Всемирного банка (databank.worldbank.org).

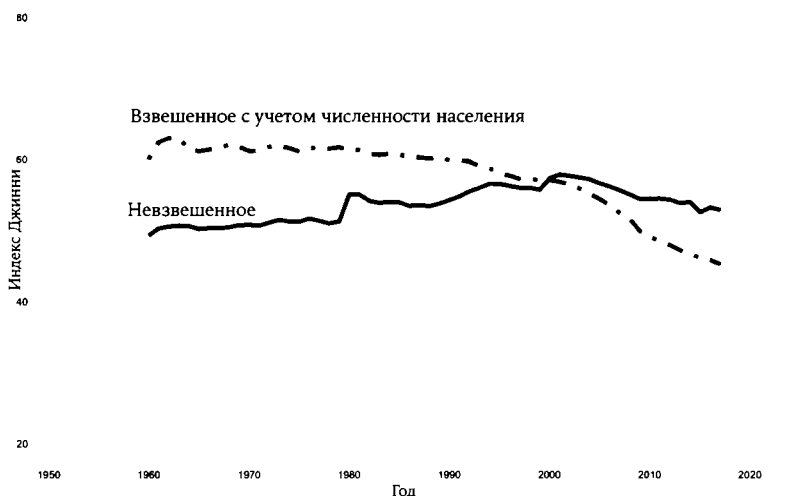
Южная Корея включена в список, поскольку представляет собой редкий пример большой страны,двигающейся по уровню благосостояния из третьего мира в первый. Рассмотрение особого отношения Вашингтона к Южной Корее и Тайвань вследствие их стратегического значения в холодной войне см.: Robert Wade, "Escaping the periphery: the East Asian 'mystery' solved," United Nations University World Institute for Development Economics Research, September 2018.

Приложение 3

Неравенство стран мира, 1960–2017 гг.

В качестве показателя неравенства здесь используется коэффициент Джини. Исключительно для справки: неравенство *внутри* Соединенных Штатов — около 41,5 (по оценкам Всемирного банка). Некоторые общества, отличающиеся наибольшим в мире равенством (зачастую из Северной Европы), демонстрируют низкий показатель — около 25, а индекс Джини Южной Африки, одной из стран с самым высоким неравенством в мире, равен 65.

Глобальное неравенство стран в доходах, 1960–2017 гг.

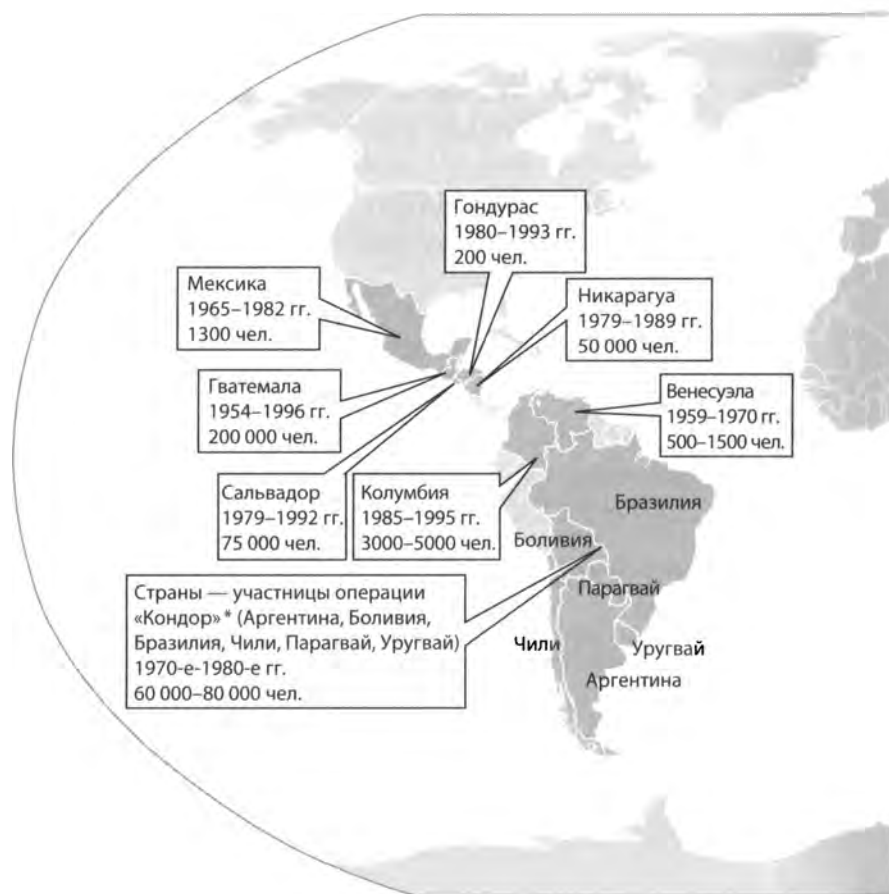

Данные для графика предоставлены экономистом Бранко Милановичем. Пунктирная линия (взвешенная с учетом численности населения стран) более наглядно демонстрирует последствия роста Китая. Больше о его методах см. в кн.: Branko Milanovic, *Global Inequality*.

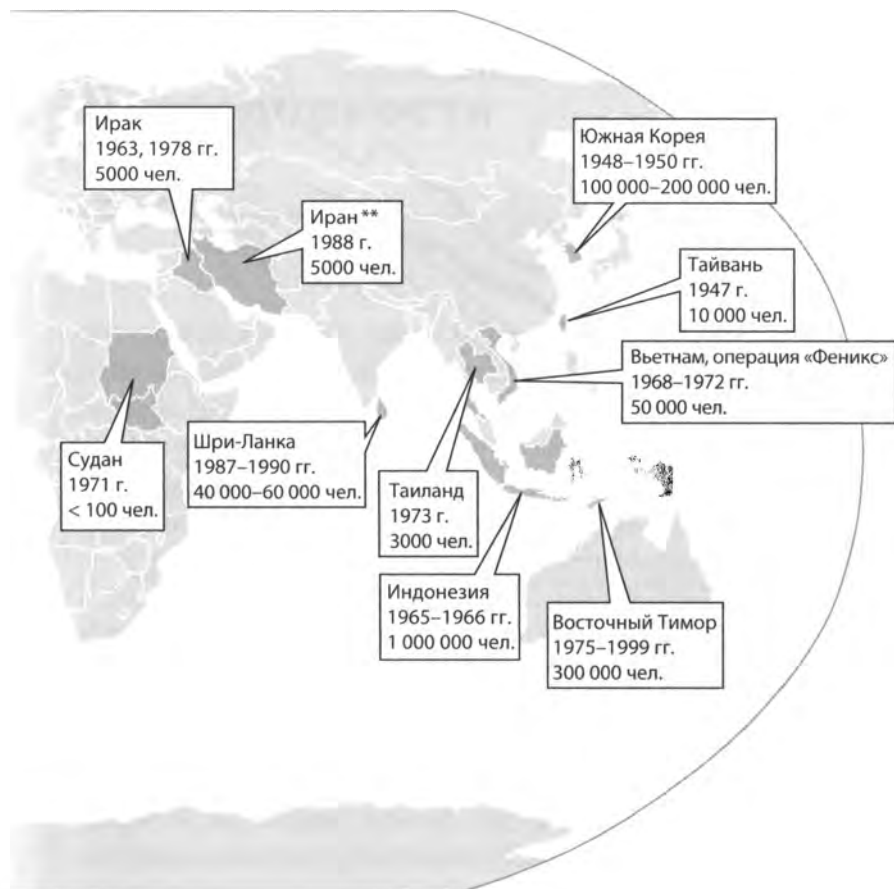

Приложение 4

Антикоммунистические программы истребления, 1945–2000 гг.

Вышеприведенная карта иллюстрирует намеренные массовые убийства, осуществлявшиеся с целью уничтожения левых или сочувствующих левым, и не включает в себя смерти вследствие традиционных войн, сопутствующие потери вследствие боевых столкновений и случаи непреднамеренного причинения смерти (от голода, болезней) антикоммунистическими властями.

- * Операция «Кондор» включала трансграничные действия, в ходе которых были убиты 400–500 человек. Этот график включает все насильственные смерти, причиненные на собственной территории государствами — участниками антикоммунистического альянса, осуществившего операцию «Кондор».

- ** Прошу обратить внимание, что в этом единственном случае насилие осуществлялось геополитическим противником Соединенных Штатов.

Комментарии, связанные с численными данными, см. на с. 409.

Приложение 5

Глобальное неравенство, 1960–2017 гг.

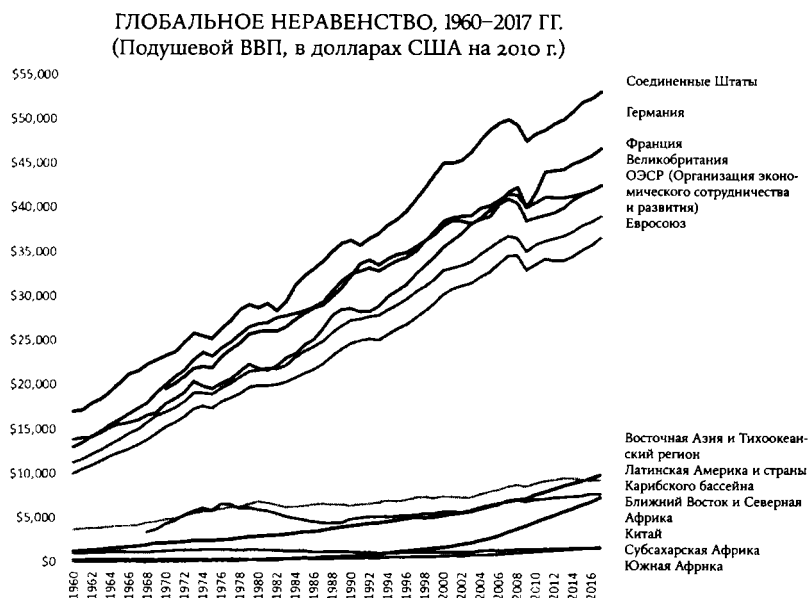

График перепечатывается с разрешения из кн.: Jason Nickel, *The Divide* (William Heinemann, 2017).

Благодарности

Я совершенно уверен, что даже талантливый эксперт не смог бы написать подобную книгу в одиночестве, а я не талантливый эксперт. Поэтому многочисленные благодарности закономерны.

Прежде всего, я очень обязан матери, отцу, братьям и сестре, за то что они всегда рядом и поддерживают меня. Спасибо и тебе, Сан, мой мудрейший критик.

Я уже поблагодарил Баскара Вардаю, благодаря опыту и доброжелательности которого появилась эта книга, Брэдли Симпсона, чьи кропотливая работа и безмерная щедрость имели решающее значение, и Фебриану Фирдаус — за знакомства и поддержку на начальном этапе. Без них у меня бы ничего не получилось, и я хочу еще раз сказать им спасибо за то, что помогли этому проекту состояться. Я также безмерно обязан Джону Рузе, Патрику Айберу, Матиасу Спектору, Тане Хармер и Кирстен Велд за терпеливые объяснения, как следует писать подобную книгу, а также за чтение первого варианта рукописи с последующим (еще более терпеливым) объяснением, как ее можно улучшить, а скорее, по обоим этим причинам.

Несколько человек заслуживают более чем благодарности, их можно считать соавторами этой книги. Я трудился вместе с блестящими исследователями со всего мира, выполнившими по моему заказу несколько проектов. В журналистике принято оставлять после статьи свободное место, куда можно впи-

сать имена после слов «дополнительная информация предоставлена...». На книжных обложках этого не предусмотрено, но я хочу подчеркнуть, что нижеперечисленные специалисты выполнили принципиально важные изыскания: Виллиан де Альмейда Сильва из Университета Сан-Паулу в Сан-Паулу, Тайсон Тирта и Стэнли Видьянто в Джакарте, Бенджамин Конча из Католического университета Чили (Universidad Católica de Chile) в Сантьяго, Йен Дуонг в Ханое, Андреа Исчиу в Гватемале, Молли Авери из Лондонской школы экономики в Лондоне и Жоау Виток Регу-Коста из Корнелла.

Разумеется, я глубоко признателен всем членам *Sekretariat Bersama* '65 в Соло, особенно Винарсо, Дидик Дьях Сучи Рахайю и Николасу Гебьяру Кришне Шакти. Долгие недели они были моими гостеприимными хозяевами и за руку провели меня через весь этот долгий и трудный процесс. Они до сих пор держат меня за руку!

Я искренне сомневаюсь, что когда-либо смогу отдать долг признательности выжившим и свидетелям злодеяний, которые сели рядом со мной и поведали мне свою историю. Очевидно, это касается Франциски, Бенни, Инь и Саконо, Кармен Херц и Магдалены Кастинах, Нури, Сумияти, Агунга Алита и Нгураха Терманы, Ваяна Бадры и Гдэ Арки, Ярны Мансур и Сармадджи, Педро Бласета и Гильермо Кастильо, Клары Аренас, Антонио Кабы Кабы, Мигеля Анхеля Альбизурса и Хосефы Санчес Дель Баррио.

Однако это относится и ко многим людям, чьих историй нет в окончательном варианте моей книги. Им я также хочу выразить огромную благодарность. Это Сунарьо, Ваниус Сильва Оливейра, Адриано Диого, Шри Тунруанг, Беджо Унтунг, Рангга Пурбайя, Мариди Марно, Сануси, Нин Нанафи, Сое Тьен Марчинг, Джумади, Франческа Касауай, Зеновия Визэйра, Коеи Хусайн Понтох, Маде Мавут, Суратман, Сутарми, Дарсини, Соджианто и Мария Шри Сумарни, Русман Прасетью, Прамоно Сиди, Суприяди, Харийоно Сугийоно Рахарджо, Хади Пидеско, Льем Зе Лионг и Тхе Шиок Сван, Хендра Винарди

и Хедианди Лесмана, Иво Эрзог, Франсина Лоен, Тжин Зьок Оэй, Мануэль Кабизес, Роберто Тьеме, Орландо Саенс, Эдуардо Лабарка, Патрисιο «Пато» Мадера, Педро дель Баррио Каба, Магдалена Каба Рамирес, Иненья Вардита, все члены Тамап 65 с Бали, Мартин Алейда, Дилма Русеф и Зухейр Аль-Джезаири.

Эксперты, ученые и представители властей, не пожалевшие времени что-то мне объяснять, делиться со мной идеями или указывать мне нужное направление, принесли больше пользы, чем самые продолжительные библиотечные штудии. Я хочу выразить им свою искреннюю признательность и извиниться за ситуации, когда я, возможно действуя слишком по-журналистски, обращался за помощью к тем, кто умнее меня, вместо того чтобы попытаться найти ответ самостоятельно. Огромное вам спасибо, Ратна Саптари, Элио Гаспары, Марио Магальяэс, Олимпио Крус Нето, Маркос Наполитано, Петрик Матанаси, Айвен Аулиа Асан, Хиския Йоси Полимпунг, Винду Юсуф, Андреас Харсоно, Йерри Вираван, Грег Грандин, Роберт Уэйд, Ле Данг Доань, Джесс Мелвин, Таомо Чжоу, Саския Виеринга, Фрэнк Г. Виснер — младший, Питер Корнблу, Грег Поулгрейн, Йома Сисон, Педро Даллари, Родриго Патто Са Мотта, Лусиано Мартинс Коста, Мариан Джоффили, Жоау Роберту Мартинс Филью, Фатхи Альфадль, Асканио Кавалло, Эктор Райес, Марио Кастаньеда, Ноам Хомски, Бен Кирнан, Альфред Маккой, Виджай Прашад, Патрис Макшерри, Федерико Финкельштейн, Джейсон Хикел, Бранко Миланович, Фрередрик Купер, Бен Фогел, Адам Шатц, Кейт Дойл, Тим Уайнер, Шон Джейкобс, Александр Авинья, Э. Ахмет Тонак, Гассан Кумийя, Раймундос Оки, Фил Миллер, Васуки Несиах, Тусхара Хеваге, Дэвид Глэдстоун и Карлос Х. Конде.

Огромное спасибо вам, Атена Брайан, Клайв Приддл и Анупарма Рой-Чаудхури из PublicAffairs. Клайву я благодарен за то, что он дал проекту зеленый свет и сопровождал до конца, Атене — за то, что заметила в первом варианте рукописи серьезные ошибки и направила меня в нужную сторону, Ану — за помощь буквально во всем. Я признателен Питу Гарсо

за дизайн обложки и открытость к моим предложениям, Бринн Уорринер и Марку Соркину за редактуру, Брук Парсонс и Мигелю Сервантесу за их опыт в мире книг и, конечно, Робу Маккилкину за то, что нашел место для моей идеи.

Моя двоюродная сестра Пейдж Эванс и близкие друзья Джулиана Кунья и Никен Анджар Вулан (есть также в книге) поддерживали этот проект крайне необходимыми советами и доброжелательным отношением, и я невероятно им всем обязан.

Возможно, это выглядит глупо, но я хочу поблагодарить каждого, кто (до сих пор по каким-то причинам) является моим подписчиком в соцсетях. К добру или к худу, возможность написать эту книгу была мне предоставлена, по крайней мере отчасти, благодаря им. Если я слишком надоедаю вам с этой темой, прошу вас, выключите звук уведомления, но не отписывайтесь! Я также признателен многим людям, с которыми познакомился в интернете, особенно самоотверженной молодежи со всего мира.

Я бы наверняка сбился с пути, если бы не поддержка учреждений, общественных и частных, которая позволила мне продвинуться в своих исследованиях. Это Национальная библиотека Индонезии, Национальный архив Бразилии, Архив национальной службы безопасности, Национальная библиотека Чили, Британская библиотека, Нью-Йоркская публичная библиотека, Библиотека Малайского университета, Библиотека Корнеллского университета (особая признательность Экарине Винарто и Астаре Лайт), Национальные архивы в Вашингтоне (округ Колумбия), Фонд Жетулиу Варгаса и его Центр исследований и документации по современной истории Бразилии, Институт Гувера, Школа исследований стран Востока и Африки Лондонского университета, Университет Сан-Паулу, Архив террора в Парагвае (особая признательность Росе Палау), Музей конфедерации стран Азии и Африки в Бандунге и Национальная библиотека Вьетнама.

Моя глубочайшая признательность всем вышеперечисленным и извинения — и еще более глубокая признательность — всем, кого я забыл упомянуть.

Примечания

Предисловие

- 1 Bradley Simpson, *Economists with Guns: Authoritarian Development and U.S.-Indonesian Relations, 1960–1968* (Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2008), 5. Симпсон здесь отмечает, что «вплоть до середины 1960-х гг. большинство должностных лиц по-прежнему придавали Индонезии намного большее значение, чем Вьетнаму или Лаосу». Как мы увидим далее, репортажи в газетах 1965 г. подтверждают этот баланс приоритетов.
- 2 Vincent Bevins, “The Politicians Voting to Impeach Brazil’s President Are Accused of More Corruption Than She Is,” *Los Angeles Times*, March 28, 2016.
- 3 Jonathan Watts, “Dilma Rousseff Taunt Opens Old Wounds of Dictatorship Era’s Torture in Brazil,” *The Guardian*, April 19, 2016.
- 4 Vincent Bevins, “Brazil Is in Turmoil, an Impeachment Trial Looms, and Still, Dilma Rousseff Laughs,” *Los Angeles Times*, July 5, 2016.
- 5 Это отсылка к крылатой фразе Гегеля: «Смерть, не достигающая ничего... эта смерть, следовательно, есть самая холодная, самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды». В кн.: *Phenomenology of Spirit*, “Absolute Freedom and Terror,” Section 590.
- 6 Я очень обязан книге Одда Арне Вестада *The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005) за скрупулезно проработанное подтверждение той мысли, что определение уклада жизни в третьем мире являлось содержанием холодной войны в той же мере, что и конфликт сверхдержав. Я жалею, что не был знаком с этим аргументом задолго до того, как начал этот проект, но клянусь, что прочел это книгу уже после подачи заявки на написание собственной,

опиравшейся на аналогичный тезис. Вероятно, десятилетие моей работы в «развивающемся мире» привело меня к тому же выводу, что и это научное исследование.

Глава 1. Новая эпоха господства Америки

- 1 О пуританах в Новой Англии, их идеологической преданности колониям, об экстремизме по отношению к Англии и их выводу, что Бог «провидчески очистил землю от ее обитателей, чтобы она приняла Его народ», см.: Virginia DeJohn Anderson, "New England in the Seventeenth Century," in *The Oxford History of the British Empire, Vol. 1: The Origins of Empire* (Oxford: Oxford University Press, 1998), 193–96.
- 2 Alexander Koch et al., "Earth System Impacts of the European Arrival and Great Dying in the Americas after 1492," *Quaternary Science Reviews* 207 (March 2019), www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0277379118307261#!.
- 3 Adam Serwer, "White Nationalism's Deep American Roots," *The Atlantic*, April 2019. Утверждение, что систематическая сегрегация достигала степени апартеида — в современном понимании этого термина — принадлежит мне, а не Серверу. О факте сегрегации в отношении солдат Второй мировой войны и о последствиях несправедливости по расовому признаку в военной среде того времени см., например: Francis X. Clines, "When Black Soldiers Were Hanged: A War's Footnote," *New York Times*, February 7, 1993.
- 4 Alden Whitman, "'The Lightning' Strikes in War," *New York Times*, December 27, 1972, www.nytimes.com/1972/12/27/archives/harry-s-truman-decisive-president-the-lightning-strikes-in-war.html.
- 5 Согласно официальным оценкам, 27 млн человек. Согласно другим утверждениям, намного больше. См.: Leonid Bershidsky, "A Message to Putin from 42 Million Dead," *Bloomberg*, May 10, 2017.
- 6 См.: Ronald Grigor Suny, *The Soviet Experiment: Russia, the USSR, and the Successor States* (Oxford: Oxford University Press, 2011), Chap. 3, "Socialism and Civil War," Part III: Stalinism.
- 7 Westad, *The Global Cold War*, 10, 30.
- 8 Elizabeth Brainerd, "Uncounted Costs of World War II: The Effects of Changing Sex Ratios on Marriage and Fertility of Russian Women," 1–3. National Council for Eurasian and East European Research, www.ucis.pitt.edu/nceer/2007_820-4g_Brainerd1.pdf.
- 9 Луизианская покупка (1803), уступка территорий Мексикой (1848) и аннексия Техаса (1845), а также приобретение Флориды (1819) являлись следствием войны или угрозы войной. В кн. *The Global Cold War* Вестад называет то, что позже подавалось как «предна-

- чертание Господне», «весьма конкретная империалистическая программа». См. рассмотрение этой темы на первых страницах главы 1.
- 10 Westad, *The Global Cold War*, 15.
  - 11 Термин впервые предложен в статье: Alfred Sauvy, "Trois Mondes, Une Planète," *L'Observateur* no. 118, August 14, 1952. Цитируется и рассматривается в кн.: Vijay Prashad, *The Darker Nations: A People's History of the Third World* (New York: New Press, 2007), 6–11.
  - 12 В развивающихся странах — 68%. См.: "Urbanization: Facts and Figures," United Nations Centre for Human Settlements, 2001.
  - 13 Westad, *The Global Cold War*, 83. Рассмотрение вопроса о том, являлись ли действия Вильсона в Версале непосредственной причиной занятия Хо Ши Мином этого поста, см.: Brett Reilly, "The Myth of the Wilsonian Moment," Woodrow Wilson Center, www.wilsoncenter.org/blog-post/the-myth-the-wilsonian-moment. Какими бы ни были причины, сразу же по окончании конференции он начал рассуждать о «большевизме в Азии» и призывать французских социалистов вступить в Третий интернационал.
  - 14 "Declaration of Independence," Socialist Republic of Vietnam Government Portal, www.chinhphu.vn/portal/page/portal/English/TheSocialistRepublicOfVietnam/AboutVietnam/.
  - 15 Eric Hobsbawm, *The Age of Extremes* (London: Penguin, 1994), 235. Хобсбаум говорит, что «американизм» можно «на практике определить как полюс, противоположный коммунизму».
  - 16 Westad, *The Global Cold War*, 20–21.
  - 17 В 1945 г. на парламентских выборах во Франции Коммунистическая партия Франции заняла первое место. В 1946 г. на всеобщих выборах в Италии коммунисты и социалисты в сумме набрали больше голосов, чем Христианско-демократическая партия. Под руководством Пьетро Ненни Социалистическая партия Италии находилась в тесной коалиции с Коммунистической партией Италии. См.: Alessandro Brogi, *Confronting America: The Cold War between the United States and the Communists in France and Italy* (Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2011), 95–102.
  - 18 Odd Arne Westad, *The Cold War: A World History* (New York: Basic Books, 2017), 92–95.
  - 19 Ellen Schrecker, *The Age of McCarthyism: A Brief History with Documents* (Boston: Bedford/St Martin's, 2002), 27
  - 20 Сталин назвал восстание в Греции «глупым», поскольку британцы и американцы ни за что не потерпели бы «красную» Грецию. Vladislav Zubok and Constantine Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev* (Cambridge: Harvard University Press, 1996), 56–57.

- 21 Тито писал Сталину: «Сталин, хватит посылать убийц, чтобы покончить со мной. Мы уже поймали пятерых, одного с бомбой, другого с винтовкой. ...Если это не прекратится, я отправлю одного человека в Москву, и нужды посылать второго не возникнет». Zhores A. Medvedev and Roy A. Medvedev, *The Unknown Stalin* (London: Tauris, 2003), 61–62.
- 22 О целях и позиции Сталина в то время см.: Zubok and Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War*, 28–50; о его «удивлении и тревоге» из-за конфронтации с Западом см. там же, 75, а также Bert Cochran, *The War System* (New York: Macmillan, 1965), 42–43.
- 23 Brogi, *Confronting America*, 112–13. Как левые, так и правые во Франции и в Италии находились в оппозиции американской «продуктивистской», основанной на массовом потреблении модели капитализма, которую продвигал Вашингтон.
- 24 A. James McAdams, *Vanguard of the Revolution: The Global Idea of the Communist Party* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017), Chaps. 1–6.
- 25 О непростом альянсе см.: Patricia Stranahan, *Underground: The Shanghai Communist Party and the Politics of Survival 1927–1937* (Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 1998), 7–11; более общий обзор см. также в кн.: Rebecca E. Karl, *Mao Zedong and China in the Twentieth Century World* (Durham, NC: Duke University Press, 2010), 24–25.
- 26 Ruth McVey, *The Rise of Indonesian Communism* (Ithaca: Cornell Press, 1965; reprinted in Jakarta by Equinox, 2006), 76–81.
- 27 Karl, *Mao Zedong and China*, 25–33.
- 28 Там же, 71.
- 29 Об отношении США к высылкам в Италии и Франции см.: Brogi, *Confronting America*, 82–87.
- 30 Там же, 96; William Blum, *Killing Hope: U. S. Military and CIA Interventions since World War II* (Monroe, ME: Common Courage Press, 2004), chap. 2.
- 31 Обзор высказываний Тольятти за 1947 г. см. в: Brogi, *Confronting America*, 1. О фултонской речи («Мускулы мира»), популяризовавшей уже существовавший термин, см.: Winston Churchill, “The Sinews of Peace (‘Iron Curtain Speech’),” March 5, 1946, International Churchill Society, at winstonchurchill.org/resources/speeches/1946–1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace/.
- 32 Zubok and Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War*, 53.
- 33 Karl, *Mao Zedong and China*, 77.
- 34 См.: Schrecker and Deery, *The Age of McCarthyism*.
- 35 Schrecker, *The Age of McCarthyism*, 28.
- 36 J. Edgar Hoover, Testimony before HUAC, March 26, 1947, printed in Schrecker, *The Age of McCarthyism*, 127–33.

- 37 Westad, *The Cold War*, 120; Schrecker, *The Age of McCarthyism*, 101; Owen Lattimore, "Far East Scholar Accused by McCarthy, Dies at 88," *New York Times*, June 1, 1989.
- 38 Rodrigo Patto Sá Motta, *Em Guarda Contra o Perigo Vermelho: O anticomunismo no Brasil 1917–1964* (São Paulo: Editora Perspectiva, 2002), 2.
- 39 Обзор Мадииунского мятежа, особенно в контексте политики Советского Союза и событий в Югославии, см.: Ruth McVey, *The Soviet View of the Indonesian Revolution: A Study in the Russian Attitude towards Asian Nationalism* (Singapore: Equinox, 1959), 63–87.
- 40 Westad, *The Global Cold War*, 119.
- 41 Robert Dallek, *An Unfinished Life: John F. Kennedy 1917–1963* (New York: Little Brown, 2003), 175.
- 42 Там же, 130.
- 43 Там же, 132.
- 44 David M. Oshinsky, *A Conspiracy So Immense* (Oxford: Oxford University Press, 2005), 33, 490.
- 45 Dallek, *An Unfinished Life*, 165.
- 46 Бумаги Джона Кеннеди: Pre-Presidential Papers, House of Representative Files, Speeches, 1947–1952, Boston Office Speech Files, 1946–1952, Trip to Middle and Far East, November 14, 1951, JFKREP-0095–037, John F. Kennedy Presidential Library and Museum; Dallek, *An Unfinished Life*, 165–66. Впечатления Кеннеди о Джакарте в ходе этой поездки собраны в отдельную папку, посвященную поездке. См.: Papers of John F. Kennedy: Personal Papers, Boston Office, 1940–1956: Political Miscellany, 1945–1956, Asian trip, 1951.
- 47 Там же.
- 48 Shashi Tharoor, "In Winston Churchill, Hollywood Rewards a Mass Murderer," *Washington Post*, March 10, 2018, www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2018/03/10/in-winston-churchill-hollywood-rewards-a-mass-murderer/?utm_term=.al62f746f9ab. См. также: Shashi Tharoor, "The Ugly Briton," *Time*, November 29, 2010, <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,2031992,00.html>.
- 49 Этот случай описан в кн.: Arthur M. Schlesinger, Jr., *Robert Kennedy and His Times* (London: Andre Deutsch, 1978), 91.
- 50 Свидетельства членов семьи почерпнуты из интервью, взятых автором у Фрэнка Виснера — младшего в 2018 и 2019 гг. О Виснере в Румынии см.: Tim Weiner, *Legacy of Ashes: The History of the CIA* (New York: Doubleday, 2007), 11–12; Evan Thomas, *The Very Best Men: Four Who Dared: The Early Years of the CIA* (New York: Simon & Schuster, 2006), 19–22; George Cristian Maior, *America's First Spy: The Tragic Heroism of Frank Wisner* (London, Washington DC: Academia Press, 2018), chaps. 1–12.

- 51 Интервью, взятое автором у Фрэнка Виснера — младшего в 2018 г.
- 52 Maior, *America's First Spy*, 190–91.
- 53 Детали ранних лет жизни Виснера см. в первой главе кн.: Thomas, *The Very Best Men* и в главах 1–8 кн.: Maior, *America's First Spy*.
- 54 Беверли Боуи, дислоцированный в Румынии в тот же период времени, позднее вывел Виснера в романе «Операция “Дурдом”» (*Operation Bughouse*) в образе одержимого оперативника, обосновавшегося в публичном доме и немедленно попытавшегося объявить войну Советскому Союзу. См.: *Operation Bughouse* (New York: Dodd, Mead, 1947).
- 55 Weiner, *Legacy of Ashes*, 18.
- 56 Интервью, взятое автором у Фрэнка Виснера — младшего в 2018 г.
- 57 История о немецких солдатах описана в биографическом очерке в бумагах Говарда Палфрей Джонса: Howard Palfrey Jones Papers, Box 51, Biographical Materials, Hoover Institution Library and Archives.
- 58 “‘Soft-Sell’ Envoy; U. S. Accused of Meddling,” *New York Times*, April 5, 1962; Howard Palfrey Jones Papers, Biographic Sketch of Ambassador Howard Palfrey Jones, Box 51, Biographical Materials, Hoover Institution Library and Archives, Stanford University.
- 59 Воспоминания раннего детства: Howard Palfrey Jones Papers, Box 51, Biographical Materials, Hoover Institution Library and Archives.
- 60 Howard Palfrey Jones, “The Life of an American Diplomat,” in Marcy Babbitt, *Living Christian Science: Fourteen Lives* (Prentice Hall, 1975), 34–35.
- 61 Об отношении Виснера к валюте см.: Maior, *America's First Spy*, 179; взгляд Сталина на события в Берлине в 1947–1949 гг. см.: Zubok and Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War*, 50–53. О важной роли новой валюты в разделении Германии см.: Westad, *The Cold War*, 111–16.
- 62 Kyle Burke, *Revolutionaries for the Right* (Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2018), 14.
- 63 Burton Hersch, *The Old Boys*, 159. Цит. в: Thomas, *The Very Best Men*, 23.
- 64 Интервью, взятое автором у Фрэнка Виснера — младшего в 2018 г.
- 65 Thomas, *The Very Best Men*, 207.
- 66 Там же, 91.
- 67 Weiner, *Legacy of Ashes*, 33.
- 68 Thomas, *The Very Best Men*, 25–36.
- 69 Там же, 111.

Глава 2. Независимая Индонезия

- 1 История Франциски изложена на основе интервью, взятых у нее автором с 2018 по 2020 гг. в Амстердаме и по телефону.
- 2 Anthony Reid, *A History of Southeast Asia* (Oxford: Wiley Blackwell, 2015), 70–73.

- 3 О взаимосвязи националистического движения и японской оккупации см.: J. D. Legge, *Sukarno: A Political Biography* (New York: Praeger Publishers, 1972), chap. 7.
- 4 Поэтому неправильно называть индонезийский язык только словом «бахаса». Существуют еще «бахаса ява» (яванский), «бахаса ингрис» (английский) и т. д. Правильно: «бахаса индонезия», «на индонезийском языке», или просто «индонезийский язык».
- 5 Согласно переписи 1930 года малайский был родным языком всего лишь 2% жителей Голландской Ост-Индии. К 1980 г. на индонезийском языке в семьях говорило в среднем 12% населения, при этом 36% горожан и значительная доля возрастных групп населения. На сегодняшний день почти все жители Индонезии в той или иной степени владеют бахаса индонезия, хотя в кругу семьи или в своем регионе могут разговаривать на других языках. См.: Reid, *A History of Southeast Asia*, 397.
- 6 Примечание об именах жителей этой части мира. У одних индонезийцев два имени, у других только одно, но часто второе имя является «родовым», чем-то вроде фамилии, происходящей от имени отца. Сукарно — полное имя президента, верный способ его именования и практически единственный, использовавшийся когда-либо в самой Индонезии. Франциска, будучи уроженкой Молуккских островов, имеет полноценную фамилию, но, поскольку в Индонезии это не является общепринятым, человека очень часто зовут лишь по имени, что никоим образом не является «детским» сокращением. Поэтому я буду очень часто называть индонезийцев только по имени, подобно тому как людей Запада — только по фамилии.
- 7 Tim Hannigan, *A Brief History of Indonesia* (Tokyo: Tuttle, 2015), chap. 8.
- 8 David Van Reybrouck, *Congo: The Epic History of a People* (London: Fourth Estate, 2014), 168–70.
- 9 Saskia Wieringa, *Propaganda and Genocide in Indonesia: Imagined Evil* (London and New York: Routledge, 2018), 61–65. В 1914 г. при участии Хенка Снеефлита была создана Индонезийская социал-демократическая ассоциация (Indische Sociaal-Democratische Vereeniging), название которой было в 1920 г. изменено на «Коммунистическая ассоциация». В 1924 г. был принят окончательный вариант — Коммунистическая партия Индонезии.
- 10 Нам не удалось подтвердить, что в Венгрии в то время побывал тот самый Патрис Лумумба, поэтому это воспоминание может быть апокрифом, или же в том году ей встретился другой человек из Конго, которого звали точно так же. В любом случае, когда позднее Франциска стала читать о событиях в Конго, то сразу же связала их со своим знакомством с этим человеком в Венгрии.

- 11 Washington P. Napitupulu, "Illiteracy Eradication Programme in Indonesia," представлено на практическом семинаре «Планирование и администрирование программ ликвидации неграмотности» (Аруша, Танзания, 27 ноября — 2 декабря 1980 г.).
- 12 Архивы *Harian Rakjat*, Малайский университет, Куала-Лумпур.
- 13 Westad, *The Cold War*, 161; Michael J. Seth, *A Concise History of Modern Korea* (Lanham, Maryland: Rowan & Littlefield, 2010), 88.
- 14 Bruce Cumings, *The Korean War: A History* (New York: Modern Library, 2010), разделы «Мятеж в Чеджу» и «Восстание в Йосу» главы 5.
- 15 Там же.
- 16 Weiner, *Legacy of Ashes*, 54.
- 17 О голоде см.: Weiner, *Legacy of Ashes*, 81; слова Джеймса А. Билла см. в: Stephen Kinzer, *Overthrow: America's Century of Regime Change from Hawaii to Iraq* (New York: Times Books, 2006), 122.
- 18 Обзор деятельности ЦРУ в Иране см. в: Weiner, *Legacy of Ashes*, chap. 9; об угрозе Рузвельта в отношении иранских агентов см. в: Kinzer, *Overthrow*, 127.
- 19 Лансдейл цитируется в кн.: Westad, *The Global Cold War*, 115; о Лансдейле как прототипе персонажа «Безобразного американца» Ю. Бердика и У. Ледерера см.: Thomas, *The Very Best Men*, 57.
- 20 Westad, *The Global Cold War*, 117.
- 21 Thomas, *The Very Best Men*, 57.
- 22 Об Иране см.: *Harian Rakjat*, August 18, 21, 22, 24, 1953. Передовица от 26 июня 1954 г., репортажи о применении напалма на Филиппинах. Архивы Малайского университета, Куала-Лумпур.
- 23 Об успешных попытках Виснера контролировать прессу Соединенных Штатов см.: Maior, *America's First Spy*, 197–98.
- 24 Интервью, взятое автором у бывшего сотрудника *Harian Rakjat* Мартина Алейды в Джакарте в 2019 году.
- 25 О предпосылках революции в Гватемале и президентстве Хуана Хосе Алевало см.: Ralph Lee Woodward Jr., *A Short History of Guatemala* (La Antigua, Guatemala: Editorial Laura Lee, 2008), chap. 7; Stephen Schlesinger and Stephen Kinzer, *Bitter Fruit: The Story of the American Coup in Guatemala* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005), chaps. 2–3.
- 26 Walter LaFeber, *Inevitable Revolutions: The United States in Central America* (New York: Norton, 1993), 120–21; Schlesinger and Kinzer, *Bitter Fruit*, 51–53, 58.
- 27 Подробно о лоббистской деятельности United Fruit Company в Вашингтоне см.: Schlesinger and Kinzer, *Bitter Fruit*, 88–97. United Fruit также поддерживала широкие личные связи с ключевыми фигурами в Белом доме при президенте Эйзенхауэре: и Джон Фостер Даллес, и Аллен Даллес занимались юридической деятель-

- ностью в интересах этой компании через ее филиал International Railways of Central America (IRCA). Семья Джона Мурса Кэбота, помощника госсекретаря по межамериканским вопросам, имела акции United Fruit, а его брат Томас являлся президентом корпорации в 1948 г. Посол США в ООН Генри Кэбот Лодж также был акционером, а личный секретарь Эйзенхауэра Анна Витман была женой директора United Fruit по связям с общественностью. Заместитель госсекретаря Уолтер Беделл Смит претендовал на руководящую должность в United Fruit в то же самое время, когда участвовал в разработке планов мятежа против Арбенса. Schlesinger and Kinzer, *Bitter Fruit*, 106–107.
- 28 Там же, 101.
- 29 Первая попытка переворота, операция «Фортуна» 1952 г., была отменена после того, как Дин Ачесон убедил Трумэна перестать ее поддерживать; вторая попытка, в ходе которой на американские деньги недовольных офицеров гватемальской армии с правыми взглядами подталкивали к мятежу в Саламе, провалилась. Schlesinger and Kinzer, *Bitter Fruit*, 102–103.
- 30 Там же, 132.
- 31 Там же, 183–90.
- 32 Интервью, взятое автором у Мигеля Анхеля Альбизуреса в городе Гватемала в ноябре 2018 г.
- 33 Schlesinger and Kinzer, *Bitter Fruit*, 195–198.
- 34 Там же, 205–208.
- 35 Greg Grandin, *The Last Colonial Massacre: Latin America in the Cold War* (Chicago: University of Chicago Press, 2004), 66–67. Подробности о том, как Пьюрифой настаивал на необходимости этого, а также о Дне борьбы с коммунизмом см.: Schlesinger and Kinzer, *Bitter Fruit*, 207–16.
- 36 Thomas, *The Very Best Men*, 124.
- 37 *Harian Rakjat*, 21, 23 и 25 июня 1953 года. Архивы *Harian Rakjat*, Малайский университет, Куала-Лумпур.
- 38 Эти оценки постоянно повторялись в ходе освещения событий *New York Times*. См., в частности, номера за 20 и 29 июня и за 1 июля 1954 г. Я выполнил масштабное сравнение этих репортажей с материалами из номеров *Harian Rakjat* о Малайзии и сделал собственный вывод, исходя из своего знания тогдашнего исторического консенсуса.
- 39 Thomas, *The Very Best Men*, 117. См. также: Schlesinger and Kinzer, *Bitter Fruit*, 154–55; Maior, *America's First Spy*, 198.
- 40 *Harian Rakjat*, June 26, 1954.
- 41 "Memorandum by Louis J. Halle, Jr. of the Policy Planning Staff to the Director of the Policy Planning Staff (Bowie)," Washington, May 28,

- 1954, Foreign Relations of the United States (FRUS) 1952–1954, Vol. 4, *The American Republics* (Washington, DC: Government Printing Office, 1983).
- 42 Piero Gleijeses, *Shattered Hope: The Guatemalan Revolution and the United States, 1944–54* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991), 366.
- 43 Интервью, взятое автором у Фрэнка Виснера — младшего в июле 2018 г.
- 44 Ernesto “Che” Guevara, *Back on the Road: A Journey to Central America* (London: Vintage, 2002), 67.
- 45 Howard P. Jones, *Indonesia: The Possible Dream* (Stanford, CA: Hoover Institution, 1971; fourth printing, Singapore: Toppan Printing, 1980), 38–40.
- 46 Цит. по черновику автобиографии Джонса. Draft book manuscript, Box 51, Folder 1, Howard Palfrey Jones Papers, Hoover Institution Archives and Library (herein HI). Интересно, что первый вариант рукописи был разгромлен неназванным критиком, написавшим на полях, что это «не должно быть опубликовано».
- 47 Там же.
- 48 Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, 47–49.
- 49 Arnold M. Ludwig, *King of the Mountain: The Nature of Political Leadership* (Lexington, KY: University Press of Kentucky, 2004), 150.
- 50 Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, 49.
- 51 О ранних годах Сукарно см.: Legge, *Sukarno*, chap. I.
- 52 Об идентификации социализма и движения за независимость см.: McVey, *Rise of Indonesian Communism*, 20; о мусульманской коммунистической мысли см.: 171–76.
- 53 Там же, 73.
- 54 Legge, *Sukarno*, 97–98.
- 55 Коммунистическая партия Индонезии подписала Панча сила в 1954 г. Rex Mortimer, *Indonesian Communism under Sukarno: Ideology and Politics 1959–1965* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1974), 66–67. О теоретическом обосновании пыток Д. Н. Айдыта см. также 92.
- 56 Когда я начал освещать события в Юго-Восточной Азии, меня поразило, что в Малайзии малайцы говорят на малайском языке, этнические китайцы на китайском диалекте, а «индийцы» на тамильском. Нет ни одного языка, которым свободно владел бы каждый малайзиец, по крайней мере если сравнивать с Индонезией. Также я был потрясен тем, что Дутерте, оказывается, даже не может свободно говорить на тагальском языке — он выступает с обращениями к нации на английском, которым владеет не каждый филиппинец.
- 57 Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, 42–44.

- 58 Legge, *Sukarno*, 260–61.
- 59 Jones, Indonesia: The Possible Dream, 80.
- 60 Christopher J. Lee, “Between a Moment and an Era: The Origins and Afterlives of Bandung,” in *Making a World after Empire: The Bandung Moment and its Political Afterlives*, Christopher J. Lee, ed. (Athens, OH: Ohio University Press, 2010), loc. 217 of 4658, Kindle.
- 61 Я пользуюсь официальной стенограммой, выложенной на многих сайтах, например: www.cvce.eu/content/publication/2001/9/5/88d3f71c-c9f9-415a-b397-b27b8581a4f5/publishable_en.pdf. Однако в видеозаписи оригинальной речи (ее также легко найти в интернете) он в этот момент останавливается и говорит «так называемые цветные».
- 62 Lee, “Between a Moment and an Era,” loc. 195 of 4656, Kindle.
- 63 Dipesh Chakrabarty, “The Legacies of Bandung: Decolonization and the Politics of Culture,” in *Making a World After Empire*, loc. 641 of 4658, Kindle; Richard Wright, *The Color Curtain: A Report on the Bandung Conference* (Jackson, MI: Banner Books, 1956), 158–65.
- 64 См. исследование национализма в Бандунге, плана Сукарно и целевые условия торговли в *Darker Nations* на с. 12, 33 и 68 соответственно.
- 65 *Harian Rakjat*, April 18, 1955, April 19, 1955. Архивы *Harian Rakjat*, Малайский университет, Куала-Лумпур. По совпадению на последней странице газеты действительно размещена реклама таблеток и лекарств от всех болезней. То, что они были коммунистами, не мешало им зарабатывать на доходах от рекламы.
- 66 Wright, *The Color Curtain*, 12.
- 67 Там же, 16, 35–60.
- 68 Там же, 78, 103.
- 69 Там же, 180–181. Райт говорит, что книга была на бахаса индонезия, составлена С. ван дер Моленом (и переведена на английский язык Гарри Ф. Семаком).
- 70 См.: James R. Brennan, “Radio Cairo and the Decolonization of East Africa, 1953–1964,” in *Making a World After Empire*.
- 71 Van Reybrouck, *Congo*, 233.
- 72 Laura Bier, “Feminism, Solidarity, and Identity in the Age of Bandung,” in *Making a World After Empire*, loc. 1789 of 4685, Kindle.
- 73 Там же, 1695 of 4685, Kindle.
- 74 Thomas, *The Very Best Men*, 157.
- 75 John F. Kennedy, Remarks to the US Senate, July 2, 1957, www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/united-states-senate-imperialism-19570702.
- 76 Thomas, *The Very Best Men*, 157–58; Jess Melvin, *The Army and the Indonesian Genocide: Mechanics of Mass Murder* (New York: Routledge, 2018), 7.

Глава 3. Рога пооблачаем, и Поуп в небесах

- 1 Nikita Khrushchev, "On the Cult of Personality and Its Consequences," February 25, 1956, <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115995>.
- 2 Suny, *The Soviet Experiment*, 413.
- 3 О фундаментальном для будущего раскола между Китаем и СССР значении «секретной речи» см. в: Lorenz M. Luthi, *The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008), chap. 2.
- 4 Mortimer, *Indonesian Communism Under Sukarno*, 26, 36, 44–45, 57–65, 171.
- 5 Thomas, *The Very Best Men*, 145–47.
- 6 Westad, *The Global Cold War*, 125–28. Согласно Вестаду, Эйзенхауэр был против вторжения в Египет (хотя горячо поддерживал все остальные вторжения) по двум причинам. Во-первых, он хотел противопоставить поведение США подавлению Советским Союзом венгерского мятежа; во-вторых, казалось, что Насер все равно никуда не денется, независимо от того, вернут европейцы канал под свой контроль или нет.
- 7 Stanley Karnow, *Vietnam: A History*, 2nd ed. (New York: Penguin, 1991), 238–39.
- 8 И цитируемые слова, и утверждение о его переутомлении и взвинченности взяты из интервью Фрэнка Виснера — младшего.
- 9 Joseph Burkholder Smith, *Portrait of a Cold Warrior* (New York: G. P. Putnam, 1976), 205.
- 10 Geoffrey B. Robinson, *The Killing Season: A History of the Indonesian Massacres, 1965–66* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018), 43–44. 19 декабря 1960 г. Совет национальной безопасности признал, что КПИ представляет разительный контраст с «продажностью и некомпетентностью» некоммунистических организаций. National Security Council Report, NSC 6023, Draft Statement of US Policy on Indonesia, December 19, 1960, Document 293, FRUS, 1958–1960, Indonesia, Volume XVII, at <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v17/d293>.
- 11 Editorial Note, NSC Meeting on April 5, 1956, FRUS, 1955–1957, Vol. XXII, 254. Цит. в: Simpson, *Economists with Guns*, 32.
- 12 Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, 45.
- 13 Предупреждение о спойлере: остановитесь здесь, если не хотите знать, что случилось дальше с Саконо. Вся информация, относящаяся к его жизни, добыта из интервью, которое автор взял у него в Соло в 2018 и 2019 гг.
- 14 Mortimer, *Indonesian Communism under Sukarno*, 64–65.
- 15 На индонезийском языке БТИ — Barisan Tani Indonesia, LEKRA — Lembaga Kebudayaan Rakyat, SOBSI — Sentral Organisasi Buruh

- Seluruh Indonesia. На русский язык названия этих организаций также переводятся как Крестьянский фронт Индонезии, Институт народной культуры и Всеиндонезийская федерация рабочих организаций соответственно.
- 16 Wieringa, *Propaganda and Genocide*, 106. Больше о *Gerwani* см. также в: Saskia Wieringa, *Sexual Politics in Indonesia* (The Hague: Palgrave, 2002).
  - 17 Интервью, взятое автором у Сумияти в 2018 г. в Соло, Индонезия.
  - 18 *Harian Rakjat*, May 19, 1958.
  - 19 Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, 115–18.
  - 20 Там же, 119–120.
  - 21 “Aid to Indonesian Rebels,” *New York Times*, May 9, 1958.
  - 22 Рассказ об атаках Поупа на Амбон с точки зрения пилотов см. в: Kenneth Conboy and James Morrison, *Feet to the Fire: CIA Covert Operations in Indonesia, 1957–1958* (Naval Institute Press, 1999), 115–140. О бомбардировке рынка, убийстве людей по дороге в церковь см.: Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, 129. Томас говорит, что бомба попала в саму церковь: *The Very Best Men*, 158.
  - 23 Conboy and Morrison, *Feet to the Fire*, 166.
  - 24 “Indonesian Operation — Original Concept of Operation,” CIA Library, approved for release in 2002, <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp89b00552r000100040006-9>.
  - 25 Thomas, *The Very Best Men*, 158.
  - 26 Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, 130.
  - 27 Там же, 135. В других сообщениях количество риса увеличено до 37 000 тонн. См., например: Thomas, *The Very Best Men*, 159; Maior, *America's First Spy*, 251.
  - 28 О сходстве рассмотрения и планирования ЦРУ применительно к Гватемале и Индонезии см.: Maior, *America's First Spy*, 250.
  - 29 Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, 342.
  - 30 Там же, 121.
  - 31 Там же, 122.
  - 32 Thomas, *The Very Best Men*, 160; Maior, *America's First Spy*, 251–52.
  - 33 Simpson, *Economists with Guns*, 29–30.
  - 34 “Summary of Facts, Investigating CIA Involvement in Plans to Assassinate Foreign Leaders,” Executive Director of the CIA Commission, May 30, 1975, 4, www.archives.gov/files/research/jfk/releases/docid-32112745.pdf.
  - 35 Thomas, *The Very Best Men*, 158.
  - 36 Smith, *Portrait of a Cold Warrior*, 238–40; Robert Maheu and Richard Hack, *Next to Hughes: Behind the Power and Tragic Downfall of Howard Hughes by His Closest Advisor* (New York, NY: HarperCollins, 1992), 71–115.
  - 37 Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, chap. 9.

38 Там же, гл. 10.

39 Jones, Indonesia: The Possible Dream, 181.

Глава 4. Альянс ради прогресса

- 1 Об иммиграции китайцев в Юго-Восточную Азию см.: Reid, *A History of Southeast Asia*, особенно 81–85, 191–95. Вся информация о жизни Бенни Видьоно происходит из интервью, взятых у него автором.
- 2 Legge, *Sukarno*, 282–83.
- 3 Jones, Indonesia: The Possible Dream, 242; Mortimer, Indonesian Communism under Sukarno, 120–22.
- 4 Телеграмма 272 из Сингапура в Министерство иностранных дел, 25 апреля 1958 г., Records of the Prime Minister's Office (PREM) 11–2370, UK National Archives, цит. в: Simpson, *Economists with Guns*, 35.
- 5 Jones, Indonesia: The Possible Dream, 160.
- 6 Legge, *Sukarno*, 297.
- 7 Bryan Evans III, "The Influence of the United States Army on the Development of the Indonesian Army (1954–1964)," *Indonesia* 47 (April 1989): 27, 44.
- 8 В великолепном интеллектуальном анализе судьбы теории модернизации Нилс Голман объясняет, что она стала ответом на внешне привлекательную модель развития третьего мира, предложенную Советским Союзом, и во многих отношениях превратила антикоммунизм «из маккартистской истерической травли "красных" в уважаемую в социологическом отношении политическую позицию». Nils Gilman, *Mandarins of the Future: Modernization Theory in Cold War America* (Baltimore, MD: Johns Hopkins Press, 2003), loc. 221 of 4567, Kindle.
- 9 Simpson, *Economists with Guns*, 36.
- 10 Там же, 19.
- 11 Dallek, *An Unfinished Life*, 294.
- 12 Телеграмма 2154 из Джакарты Госсекретарю от 25 января 1961 г., RG 59, Central Files, 611.98/1–2561, NA. Цит. в: Simpson, *Economists with Guns*, 39.
- 13 John F. Kennedy Presidential Papers, President's Office Files, Speech Files, Inaugural Address, January 20, 1961, at www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKPOF/034/JFKPOF-034-002.
- 14 Van Reybrouck, *Congo*, 259.
- 15 Там же, 299.
- 16 Там же, 296–98.
- 17 Цит. в: "Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders, an Interim Report of the Select Committee to Study Governmental

- Operations with Respect to Intelligence Activities,” US Senate, November 20, 1975 (US Government Printing Office, Washington, DC: 1975), 53, at www.intelligence.senate.gov/sites/default/files/94465.pdf.
- 18 Thomas, *The Very Best Men*, 221. См также: Senate Report, “Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders,” 57.
- 19 26 августа Даллес подписал текст телеграммы, в которой подчеркивалась приоритетность задачи «удаления» Лумумбы; оперативники ЦРУ в Конго расценили ее как «окольный способ сообщить о пожелании президента, чтобы Лумумба был убит». См.: Senate Report, “Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders,” 15–16.
- 20 Рассмотрение проекта MKUltra см. в: Thomas, *The Very Best Men*, 211–12, и Stephen Kinzer, *Poisoner in Chief: Sidney Gottlieb and the CIA Search for Mind Control* (New York, NY: Henry Holt and Co., 2019). В настоящее время существует много рассекреченной информации об этой незаконной программе. Она представляла собой широкую международную операцию, длившуюся существенно больше десятилетия. Помимо экспериментов по вовлечению ничего не подозревающих людей в торговлю собой (преимущественно, но не исключительно темнокожих), ЦРУ также ставило на заключенных, наркозависимых и собственных сотрудниках опыты со смертельными последствиями. Это был не первый раз, когда Готтлиб приготовил яд для убийства иностранного лидера. В 1955 г. он сделал токсин, который Чжоу Энлай должен был получить вместе с порцией риса на Бандунгской конференции, организованной Сукарно. В итоге операция не была реализована. См.: Kinzer, *Poisoner in Chief*, 133–134.
- 21 Van Reybrouck, *Congo*, 304.
- 22 Thomas, *The Very Best Men*, 222–24.
- 23 Van Reybrouck, *Congo*, 306–08.
- 24 Там же, 336–39.
- 25 Dallek, *An Unfinished Life*, 357.
- 26 Там же, 367.
- 27 Zubok and Pleshakov, *Inside the Kremlin’s Cold War*, 245–53.
- 28 Simpson, *Economists with Guns*, 51.
- 29 Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, 197.
- 30 Там же, 144.
- 31 Philip Short, *Pol Pot: Anatomy of a Nightmare* (New York: Henry Holt, 2004), 124–28.
- 32 Prince Norodom Sihanouk, *My War With the CIA: The Memoirs of Prince Nordom Sihanouk, as related to Wilfred Burchett* (London: Penguin, 1974), 110.
- 33 Short, *Pol Pot*, 128.
- 34 Thomas, *The Very Best Men*, 286–91.

- 35 Там же, 207, 225–29.
- 36 Там же, 294–29.
- 37 Там же, 207, 287–89.
- 38 Dallek, *An Unfinished Life*, 400. Они этого не сделали. Боулсу идея показалаась «сырой».
- 39 Simpson, *Economists with Guns*, 73–75.
- 40 National Security Council, “Urgent Planning Problems,” June 9, 1961, NSF, Komer Series, Box 438, JFK Library, цит. в: Simpson, *Economists with Guns*, 53.
- 41 Статья ЦРУ для групп специального назначения, 11 декабря 1961 г. и 14 декабря 1961 г., упоминается в: FRUS 1964–1968, Vol. XXVI, 234–35. Цит. в: Simpson, *Economists with Guns*, 75.
- 42 Thomas, *The Very Best Men*, 36–37.
- 43 В момент переворота Саддам Хусейн находился в изгнании в Каире, но вскоре вернулся в Ирак (через две недели, по словам Саида Адуриша) и в период недолгого правления Баас принял участие в пытках, а возможно, и в убийстве. По словам Роджера Морриса, сотрудника службы иностранных дел Государственного департамента, служившего в Совете национальной безопасности при президентах Джонсоне и Никсоне, как и Абуриш, Саддам взаимодействовал с ЦРУ, когда жил в Египте, хотя не был в то время заметной фигурой в партии Баас. См.: Roger Morris, “A Tyrant 40 Years in the Making,” *New York Times*, March 14, 2003; Bryan R. Gibson, *Sold Out? US Foreign Policy, Iraq, the Kurds, and the Cold War* (New York, NY: Palgrave Macmillan, 2015), 45–59; Said K. Aburish, *Saddam Hussein: The Politics of Revenge* (London, UK: Bloomsbury, 2000), 46–61; Geoff Simons, *Iraq: From Sumer to Saddam* (London, UK: Macmillan Press Ltd., 1994), 274–275.
- 44 Интервью, взятое автором у Зухейра Аль-Джезари в сентябре 2019 г.

Глава 5. В Бразилию и обратно

- 1 Peter Dale Scott, “The United States and the Overthrow of Sukarno, 1965–1967,” *Pacific Affairs* 58, no. 2 (Summer 1985): 249.
- 2 Среди индонезийцев, живущих в Бразилии, главным образом в Сан-Паулу, бытует легенда, что иммиграция началась около 1960 г., после того как один индонезийский пилот впервые побывал в этой стране и принялся рассказывать о ней друзьям и родственникам.
- 3 Вся информация об Инь Джиок и семье Тан основывается на интервью, взятых автором в Сан-Паулу в 2017–2019 гг.
- 4 Ряд постколониальных стран обязаны названием какому-нибудь товару, экспортируемому в ранний период контактов с европейца-

- ми, например Аргентина (серебро), Золотой берег (теперь Гана), Берег слоновой кости и т. д.
- 5 Оригинальный текст: Hans Staden, *True Story and Description of a Country of Wild, Naked, Grim, Man-eating People in the New World, America* (Andreas Kolbe Publishing, 1557, with woodcuts). Больше об этом тексте см. также: Vincent Bevins, "The Correct Way to Be a Cannibal," *The Outline*, September 20, 2017.
  - 6 Lilia M. Schwarcz and Heloisa M. Starling, *Brazil: A Biography* (London: Allen Lane, 2018), 86.
  - 7 Thomas E. Skidmore, *Brazil: Five Centuries of Change*, 2nd ed. (Oxford: Oxford University Press), 83.
  - 8 Jeffrey Lesser, "Negócios com a 'raça brasileira,'" *Folha de S. Paulo*, June 6, 1999.
  - 9 W. Michael Weis, *Cold Warriors and Coups d'Etat: Brazilian-American Relations, 1945–1954* (Albuquerque, NM: University of New Mexico Press, 1993), II, 21–22.
  - 10 Schwarcz and Starling, *Brazil*, 450. Стоит также отметить, что во многих отношениях Бразилия вступила в холодную войну в качестве антикоммунистической силы раньше и охотнее, чем США. См. также: Patto Sá Motta, *Em Guarda Contra O Perigo Vermelho*, 3.
  - 11 Weis, *Cold Warriors*, 24–30; слово «гринго» добавлено мной — в бразильском португальском языке его значение не имеет негативного оттенка.
  - 12 В ежегодном обращении к Национальному конгрессу Бразилии в марте 1953 г. Варгас рассуждал о поддержке Бразилией антиколониальной борьбы в Генеральной ассамблее ООН в прошлом октябре. См.: Getúlio Vargas, *Mensagem ao Congresso Nacional*, Rio de Janeiro, March 15, 1953, 17–19, <http://www.biblioteca.presidencia.gov.br/publicacoes-oficiais/mensagem-ao-congresso-nacional/mensagem-ao-congresso-nacional-getulio-vargas-1953/>.
  - 13 Weis, *Cold Warriors*, 71–75.
  - 14 "Brazil Oil Monopoly Created by New Law," *New York Times*, October 5, 1953.
  - 15 Weis, *Cold Warriors*, 77.
  - 16 Там же, 85. Вайс дает следующее примечание по этому поводу: «О целях и деятельности Информационной службы Соединенных Штатов (USIS) по Бразилии см. Trimble to Kemper, Sept. 28, 1954, file 320, Rio Post file, State Department archives. USIS получила в 1955 году 490 000 долларов, для сравнения: в 1954 году — 360 000 долларов».
  - 17 Там же, 128.

- 18 Телеграмма посла в Бразилии (Гордон) в Госдепартамент, Рио-де-Жанейро, 28 марта 1964 г., 1964–1968, *FRUS*, Vol. XXXI, 187, на сайте <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v31/d187>.
- 19 Bruce L. R. Smith, *Lincoln Gordon: Architect of Cold War Foreign Policy* (Lexington, KY: Kentucky University Press, 2015), chaps. 8–10, chaps. 12–1.
- 20 Там же, 150–55, 202, 224. В книге есть и другие упоминания об их взаимодействии, но вследствие знакомства во время Второй мировой войны и консультаций по поводу поступления в Гарвардскую школу бизнеса он, безусловно, был в начале 1960-х гг. «давним другом».
- 21 Там же, 237.
- 22 Weis, *Cold Warriors*, 143.
- 23 John Gerassi, *The Great Fear in Latin America* (New York: Collier Books, 1971), 83.
- 24 Marcos Napolitano, *1964: História do Regime Militar Brasileiro* (São Paulo: Contexto, 2014), 32–33.
- 25 Там же, 33–38.
- 26 “Meeting on Brazil on July 30, 1962,” Presidential Records, Digital Edition. Запись беседы, состоявшейся в университете Вирджинии: <https://prde.upress.virginia.edu/vl/documents?uri=8010002.xml>.
- 27 Thomas, *The Very Best Men*, 323. Я полагаю, что это основано на интервью, взятом Томасом у Хогана или Фицджеральда, поскольку цитируемый им источник — John Ranelagh, *The Agency* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1986) — не содержит данного фрагмента.
- 28 Описание «борьбы с повстанцами» см. в: Weis, *Cold Warriors*, 156. Выводы см. в: “Report From the Inter-Departmental Survey Team on Brazil to President Kennedy,” *FRUS*, 1961–1963, Vol. XII, 228.
- 29 Weis, *Cold Warriors*, 131.
- 30 Elio Gaspari, *A Ditadura Envergonhada (Coleção Ditadura Livro 1)*, chap. 1, “O Exército dormiu Janguista,” loc. 1088 of 13184, Kindle. Гаспарини показывает, что Уолтерс не хотел приезжать; это безусловно не было повышением, что добавляет убедительности предположению (разделяемому многими в Бразилии), что его прислали «разобраться» с проблемами. Я возвращаюсь к Уолтерсу и его мемуарам в последнем разделе этой главы.
- 31 Vernon A. Walters, *Silent Missions* (New York: Doubleday, 1978).
- 32 Dallek, *An Unfinished Life*, 522.
- 33 Schwarcz and Starling, *Brazil*, 501–07.
- 34 Weis, *Cold Warriors*, 161. Этой организацией был Бразильский институт демократического действия (Instituto Brasileiro de Ação Democrática). Когда губернатор Пернамбуки Мигель Арраес убе-

- дительно продемонстрировал, что к выборам привлекалось AID, США перестали помогать его региону и между властями двух стран усилилась напряженность.
- 35 Weis, *Cold Warriors*, 231. В разделе примечаний имеется ссылка на интервью, взятое автором у Мигеля Осориу де Альмейды, которого отправляли в 1963 г. в Советский Союз с предложением расширить торговлю. Ему ответили, что Бразилия находится в орбите влияния США и Советы «не хотят, чтобы их ассоциировали с коммунизмом в Бразилии».
- 36 Schwarcz and Starling, *Brazil*, 377.
- 37 Marly de Almeida Gomes Vianna, *Revolucionários de 35* (São Paulo: Companhia das Letras, 1992) 40–43. Даже после своей максимальной радикализации в 1928 г. Коминтерн никогда не верил в немедленную революцию в колониальных и полуколониальных странах, и линия партий в этих странах состояла в том, чтобы любой ценой избегать открытого конфликта с другими националистическими силами, включая местную капиталистическую «буржуазию».
- 38 Престес из Южной Бразилии возглавил марш по территории страны с требованием тайного голосования, всеобщих государственных школ и фактически свержения президента Артура Бернардиса, хотя протестующие намеренно избегали конфронтации с правительственными войсками и скорее стремились привлечь солдат и граждан на свою сторону. Затем Престес покинул страну на пять лет и, став более радикальным, предпринял попытку вступить в коммунистическую партию. Сначала Бразильская коммунистическая партия — и Москва — не были в нем уверены. Они называли его «весьма буржуазным» каудильо, и поскольку коммунисты обожглись на заключении альянсов с националистами в Китае, то боялись принять в свои ряды кого-то вроде бразильского Чан Кайши. Его кандидатуру одобрили лишь в 1934 г., когда правительство Жетулиу Варгаса совершило резкий разворот в сторону фашизма (Vianna, *Revolucionários*, 50–51).
- 39 Там же, 117.
- 40 Это описание мятежа основано на: Vianna, *Revolucionários*, 230–48.
- 41 *O Globo*, June 26, 1935, 1st ed. Цит. в: Vianna, *Revolucionários*, 132–33.
- 42 Rodrigo Patto Sá Motta, *Em Guarda Contra O Perigo Vermelho*, 223.
- 43 Patto Sá Motta, *Em Guarda Contra O Perigo Vermelho*, 60, 66–67.
- 44 Schwarcz and Starling, *Brazil*, 419–22.
- 45 Patto Sá Motta, *Em Guarda Contra O Perigo Vermelho*, 116.
- 46 Federico Finchelstein, *The Ideological Origins of the Dirty War: Fascism, Populism, and Dictatorship in Twentieth Century Argentina* (Oxford: Oxford University Press, 2014), 47–48.
- 47 Patto Sá Motta, *Em Guarda Contra O Perigo Vermelho*, 49–52.
- 48 Там же, 169.

- 49 Weis, *Cold Warriors*, 20.
- 50 Patto Sá Motta, *Em Guarda Contra O Perigo Vermelho*, 156.
- 51 Fundação Getúlio Vargas, CPDOC, “Verbete: Movimento Anti-Comunista (MAC),” резюме на сайте: www.fgv.br/cpdoc/acervo/dicionarios/verbete-tematico/movimento-anticomunista-mac.
- 52 Patto Sá Motta, *Em Guarda Contra O Perigo Vermelho*, 149–52.
- 53 Napolitano, 1964, 38–39.
- 54 *O Globo*, January 25, 1964, перепечатано в: Patto Sá Motta, *Em Guarda Contra O Perigo Vermelho*, 93.
- 55 Kinzer, *Overthrow*, 169.
- 56 Dallek, *An Unfinished Life*, 697–98.
- 57 Weiner, *Legacy of Ashes*, 225–26.
- 58 О карьере Джонсона до президентства см.: Doris Kearns Goodwin, *Lyndon Johnson and the American Dream* (New York: Integrated Media, 2015), chaps. 1–6.
- 59 Там же, 175–77.
- 60 *Jornal do Brasil*, September 13, 1963, 6. Цит. в: Napolitano, 1964, 46.
- 61 Ordem do Dia do Exército, General Jair Dantas Ribeiro, November 1963, напечатано в: General Fernando de Carvalho, *Lembra-Vos de 35!* (Rio de Janeiro: Biblioteca do Exército Editora, 1981), 375–77. *Lembra-Vos* — это отредактированное издание памятных речей, произнесенных у мемориала *Intentona* с 1936 до 1980 гг. Как и американские копии, бразильская полиция и военные склонны слишком усердствовать, используя запутанные грамматические конструкции и туманные выражения в попытке придать речи официальный характер.
- 62 Napolitano, 1964, 50, 61.
- 63 Телеграмма посла в Бразилии (Гордон) в Государственный департамент, Рио-де-Жанейро, 28 марта 1964 г., *FRUS*, Vol. XXXI, South and Central America; Mexico, 187, <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v31/d187>.
- 64 Walters, *Silent Missions*, 77, 123.
- 65 В бразильском ЕВС имеется полная стенограмма (на португальском языке) и несколько фото, “Discurso de Jango na Central do Brasil em 1964,” at www.ebc.com.br/cidadania/2014/03/discurso-de-jango-na-central-do-brasil-em-1964.
- 66 Benjamin Cowan, *Securing Sex: Morality and Repression in the Making of Cold War Brazil* (Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2016), 75–77.
- 67 Napolitano, 1964, 56–57.
- 68 Patto Sá Motta, *Em Guarda Contra O Perigo Vermelho*, 74. Примечательно, что в своих мемуарах Вернон Уолтерс дает понять, что разделяет огромное большинство антикоммунистических мнений, которые я здесь описываю. Во-первых, он верит, что «зловещий преце-

- дент» — *Intentona Comunista* — и убийство генералов во сне дают особую причину бояться популярности Жангу у рядовых солдат. Во-вторых, он отмахивается от обвинений бразильской диктатуры в «злоупотреблениях» («излишний пыл», говорит он), поясняя, очевидно искренне, что можно не сомневаться — было бы гораздо хуже, «если бы Бразилия стала коммунистической». В-третьих, он поддерживает убеждение (также излагаемое Никсоном): «Авторитарные правые режимы всегда рано или поздно уходят. Коммунистические режимы, раз захватив власть, не уходят никогда». Walters, *Silent Missions*, 371–89.
- 69 Здесь и далее я расширяю терминологию и подход, которыми пользовался в статье в *The New York Review of Books* от 12 октября 2018 г. См.: Vincent Bevins, “Jair Bolsonaro, Brazil’s Would-be Dictator,” *NYR Daily*, October 12, 2018.
- 70 FRUS, 1964–1968, Volume XXXI, South and Central America; Mexico, 198. Telegram from the Department of State to the Embassy in Brazil, March 31, 1964.
- 71 Bevins, “Jair Bolsonaro, Brazil’s Would-be Dictator.”
- 72 Ruth Leacock, *Requiem for Revolution: The United States and Brazil, 1961–1969* (Kent, Ohio: Kent State University Press, 1990), chap. 11.
- 73 General-de-Exercito Pery Constant Bevilaqua, *Alocucao Do Representante Das Forcas Armadas*, December 1, 1964, напечатано в: *Lembra-Vos De 35!*, 381.
- 74 Leacock, *Requiem for Revolution*, 197.
- 75 Napolitano, 1964, 62. Анализ советской реакции на переворот см. в: Gianfranco Caterina, “Um grande oceano: Brasil e União Soviética atravessando a Guerra Fria (1947–1985)” (PhD diss., Fundação Getúlio Vargas, 2019), 267–75. Москва лишь слегка покритиковала антикоммунистическую позицию новой власти и выразила желание продолжить развитие двусторонних отношений между странами.

Глава 6. Движение 30 сентября

- 1 *The Afro-Asian Journalist*, Djakarta 1964, 1–1964, no.1, viewed at SOAS University London.
- 2 Согласно рассекреченным документам из Восточной Европы, Зайн был членом Центрального комитета Коммунистической партии, и Мартин Алейда подтвердил это. Однако Франциска сказала, что в то время они никогда не обсуждали его конкретную партийную деятельность, хотя было очевидно, к какой стороне он принадлежал, поэтому здесь я называю его просто «влиятельной фигурой среди левых». Далее в тексте я рассматриваю его роль в партии. “Memorandum about talks with the Deputy Head of the

- Department for International Relations of the Central Committee of the PKI, Comrade Zain Nasution, on 30 June 1965," Stiftung Archiv Parteien und Messenorganisationen der DDR im Bundesarchiv (SAP-MO-BArch) DY 30 / IV A2 / 20, 66. Cited in Baskara Wardaya and Bernd Schaefer (eds.), 1965: Indonesia and the World (Jakarta, Kompas Gramedia, 2013), 289; интервью, взятое автором у Мартина Алейды.
- 3 Mortimer, Indonesian Communism under Sukarno, 125–26.
  - 4 Jones, Indonesia: The Possible Dream, 260.
  - 5 О предыстории журнала *The Afro-Asian Journalist* см.: Taomo Zhou, "The Archipelago Reporting Global: The Afro-Asian Journalist Association, the Indonesian Left, and the Print Culture of the Third World, 1963–65" *Medium*, medium.com/afro-asian-visions/the-afro-asian-journalist-association-the-indonesian-left-and-the-print-culture-of-the-third-7f6463b185b0.
  - 6 Karl, Mao Zedong and China in the Twentieth-Century World, 109–13.
  - 7 Сунионо, преподаватель в принадлежащей КПИ школе теории, представил диссертацию о популистском подходе партии, заключавшемся в постулировании «двойного аспекта государства» — «про-народного» и «антинародного». Он был глубоко разочарован, когда идеологи Северной Кореи отвергли эту мысль как «немарксистскую», но индонезийцы уж точно не собирались отказываться по этой причине от своей философии. Описано в кн.: John Roosa, *Pretext for Mass Murder: The September 30th Movement and Suharto's Coup d'Etat in Indonesia* (Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2006), chap. 5.
  - 8 Эти данные (3 млн полноправных членов партии и 20 млн участников аффилированных организаций) исходят от КПИ и массово повторяются историками, а также представителями американского истеблишмента. См., например: Wieringa, *Propaganda*, 5 и Robinson, *The Killing Season*, 8. В 1964 г. Гай Дж. Паркер пришел к оценке между 25% и третью зарегистрированных избирателей в статье для RAND Corporation, озаглавленной «Коммунистические протесты в Индонезии», которая похожа на правду лишь при условии, что в рядах родственных организаций состояло 16 млн человек, а не 20 млн. Трудно установить степень да и сам факт двойного учета членов партии и этих организаций.
  - 9 Об агитации КПИ к выборам в парламент при «направляемой демократии» см.: Mortimer, *Indonesian Communism under Sukarno*, 120–22. Глава 2 этой книги в общих чертах объясняет решение партии держаться очень близко к Сукарно в этот период.
  - 10 Jones, Indonesia: The Possible Dream, 265.
  - 11 Simpson, *Economists with Guns*, 117.
  - 12 "Crossroads for Sukarno," *New York Times*, May 30, 1963.

- 13 Simpson, *Economists with Guns*, 88–89.
- 14 Там же, 121.
- 15 Jim Baker, *Crossroads: A Popular History of Malaysia and Singapore* (Singapore: Marshall Cavendish, 2010), loc. 4000–4088 of 8869, Kindle.
- 16 Simpson, *Economists with Guns*, 34.
- 17 Рассказ Магдалены основывается на интервью, взятых автором у Магдалены Кастиных в Соло, Индонезия, в 2018–2019 гг.
- 18 Simpson, *Economists with Guns*, 125.
- 19 Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, 297.
- 20 Там же, 299–300.
- 21 Simpson, *Economists with Guns*, 133.
- 22 Greg Poulgrain, *The Incubus of Intervention: Conflicting Indonesia Strategies of John F. Kennedy and Allen Dulles* (Petaling Jaya: Strategic Information and Research Development Centre, 2015), 247.
- 23 Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, 321. См. также: Simpson, *Economists with Guns*, 131–34.
- 24 Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, 325–26.
- 25 Weiner, *Legacy of Ashes*, 241.
- 26 Simpson, *Economists with Guns*, 134; интервью автора.
- 27 Jones, *Indonesia: The Possible Dream*, 343–44, 359–60.
- 28 Копия письма с просьбой об отставке, Howard P. Jones to President Johnson, November 1, 1964, Box 10, Howard Palfrey Jones Papers, Hoover Institution.
- 29 Приглашение на ужин на 18 мая, Folder: Subandrio, Box 18, Howard Palfrey Jones Papers, Hoover Institution.
- 30 Warren Unna, “Jones Was Sukarno’s Pal,” *Washington Post*, January 17, 1965.
- 31 Warren Unna, “Our Man in Indonesia: Patsy for Sukarno or Unique Envoy?” *Los Angeles Times*, January 17, 1965.
- 32 Обзор имеющихся у нас ограниченных представлений см.: Robinson, *Killing Season*, 105–115, и Simpson, *Economists with Guns*, 139–58. Слова «преждевременный мятеж КПИ» произнес Эдвард Пек, помощник государственного секретаря в Министерстве иностранных дел, в разговоре с Верховным комиссаром Новой Зеландии в Лондоне (цит. в: Simpson, 144). «Директор по политической борьбе»: Simpson, 158. «Почти наверняка» — цитата из взвешенного анализа вероятной деятельности, выполненного Робинсоном, 110.
- 33 Howard Jones, presentation at 1965 Chief of Mission conference, “American-Indonesian Relations,” Howard P. Jones Papers, Hoover Institution, Box 22, HI. Цит. в: Simpson, *Economists with Guns*, 157.
- 34 Roro Sawita, “Tanah, Landreform dan Kemelut 1965,” in *Melawan Lupa: Narasi-Narasi Komunitas Taman 65 Bali* (Denpasar, 2012), 3–13; Wieringa, *Propaganda*, 89–90.

- 35 Taomo Zhou, "China and the Thirtieth of September Movement," *Indonesia* 98 (October 2014): 35.
- 36 Simpson, *Economists with Guns*, 165–66.
- 37 Zhou, "China and the Thirtieth of September Movement," 48–49.
- 38 Там же, 49–51. Чжоу здесь понимает это высказывание как своего рода предварительное описание подхода, выработанного Движением 30 сентября, однако оно сделано в контексте дискуссии по вопросу о том, как могла бы действовать КПИ в случае смерти Сукарно или его отстранения от власти. По прочтении текста той же беседы я сделал вывод (как и Джеффри Робинсон), что Айдит, возможно, говорил о чрезвычайном плане для будущего без Сукарно или же попросту проговорился о том, как они могли бы заполучить больше власти, не провоцируя правых. Самым интересным в обмене мнениями между Китаем и Индонезией в 1965 г. мне представляется то, что китайские коммунисты, судя по всему, акцентируют необходимость подготовиться к возможности вооруженной борьбы и подозревают, что поддерживаемые США правые могут попытаться захватить власть. Лично Чжоу делает однозначный вывод, что Мао не был архитектором Движения 30 сентября.
- 39 Robinson, *The Killing Season*, 112.
- 40 Simpson, *Economists with Guns*, 156.
- 41 Там же, 154.
- 42 Memorandum Prepared for the 303 Committee, FRUS 1964–1968, Vol. XXVI, 110, <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v26/d110>.
- 43 Телефонный разговор (Telcon) Джорджа Болла с Макджорджем Банди, 16 августа 1965 г., George W. Ball Papers, Mudd Library, Princeton, NJ. Цит. в: Robinson, *The Killing Season*, 103.
- 44 Цит. в: Robinson, *The Killing Season*, 110. Вот его ремарка под документом: «Невилл Максвелл, британский ученый, обнаружил документ в архиве Министерства иностранных дел Пакистана. Его неопубликованное письмо *The New York Review of Books* от 5 июня 1978 года с описанием содержания документа было позднее напечатано в виде статьи Neville Maxwell, 'CIA Involvement in the 1965 Military Coup: New Evidence from Neville Maxwell,' *Journal of Contemporary Asia* 9, no. 2 (1979): 251–52».
- 45 Roosa, *Pretext for Mass Murder*, chap. 1. В описании событий 1 октября я по большей части следую изложению, предложенному Рузой, но не включаю уникальные для его текста или спорные элементы.
- 46 Roosa, *Pretext for Mass Murder*. Вся книга посвящена доказательству этого на базе обширного анализа документов на нескольких языках.
- 47 Робинсон рассматривает спектр теорий в кн.: *Killing Season*, 65–80. Я очень кратко охарактеризовал их и добавил ряд других вопро-

- сов, в основном заданных Саскией Виеринга, выжившими (в ходе интервью, которые они дали автору) и Субандрио (в его приводимой ниже книге).
- 48 Benedict Anderson and Ruth McVey, "A Preliminary Analysis of the October 1, 1965, Coup in Indonesia," Cornell Modern Indonesia Project, 1971.
- 49 Я узнал об этом обстоятельстве в пересказе Андреаса Харсоно, главы индонезийского отделения организации «Хьюман Райтс Вотч» (Human Rights Watch), которому сообщили о нем очевидцы.
- 50 Soebandrio, *Kesaksianku tentang G30S*. Вся книга представляет собой объяснение этой теории, но в наибольшей степени относятся к делу главы 2 и 3.
- 51 Abdul Latief, *Pledoi Kol. A. Latief: Soeharto Terlibat G 30 S* (Jakarta, ISAI: 2000).
- 52 В 2019 г. я спросил непосредственно у ЦРУ, в чем заключалась роль агентства. Мне ответили, что, к сожалению, никакие новые документы рассекречены не были.
- 53 CIA Intelligence Info Cable TDCS-315-00846-64, "US-Indonesian Relations," September 19, 1964, DDC, 1981. Цит. в: Robinson, *Killing Season*, 103.
- 54 Scott, "The United States and the Overthrow of Sukarno, 1965-1967," 245-49.
- 55 Soebandrio, *Kesaksianku tentang G30S*, 5.
- 56 Roosa, *Pretext for Mass Murder*, 114.
- 57 *Harian Rakjat*, October 2, 1965. Заголовок гласит: «Подполковник Унтунг и батальон Тьякрабирава [президентская гвардия] спасают президента и республику от мятежа совета генералов», а подзаголовок: «Движение 30 сентября является внутриармейским движением». Номер предоставлен Библиотекой Корнеллского университета.
- 58 Интервью, взятые автором у Алейды в 2018 и 2019 гг.
- 59 Simpson, *Economists with Guns*, 181.
- 60 Scott, "The United States and the Overthrow of Sukarno, 1965-1967," 260.
- 61 *Angkatan Bersendjata*, October 5, 1965. Номер предоставлен Библиотекой Корнеллского университета.
- 62 Меморандум о телефонном разговоре действующего госсекретаря Болла и министра обороны Макнамары от 1 октября 1965 г., FRUS, 1964-1968, Vol. XXVI, Indonesia; Malaysia-Singapore; Philippines, 143, <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v26/d143>.
- 63 Телеграмма из посольства в Индонезии в Министерство обороны от 14 октября 1965 г., FRUS, 1964-1968, Vol. XXVI, 155, <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v26/d155>.
- 64 Melvin, *The Army and the Indonesian Genocide*, 9-10, 25; автор, поговорив с выжившими свидетелями в Центральной Яве, также под-

тверждает, что те встречали эти пропагандистские заявления в зарубежных СМИ.

- 65 Wieringa, *Propaganda and the Genocide in Indonesia*, 102. См. контекст данного аспекта военной пропаганды в связи с событиями 1 октября в главе 6.
- 66 См.: Benedict Anderson, "How Did the Generals Die?" *Indonesia* 43 (April, 1987): 109–34.
- 67 Simpson, *Economists with Guns*, 181.
- 68 Kyle Burke, *Revolutionaries for the Right*, 20–25.

Глава 7. Истребление

- 1 Melvin, *The Army and the Indonesian Genocide*, 127.
- 2 Телеграмма из посольства в Индонезии в Госдепартамент от 5 октября 1965 г., *FRUS, 1964–1968, Vol. XXVI, Indonesia; Malaysia-Singapore; Philippines*, 147, at <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v26/d147>.
- 3 Melvin, *The Army and the Indonesian Genocide*, 82.
- 4 Там же, 89.
- 5 Там же, 78.
- 6 Там же, 143.
- 7 Там же, 3, 72.
- 8 Там же, 125.
- 9 *Angkatan Bersendjata*, October 8, 1965. Номер предоставлен Библиотекой Корнеллского университета. Эта иллюстрация рассматривается в кн.: Melvin, *The Army and Indonesian Genocide*, 41.
- 10 Там же, 1.
- 11 Телеграмма из посольства в Индонезии в Госдепартамент, Джакарта, 20 октября 1965 г., 0330Z, *FRUS, 1964–1968, Vol. XXVI*, 158, по адресу <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v26/d158>.
- 12 Телеграмма из Джакарты в Госдепартамент, "1. PII Moslem Youth Leader," October 21, 1965, RG 59, Central Files 1964–1966, Pol 23–9 Indon, National Archives and Records Administration (NARA).
- 13 Меморандум специального помощника президента по вопросам национальной безопасности (Банди) президенту Джонсону от 22 октября 1965 г., 1965, *FRUS, 1964–1968, Vol. XXVI, Indonesia; Malaysia-Singapore; Philippines*, 160.
- 14 Телеграмма из Джакарты Госсекретарю от 22 октября 1965 г., "PAGE TWO RUMJBT." Копию оригинального документа, хранящегося в Президентской библиотеке Линдона Бейнса Джонсона, предоставил Брэдли Симпсон.
- 15 Там же, 186–87.

- 16 Kathy Kadane, "US Officials' Lists Aided Indonesian Bloodbath in '60s," *Washington Post*, May 21, 1990, www.washingtonpost.com/archive/politics/1990/05/21/us-officials-lists-aided-indonesian-bloodbath-in-60s/ff6d37c3-8eed-486f-908c-3eeaf c19aab2/?utm_term=.d9f3a266673c.
- 17 Некоторые авторы предположили, что смерть Виснера была каким-то образом вызвана последствиями действий, совершенных им в Индонезии и других местах за пределами США много лет назад. Его сын Фрэнк Виснер — младший отвергает эту теорию, а также говорит, что отец вряд ли читал новости или следил за событиями в мире в свои последние дни. Интервью автора, 2018 и 2019 гг.
- 18 Wieringa, *Propaganda*, 15, 87. «Крупнейшая мусульманская организация» — «Нахдлатул улама» (Nahdlatul Ulama).
- 19 Melvin, *The Army and the Indonesian Genocide*, 168, 211. Интервью, взятые у свидетелей насилия, см. также в: Baskara Wardaya, "Truth Will Out" (Victoria: Monash University Publishing, 2013).
- 20 Телеграмма из Джакарты в Госдепартамент, Joint Sitrep No. 47, "Page 5 RumJBT 272A S E C R E T," November 6, 1965, RG 59, Central Files 1964–1966, Pol 23–9 Indon, NARA.
- 21 Радиограмма А-545 из Джакарты в Госдепартамент, «Тема: признание сторонника Айдита, о котором сообщается в *Asahi Shimbun*, — очевидная фальшивка», 4 марта 1966 г., RG 59, Central Files 1964–1966, Pol 23–9 Indon, NARA.
- 22 Речь о Конференции по противодействию иностранным военным базам. Интервью, взятые автором у Мартина Алейды в 2019 г.
- 23 Simpson, *Economists with Guns*, 196–97.
- 24 Телеграмма 741 из Госдепартамента в Джакарту от 8 декабря 1965 г. и телеграмма 1605 из Джакарты в Госдепартамент от 1 декабря 1965 г., обе в: RG 59, Central Files, 1964–1966, POL 23–9, Indonesia, NA. Цит. в: Simpson, *Economists with Guns*, 197. В ходе дискуссии, следовавшей за публикацией его самой свежей книги, *Buried Histories: The Anticommunist Massacres of 1965–1966 in Indonesia* (Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2020), Джон Руса цитирует этот раскритикованный документ в качестве подтверждения того, что «убийство коммунистов [было для них] способом доказать Соединенным Штатам, что они заслуживают» помощь и инвестиции. Новорожденный режим Сухарто знал, что нуждается в помощи Вашингтона. В ответ на просьбу о кратком объяснении причин массовых убийств Руса говорит, что «на самом деле убийства были не нужны с точки зрения внутренней политики», и в качестве объяснения массового насилия указывает на общемировой контекст. См. тематическую дискуссию с участием автора и журналистки Критики

- Варагур под названием «Массовое убийство и формирование нашего времени», организованную *Shelter and Solidarity*.
- 25 Simpson, *Economists with Guns*, 198–99.
- 26 Там же, 199.
- 27 Geoffrey Robinson, *The Dark Side of Paradise: Political Violence in Bali* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1995), 293.
- 28 Там же, 251–54, 300.
- 29 Там же, 273.
- 30 Там же, 184.
- 31 Там же, 301.
- 32 Радиограмма А-453 из Джакарты в Госдепартамент, «Тема: оценка политики США», 14 января 1966 г., RG 59, Central Files 1964–1966, Pol 2–3 Indon, NARA.
- 33 Roosa, *Pretext for Mass Murder*, 200.
- 34 Soebandrio, *Kesaksianku tentang G30S*, 41.
- 35 Wieringa, *Propaganda*, 35.
- 36 Legge, *Sukarno*, 402.
- 37 Simpson, *Economists with Guns*, 231–32.
- 38 Телеграмма из Сингапура Госсекретарю, «1. Несколько американских корреспондентов», 17 марта 1965 г., RG 59, Central Files 1964–1966, Pol 15–1 Indo, NARA.
- 39 Слово «амок» происходит из малайского языка, что достаточно легко сказать, но я не хотел сбивать с толку читателей, которые, скорее всего, воспринимают «малайский» как «малайзийский».
- 40 C. L. Sulzberger, "Foreign Affairs: When a Nation Runs Amok," *New York Times*, April 13, 1966.
- 41 Robinson, *Killing Season*, 138.
- 42 Рассмотрение использования слова «амок» в прессе США см. в: Roosa, *Pretext for Mass Murder*, 26–27. Все подробно задокументированные случаи массовых убийств в Индонезии до того момента происходили при том или ином участии иностранцев и имели место в колониальный период, в ходе попыток отвоевать архипелаг после Второй мировой войны и во время японской оккупации (1942–1945).
- 43 Один из выживших, член партии Сунарьо, рассказал, что он и несколько его друзей все же подумывали о том, чтобы попытаться организовать сопротивление, однако их удержало от этого руководство КПИ в Соло. Интервью, взятые автором в Соло в 2018 г.
- 44 О заявлениях Сарво Эдди см.: Robinson, *Killing Fields*, 339 (footnote 3); краткое рассмотрение различных оценок см. в: Там же, 119.
- 45 Wieringa, *Propaganda*, 132.

- 46 Там же, 105, и интервью, взятые автором у Сумияти и других жертв.
- 47 Лучшее обоснование использования этого термина для описания событий 1965–1966 гг. см. в: Melvin, *The Army and the Indonesian Genocide*, chap. 1. См. также: Helen Jarvis and Saskia E. Wieringa, “The Indonesian Massacres as Genocide,” in *The International People’s Tribunal for 1965 and the Indonesian Genocide* (Routledge, 2019).
- 48 Ragna Boden, “The ‘Gestapu’ Events of 1965 in Indonesia: New Evidence from Russian and German Archives,” *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde* 163, no. 4 (2007): 515–17; “Memorandum about talks with the Deputy Head of the Department for International Relations of the Central Committee of the PKI, Comrade Zain Nasution, on 30 June 1965,” *Stiftung Archiv Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv* (SAP-MO-BArch) DY 30 / IV A2 / 20, 66. Цит. в: Wardaya, *1965: Indonesia and the World* (Jakarta 2013).
- 49 Final Report of the IPT 1965: Findings and Documents of the International People’s Tribunal on Crimes against Humanity Indonesia 1965 (The Hague, Jakarta, 2016).
- 50 Christian Gerlach, *Extremely Violent Societies* (Cambridge: Cambridge University Press, 2010), 82.
- 51 Roosa, *Pretext for Mass Murder*, 13.
- 52 “A Gleam of Light in Asia,” *New York Times*, June 18, 1966.
- 53 Maior, *America’s First Spy*, 192–94.
- 54 Kathy Kadane, “US Officials’ Lists Aided Indonesian Bloodbath in ‘60s.”

Глава 8. В это время в мире

- 1 Robert McNamara, *In Retrospect: The Tragedy and Loss of Vietnam* (New York: Times Books, 1995), 215.
- 2 Там же, 219.
- 3 Там же, 270.
- 4 *Nhân Dân*, October 7–18, 1965. Accessed at National Library of Vietnam in Hanoi.
- 5 Это официальные статистические данные из Ханоя, которые приводит, считая их достоверными, Кристофер Гоша в книге *Vietnam: A New History* (New York: Basic Books, 2016), 329. В различных местах текста этой книги Гоша утверждает, что власти Вьетнама в последующие годы скорее преуменьшали, чем преувеличивали число смертей, вызванных войной. См. также: Philip Shenon, “20 Years After Victory, Vietnamese Communists Ponder How to Celebrate,” *New York Times*, April 23 1995.

- 6 Рассмотрение вопроса о том, почему война оказалась такой долгой, см. в кн.: Goscha, *Vietnam*, 333–40.
- 7 Там же, 329–36.
- 8 Burke, *Revolutionaries for the Right*, 148.
- 9 Boden, “The ‘Gestapu’ Events,” 515.
- 10 Там же.
- 11 О реакции в разных частях мира, особенно в Европе, см.: Gerlach, *Extremely Violent Societies*, 80–85.
- 12 Официальные замечания и комментарии ГДР см. в: Boden, “‘Gestapu’ Events,” 515–19.
- 13 Интервью, взятые автором в 2018 и 2019 гг. в Амстердаме.
- 14 Ratna Saptari, “Persecution through Denial of Citizenship: Indonesians in Forced Exile Post 1965,” in Saskia E. Wieringa, Jess Melvin, and Annie Pohlman, eds., *The International People’s Tribunal for 1965 and the Indonesian Genocide* (New York: Routledge, 2019).
- 15 Thomas, *The Very Best Men*, 186.
- 16 LaFeber, *Inevitable Revolutions*, 166.
- 17 Очень обобщенный обзор этого периода см. в кн.: Ralph Lee Woodward Jr., *A Short History of Guatemala* (Guatemala: Laura Lee, 2008), 140–50. Более подробное рассмотрение на испанском языке: Ricardo Saenz de Tejada, “Modernización y conflictos, 1944–2000,” in Bárbara Arroyo et al., *Los Caminos de Nuestra Historia: estructuras, procesos y actores, Volumen II* (Guatemala: Editorial Cara Parens, 2015), 150–52.
- 18 Greg Grandin and Elizabeth Oglesby, “Washington Trained Guatemala’s Mass Murderers — and the Border Patrol Played a Role,” *The Nation*, January 3, 2019; Greg Grandin, “The Border Patrol Has Been a Cult of Brutality since 1924,” *The Intercept*, 12, 2019.
- 19 Grandin, *The Last Colonial Massacre*, 73.
- 20 Джон Руса посоветовал мне рассмотреть эту связь и первым поделился со мной наблюдением, что исчезновения людей как метод впервые был применен в Азии в 1965 г. Человеку, не являющемуся специалистом в этом специфическом вопросе, трудно проверить или доказать тот факт, что до событий 1965 г. в Индонезии этот метод не применялся. Поэтому я задал вопрос «Знаете ли вы об использовании массового исчезновения людей как форме государственного террора в Азии до 1965 года в Индонезии?» следующим экспертам: Ноаму Хомски, Вену Кирнану, Альфреду Маккою, Брэдли Симпсону и Баскаре Вардая. Никто из них не сумел вспомнить случай, который опроверг бы тезис Русы.
- 21 О приезде Лонгана и операции *Limpieza* см.: Greg Grandin, *The Last Colonial Massacre: Latin America in the Cold War* (Chicago: University of Chicago Press, 2004), 11–12, 73–75. Об исчезновении людей в истории насилия в Латинской Америке XX в. см. вступительное эссе

- Грера Грандина в кн.: "Living in a Revolutionary Time: Coming to Terms with the Violence of Latin America's Long Cold War," in Greg Grandin and Gilbert M. Joseph, eds., *A Century of Revolution: Insurgent and Counterinsurgent Violence During Latin America's Long Cold War* (Durham, NC, and London: Duke University Press, 2010).
- 22 Martin Aleida, *Tanah Air Yang Hilang* (Jakarta, 2017), chap. 1.
- 23 Taomo Zhou, *Migration in the Time of Revolution* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2019), chap. 8, 163.
- 24 Там же, 4.
- 25 Там же, 167–68.
- 26 Там же, 164.
- 27 Интервью, взятое автором у Сармадджи в Амстердаме в 2018 г. Он рассказал о годах, проведенных в Пекине, когда вокруг бушевала «культурная революция», которая, однако, практически не задела индонезийских студентов, включая его самого; Zhou, *Migration*, 176–78.
- 28 Zhou, *Migration*, 188–89.
- 29 Чжоу отмечает в главе 9, что Чжоу Эньлай продвигал идею «пятой силы» и в Индонезии. Влияние «культурной революции» также описывается в этой главе. Я хотел бы вновь подчеркнуть то, что отметил ранее: несмотря на ревизию обоих вариантов последней личной беседы Айдита с Мао, которые приводит Таомо Чжоу, я, вслед за Робинсоном, не разделяю ее точку зрения, согласно которой этот разговор доказывает, будто Айдит к тому моменту уже разработал обширные планы для Движения 30 сентября и поделился ими с Мао. Как и Робинсон, я не считаю, что представленные Чжоу свидетельства поддерживают эту теорию.
- 30 Schlesinger Jr., *Robert Kennedy and His Times*, 733.
- 31 Memorandum of Conversation, Visit to Department of Time-Life Inc. Officials, January 5, 1967, RG 59, Central Files 1967–1969, FN 9 Indonesia, NARA.
- 32 Robinson, *The Killing Season*, 209–25; интервью, взятые автором.
- 33 Proceedings of the Indonesian Investment Conference, "To Aid in Rebuilding a Nation," November 2–4, 1967, RG 59, Central Files 1967–1969, FN 9 Indonesia, NARA.
- 34 Short, *Pol Pot*, 135–45.
- 35 В документе об «уроках истории», составленном в начале 1977 г., Пол Пот ретроспективно воспринимает период 1966 г. следующим образом: «Если бы наш анализ оказался ошибочным, мы оказались бы в большей опасности, чем [коммунисты] в Индонезии. Однако наш анализ обеспечил нам победу, поскольку в нем была внутренняя логика, ведь большинство наших кадров находились в отношениях смертельного противоречия с врагом; враг посто-

- янно хотел их истребить». Ben Kiernan, *Pol Pot Plans the Future: Confidential Leadership Documents from Democratic Kampuchea*, (New Haven, CT: Yale University Press, 1988), 213–226. Эти слова приводятся на с. 218, и Кирнан так объяснил мне их смысл: «Этим утверждением Пол Пот подтвердил, что Коммунистическая партия Кампучии — такое название он дал партии после визита в Китай — выбрала вооруженную борьбу против власти Сианука вместо мирной конкуренции или кооперации (иными словами, варианта “сосуществования с Сиануком внутри страны”), составлявших суть политики индонезийских коммунистов в отношении правительства Сукарно».
- 36 John Henrik Clarke, “Kwame Nkrumah: His Years in America,” *The Black Scholar* 6, no. 2 (October 1974): 9–16.
  - 37 Разумеется, понятие «Черная Африка» не соответствует реалиям и само является продуктом внешнего, колониального навязывания, но, безусловно, существовало в качестве категории геополитики для западных наблюдателей в XX в.
  - 38 Kwame Nkrumah, *Neo-Colonialism: The Last Stage of Imperialism* (Melbourne: Thomas Nelson and Sons, 1965), x–xi.
  - 39 Kwame Nkrumah, *Handbook of Revolutionary Warfare* (New York: International Publishers, 1968), 42. Цит. в: Prashad, *Darker Nations*, III.
  - 40 Prashad, *Darker Nations*, 163–64.
  - 41 Gerlach, *Extremely Violent Societies*, 86.
  - 42 Weiner, *Legacy of Ashes*, 307.
  - 43 “Covert Action in Chile 1963–1973,” Staff Report of the Select Committee to Study Governmental Operations, US Senate, December 18, 1975, 15, at www.intelligence.senate.gov/sites/default/files/94chile.pdf.
  - 44 Paul E. Sigmund, *The Overthrow of Allende and the Politics of Chile, 1964–1976* (Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1977), 297.
  - 45 “Covert Action in Chile,” 7.
  - 46 Интервью, взятые автором у Кармен Херц лично (в Сантьяго) и по телефону в 2018 и 2019 гг.
  - 47 Orlando Millas, *Memorias 1957–1991: Una digresión* (Santiago: ChileAmerica, 1996), 162–63.
  - 48 *Punto Final*, Año 1, 2 quincena de octubre de 1966, no. 14, 25.
  - 49 *Punto Final*, Año 1, 2 quincena de octubre de 1966, no. 24, 21.
  - 50 Tanya Harmer, *Allende’s Chile and the Inter-American Cold War* (Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 2011), 34–36.
  - 51 Thomas, *The Very Best Men*, 36.
  - 52 Bernard Eccleston, Michael Dawson, and Deborah J. McNamara, eds., *The Asia-Pacific Profile* (London and New York: Routledge, 1998), 311–12.
  - 53 Tyrell Haberkorn, “Getting Away with Murder in Thailand: State Violence and Impunity in Phatthalung,” in Ganesan and Chull Kim,

- eds., *State Violence in East Asia* (Lexington, KY: University of Kentucky Press, 2013), 185–87.
- 54 Интервью, взятые автором у Энданг Тедджа Нурдджайа «Нури» Ханафи в Париже (2018) и по телефону (2019).
- 55 Harmer, *Allende's Chile*, 34–36.
- 56 Zhou, *Migration*, 173–74.
- 57 Scott Anderson and Jon Lee Anderson, *Inside the League: The Shocking Expos  of How Terrorists, Nazis, and Latin American Death Squads have Infiltrated the World Anti-Communist League* (New York: Dodd, Mead, 1986).
- 58 Burke, *Revolutionaries for the Right*, 55.
- 59 Anderson and Anderson, *Inside the League*, chaps. 1 and 2.
- 60 Barack Obama, *Dreams from My Father* (New York: Crown, 1995), 40.

Глава 9. Джакарта грядет

- 1 Simpson, *Economists with Guns*, 20.
- 2 Obama, *Dreams from My Father*, 45–46.
- 3 Речь идет о выборах в парламент в 1967 г. В то время социалистами называли членов Федерации демократических и социалистических левых (*F d ration de la gauche d mocrate et socialiste* or FGDS).
- 4 Charlotte Denny, “Suharto, Marcos and Mobutu Head Corruption Table with \$50bn Scams,” *Guardian*, March 26, 2004.
- 5 Robinson, *Killing Season*, 209.
- 6 Napolitano, 1964, 70–85.
- 7 Napolitano, 1964, 86–90.
- 8 *El Pais*, “Atentados de direita fomentaram AI-5,” October 2, 2018.
- 9 Институциональный акт № 5 ввел в действие президент Артур да Коста-и-Силва, а Медиси использовал его, чтобы начать террор, когда захватил власть. См.: Napolitano, 1964, 71–72, 91–95.
- 10 Joao Roberto Martins Filho, “Military Ties between France and Brazil during the Cold War, 1959–1975,” *Latin American Perspectives* 198, Vol. 41, no. 5 (September 2014): 167–183.
- 11 Sandra Kiefer, “Dilma Rousseff Revela Detalhes do Sofrimento Vivido Nos Poro s da Ditadura,” *Correio Braziliense*, June 17, 2012.
- 12 Napolitano, 1964, 126.
- 13 Paulo Coelho, “I Was Tortured by Brazil’s Dictatorship. Is That What Bolsonaro Wants to Celebrate?” *Washington Post*, March 29, 2019.
- 14 Tanya Harmer, “Brazil’s Cold War in the Southern Cone, 1970–1975,” *Cold War History* 12, no. 4 (November 2012): 659–681.
- 15 Memorandum for the Record, Washington, June 27, 1970, FRUS, 1969–1976, Vol. XXI, Chile, 1969–1973, <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v21/d41>.
- 16 Weiner, *Legacy of Ashes*, 308–10.

- 17 *El Mercurio*, September 7, 1970. Cited in Harmer, *Brazil's Cold War in the Southern Cone*, 664.
- 18 Harmer, *Allende's Chile*, 3.
- 19 Peter Kornbluh, *The Pinochet File: A Declassified Dossier on Atrocity and Accountability* (New York: New Press, 2003), 36.
- 20 Weiner, *Legacy of Ashes*, 310.
- 21 Неясно, задумывался ли символ похожим на паука, однако его повсеместно стали называть «араña». О происхождении символа см.: Jose Diaz Nieva, *Patria y Libertad: El Nacionalismo Frente a la Unidad Popular* (Santiago: Centro de Estudios Bicentenario, 2015), 80–82.
- 22 John Dinges, *The Condor Years: How Pinochet and His Allies Brought Terrorism to Three Continents* (New York: New Press, 2004) 18–20; Weiner, *Legacy of Ashes*, 310–13.
- 23 Интервью, взятое автором в 2018 г. у чилийцев, во времена описываемых событий являвшихся журналистами с левыми убеждениями и военнотружущими с невысокими званиями.
- 24 Kristian C. Gustafson, "Re-examining the Record: CIA Machinations in Chile 1970," CIA Library, www.cia.gov/static/d4e6cc0b43a66a60efbca83blad0477f/CIA-Machinations-in-Chile.pdf; Hinchey report, "CIA Activities in Chile," Homeland Security Digital Library, <https://www.hsdl.org/?abstract&did=438476>.
- 25 Carmen Hertz, *La Historia Fue Otra* (Santiago: Debate, 2017), 45.
- 26 Harmer, *Allende's Chile*, 81–83.
- 27 Там же, 78–79.
- 28 Там же, 24.
- 29 Ariel Dorfman, "Salvador Allende Offers a Way Out for Venezuela's Maduro," *The Nation*, February 11, 2019.
- 30 Kornbluh, *The Pinochet File*, 119–20.
- 31 Harmer, "Brazil's Cold War," 660.
- 32 Там же, 669–70.
- 33 Gabriel Warburg, *Islam, Nationalism, and Communism in Traditional Society* (London: Frank Cass, 1978), 130–35. Коммунистическая партия Судана внимательно следила за происходящим в Индонезии в 1965 г., поэтому пыталась избежать прямой конфронтации, согласно Alain Gresh, "The Free Officers and the Comrades: The Sudanese Communist Party and Nimeiri Face-to-Face, 1969–1971," *Journal of Middle East Studies* 21. no. 3 (August 1989): 13. По данным самой партии, 37 партийцев были казнены через повешение. Интервью, взятое автором у Фатхи Альфадля в 2019 г. по электронной почте.
- 34 Об операции «Джакарта» как части операции «Радар», начавшейся в 1973 г., см.: Graziane Ortiz Righi, "Angelo Cardoso da Silva: Herzog gaucho," *Comissao Nacional da Verdade (CNV) Processo no 00092.000932/2013-01, Sistema de Informacoes do Arquivo Nacional*

(SIAN) do Brasil. Аналогичное мнение, а также утверждение, что эта операция отняла жизнь Владимира Эрзога, высказаны в: “Comissao Estadual da Verdade Rubens Paiva,” (Assembleia Legislativa do Estado de Sao Paulo), CNV-SIAN. Больше о самой операции «Радар» см. в: “Depoimento de Marival Chaves Dias,” divided among BR RJANRIO CNV.O.DPO.00092000585201317, BR RJANRIO CNV.O.RCE.00092000122201317, v.107/1, and BR RJANRIO CNV.O.RCE.00092000122201317, v.106/2, at CNV-SIAN. Несколько упоминаний об операции «Джакарта» см. в: “Relatório sobre a morte de João Goulart,” Comissão de Cidadania e Direitos Humanos da Assembléia Legislativa do Estado do Rio Grande do Sul — Subcomissão para Investigar as Circunstâncias da Morte do ex-Presidente João Goulart, CNV-SIAN. Утверждение, что за бывшим президентом Гулартом следили в Уругвае в рамках этой операции с 1973 г., до разработки операции «Кондор», см. в: “Termo de declarações, que presta o senhor Mario Ronald Neyra Barreiro,” 00092.000311/2013–10, CNV-SIAN. Об операции «Джакарта» в связи с угрозами в адрес деятеля левого движения Джесси Джейн см. в: “Relatório de Pesquisa para a Comissão Estadual da Verdade do Rio de Janeiro,” CEV-RIO. Я снова отмечу, что не существует бесспорного доказательства официального использования бразильскими военными фразы «операция “Джакарта”» в своем кругу. Чтобы доказать или опровергнуть это, требуется больший доступ к материалам, связанным с военными. У нас имеются сообщения из разных мест (в том числе не включенные в эту книгу) о том, что это словосочетание использовалось, и рассказ свидетеля первого известного публичного применения этого термина (приводится далее в этой главе).

- 35 Díaz Nieva, *Patria y Libertad*, 176–79. Его хорватское происхождение навело меня на мысль, нет ли у него связей с крайне правыми этой страны, активными участниками на ранних этапах Антибольшевистского блока народов и Всемирной лиги антикоммунистов, однако я не нашел никаких свидетельств этого. Диас Ньева пишет, что работы Домича были «практически обязательным чтением» чилийских правых в то время. Ранний пример мнения Домича об Индонезии см. в: Juraj Domic, *Fundamentos de la Praxis Marxista-Leninista en Chile* (Santiago: Vaitea, 1977), 33, — о статье 1969 года, где вина за уничтожение КПИ возлагается на нее саму. Согласно Мануэлю Фуэнтесу Вендлингу, отвечавшему за пропаганду в *Patria y Libertad*, Домич и Вендлинг уже в 1970 году говорили о том, чтобы написать пятьсот тысяч лозунгов на стенах Чили, — на тот момент с целью поддержать кандидата в президенты Хорхе Алессанри. Это описано в кн.: Manuel Fuentes Wendling, *Memorias*

- secretas de Patria y Libertad y algunas confesiones sobre la Guerra Fría en Chile* (Santiago de Chile: Grupo Grijalbo-Mondadori, 1999), 61–76, 320–25. Я переписывался с лидером Patria y Libertad Роберто Тье-ме по электронной почте в 2018 году. На мой вопрос о «Джакарте» он ответил только, что «ни один чилиец, ни левый, ни правый, не интересуется историей Джакарты и ничего о ней не знает». Во время интервью в Сантьяго в 2018 году Орландо Саэнс Фуэнтес, правый активист в начале 1970-х гг., сказал, что граффити почти наверняка рисовала Patria y Libertad.
- 36 *El Rebelde*, January 25–31, 1972, no. 14. Accessed at Biblioteca Nacional de Chile, Sección Periódicos.
  - 37 Carlos Berger, “La conspiración derechista está tomando vuelo,” *Revista Ramona*, February 22, 1972. Доступно в Biblioteca Nacional de Chile. По предположению Бергера, план «Джакарта» передал чилийскому правому крылу «босс-янки из Purina». В то время Ralston Purina была компанией-производителем кормов для домашних животных, ее владельцы в Чили — Рокфеллер и Эдвардс.
  - 38 Интервью, взятое автором у Патрисио «Пато» Мадеры в Сантьяго в 2018 году; Radio Universidad de Chile, at <https://radio.uchile.cl/2018/07/17/patricio-madera-un-muralista-patrimonial-de-la-historica-brigada-ramona-parra/>
  - 39 Hertz, *La Historia Fue Otra*, 65–73.
  - 40 Harmer, *Allende's Chile*, 182–83.
  - 41 Weiner, *Legacy of Ashes*, 315.
  - 42 Harmer, *Allende's Chile*, 237.
  - 43 Luis H. Francia, *A History of the Philippines: From Indios Bravos to Filipinos* (New York: Overlook Press, 2010), 223.
  - 44 Интервью, взятое автором у Хомя Сисона. Я писал о Коммунистической партии Филиппин в *The Washington Post* в 2018 г., поэтому контактировал с ее информационным бюро. Бюро посоветовало мне отправить свои вопросы Сисону по электронной почте. Привожу целиком его ответ относительно 1965 г. и влияния тех событий на его мысль.

«Я увидел — и усвоил этот урок, — что члены Коммунистической партии Индонезии и большинство активно действовавших активистов из народа были с легкостью убиты в количестве до трех миллионов (согласно стратегическому командованию, руководившему бойней), и это не встретило эффективного сопротивления, потому что КППИ не имела народной армии и оказалась вся как на ладони для своих врагов — вследствие Насаком и участия в избирательной борьбе.

Разумеется, уроки бойни в Индонезии в 1965–1966 гг. наложили свой отпечаток на мою мысль последующих лет. С тех пор

я решил, что для коммунистической партии в конечном счете смертельно опасно по большей части или полностью раскрывать себя, прежде чем она сможет взять политическую власть. В силу того, что Коммунистическая партия Филиппин была подпольной с момента своего основания в 1968 г., ей удалось не только уцелеть, но еще и на протяжении 50 лет наращивать свою мощь — несмотря на все стратегические планы ее уничтожения и полного восстановления капитализма в Китае, крах Советского Союза и другие факторы, создавшие впечатление, будто американский капитализм и мировая капиталистическая система вечны: словно эпохальная борьба буржуазии и пролетариата окончилась навсегда».

- 45 Stanley Karnow, *In Our Image: America's Empire in the Philippines* (New York: Random House, 1989), 380.
- 46 Alfred McCoy, "Dark Legacy: Human Rights under the Marcos Regime," paper delivered at Ateneo de Manila University, September 20, 1999, at www.hartford-hwp.com/archives/54a/062.html; Karnow, *In Our Image*, 356–60.
- 47 Интервью, взятые автором у Педро Бласета и Гульермо Кастильо в Сантьяго в 2018 г. Как я уже отмечал, Джакарта не была местом, где развернулось самое крупное и заметное насилие. Если кто-то из чилийских моряков и видел лежавшие повсюду тела, это могло произойти в другом месте, или же они просто слышали от кого-то эти ужасные рассказы. Например, сообщения о «головах на пиках вдоль дороги» поступали из Ачеха. См.: Prashad, *Darker Nations*, 154.
- 48 Harmer, "Brazil's Cold War," 673.
- 49 Puro Chile, July 12, 1973. См. также репортажи о декларации Годоя Матте в *El Siglo* от 8 и 9 июля 1973 г. Первого августа 1973 г. Орландо Миллас, официальное лицо в Коммунистической партии Чили описывал свой личный опыт пребывания в Индонезии и использовал националистическую терминологию, заявив, что чилийские правые хотят воспроизвести бойню 1965–1966 гг. при поддержке ЦРУ. Обе газеты: Biblioteca Nacional de Chile, Sección Periódicos.
- 50 *Las Noticias de Última Hora*, August 3, 1973, at Biblioteca Nacional de Chile, Sección Periódicos.
- 51 См., в частности: *El Mercurio*, July 14, 1973. Хотя статья не подписана, ее стиль очень похож на стиль Юрая Домича в его более ранней статье "Modelo Indonesio de Golpe de Estado Comunista," опубликованной в *Revista PEC* (January/ February 1973), а позднее перепечатанной в виде брошюры под названием *Modelo Indonesia de Golpe de Estado Comunista* (Santiago de Chile: Vaitea, 1975). Примечательно также, что 7 сентября радиоведущий Серхио Онофре Ярпа сравнил ситуацию с происходившим в Джакарте в 1965 г. Перепечата-

- но 10 сентября 1973 г. за день до переворота. Biblioteca Nacional de Chile, Sección Periodicos.
- 52 Harmer, *Allende's Chile*, 133.
- 53 Mary Helen Spooner, *Soldiers in a Narrow Land: The Pinochet Regime in Chile* (Berkeley, CA: University of California Press, 1999), 31–35.
- 54 Там же, 35–36.
- 55 Patricia Politzer, *Altamirano* (Santiago, 1990), 132.
- 56 Долгое время была широко распространена теория, согласно которой на спусковой крючок нажал не сам Альенде, и многие, особенно за пределами Чили, по-прежнему считают, что так оно и было. Эти слухи оказались стойкими неслучайно, однако у нас не меньше оснований подвести черту под ними. У самоубийства Альенде был свидетель — член его команды врачей Патрисио Гихон, вернувшийся в комнату, где они укрывались, за противоголозом в качестве сувенира для своего сына. На винтовке остались отпечатки пальцев Альенде. Тем не менее теорию об убийстве Альенде военными распространяла его вдова Ортенсия Бусси де Альенде. Сначала Бусси де Альенде, находившаяся в тот момент в изгнании в Мехико, согласилась со свидетельством Гихона, но три дня спустя отозвала это заявление и стала утверждать, будто муж когда-то сказал ей, что покинет Ла-Монеду лишь одним способом — «умерев, сражаясь». Эта пересмотренная версия смерти Альенде оказалась более утешительной для его сторонников, особенно за пределами Чили — подкреплена авторитетом таких фигур, как Пабло Неруда, чилийский поэт и нобелевский лауреат, скончавшийся от рака всего через 12 дней после переворота. Сегодня свидетельство Гихона широко признается как верное описание событий того дня. Этот эпизод упоминается в кн.: Mary Helen Spooner, *Soldiers in a Narrow Land: The Pinochet Regime in Chile* (Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press, 1994), 40–44, 50–54.
- 57 Я слушал эту речь в Museo de la Memoria y los Derechos Humanos, но она также выложена на сайте: www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-45458820.
- 58 Harmer, “Brazil’s Cold War,” 680.
- 59 *La Segunda*, September 21, 1973.
- 60 Там же, 660.
- 61 Dinges, *The Condor Years*, 3.
- 62 Intelligence Note, State Department Bureau of Intelligence and Research, “Coups in Chile Reveal African Mistrust of US,” October 10, 1973, Box 2198, RG 59, NARA.
- 63 Dinges, *The Condor Years*, 158.
- 64 Spooner, *Soldiers in a Narrow Land*, 45–47.
- 65 Интервью, взятое автором у Лусиану Мартинса Косты в Сан-Паулу в 2018 г. и по телефону в 2019 г.

- 66 Dinges, *The Condor Years*, 110–25.
- 67 Объяснение странного роста популярности «чикагских мальчиков» в Чили см.: Spooner, *Soldiers in a Narrow Land*, 108–10.
- 68 Там же, 12.

Глава 10. Возвращение Севера

- 1 Benny Widyono, *Dancing in Shadows: Sihanouk, the Khmer Rouge, and the United Nations in Cambodia* (Lanham: Rowman & Littlefield, 2007), 25.
- 2 Short, *Pol Pot*, 216.
- 3 Sihanouk, *My War with the CIA*, 130.
- 4 Wieringa, *Propaganda*, 140.
- 5 Из фильма «Фрагмент памяти» (Sekeping Kenangan) Ханди Кусу-мы, производство Komunitas Taman 65 (Indonesia, 2018).
- 6 О секретном планировании США в Португалии, в том числе ссылки на рассекреченные в настоящее время документы, см.: “Document Friday: The US Military Had ‘a Contingency Plan to Take Over’ Portuguese Islands!,” *Unredacted: The National Security Archive Blog*, November 19, 2010, accessed October 2019, <https://unredacted.com/2010/11/19/document-friday-the-us-military-had-a-contingency-plan-to-take-over-portugal/>.
- 7 Irena Cristalis, *East Timor: A Nation’s Bitter Dawn* (London: Zed Books, 2009), loc. 1582 of 8861, Kindle.
- 8 Cristalis, *East Timor*, loc. 1523–3162 of 8861, Kindle.
- 9 Westad, *The Global Cold War*, 283–84.
- 10 Burke, *Revolutionaries for the Right*, 107–15.
- 11 Mario Sergio de Moraes, *O Ocaso da Ditadura* (Sao Paulo: Barcarolla, 2006), 74.
- 12 “Dom Paulo Evaristo Arns: O Cardeal do Povo,” *Historia Imediata*, 1979. В репортаже операция «Джакарта» раскрывается в контексте военных репрессий, с которыми боролся кардинал.
- 13 Finchelstein, *The Ideological Origins of the Dirty War*, 3 and chaps. 1, 2, and 6.
- 14 Там же, 115 (об антисемизме), 124 (о Citibank и Ford), 127 (об атеизме).
- 15 J. Patrice McSherry, *Predatory States: Operation Condor and Covert War in Latin America* (Lanham: Rowman & Littlefield, 2005), 188.
- 16 Greg Grandin, “Living in Revolutionary Time: Coming to Terms with the Violence of Latin America’s Long Cold War,” in Greg Grandin and Joseph M. Gilbert, eds., *A Century of Revolution: Insurgent and Counterinsurgent Violence During Latin America’s Long Cold War* (Durham, NC: Duke University Press, 2010), 22.
- 17 Finchelstein, *The Ideological Origins of the Dirty War*, 127.

- 18 McSherry, *Predatory States*, chap. 2 (о связи со «спящими» армиями); Dinges, *The Condor Years*, 129, 220.
- 19 Dinges, *The Condor Years*, 11.
- 20 Там же, гл. 7.
- 21 McSherry, *Predatory States*, 207–08. Характеристика «фанатичный» на с. 213 относится к представителям и аргентинской, и американской верхушки.
- 22 Описание очевидцем положения представителей коренных народов, которых заставляли работать на гватемальских плантациях в 1970-х гг., см. в знаменитом свидетельстве Ригоберты Менчу. Rigoberta Menchú and Elizabeth Burgos, *Me Llamo Rigoberta Menchú y Así Me Nació La Conciencia* (Siglo XXI Editores: Mexico, 2013).
- 23 McSherry, *Predatory States*, 210.
- 24 Henry Giniger, “Guatemala Reds Say They Slew Envoy,” *New York Times*, August 30, 1968.
- 25 Grandin, *The Last Colonial Massacre*; Michael McClintock, *The American Connection*, Vol. 2: State Terror and Popular Resistance in Guatemala (London: Zed Books, 1985), 60; LaFeber, *Inevitable Revolutions*, 171–72.
- 26 Интервью, взятое автором у Мигеля Анхеля Альбизуреса в городе Гватемала в ноябре 2018 года.
- 27 James Dunkerley, *Power in the Isthmus: A Political History of Modern Central America* (London: Verso, 1988), 375. О подъеме движения *Sandinistas* см. главу 6, «Революция в Никарагуа: истоки» указанной книги.
- 28 Carlota McAllister, “A Headlong Rush into the Future: Violence and Revolution in a Guatemalan Indigenous Village,” in Grandin and Joseph, *A Century of Revolution*, 276–80.
- 29 См., например, двухтомник Майкла Макклинтока на эту тему. Michael McClintock, *The American Connection, Volume I: State Terror and Popular Resistance in El Salvador* (London: Zed Books, 1985); *The American Connection, Volume II: State Terror and Popular Resistance in Guatemala* (London: Zed Books, 1985).
- 30 Ben Kiernan, “The Demography of Genocide in Southeast Asia: The Death Tolls in Cambodia, 1975–79, and East Timor, 1975–80,” *Critical Asian Studies* 35, no. 4 (2003): 585–597.
- 31 Westad, *The Cold War*, 490–92.
- 32 Goscha, *Vietnam*, 395–96.
- 33 Widiono, *Dancing in Shadows*, 5; интервью, взятое автором.
- 34 Там же, 28.
- 35 Marlise Simons, “Army Killings in Indian Village Shock Guatemala,” *Washington Post*, June 24, 1978.
- 36 О поддержке гватемальских военных Тайванем и Израилем в этот период см.: Anderson and Anderson, *Inside the League*, 136–37; Milton

- Jamail and Margo Gutierrez, "Guatemala: The Paragon," in *NACLA Report on the Americas* 21, no. 2 (1987): 31–39.
- 37 Anderson and Anderson, *Inside the League*, 110.
- 38 "Washington Bullets," from *Sandinista!*, *the Clash*, 1980.
- 39 Eline van Ommen, "Sandinistas Go Global: Nicaragua and Western Europe, 1977–1990" (PhD diss., London School of Economics and Political Science, 2019), 37–38.
- 40 Westad, *The Global Cold War*, 339–43.
- 41 McSherry, *Predatory States*, 207–11.
- 42 По мере начавшегося в 1978 г. усиления мнимой угрозы революции в Центральной Америке диктатура Пиночета увеличила численность вооруженных сил с особым упором на полицию, занимавшуюся противодействием партизанам. Ее подготовку обеспечивали чилийские *карабинеры* (вооруженная полиция). Участие чилийской и аргентинской диктатур в вооруженных конфликтах в Гватемале и Сальвадоре является предметом текущего исследования Молли Авери в рамках соискания докторской степени на факультете истории международных отношений Лондонской школы экономики.
- 43 Anderson and Anderson, *Inside the League*, 146–47, 206–07.
- 44 McSherry, *Predatory States*, 207–11.
- 45 К 1983 г. ЦРУ пришло к выводу, что «Контрас» неспособны когда-либо одержать военную победу. См.: LaFeber, *Inevitable Revolutions*, 301.
- 46 LaFeber, *Inevitable Revolutions*, 305–07.
- 47 McSherry, *Predatory States*, 218.
- 48 Ignacio González Janzen, *La Triple A* (Buenos Aires: Contrapunto, 1986), 95–100. Эти фразы также цитируются в кн.: Juan Pablo Csipka, *Los 49 Días de Cámpora* (Buenos Aires: Sudamericana, 2013), 115–16.
- 49 Biographic Sketch, Roberto D'Aubuisson, November 1980, Folder El Salvador (01201981–05301981) [5], Box 30, Exec Sec, NSC Country File, Ronald Reagan Presidential Library.
- 50 Anderson and Anderson, *Inside the League*, 135–37.
- 51 Там же, 194.
- 52 Raymond Bonner, "What Did Elliott Abrams Have to Do With the El Mozote Massacre?" *The Atlantic*, February 15, 2019.
- 53 LaFeber, *Inevitable Revolutions*.
- 54 Интервью, взятые автором у Хосефы Санчес Дель Баррио в Иломе в ноябре 2018 г.
- 55 Интервью, взятые автором у Антонио Кабы Кабы в Гватемала-Сити и Иломе в ноябре 2018 г.
- 56 Полный обзор актов геноцида, совершенных гватемальскими военными против народа ишиль, см. в показаниях, записанных

в ходе суда над Эфраином Риосом Монттом в 2013 г. *Sentencia por Genocidio y Delitos Contra los Deberes de Humanidad Contra el Pueblo Maya Ixil*, dictada por el Tribunal Primero de Sentencia Penal, Narcoactividad y Delitos contra el Ambiente “A,” Guatemala, May 10, 2013.

- 57 Интервью, взятое автором у Клары Аренас из AVANCSO в Гватемала-Сити в 2018 г.
- 58 John Otis, “Efraín Ríos Montt, Former Guatemalan Military Dictator Charged with Genocide, Dies at 91,” *Washington Post*, April 1, 2018.
- 59 *Guatemala: Memory of Silence — Report of the Commission for the Historical Clarification, Conclusions and Recommendations*. Комиссия по расследованию исторических событий (La Comisión para el Esclarecimiento Histórico) обнаружила, что «свыше 200 000» человек были убиты, причем 93% стали жертвами военного насилия; Ассоциация содействия развитию социальных наук в Гватемале (La Asociación para el Avance de Las Ciencias Sociales en Guatemala) оценивает общее число жертв в 250 000, что включает большинство представителей коренных народов, массово убитых в сельских частях страны, и в общей сложности 45 000 «исчезнувших» — как правило, конкретных людей из числа горожан.
- 60 John H. Coatsworth, “The Cold War in Central America,” in *The Cambridge History of the Cold War*, Vol. 3, eds. Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad (Cambridge: Cambridge University Press, 2010), 221.
- 61 Widyono, *Dancing in Shadows*, Part I.
- 62 LaFeber, *Inevitable Revolutions*, 309.
- 63 Micah Zenko and Jennifer Wilson, “How Many Bombs Did the United States Drop in 2016?” Council on Foreign Relations blog post, January 5, 2017.
- 64 Westad, *The Global Cold War*, 396, 405.
- 65 Tom Burgis, *The Looting Machine* (New York: PublicAffairs, 2016).
- 66 Отчет по избранным странам и темам, Международный валютный фонд.

Глава 11. Мы чемпионы

- 1 Wright, *Color Curtain*, 206.
- 2 Я написал диссертацию о влиянии процентной политики Федеральной резервной системы начала 1980-х гг. на долговое бремя и программы развития. Я знаю, как это сложно, и здесь не место для решения этой проблемы.
- 3 Gautam Nair, “Most Americans Vastly Underestimate How Rich They Are Compared with the Rest of the World. Does It Matter?” *Washington Post*, August 23, 201

- 4 Branko Milanovic, "Income, Inequality, and Poverty during the Transition from Planned to Market Economy," World Bank Regional and Sectoral Studies, chap. 3, www.gc.cuny.edu/CUNY_GC/media/CUNY-Graduate-Center/PDF/Centers/LIS/Milanovic_papers/Income_ineq_poverty_book.pdf.
- 5 Branko Milanovic, "For Whom the Wall Fell?" *The Globalist*, November 7, 2014
- 6 Я благодарен Мэтту Кеннарду и Филу Миллеру из Declassified UK, привлечшим мое внимание к Шри-Ланке после выхода в свет первого издания этой книги, а также Дэвиду Глэдстоуну, верховному комиссару Британии в Шри-Ланке в конце 1980-х гг., за список на этой странице и карту на с. 358–359. Дэвид Глэдстоун пишет в своей книге *A Sri Lankan Tempest: A Real Life Drama in Five Acts* (Oxfordshire, United Kingdom: Wotton Underwood, 2017), что «решение» задачи уничтожения коммунистического Фронта освобождения народа (Janatha Vimukthi Peramuna, JVP), очевидно, опиралось на программу массового убийства в Индонезии в 1965 г. Как писал Дэвид Глэдстоун, в 1989 г. главный министр сказал ему, «что президент решил применить "индонезийское решение"», которое заключалось в убийстве или исчезновении каждого молодого человека, предположительно поддерживавшего JVP. После этого была реализована программа массового уничтожения, что было очевидно даже представителю британского правительства в стране: он своими глазами видел тела, валявшиеся на обочинах дорог и плывущие по рекам. См. с. 97–100, 183. По воспоминаниям Дэвида Глэдстоуна, министр обороны Ранджан Виджератне первым рассказал ему в то время об «индонезийском решении», суть которого также была разъяснена ссылкой на «принцип Ирода», основанный на Библии: «Если вы убьете достаточное количество людей, среди них обязательно окажутся и те, кого вы хотели убить». По словам Глэдстоуна, когда началась бойня, он пытался привлечь к ней внимание властей как США, так и Британии, но к его призывам остались глухи. Он передал сказанные ему слова американского коллеги, посла Джеймса Спейна, что из Вашингтона ему было передано следующее: «Мы считаем [президента] Премадасу сильным правителем, и он именно тот, кого мы хотим видеть в этой части света». Глэдстоун убежден, что на массовые убийства власти Шри-Ланки вдохновила позиция США в холодной войне: «Они чувствовали, что получили *карт-бланш*, что Соединенные Штаты отведут глаза, при условии, что они продолжают убивать коммунистов». Интервью, взятое автором в 2020 г.
- 7 Westad, *The Global Cold War*, 387.

- 8 О «мощном общемировом тренде в сторону неолиберализма с 1980-х гг.» см.: Jonathan D. Ostry, *Prakash Loungani*, и Davide Furceri, “Neoliberalism: Oversold?”, статью для МВФ, ставящую под вопрос эффективность этого политического тренда, выложенную по адресу www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2016/06/ostry.htm.
- 9 Robert Wade, “Escaping the Periphery: The East Asian ‘Mystery’ Solved,” United Nations University World Institute for Development Economics Research, September 2018.

Глава 12. Где они сейчас? И где мы?

- 1 Prison Songs Nyannyian Yang Dibunkam (Bali: Taman 65, 2015).
- 2 Эта история была впервые рассказана в превосходной документальной короткометражке Степ Вессен Indonesia’s Killing Fields, снятой для Al-Jazeera.
- 3 Я цитировал эти слова в этом виде в: “Jair Bolsonaro, Brazil’s Would-be Dictator,” *The New York Review of Books*, October 12, 2018. Исходное интервью 1999 г. было взято с участием TV Bandeirantes и доступно на YouTube.
- 4 Celso Rocha de Barros, “Bolsonaro representa facção das Forças Armadas que ganhou poder com a tortura,” *Folha de S.Paulo*, October 22, 2018.
- 5 Gerlach, *Extremely Violent Societies*, 28.
- 6 Там же, 74.
- 7 Там же, 41.
- 8 Soe Tjen Marching, *The End of Silence: Accounts of the 1965 Genocide in Indonesia* (Amsterdam, Netherlands: Amsterdam University Press, 2017). См. предисловие, где рассматривается вопрос о том, насколько стигматизация сохраняется в индонезийском обществе в наши дни.
- 9 Melvin, *The Army and the Indonesian Genocide*, 6.
- 10 Wieringa, *Propaganda*, 2.
- 11 Часть этого материала взята из моей статьи “Stuck in the Shopping,” *Popula*, December 18, 2018.
- 12 “Foreign Researchers’ Access to TNI Museums Restricted,” *Jakarta Post*, February 9, 2018.
- 13 Недавно она делилась со мной впечатлениями о книге Марка Фишера «Капиталистический реализм».

Данные, представленные на карте (с. 358–359)

Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Парагвай, Уругвай. Оценки разнятся, минимальное число жертв оценивается, самое меньшее, в 50 000 человек, согласно данным Архива террора (Парагвай). См.: National Geographic Resource Library, "Archives of Terror Discovered". Больше число, 90 000 человек, называет Латиноамериканская федерация ассоциаций родственников задержанных и пропавших без вести (Federación Latinoamericana de Asociaciones de Familiares de Detenidos-Desaparecidos, FEDEFAM), однако оно включает и другие страны, не участвовавшие в операции «Кондор», в частности Колумбию. Я привожу оценку, которую предложил Виктор Флорес Олеа (Victor Flores Olea, "Operation Cóndor," *El Universal*, April 10, 2006). Самыми жестокими оказались власти Аргентины, уничтожившие порядка 30 000 человек.

Колумбия. Насилие применялось против членов Патриотического союза (Patriotic Union, UP) — левой политической партии, основанной в рамках мирных переговоров с партизанскими группами в 1985 г. См.: Deutsche Welle, "In Colombia, It's Dangerous to Be Left Wing," www.dw.com/en/in-colombia-its-dangerous-to-be-left-wing/a-44131086. DW сообщает минимум о 3000 смертей, тогда как группы и аналитики, более близкие Патриотическому союзу, ставшему жертвой насилия, говорят о 5000 погибших. Дальнейшее рассмотрение этого вопроса см. в: Centro Nacional de Memoria Histórica, "Todo pasó frente a nuestros ojos. Genocidio de la Unión Patriótica 1984–2002."

Восточный Тимор. См. с. 288–289 этой книги.

Сальвадор. Комиссия по установлению истины оценивает общее число потерь в 85 000 человек, 85% которых пришлось на казни без суда и следствия и принудительные исчезновения. «Люди, давшие свидетельские показания, объясняли почти 85% случаев действиями агентов Соединенных Штатов, сотрудничавших с ними военизированных групп и эскадронов смерти». См.: United States Institute of Peace, *From Madness to Hope: the 12-year war in El Salvador: Report of the Commission on the Truth for El Salvador*, page 36.

Гватемала. См. с. 309 и с. 406 (примеч. 59) этой книги.

Гондурас. Comisionado Nacional de los Derechos Humanos, "Los hechos hablan por sí mismos": Informe preliminar sobre los desaparecidos en Honduras 1980–1993".

Иран. Исламская республика казнила сторонников левой Народной организации моджахедов Ирана, а также партии Туде и Организации иранских народных партизан-федаев. Amnesty International называет цифры от 4672 до 4969 человек. См.: "Blood-Soaked Secrets: Why Iran's 1988 Prison Massacres are Ongoing Crimes Against Humanity".

Индонезия. См. с. 212–213 этой книги.

Ирак. Данные на 1963 г. см. в статье: Patrick Cockburn, “Revealed: how the West set Saddam on the bloody road to power,” *The Independent*, June 29, 1997. Возобновление репрессий в 1978 г. повысило популярность Саддама в Вашингтоне перед тем, как он вторгся в Иран (1980) и восстановил альянс с США. Prashad, *Darker Nations*, 160.

Мексика. Во время «Грязной войны» в Мексике службы безопасности и военные уничтожали людей, обвинявшихся в принадлежности к любой из десятков вооруженных групп левого толка, действовавших в стране, и устроили массовую бойню протестующих в Тлателолко в 1968 г. Спецслужбы сотрудничали с американским руководством, а также с бразильской диктатурой. См.: Adela Cedillo and Fernando Herrera Calderón, “Introduction: The Unknown Mexican Dirty War” in Cedillo and Herrera Calderón, eds., *Challenging Authoritarianism in Mexico: Revolutionary Struggles and the Dirty War, 1964–1982* (London: Routledge, 2012), 8; Gladys McCormick, “The Last Door: Political Prisoners and the Use of Torture in Mexico’s Dirty War,” *The Americas* 74:1 (January 2017), 57–81; Alexander Avíña, *Specters of Revolution* (New York: Oxford University Press, 2014), 151–55, 176–80.

Никарагуа. Примерные оценки жертв: 10 000 человек в 1979–1981 гг. и более 40 000 человек в 1981–1989 гг. Bethany Lacina. “The PRIO Battle Deaths Dataset, 1946–2008, Version 3.0: Documentation of Coding Decisions,” *Peace Research Institute Oslo*.

Филиппины. Amnesty International, “Statement on Ferdinand Marcos’ Burial at LNMB,” November 18, 2016. www.amnesty.org.ph/news/statement-on-ferdinand-marcos-burial-at-lnmb/.

Южная Корея. Оценки включают жертв боины в Чеджу (1948), а также коммунистов и членов Лиги Бодо, казненных в 1950 г. Ёд-Кхиём и Ким Сонг-су, “Crimes, Concealment and South Korea’s Truth and Reconciliation Commission,” *Japan Focus: The Asia-Pacific Journal*, August 1, 2008.

Шри-Ланка. Объяснение причин включения этой страны в анализ и свидетельство верховного комиссара Великобритании Дэвида Глэдстоуна см. на с. 323, 407 (примеч. 6) этой книги. Приводимые цифры взяты из статьи: Tom H. J. Hill, “The Deception of Victory: The JVP in Sri Lanka and the Long-Term Dynamics of Rebel Reintegration,” *International Peacekeeping* 20, no. 3 (2013), 357–84, хотя Тушара Хеваге и Дэвид Глэдстоун дают «консервативные» оценки в 40 000 и 60 000 человек соответственно.

Судан. Коммунистическая партия Судана имеет данные об осуществленных властями казнях 37 своих членов, но допускает, что жертв, погибших не вследствие повешения, а от других причин, может быть

больше, в том числе среди 5000 заключенных и лиц, пострадавших вне рамок государственной правовой структуры.

Тайвань. Burke, *Revolutionaries for the Right*, 14.

Таиланд. Jularat Damrongviteetham, "Narratives of the 'Red Barrel' Incident: Collective and Individual Memories in Lamsin, Southern Thailand" in Seng Loh, Dobbs and Koh eds., *Oral History in Southeast Asia*, p. 101.

Венесуэла. Хроника внесудебных убийств начинается в 1959 г., см., например, Manuel Cabieses Donoso, *Venezuela, okey!* (Caracas: Ediciones del Litoral, 1963), 269; кн.: Agustín J. Arzola Castellanos, *La desaparición forzada en Venezuela, 1960–1969* заслуживает более внимательного рассмотрения. Когда я приступил к работе над этой книгой, Хосе Висенте Ранхель сказал, что люди начали «исчезать» в Венесуэле во время президентства Рауля Леони (1964–1969). Примечательно, что Джон Логан, американский чиновник, о котором говорится на с. 295 этой книги, действовал и в Гватемале, и в Венесуэле. Замечания Ранхеля см.: "Rangel asegura que desapariciones forzadas de América Latina comenzaron en Venezuela" in *Chamosaurio*.

Вьетнам. Ian G. R. Shaw, "Scorched Atmospheres: The Violent Geography of the Vietnam War and the Rise of Drone Warfare," *Annals of the American Association of Geographers*, 106 no. 3 (2016), 698.

Все числа являются приблизительными оценками.

Примечание об адресах интернет-страниц

Все приведенные адреса являлись активными на момент публикации. Однако некоторые архивы, прежде всего принадлежащие ЦРУ, недавно сменили местоположение. В таких случаях читатель обычно может найти документы поиском по названию в соответствующей базе данных.

Предметно-именной указатель

А

- абанганы 73
- абертура («открытие»
бразильского общества)
290, 291, 336
- Абрамс, Эллиот 305
- Австралия 105, 204, 214, 220
  - как страна первого мира 21
  - контроль над Папуа — Новой
Гвинеей 105
  - программа «Феникс» 220
  - роль в массовых убийствах
в Индонезии 214, 215
- Агунг Алит 204–206, 332, 362
- арест и казнь 204, 206, 332
- Движение 30 сентября 214
  - руководство
  - Коммунистической
партией Индонезии 35, 89
  - Советский Союз и А. 34, 90
- Аларкон, Марио Сандоваль 301
- Албания 28, 45
- Алейда, Мартин 184, 363
- Алжир 86, 115, 176, 255, 269
  - военное восстание (1965) 176
  - Конференция стран —
участниц Движения
неприсоединения 176,
269
  - пытки 255
  - французское колониальное
правление 86, 115
- Альбизурес, Мигель Анхель 64,
296, 298, 362
- Альенде, Сальвадор 234, 237,
241, 258–262, 267–269,
274–276, 278, 302, 330
- выборы (1964) 234
- выборы (1970) 258, 259, 261
- движение третьего мира
261
- земельная реформа 267
- Кастро и А. 261
- мятеж против А. 260, 263,
269, 276
- секретные планы ЦРУ против
А. 259, 261, 268
- смерть 273, 276
- Альтамирано, Карлос 275, 276
- «Альянс ради прогресса» 108,
123, 135, 139
- Амбон (остров), Индонезия 47,
48, 97, 99, 104, 112
- Амстердам, Нидерланды 349
- Ангола 289
- Андерсон, Бенедикт 180, 186
- Антибольшевистский блок
народов 187
- антиимпериализм 216

Антикоммунистическая лига
народов Азии 187, 242
Антикоммунистический совет
Гватемалы 296
Антонио Каба Каба 308, 315
см. Каба Каба Антонио
Арагуая, бассейн реки, Бразилия
255
Арайя, Артуро 275
Арбенс, Хакобо 61, 62, 64, 65,
68, 140, 175, 296, 302, 306,
330, 348
устроенный ЦРУ мятеж
против А. 63, 64
Аргентина 273, 284, 291, 292,
302–304, 310
исчезновения людей 273, 292,
303
операции в Гондурасе 302,
303
операция «Кондор» 292, 310
переворот (1976) 291
план «Джакарта» 284, 304
Аревало, Хуан Хосе 61
Аренас, Клара 348, 362
Арка, Гдэ 222, 349 см. Гдэ Арка
Ассоциация журналистов
Африки и Азии 86, 176,
201
Ассоциация стран Юго-
Восточной Азии (АСЕАН)
239, 301, 328
Афганистан 89, 311
Африка 19, 39, 118, 131, 232,
289, 314, 319, 328, 357 см.
также конкретные страны
глобальное неравенство
(1960–2017) 319, 357
законы Джима Кроу 39
избирательные права 19
программа ЦРУ МК-Ультра
118
рабство 19, 131

Черная Африка 232, 396
афроамериканцы 318
Ачех, Индонезия 191, 199

Б

Баас, партия 126
Бадра, Ваян 205 см. Ваян Бадра
Бали, Индонезия 72, 75, 177,
204–206, 223, 288, 331–333
индуисты 72, 75, 177, 206
концентрационные лагеря
288, 332
поддержка Сукарно 206
текущая ситуация 331–333
уничтожение коммунистов
204–206, 223, 332, 358
Бангкок, Таиланд 195, 225,
237–239, 281, 282, 300
Банди, Макджордж 195
Бандунгская конференция
(Конференция стран Азии
и Африки, 1955) 77, 78,
83, 85, 86, 136, 157, 318,
319, 323
вступительная речь Сукарно
82, 86, 318, 323
Движение неприсоединения и
Б. к. 85, 86
цель 83
Барнс, Трейси 44, 63, 65
Батавия 35, 47, 158, 189,
193, 200, 201, 346 см.
Джакарта, Индонезия
бахаса индонезия
(индонезийский язык)
49, 54, 72, 75, 106, 185,
322, 333
Баэза Михельсен, Эрнесто 277
Бевилаква, Пери Констант 154
«Безобразный американец»
(Ю. Бердик и У. Ледерер)
59

- «Белая рука» (*La Mano Blanca*) 225, 295, 301
- Белград, Югославия 85, 118, 136
- белый террор 30, 43, 221
- Бен Белла, Ахмед 176
- Бенжамино (сын Франциски) 203
- Бенни Видьоно 106, 108–110, 113–115, 126, 127, 237–239, 281–285, 300, 311, 333, 334
- Бергер, Карлос 236, 266, 277, 278
- Бердик, Юджин 59
- Берлин, Германия 20, 41, 42
- Берлинская стена, падение 310, 312, 320
- Билл, Джеймс А. 57
- Бирма (Мьянма) 37, 77, 232
- Бисселл, Ричард 103, 118, 135
- Бласет, Педро 271, 275, 279, 362
- Ближний Восток 37, 125, 162, 223, 345, 360 *см. также* конкретные страны
- Богор, Индонезия 208, 209, 241
- Бойолали, Центральная Ява, Индонезия 201
- Болгария, выборы (1990) 314
- Боливия 221, 257, 263, 281, 323
казнь Гевары 221
мятеж (1971) 263
операция «Кондор» 358
уничтожение коммунистов 257, 281, 323, 358
- Болл, Джордж 176, 184, 230
- Болсонару, Жаир 10–12, 334–337
- большевики 20, 24
- Большой скачок 159, 326
- Бонд, Джеймс (вымышленный персонаж) 44
- Борнео (остров) 162, 164, 182
- борьба с повстанцами 28, 59, 65, 98, 124, 168, 171, 283, 290, 294, 303, 306, 309, 310
- Бразилия 290
- Вьетнам 171
- Гватемала 65, 309
- Индонезия 98, 168
операция «Кондор» 283, 294, 303, 310
Филиппины 59
- Боулс, Честер 120, 123
- Бразилиа, Бразилия 134, 153, 252, 263
- Бразилия 12, 78, 129, 131–138, 140, 141, 145, 147, 150, 155, 161, 254, 257, 258, 262, 263, 273, 318 *см. также* Вооруженные силы Бразилии
- Институциональные акты 154, 253, 254
- Инь Джиок Тан в Б. 7, 128–130, 293, 294, 337
- операция «Кондор» 310, 358, 359
- параллели с Индонезией 8, 13, 247–249, 251, 252, 312, 325, 326, 328, 330, 337
- свержение власти военными (1964) 155, 248, 253, 257, 294
- abertura* («открытие» общества) 290, 291, 336
- anos de chumbo* («годы лидерства») 254
- Intentona Comunista* (1935) 141, 143–145, 149, 153, 154, 186, 187, 337
- Operação Jacarta* 264, 265, 273, 277, 280, 290, 336, 338
- Бразильская коммунистическая партия (БКП) 141, 146, 253, 255, 290

Intentona Comunista (1935) 141,
143–145, 149, 153, 154,
186, 187, 337
Operação Jacarta 290
Operação Radar 264
Брежнев, Леонид 221, 235, 254,
289
Британия 18, 25, 27, 57, 82, 90,
187, 232
Будапешт, Венгрия 52, 53
Буш, Джордж 313
Бхутто, Зулфикар Али 176
Бэррон, Виктор Аллен 142
Бюро политической
координации 41, 43

В

Вальехо, Камила 345
Ванденберг, Артур 26
Ван Рейбрук, Дэвид 117
Варгас, Жетулиу 133–135, 140,
141, 143, 144, 364
Вардая, Баскара 14, 341, 361
Варшавский договор 320
Вашингтон, округ Колумбия 44,
187, 190, 193, 200, 203,
207, 209, 293, 364
Ваян Бадра 176, 205, 331, 333, 362
Великая Октябрьская
социалистическая
революция 20
Великобритания 161, 164, 172,
182, 214, 232, 353, 355,
360
глобальное неравенство
(1960–2017) 360
деколонизация Малайи 164
крах империи 57
секретные операции
в Индонезии 172, 182, 187
экономическое положение
(1960) 353

экономическое положение
(2018) 355
Венгрия 53
Всемирный фестиваль
молодежи и студентов 52,
53
мятеж, подавленный СССР
90, 262
Венесуэла 140, 225, 323
массовые убийства 358
программа уничтожения
коммунистов 323
Версальская мирная
конференция 23
Вестаад, Одд Арне 35, 314, 324,
325
Видела, Хорхе Рафаэль 291
Виланова, Мария 62
Вильсон, Вудро 24
Винарди, Хендра 337, 362
Винарсо (глава *Sekretariat Bersa-*
ta '65) 316, 318, 362
Виснер, Фрэнк (Виз) 38, 39,
40–43, 45, 57, 59–61, 63,
65, 90–92, 100, 102, 103,
120, 217, 251, 260, 292,
294, 344, 363
антикоммунизм 39–41, 43,
45, 90, 99, 252
враждебное отношение
к Москве 42, 90
операция «Аякс» (Иран) 57, 58
переворот в Гватемале 61, 63,
66, 68
происхождение 39, 40
противодействие коммунизму
в третьем мире 59, 86, 92,
100–102, 125, 135, 215,
292, 294
самоубийство 197, 217
война в Корее 9, 55, 78, 133
война во Вьетнаме 164, 170,
219, 220, 231, 238, 269,

- 286, 287, 298
 бомбардировка Камбоджи
 238, 298
 массовое убийство мирных
 жителей 220, 238, 287,
 299
 падение Сайгона 286
 потери 286, 299
 Тонкинская резолюция 170
 уничтожение коммунистов в
 Индонезии и В. 219, 220
 Война за независимость США 80
 Вооруженные силы Бразилии
 140, 144, 145, 149
 Высшая военная школа (Escola
 Superior de Guerra) 132,
 134
 пытки 254, 336
Operação Jacarta 264, 280, 290,
 291
 Вооруженные силы Гватемалы 63
 Вооруженные силы Индонезии
 111, 124, 157, 169, 182,
 201, 213, 215, 243, 289
 альянс с мусульманскими
 группами 52, 160, 173,
 207
 антикоммунизм 112, 213, 215
 вторжение в Восточный
 Тимор 288, 289
 «Гервани», уничтожение 200,
 213
 Движение 30 сентября 176–
 179, 181, 183, 184
 Десантники (RPKAD) 200
 Кострад 182, 183
Konfrontasi (конфронтация
 с Малайзией) 162, 163,
 170, 191, 192
 Вооруженные силы Чили 260,
 269, 274
 мятеж против Альенде 259,
 261, 269, 274
 хунта 276, 277
constitucionalistas 260, 269, 279
El Plan Yakarta 271, 272, 274
 Восточная Азия, глобальное
 неравенство 360
 Восточная Германия (Германская
 Демократическая
 Республика, ГДР) 43, 222
 Восточный Тимор 288, 289, 323
 Всемирная
 антикоммунистическая
 лига (WACL) 242, 303
 Всемирная федерация
 демократической
 молодежи 52
 Всемирный фестиваль молодежи
 и студентов, Будапешт,
 Венгрия 52
 Вторая мировая война 17, 19,
 23–25, 27, 30–35, 37, 39,
 41, 56, 57, 61, 67, 70, 88,
 128, 132, 242, 251, 287,
 310, 319
 Вудхауз, Монти 57
 Вьетконг 297
 Вьетминь 23
 Вьетнам 8, 37, 38, 69, 124, 157,
 161, 164, 169, 170, 175,
 217–219, 221, 236, 238,
 288, 299, 300, 304, 320,
 323, 353, 355, 364
см. также Северный Вьет-
 нам, Южный Вьетнам
 Версальская мирная
 конференция 23
 вторжение в Камбоджу 122,
 287, 298
 вторжение Китая во В. (1979)
 299
 движение за независимость
 24, 171
 «люди в лодке» (беженцы)
 300

разделение страны 91
Тонкинская резолюция 170
уничтожение коммунистов 358
французское вторжение 37, 38, 69
экономическое положение (1960) 353
экономическое положение (2018) 355

Г

Гавайи 22, 243–245
Гавана, Куба 136, 157, 201, 240, 241, 254, 312, 314
Гаити, интервенция США 139
Гана 231, 232 *см. также* Золотой берег
Ганди, Махатма 38
Гаспари, Элио 363
Гватемала 10, 61–69, 101, 120, 133, 139, 140, 154, 196, 220, 224–226, 234–237, 249, 261, 287, 295–297, 301, 306, 309, 313, 314, 323, 329, 330, 334, 347, 348, 362
гражданская война 224, 249, 295, 314
исчезновения людей 296
Коммунистическая партия 62, 68, 225
мятеж при поддержке США (1954) 63–67, 119, 120, 154, 236, 348
операция «Зачистка» (*Operación Limpieza*) 225
операция «Кондор» 283, 291
уничтожение коммунистов 43, 65, 98, 102, 280, 303, 358
Центральноамериканский совет обороны 295
Гдэ Арка 222, 223, 349, 362
Гевара, Эрнесто (Че) 64, 68, 119, 136, 235, 254, 255, 297
и Кастро 119, 120
и переворот в Гватемале 64, 68, 237
и Сукарно 314, 338
убийство 221
Гейзел, Эрнесту 336
геноцид 18, 19, 309, 332
коренного населения Америки 18
массовые убийства в Индонезии как Г. 213, 308
«Гервани» (*Gerwani*), индонезийское женское движение 95, 103, 160, 184, 185, 194, 200, 205, 212–214
пропаганда против 184, 185, 194, 200, 205, 212–214
численность 160
Германия 19, 29, 41–43, 45, 47, 53, 71, 142, 292, 353, 355, 360 *см. также* Восточная Германия, Западная Германия
Вторая мировая война 19, 41
глобальное неравенство (1960–2017) 357
операция «Кондор» 292
экономическое положение (1960) 353
экономическое положение (2018) 355
Гилкрист, Эндрю 175
Гитлер, Адольф 20, 24, 30, 200, 237, 242
«Гладио», операция 252
глобализация 10, 327
Годой Матте, Доминго 274
Гойран, Роджер 58

Голландия 47, 50, 51, 125, 250
 см. Нидерланды
 Голландская Ост-Индия 50 см.
 также Индонезия
 Голландская Ост-Индская
 компания 47
 «Голос Америки» 30, 185
 Гондурас 64, 295, 302, 323
 уничтожение коммунистов
 302, 303, 358
 Центральноамериканский
 совет обороны 295
 Гордон, Линкольн 135, 138, 139,
 150, 151, 154, 295
 Госдепартамент (США) 66, 71,
 86, 124, 132, 173, 190, 193,
 195, 200, 201, 204, 207,
 208, 217, 243, 279, 344
 Бандунгская конференция 86
 мятеж против Гуларта в
 Бразилии 154
 операция «Брат Сэм» 154
 свержение Альенде и Г. 279
 Госдеп 100 см. Госдепартамент
 (США)
 Греция 25, 27, 28, 63, 73, 90
 гражданская война 25
 доктрина Трумэна 26, 27
 коммунистические восстания
 25
 поддержка США правого
 правительство 27, 63
 Грин, Маршалл 175, 185, 190,
 193, 195, 200, 207, 229,
 242
 Гувер, Дж. Эдгар 32, 33, 147,
 364
 Гуларт, Жуан (Жангу) 135–140,
 145–147, 149–155, 328

Д

Даллес, Аллен 41, 57, 58, 67, 86,

90, 99
 и переворот в Гватемале 66,
 67
 о Лумумбе 118
 операция «Аякс» (Иран) 58,
 67
 Даллес, Джон Фостер 57, 58, 67,
 86, 90, 91, 99, 100, 133
 Дауэрти, Джон 65
 Движение 30 сентября 156,
 176, 178, 179, 181, 183,
 190, 192, 196, 210, 214,
 220, 226, 238 см. также
 уничтожение коммунистов
 (Индонезия, 1965–1966)
 конец восстания 184, 214, 358
 лидеры 178, 179, 181, 183,
 196, 226
 создание 176, 181
 движение за гражданские права
 (США) 136
 Движение неприсоединения 85,
 136, 164, 261, 321
 Бандунгская конференция 136
 Белградская конференция 136
 и Сукарно 136, 164
 Движение католических
 рабочих 296
 Декларация независимости
 США (1776) 24
 Демократическая Республика
 Вьетнам 156, 170, 286 см.
 Северный Вьетнам
 Демократическая Республика
 Конго (Заир, 1971–1997)
 51–53, 85, 116, 117, 236,
 253, 289 см. также
 Лумумба, Патрис; Заир
 Бандунгская конференция
 158
 бельгийский колониализм 51
 казнь Лумумбы 116, 158
 режим Мобуту 118, 253,

- 289
 «Джакарта Бали» (ресторан),
 Париж, Франция 338
 Джакарта, Индонезия 7, 12, 35,
 46, 60, 69, 105, 106, 109,
 110, 128, 156, 157, 159,
 165, 166, 168, 171, 175,
 177, 178, 189, 193, 194,
 200, 201, 209, 219, 226,
 227, 229, 235, 240–242,
 285, 321, 346
 Бевинс как корреспондент
The Washington Post 12
 Движение 30 сентября 156,
 176–179, 181, 183, 184,
 190, 192, 196, 205, 210,
 214, 220, 226, 238
 Конференция, посвященная
 событиям 1965 г. (2017)
 341
 площадь Независимости 178
 Священный памятник Панча
 сила (*Monumen Pancasila*
Sakti) 346
 уничтожение коммунистов
 178, 358
 «Игры новых развивающихся
 сил» 158
 джакартская аксиома 35, 61, 273
 Джонс, Говард Памфри
 (Улыбающийся Джонс)
 38, 41, 43, 69, 70, 72, 76,
 81, 92, 97, 100, 101, 104,
 106, 111, 157, 161, 168,
 169, 172, 175, 215, 225,
 242, 243, 251, 264
 Бандунгская конференция 81
 «Достижимая мечта» (мемуары
 об Индонезии) 264
 и Малайзия 161, 168–170
 и Сукарно 70, 72, 76, 77, 92,
 104, 168, 170, 172
 как посол США в Индонезии
 97, 99–101, 104, 106, 111,
 121, 157, 167, 169, 171,
 172, 175, 225, 242
 о Коммунистической партии
 Индонезии 92
 работа на Тайване 43
 черты характера 41, 42
 Джонсон, Линдон Б. 115, 148,
 155, 161, 167–171, 175,
 195, 229, 233
 и убийство Кеннеди 167
 и уничтожение индонезийских
 коммунистов 175, 229
 происхождение 148
 Тонкинская резолюция 170
 Джуарса, Исхак 191, 192
 Диас де Леон, Карлос Энрике
 65
 домино теория 218
 Домич Кусщенич, Юрай 265, 279
 «Достижимая мечта» (Г. Джонс)
 264
 Дрейпер, Уильям Г. мл. 138
 Дутра, Эурику Гаспар 133
 Дьенбьенфу, битва при 69
 Дэн Сяопин 160, 226, 299
- ## Е
- европейская колонизация 18, 50
 см. колониализм
 Европейский Союз, глобальное
 неравенство 360
 Египет 37, 78, 85, 89, 90, 136,
 232, 344, 354, 355
 Бандунгская конференция 78
 Каирская конференция
 женщин 85
 экономическое положение
 (1960) 353
 экономическое положение
 (2018) 355
 «Единый секретариат 1965 года»

(*Sekretariat Bersama* '65)
316, 340

Ж

железный занавес, появление
    термина 31, 87
женщины, избирательные права
19

З

Заир 289 *см. также* Конго
Зайн Насутион 50–52, 54, 55,
    60, 66, 68, 94, 101, 106,
    177, 184, 201, 202, 211
    арест, попытка и исчезновение
    202, 211, 214
Бандунгская конференция 82
    в Коммунистической партии
    Индонезии 55, 60, 66, 68,
    94, 157, 183, 214
    движение за независимость
    Индонезии 50, 52
Западная Азия 25 *см. также*
    конкретные страны
Западная Германия 43, 251
Западная Европа 17, 19–21, 23,
    26, 28, 30, 45, 89, 105,
    128, 251, 310 *см. также*
    конкретные страны
    1960-е гг. 45, 252
    как представитель первого
    мира 21
    план Маршалла 28, 251
    1940-е гг. 26, 30, 31, 251
Западная Новая Гвинея 121,
    124, 156, 161, 163, 177,
    209
Западная Ява, Индонезия 104
«зеленые береги» (США) 296
земельная реформа 62, 67, 93,
    126, 137, 152, 249, 267,
    306

Бразилия 137, 140, 151
Гватемала 62, 140, 306
Индонезия 173, 205
Ирак 126
Чили 234
Южная Корея 67
Япония 67
Золотой берег (ныне Гана) 231

И

Идигорас Фуэнтес, Мигель 224
избирательные права 137
    Бразилия 135, 137
    Соединенные Штаты 19
Илом, Гватемала 306, 308, 309,
    314, 315, 347, 348
Индия 9, 37, 75, 77, 89, 223, 344,
    353, 355
    группа Коломбо 77
    экономическое положение
    (1960) 353
    экономическое положение
    (2018) 355
Индокитай 8, 37, 124, 220
Индонезийский фермерский
    союз 93, 94, 160
Индонезия 8–10, 13, 14, 35,
    37, 46–50, 52, 54, 55, 66,
    68–71, 73, 74–77, 82, 86,
    87, 89, 91, 92, 94, 96–106,
    109, 111–113, 115, 116,
    121, 124, 125, 127, 129,
    130, 140, 154, 156–160,
    162–164, 167–178, 180,
    182, 184, 185, 187, 189,
    190, 191, 194–196, 198,
    203, 204, 207, 212, 213,
    216–223, 225–232, 235,
    236, 239–243, 247–252,
    255, 260, 264–266, 269,
    270, 274, 282–284, 289,
    294, 298, 301, 304, 308,

- 312, 314, 316–318, 321,
323, 325, 326, 328–330,
332, 336, 338–341, 344,
346, 347, 349, 350, 353,
355, 364 *см. также*
Вооруженные силы
Индонезии
антикоммунистическая
диктатура (установлена
в 1965 г.) 9, 186, 218, 227,
248, 282, 312
вмешательство США с целью
изменения режима
правления (1958) 98, 99,
112, 125, 154, 161, 162,
171, 181, 215, 260
вмешательство США с целью
изменения режима
правления (1965) 8, 172,
173, 175, 180, 182, 190,
196, 204, 215, 220, 247,
298, 328
концентрационные лагеря 49,
212, 253, 288
коррупция и насилие (режим
Сухарто) 9, 13, 50, 92,
182, 189, 199, 208, 210,
212–214, 216, 225, 227,
236, 250, 252, 265, 272,
284, 298, 316, 326, 328, 340
Программа гражданских
инициатив 125, 161
уничтожение коммунистов
156, 176, 178, 179, 181,
183, 184, 190, 192, 193,
196, 210, 213, 214, 218,
219, 226, 238, 323, 358
см. также уничтожение
коммунистов (Индонезия,
1965–1966 гг.)
экономическое положение
(1960) 353
экономическое положение
(2018) 355
АСЕАН 239, 301, 328
Институциональные акты
(Бразилия) 153, 154, 254
Институциональный акт №5
(AI-5) 254
Инь Джиок Тан 7, 12, 13, 128,
129, 293, 294, 317, 334,
335, 337
влияние
антикоммунистической
кампании на ее жизнь
128, 152, 294
во время переворота 1964 г.
152
в Сан-Паулу, Бразилия 129,
132, 152, 293
жизнь в настоящее время
335, 336
Ирак 81, 84, 178, 196, 220, 223,
323
Бандунгская конференция 81,
84, 125, 232
уничтожение коммунистов
126, 196, 264, 323, 358
Иран 25, 27, 37, 56–58, 60, 61,
67, 69, 81, 84, 102, 139,
154, 223, 249, 354, 355
Бандунгская конференция 81,
84
движение за независимость
25, 69
уничтожение коммунистов
323, 358
экономическое положение
(1960) 353
экономическое положение
(2018) 355
ислам 58, 73, 74, 194, 343
Исламский союз (*Sakerat Islam*) 73
Испания 131, 141, 304, 353
колонии в Новом Свете 130
экономическое положение

(1960) 353
 истребление 126, 192, 199, 213,
 218, 222, 232, 272, 281,
 298, 310, 323, 347, 358 *см.*
 уничтожение коммунистов
 исчезновения людей 225, 230,
 273, 277, 292, 296, 303
 Аргентина 292, 303
 Бразилия 277
 Гватемала 296
 Индонезия 225, 273
 Италия 25, 30, 151, 250, 353,
 355
 антикоммунистическая
 пропаганда 30
 выборы (1946) 25, 30
 выборы (1960-е гг.) 250
 экономическое положение
 (1960) 353
 экономическое положение
 (2018) 355
 ишиль, народ 306, 308, 315,
 348

К

Каба Каба, Антонио 308, 315
 Каба Каба, Доминго 347, 348
 кальвинизм 18
 Камбоджа 121, 122, 220, 223,
 230, 286, 289, 298, 300,
 311, 332, 334
 Бандунгская конференция 81,
 230
 война во Вьетнаме 220, 287,
 298
 Коммунистическая партия
 Кампучии 231
 красные кхмеры 231, 287,
 299–301, 311
 Камелан, Утомо 341
 Каморро, Эдгар 303
 Кандида Мирана (дочь

Франциски) 106, 203
 Канзас, штат 114, 126, 127, 151,
 187, 191, 192, 237, 281, 285
см. также Форт-Ливен-
 ворт, военная база
 капитализм 7, 28, 29, 47, 67, 74,
 82, 109, 160, 247, 249, 271,
 313, 317, 319, 320, 327,
 328, 345, 349
 Карибский кризис 9, 140
 Картер, Джимми 289, 299,
 300–302
 Касим, Абд аль-Карим 126
 Кастелу Бранку, Умберту 151,
 154, 253
 Кастильо Армас, Карлос 63–65
 Кастро, Фидель 115, 119–122,
 148, 152, 157, 240, 241,
 258, 261, 263, 270, 274,
 276, 288, 302, 313, 338
 Альянде и К. 258, 261
 вторжение в заливе Свиней и
 К. 119, 122, 148
 «особый период» 312
 Сукарно и К. 157, 240, 241, 314
 католичество 35, 36, 64, 91, 110,
 135, 239, 290, 291, 305,
 341
 Кеннан, Джордж Ф. 219
 Кеннеди, Бобби 37, 38, 77, 122,
 124, 148, 229
 Кеннеди, Джон Ф. 35–38, 77, 86,
 87, 103, 115, 116, 119–122,
 124, 125, 136, 138, 139,
 147–149, 151, 155, 161,
 167, 169, 173, 215, 244
 и Кастро 119–122, 124
 и Сукарно 87, 103, 115, 121,
 124, 125, 161, 167, 168,
 244
 и третий мир 35, 36, 139, 215
 Карибский кризис 136, 138,
 139

- Корпус мира 123
Программа гражданских инициатив 125, 173
убийство 148, 149, 167–169
Киркпатрик, Джон 304
Киссинджер, Генри 258, 259, 268, 279
Китайская республика 78, 158, 226, 242, 318 *см.* Тайвань
Китай 9, 29, 31, 33, 43, 56, 77, 89, 108, 128, 135, 160, 173, 176, 184, 219, 221, 226, 227, 239, 255, 263, 299, 318, 320, 349, 357 *см. также* Чан Кайши, Мао Цзэдун
Бандунгская конференция 86
белый террор 30, 43, 221
Вьетнам, вторжение (1979) 299, 300
глобальное неравенство (1960–2017) 360
«культурная революция» 219, 227, 228
текущая ситуация 174
экономическое положение (1960) 353
экономическое положение (2018) 355
клановый капитализм 250, 314, 322, 328
Колби, Уильям 90
Коломбо группа 77
колониализм 21, 47, 68, 74, 79, 80, 83, 105, 107, 243, 248, 285, 317, 318
антиколониализм 35
бельгийский 51, 116
геноцид на Американских континентах 18
Индокитай 24, 50
Иран 84
неоколониализм 69, 71, 94, 162, 232, 233
Советский Союз 22
США 21, 314
третий мир 23, 47, 51, 54, 84, 232, 248, 261, 318, 349, 350
французский 38, 50
Колорадо партия (Уругвай) 263
Колумбия 140, 323, 358
интервенция США 139
программа уничтожения коммунистов 323, 358
Коминтерн 29, 141 *см.* Коммунистический интернационал
Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности 32
Комитет подавления коммунизма (Бразилия) 143
коммунизм 7, 10, 12, 24, 26, 33, 37, 38, 55, 58, 67, 71, 84, 96, 97, 99, 113, 121, 123, 133, 134, 139, 144–147, 188, 191, 196, 213, 227, 239, 251, 263, 264, 286, 292, 294, 302, 309, 311, 313–316, 324, 340, 344 *см. также* уничтожение коммунистов, конкретные страны и партии
в Индонезии (КПИ) 98, 193, 213, 221
теория домино 218
Коммунистическая партия Бразилии (КПБ) 132, 134, 142, 146, 150, 290
попытки создания коалиции (1960-е гг.) 254
Коммунистическая партия Гватемалы 62, 68, 225
Коммунистическая партия

- Индонезии (КПИ) 9, 29, 52, 55, 70, 73, 75, 76, 82, 87, 89, 90, 92–94, 111, 157, 159, 160, 162, 163, 166, 172, 173, 176, 179–181, 184, 185, 187, 190–193, 195, 201, 203, 204, 207, 213, 215, 219, 221, 222, 231, 238, 265, 266, 270, 324, 347 *см. также* уничтожение коммунистов (Индонезия, 1965–1966 гг.), *Harian Rakyat, Konfrontasi* (конфронтация с Малайей)
- Движение 30 сентября 156, 176, 178, 179, 181, 183, 190, 192, 196, 210, 214, 220, 226, 238, 358
- запрет КПИ Сухарто 209
- Маджунский мятеж 35, 52
- мусульмане в КПИ 52, 73, 75, 191
- отношения с СССР 102, 159, 221
- пропаганда Сухарто против КПИ 181, 184, 186–188
- Саконо и КПИ 93, 94, 96, 196, 198, 199, 214
- Сукарно и КПИ 35, 52, 76, 87, 89, 92, 179, 204, 221, 231
- Хрущев и КПИ 89, 168
- Коммунистическая партия Вьетнама 320
- Коммунистическая партия Ирака 126
- Коммунистическая партия Италии 25, 250
- Коммунистическая партия Китая 89, 159, 219, 228, 326
- Коммунистическая партия Кореи 55
- Коммунистическая партия Нидерландов 250
- Коммунистическая партия Никарагуа 302
- Коммунистическая партия Сирии 233
- Коммунистическая партия Судана 264
- Коммунистическая партия США 32, 96
- Коммунистическая партия Филиппин 270
- Коммунистическая партия Франции 25, 250
- Коммунистическая партия Чили 235, 330
- Коммунистический интернационал (Коминтерн) 23, 29, 141
- Конгресс за свободу культуры 102
- Контрерас, Мануэль 279, 281
- Конференция в Каракасе 133
- Конференция солидарности народов Африки, Азии и Латинской Америки 241
- Конференция стран — участниц Движения неприсоединения 136, 269
- концентрационные лагеря (Индонезия) 49, 212, 253, 288
- Копакабана, Рио-де-Жанейро, Бразилия 134, 142, 337
- коренные народы 130
- бойни в Гватемале 295
- Бразилия 131
- геноцид на Американских континентах 131
- рабство в Центральной Америке 131, 295
- Корея 9, 37, 53, 55, 67, 188, 323, 356 *см. также* Северная Корея, Южная Корея
- Коста, Лусиану Мартинс 280, 363

Коэльо, Пауло 255
Коэна план 143, 153
Красная армия (Китай) 56
«Красная книжечка» 228
красные кхмеры 231, 287, 299,
300, 301, 311 *см. также*
Пол Пот
Куадрус, Жаниу 136, 137, 140
Куба 22, 119, 121, 122, 135, 139,
154, 157, 221, 224, 235,
240, 241, 289, 312–314,
328, 338 *см. также*
Кастро, Фидель
американский империализм
22, 119, 122, 139, 154, 289,
312
вторжение в заливе Свиней
119, 121, 135, 221, 295
Конференция трех
континентов 157
свержение Бастисты Кастро
119, 123
Кубичек, Жуселину 134
Ку-Клукс-Клан 42
«культурная революция» (Китай)
219, 227, 228
Кута, Индонезия 177, 331

Л

Лайнен, Джеймс 229
Лансдейл, Эдвард 59, 60
Лаос 124, 220
Ласерда, Карлос 134, 136, 137, 140
Латинская Америка 13, 62, 67,
78, 113, 123, 130–132,
146, 155–157, 176, 187,
223, 226, 233–236, 241,
247, 262–264, 273, 281,
283, 305, 310, 312, 316,
318, 328, 329, 345, 360
см. также конкретные
страны

«Альянс ради прогресса» 123
глобальное неравенство
(1960–2017) 360
исчезновения людей 255, 273,
310
Общество защиты традиций,
семьи и собственности
146
Латиф, Абдул 178
Левое революционное
движение (*Movimiento
de Izquierda Revolucionaria,
MIR*) 235, 236, 282,
330
ЛЕКРА (Народное учреждение
культуры) 95, 160
Ленин, Владимир 20, 94, 141
Леопольд II, король Бельгии 51
Летельер, Орландо 261, 292
Ли Куан 162
Лилиуокалани, королева Гавайев
22
Ли Сын Ман 55
Ли, Хорхе Густаво 276, 277
Лоло Созоторо 243–246, 250
Лон Нол 286, 287
Лукас Гарсия, Фернандо Ромео
301
Лула (Луис Инасио «Лула» да
Сильва) 12, 335
Лумумба, Патрис 53, 85,
116–118, 222
Всемирный фестиваль
молодежи и студентов 53
убийство 116, 118, 135
Лумумбы, фонд 158
Лю Шаоци 160

М

Магдалена Кастинах 362
Мадииунский мятеж 35, 52
мая 298, 306, 308, 310, 315

- Макартур, Дуглас 67
 Маккарти, Джозеф 32, 36, 153
 маккартизм 32–34
 Макнамара, Роберт 122, 168, 219
 Малайзия 161–164, 169, 182,
 191, 238
 малайский язык 49, 163, 211,
 212
 этнические китайцы в М. 162,
 165
 Малик, Адам 230, 233
 Мандела, Нельсон 125
 «Манифест коммунистической
 партии» (К. Маркс и
 Ф. Энгельс) 28
 Мао Цзэдун 29, 31, 34, 43, 78,
 89, 94, 141, 146, 159, 168,
 174, 226, 228, 302, 330
 Большой скачок 159, 326
 война в Корее 56
 и Индонезия 30, 174, 226–
 228, 242, 330
 и Коминтерн 29
 «Красная книжечка» 228
 мапуче, индейская культура 266
 Маркос, Фердинанд 269, 270, 363
 марксизм-ленинизм 198
 марксизм 28, 29, 51, 74, 75, 157,
 177, 277, 298, 330, 343
 Камбоджа 287
 Хо Ши Мин 23, 51
 Маркс, Карл 20, 28, 73, 249, 251,
 292
 Мартенс, Роберт 195
 Массера, Эмилио 292
 «мафия из Беркли» 248, 283
 Международный валютный
 фонд 163, 203
 Медиси, Эмилиу Гаррастазу 254,
 255, 257, 263, 264, 290
 Межамериканская комиссия по
 правам человека 301
 Межамериканская
 конфедерация обороны
 континента 188
 Мейн, Джон Гордон 225
 Мексика 130, 188, 318, 323, 353,
 355
 программа уничтожения
 коммунистов 323
 экономическое положение
 (1960) 353
 экономическое положение
 (2018) 355
 метод Джакарты 304 см.
 уничтожение коммунистов,
Operação Jacarta
 МИ-6 (британская
 разведывательная служба)
 44, 45, 57, 111
 Миланович, Бранко 321, 353,
 357, 363
 Миллас, Орландо 235
 Миссия по оказанию
 экономической помощи
 (США) 70
 Мобуту, Джозеф 118, 253, 289
 Мосаддык, Мохаммад 57, 58, 61
 Москва, Советский Союз 22,
 23, 25, 29, 30, 34, 42, 73,
 76, 81, 89, 90–92, 117, 118,
 124, 132, 137, 140–142,
 221–223, 235, 250, 254,
 258, 262, 290, 310, 311
 Мохаммед Али (премьер-
 министр Пакистана) 82
 «Моя война с ЦРУ»
 (Нородом Сианук) 287
 мусульмане 9, 12, 46, 71–74, 83,
 89, 111, 160, 165, 173, 191,
 199, 206, 207, 343 см. ислам
 «Мэддокс» (корабль ВМФ США)
 170
- Н**
 напалм 28, 56, 59

- «направляемая демократия» 110, 111, 127, 160, 252
- «Народная ежедневная газета» 54, 60, 65, 66, 82, 93, 94, 97, 101, 156, 183, 184, 196, 201, 236 *см. Harian Rakyat*
- «Народная молодежь» 160, 177, 179, 196, 214
- Насер, Гамаль Абдель 37, 78, 85, 90, 136, 232
- Насутион 98, 111, 115, 124, 157, 174, 178, 181, 182, 190
- НАТО 77, 176
- национализм 67, 71, 74, 157, 164, 233
- Индонезия 81, 157
- третий мир 71, 117, 134, 233
- Националистическая (Национальная) партия Китая 29, 174
- Националистический освободительный альянс (*Aliança Nacional Libertadora*) 141
- националисты Китая 29, 31, 43, 109 *см. также* Чан Кайши
- Национальная партия Индонезии 74, 205, 206
- Национальная партия (Чили) 274
- Национальный военный колледж (США) 132
- Национальный демократический союз (UDN, партия), Бразилия 136
- Национальный конгресс Бразилии 10
- Национальный монумент, Джакарта, Индонезия 166, 177, 178
- Национальный студенческий союз (Бразилия) 146
- нацисты 19, 20, 21, 25, 27, 45, 48, 61, 229
- Нго Динь Зьем 91, 122, 147, 148
- Нгурах Термана 332, 333, 362
- Нджото (член КПИ) 184
- неоколониализм 69, 94, 162, 232, 233
- Неру, Джавахарлал 37, 38, 77, 136, 232
- Бандунгская конференция 77, 78
- группа Коломбо 77
- как сторонник нейтралитета 37, 38, 81, 84, 136
- смерть 232
- Нигерия 9, 353, 355
- экономическое положение (1960) 353
- Нидерланды 34, 50, 52, 82, 105, 214, 222, 349
- Никарагуа 295, 301, 302, 306, 311, 323
- мятежники *Contra* 302–304
- операция «Кондор» 294, 303
- режим Сомосы 302
- уничтожение коммунистов 323
- сандинисты 297, 301, 302, 311
- Никсон, Ричард 92, 115, 258, 259, 263, 264, 289, 299
- антикоммунистические убеждения 92, 258
- вмешательство в выборы в Чили 258, 259, 261–263
- отношения с Китаем 289, 299
- Нимейри, Джафар 264
- Нитце, Пол 44
- Нкрума, Кваме 231–233
- Новая Гвинея 104, 105 *см.* Западная Новая Гвинея
- Нородом Сианук 81, 121, 122, 230, 231, 287
- Бандунгская конференция 230
- поддержанный США мятеж против С. 286

Нури (Ханафи) 240, 241, 314,
338, 362

Ньото (лидер КПИ) 201

О

Обама, Барак 243, 244, 250, 253,
313

Объединенная Арабская
Республика, крах 233

ООН 56, 62, 78, 84, 105, 117,
118, 133, 164, 171, 233,
237–239, 281–283, 300,
311, 334

война в Корее 56

красные кхмеры 300, 311

Малайзия 164, 171

молчание о бойне

в Индонезии 222, 233

представительство в Бангкоке
237, 239, 300

операция «Аякс» 57, 58

операция «Брат Сэм» 154

операция «Джакарта» 264–266,
272, 273, 276, 280, 284,
290, 304, 336 *см. Operação*
Jakarta

операция «Кондор» 273, 281,
283, 291, 292, 294, 302,
303, 310, 359

операция «Лотос» (*Operasi Seroja*)
289

Оппенхаймер, Джошуа 14

Организация Объединенных
Наций 300 *см. ООН*

Ортега, Даниэль 302

Ортега, Умберто 302

П

Пакистан 9, 37, 77, 82, 176, 353,
355

группа Коломбо 77

экономическое положение
(1960) 353

экономическое положение
(2018) 355

Пак Чонхи 175, 242

Панама 295, 305

Панча сила (пять принципов)
74, 75

Папуа — Новая Гвинея 105, 107,
244

Парагвай 281, 318, 323, 364

Партизанская армия бедняков
(*Ejército Guerrillero de los*
Pobres) 297, 306

партизанская война 233, 292,
309

Бразилия 10

Гватемала 235, 295–297, 306

Греция 27

Китай 31, 270

Корея 55

Куба 119, 224

Никарагуа 297

Патто Са Мотта, Родриго 144,
363

Первая мировая война 23

первый мир 21, 23, 84, 310,
318–321, 327, 330, 353,
355

данные 1960 г. 353

определение 21

Перон, Исабель Мартинес де
292

Перу, интервенция США 130

Пиночет, Аугусто 274, 275,
278–280, 283–285, 333

жизнь при П. 279, 280, 282,
345

операция «Кондор» 281

сравнения с Сухарто 284

режим П. 274

тайная полиция ДИНА 279,
280

план Козна 153
план Маршалла 30, 135
план *Yakarta/Jakarta/Djakarta*
264–266, 272, 273, 276,
280, 284, 290, 304, 336 *см.*
также Operação Jacarta
Плимут, Мичиган 97
площадь Независимости, Джа-
карта, Индонезия 70, 183,
202, 211
полигамия 95
Пол Пот 9, 231, 270, 289, 298,
299, 311, 326, 332
Польша 42, 353
экономика
в посткоммунистическую
эпоху 321
экономическое положение
(1960) 353
Португалия 130, 288
бывшие колонии 288–290
см. Ангола, Бразилия,
Восточный Тимор,
Мозамбик
конец диктатуры (1975) 288
Поуп, Аллен Лоуренс 88, 99,
100, 102, 104, 112
Праното 183
Пратс, Карлос 269, 274, 275,
280
профсоюзы 12, 32, 33, 36, 94,
137, 152, 166, 194, 214,
215, 249, 254, 292, 296
психологическая война 59, 64,
172, 185, 238, 269
Пурбалинга, Центральная Ява,
Индонезия 92, 196, 197
Пурвокерто, Центральная Ява,
Индонезия 165, 193, 194
пуритане 18, 101, 115
Пьюрифой, Джон 63–65, 175
«Пятая сила» (индонезийская
народная милиция) 173

Р

Рабочая партия Кампучии 231
рабство 23, 46, 49, 61, 65, 131,
213, 309
разрядка 330
Рака (отец Агунга Алита) 204,
206, 332
Революционное движение
13 ноября 224, 297
Рега, Хосе Лопес 304
режим Пиночета 274
Рейган, Рональд 33, 269, 302,
303, 305
агрессивные методы
противодействия
коммунизму 33, 302, 303,
305, 306, 309
выборы в Никарагуа (1984)
311
посол в Египте
и на Филиппинах 344
Ресифи, Бразилия 142
Рестон, Джеймс 216, 217
Рибейру, Жаир Дантас 149, 150
Рио-де-Жанейро, Бразилия 10,
131, 142, 149, 186, 254
граффити
антикоммунистического
содержания 146
Красный пляж 144, 149, 186
переворот Гуларта 153
Intentona Comunista 141,
143–145, 149, 153, 154,
186, 187, 337
Риос Монтт, Эфраин 309
Родезия 289
Рокфеллер, Дэвид 230, 266, 344
Ромеро, Оскар 305
Россия 19, 24, 29, 33, 89, 136,
142, 221, 324, 332, 355 *см.*
также Советский Союз
Россия, экономическое

- положение (2018) 355
 см. также Советский Союз
- Рузвельт, Кермит 58, 59, 63
 Румыния 39, 40, 242
 Руса, Джон 216
 Русеф, Дилма 10, 11, 255, 335, 363
- ## С
- Сайгон, Вьетнам 122, 286
 Саконо (Праптоюгоно) 88, 92–97, 103, 171, 177, 196–200, 213, 214, 317, 343, 362
 арест и тюремное заключение 197–200
 жизнь в настоящее время 317, 343
 организация «Народная молодежь» и КПИ 177, 214
 Салот Сар 231 см. Пол Пот
 Сальвадор 62, 64, 295, 297, 305, 310, 311, 323
 бойня в Мозоте 305
 переворот ЦРУ в Гватемале 295
 уничтожение коммунистов 323
 Сандоваль Аларкон, Марио 301
 Сан-Паулу, Бразилия 7, 12, 128, 129, 132, 135, 151, 152, 280, 293, 294, 334, 362, 364
 антикоммунизм 146, 254, 294
Operação Jacarta 280
 санскрит 75
 Сантьяго, Чили 258, 261, 266–268, 271, 275, 278, 282–284, 345, 362
 надписи на стенах 265, 266, 346
 Санчес Дель Баррио, Хосефа 307, 362
- Сарво Эдди 209, 213
 Сармадджи (индонезийский студент в Китае) 349, 362
 Священный памятник Панча сила (*Monumen Pancasila Sakti*), Джакарта, Индонезия 346
 Северная Америка как представитель первого мира 17, 21, 310
 Северная Африка, глобальное неравенство (1960–2017) 360
 Северная Корея 11, 56
 война в Корею 56
 и Бандунгская конференция 78, 81, 86
 Ким Ир Сен как лидер С. К. 55
 Северная Суматра, Индонезия 210
 Северный Вьетнам (Демократическая Республика Вьетнам) 91, 156, 170, 286
 Бандунгская конференция 78, 81, 86
 планы объединения 91
 Секретная разведывательная служба (МИ-6) 44, 172
 Секретная служба (США) 121
 Семиньяк, пляж, Бали, Индонезия 177, 205, 207, 331
 Сепеда, Максимо 304
 Сеул, Корея 56, 175
 Сиенреап, Камбоджа 311
 Симпсон, Брэдли 14, 187, 204, 361
 Синатра, Фрэнк 30
 Сингапур 7, 37, 100, 111, 161, 172, 210, 239
 симпатии к коммунизму 161
 АСЕАН 239, 301, 328

- Сирийская республика
на Бандунгской
конференции 81
- Сисон, Хосе Мария (Джоме)
269, 270, 363
- Снеффлит, Хенк 29
- СОБСИ (SOBSI) 94, 160, 166,
194
- Совет национальной
безопасности (США) 113,
124, 176, 262
- Советский Союз 8, 9, 20–23, 25,
27, 28, 34, 36, 37, 39, 44,
53, 62, 77, 78, 82, 86, 88,
89, 97, 102, 115, 119, 134,
145, 159, 160, 170, 221,
222, 231, 253, 258, 262,
288, 289, 310, 312, 320,
325, 344, 349, 353 *см.*
также Россия; Сталин,
Иосиф
- влияние бойни в Индонезии
на С. С. 102, 221
- Вторая мировая война 20, 21,
24, 39
- вторжение в Афганистан 311
- Гражданская война (1918–
1920.) 20
- экономика (после Второй
мировой войны) 353
- экономическое положение
(1960) 353
- Советское радио 223
- Советы 20, 21, 25, 26, 28, 31,
37, 39, 43, 45, 56, 57, 63,
124–126, 140–142, 159,
221, 262, 289, 299 *см.*
Советский Союз
- Соединенные Штаты Америки 8,
9, 11, 14, 15, 17–21, 23, 24,
26, 27, 30–43, 51, 53, 55,
58, 59, 61–65, 67–71, 76,
77, 80, 82, 83, 86, 87, 90–92,
94, 96, 97, 99–102, 104, 107,
112–126, 128, 130–137,
139, 140, 142, 145–148,
150, 152, 154–156, 160,
162–164, 167–170, 172,
182, 184, 185, 187, 189,
190, 191, 195, 196, 200,
201, 203, 207, 209, 214–
218, 220, 224–226, 228,
229, 232, 236, 240, 242,
243, 247, 248, 251–254,
257, 259, 262–264, 269,
271, 273, 274, 277, 281,
282, 284–289, 291, 292,
294–301, 303–306, 310,
311, 313–320, 323–327,
329, 330, 334, 336, 342,
343, 345, 347–349, 353,
355, 357, 360 *см. также*
конкретные действия,
государственные службы
и президентов
- Война за независимость 18
- белый супремасизм 18
- глобальное неравенство
(1960–2017) 360
- позиция в отношении Кубы
122, 124, 312
- секретные операции
в Индонезии 100, 121,
175, 176, 187, 216, 326
- экономическое положение
(1960) 353
- Соло, Индонезия 317, 339,
340–343, 362
- социал-демократы
(политическая партия
Германии) 29, 251
- социализм 23, 28, 51, 52, 68, 73,
90, 94, 102, 119, 234, 235,
249, 252, 254, 258, 259,
262, 273, 275, 279, 285,
290, 298, 317, 322, 330

- Социалистическая партия
Болгарии 314
- Социалистическая партия
Индонезии 111, 266
- Социалистическая партия Чили
274, 275
- Созторо, Лоло 243
- спецслужбы (британские) 44,
45, 57, 111
- СССР 20, 21, 27, 30, 61, 91, 119,
159, 221, 262, 290, 353 *см.*
Советский Союз
- Сталин, Иосиф 20, 26, 28, 30,
31, 55, 88, 89
- марксизм-ленинизм 21, 27,
28, 30, 31
- развенчание Хрущевым 146
- чистки 20, 55, 326
- Ялтинская конференция 27
- Стамфорд, Коннектикут 333,
334
- старояванский язык 75
- Субандрио (индонезийский
дипломат) 97, 98, 163,
171, 173, 181, 182, 208,
209
- Субсахарская Африка 85, 232
- глобальное неравенство
(1960–2017) 360
- Суварто (индонезиец) 182
- Судан 264, 323
- Коммунистическая партия
264
- уничтожение коммунистов
323, 358
- Сукарно 35, 49, 50, 52, 55, 69,
70, 72–81, 86, 87, 91–99,
101, 103–105, 110–112,
114, 115, 121, 123, 124,
127, 157, 158, 160–164,
167–176, 178–180, 183,
185, 188, 190, 193, 196,
203, 205–211, 213, 216,
217, 220–223, 225, 226,
230–232, 239–242, 244,
270, 287, 288, 302, 317,
318, 324
- Бандунгская конференция 78,
81, 82, 323
- Движение 30 сентября 156,
176, 178, 179, 181, 183,
184, 190, 192, 196, 210,
214, 220, 226, 238, 358
- «направляемая демократия»
110, 111, 127, 160, 252
- Konfrontasi* (конфронтация
с Малайей) 162, 164, 168,
170, 171, 238
- КПИ и С. 35, 52, 55, 75, 76,
89, 98, 111, 157, 160–162,
170, 173, 191, 193, 201,
209, 210, 221, 226
- Сульцбергер, Артур 66
- Суматра, Индонезия 54, 89, 96,
99, 191, 192, 222
- батак, язык 54
- мятежи против Сукарно 89,
96, 99, 191
- события после разгрома
Движения 30 сентября 210
- Сутеджа (губернатор Бали) 206
- Сухарто 179, 181–188, 190, 204,
208–210, 217, 222, 223, 227,
229, 230, 239, 241, 243,
248, 253, 270, 284, 286,
288, 289, 312, 314, 324,
333, 341, 347
- антикоммунизм 182, 183,
185–188, 217, 239, 270,
288, 289, 323
- Движение 30 сентября 181,
182, 190, 347
- захват власти 181, 183, 184,
186, 208, 209, 222, 223,
226, 243, 341
- Суэцкий канал 90

Т

Таиланд 161, 223, 237, 299, 300, 354, 355
АСЕАН 239
влияние бойни в Индонезии на Т. 237–239
КГБ в Т. 237
региональная штаб-квартира ООН 237
уничтожение коммунистов 240, 323, 358
ЦРУ в Т. 225
экономическое положение (1960) 353
Тайбэй, Тайвань 242
Тайвань 43, 78, 227, 242, 301, 305, 327, 356
Антикоммунистическая лига народов Азии 188
белый террор 30, 43
уничтожение коммунистов 227, 242, 323, 358
Тан Инь Джиок 7, 12, 13, 128, 129, 293, 294, 317, 334, 335, 337
см. Инь Джиок Тан
теория модернизации 112, 123, 216
антиамериканизм как патология 164
Бразилия 248
Индонезия 182, 216, 248
принятие Гордоном 135
«Танкетасо» (попытка переворота в Чили) 274, 275
Техас 21, 66, 148, 237, 245
Тито, Иосип 27
Тольятти, Пальмиро 31
Тонкинская резолюция 170
Тордесильясский договор (1494) 130
третий мир
данные 1960 г. 353

Конференция трех континентов 82, 84, 157, 222, 241, 261, 317
появление термина 22
Трех континентов конференция 201, 240, 241
тропикализм (*Tropicália*) 293
Трумэна доктрина 26
Трумэн, Гарри С. 19, 25–27, 30, 34, 35, 273
Трухильо, Рафаэль 123
Турция 25–27, 84, 354, 355
политическая ситуация после Второй мировой войны 25, 27
экономическое положение (1960) 353
Тяньаньмэнь, площадь, Пекин, Китай 226

У

Убико, Хорхе 61
уничтожение коммунистов (Индонезия, 1965–1966) 117, 186, 193, 212, 213, 217–219, 229, 230, 264, 285, 323, 340
насилие против женщин 117, 213, 214, 340
общемировые последствия 218, 298, 329 см. также *Operação Jacarta*
пытки 117, 186, 214, 321, 340
сопротивление 227
статистика 229, 230
Operasi Penumpasan (операция «Уничтожение») 193
уничтожение коммунистов 324, 329, 336, 358 см. также исчезновения людей, операция «Кондор»
причины 24

Таиланд 240, 323
 теологические обоснования 310
 Уолтерс, Вернон 139, 148, 151
 Управление стратегических
 служб (Office of Strategic
 Services, OSS) 39–41, 43
 Уругвай 153, 257, 281, 293, 323
 выборы (1971) 263
 уничтожение коммунистов
 281, 294, 323
 установление нового мирового
 порядка по итогам Второй
 мировой войны 19, 21,
 34, 90, 310, 320, 321, 327
 данные 1960 г. 353
 данные 2018 г. 355
 крах 310, 328
 Устра, Карлос Альберту
 Брильянте 11, 336

Ф

фашизм 21, 141, 259, 275, 291
 Филиппины 22, 59, 60, 122, 173,
 239, 269, 270, 323, 328,
 344, 354, 355
 программа уничтожения
 коммунистов 323, 358
 Хукбалахпское восстание 59,
 60
 экономическое положение
 (1960) 353
 Филью, Олимпиу Моуран 153
 Фицджеральд, Десмонд 59, 122
 Флорида 21, 99, 119, 315
 Фонд Форда 113
 Форд, Джеральд 289
 Форт-Ливенворт, военная база
 112, 114, 145, 151, 187,
 192, 305
 Франциска (Паттипилохи) 46–
 55, 60, 68, 86, 99, 103, 105,
 128, 156–158, 171, 176,

177, 184, 201–203, 210,
 211, 214, 230, 250–252,
 317, 323, 334, 349, 362
 арест и освобождение 202,
 203, 210
 Ассоциация журналистов
 Африки и Азии 158, 176,
 201
 Бандунгская конференция 82,
 86, 158
 жизнь в настоящее время
 349, 350
 Франция 25, 38, 77, 82, 90, 299,
 353, 355, 360
 глобальное неравенство
 (1960–2017) 360
 колониализм в Индонезии
 23, 34
 отстранение министров-
 коммунистов 30
 экономическое положение
 (1960) 353
 Французская коммунистическая
 партия 250
 Французский Индокитай 24, 50
 Фрей, Эдуардо 233, 241

Х

Халим, авиабаза, Индонезия
 177, 179, 183, 184
 Халле, Луис Дж. 66
 Ханафи, А. М. 157, 240, 241
 Ханафи, Нури 338
 Ханой, Вьетнам 23, 171, 220,
 286, 287, 300, 311, 362
 Хатта, Мохаммад
 (индонезийский
 независимый лидер) 98,
 102
 Хелмса — Бёртона закон (США,
 1992 г.) 312
 Хелмс, Ричард 185, 259

Хендра Винарди 337, 362
Херц, Кармен 234, 261, 266, 267,
277, 278, 345, 362
Хирохито, император Японии
48
Хоббинг, Энно 65
Хорватия 242, 279
Хо Ши Мин 23, 31, 34, 51, 69,
76, 91, 170, 302
    Вьетминь 23
    движение сопротивления 23
    и Сукарно 170, 220
Христианско-демократическая
    партия Италии 30
Христианско-демократическая
    партия Чили 233
Хрущев, Никита 88–90, 94, 121,
221
    и Сукарно 168
    о Кеннеди 121
    о Лумумбе 117
Хукбалахапское восстание
    (Филиппины) 59, 60
Хун Лань Оэй 239 *см.* Бенни
    (Видьоно)
Хусейн, Саддам 126, 232

Ц

Центральная Америка 22,
61, 62, 101, 102, 224,
237, 294, 295, 297, 298,
301–304, 306 *см. также*
    конкретные страны
    операция «Кондор» 302
    партизанские движения 297,
298
    порабощение коренных
    народов 295
Центральная всеиндонезийская
    ассоциация трудящихся
    94, 160, 166, 194 *см.*
    СОБСИ

Центральная Ява, Индонезия
    92, 95, 108, 165, 177, 182,
    193, 195, 200, 204, 340
    контакты ЦРУ с военными в
    1965 г. 195
    уничтожение коммунистов
    194, 200
Центральный Ачех, Индонезия
    192
Центр изучения Востока
    и Запада Гавайского
    университета 171, 243
ЦРУ 11, 39, 43–45, 56–59, 63,
65, 67, 84, 87, 90–92,
99–104, 110, 111, 114,
116–120, 122, 125, 135,
138, 146–148, 155, 162,
171–173, 175, 181, 182,
184, 185, 195, 221, 224,
225, 231–234, 236, 237,
240, 252, 258–261, 268,
269, 271, 279, 292, 294,
301, 304, 306, 311, 344,
353 *см.* Центральное
    разведывательное
    управление
    вторжение в заливе Свиней
    119, 121, 123
    контрас, поддержка 302–304
    операции в Бразилии 11, 138,
    146, 148, 236
    операции в Гондурасе 303, 304
    операции в Индонезии (1958)
    100, 102, 103, 161, 171,
    181, 260, 269
    операции в Индонезии (1965)
    172, 182, 185, 195
    операции в Индонезии
    (выборы 1955 г.) 87, 111
    операции в Камбодже 121,
    230
    попытки переворотов в
    Гватемале 63, 67, 224, 306

экономика Чили,
вмешательство 233, 258,
268, 271, 273, 274, 279,
281

Ч

Черчилль, Уинстон 31, 38
Чехословакия 30, 100
коммунистический переворот
30, 262
продажа оружия Гватемале 63
Чжоу, Таомо 227, 363
Чжоу Энлай 78, 173, 226, 228
Бандунская конференция 78
День образования КНР (1965)
226
«чикагские мальчики» 283
Чили 234, 235, 257–262,
264, 265, 269, 274, 282,
283, 285, 289, 291, 292,
300, 303, 312, 326, 333,
345, 362 *см. также*
Вооруженные силы Чили
диктатура Пиночета 257, 274,
279, 345
ДИНА (тайная полиция Пино-
чета) 279–281
мятеж против Альенде 274,
276, 277
план *Djakarta* 265, 274
уничтожение коммунистов
281, 285, 303, 323

Ш

Шанхай, Китай 30
Шлезингер, Артур мл. 43
Шмитт, Эрнан Пьетро (Тула) 293
Шнайдер доктрина 260, 269
Шнайдер, Рене 260, 261, 269
Шри-Ланка (Цейлон) 77, 223,
323
группа Коломбо 77

«индонезийское решение»
323
программа уничтожения
коммунистов 323, 358

Э

Эйзенхауэр, Дуайт Д. 57, 61–63,
65, 86, 91, 92, 97, 115, 119,
122, 125, 134
антикоммунизм 61, 121
переворот в Гватемале 63, 65
убийство Лумумбы 86, 111,
118
Эквадор, интервенция США
140
экономика
посткоммунистической
эпохи 320, 322, 325
Экономическая комиссия для
Латинской Америки и
Карибского бассейна
(Economic Commission
for Latin America and the
Caribbean, CEPAL) 283
Энгельс, Фридрих 28
Эрзог, Владимир 290, 338
Эрзог, Иво 338, 363

Ю

Юго-Восточная Азия 12, 22,
34, 48, 75, 77, 104, 108,
111, 121, 187, 218, 219,
225, 239, 248, 271, 272,
287, 289, 312, 318, 328,
329, 332 *см. также*
конкретные страны
клановый капитализм 271,
328
теория домино 218
Югославия 27, 137, 320
Конференция стран —

- участник Движения
неприсоединения 137
- поддержка греческих
коммунистов 27
- протесты против убийства
Лумумбы 118
- Южная Азия, глобальное
неравенство (1960–2017)
360
- Южная Африка (ЮАР) 7, 78,
146, 289, 346, 355, 357, 360
- арест Манделы 125
- Южная Корея 67, 78, 188, 242,
323, 327, 354–356 *см.*
также Корея
- Антикоммунистическая лига
народов Азии 187
- Всемирная
антикоммунистическая
лига (WACL) 242
- уничтожение коммунистов
323, 358
- экономическое положение
(1960) 353
- экономическое положение
(2018) 356
- Южный Вьетнам 91, 122, 147, 220
- Бандунгская конференция 86
- планы объединения 91
- программа «Феникс» 220

Я

- Ява, Индонезия 12, 35, 47,
70, 72, 92, 95, 96, 104,
105, 108, 165, 170, 173,
177, 182, 193–197, 200,
201, 204, 210, 333, 340
см. также Джакарта,
Индонезия
- движение за независимость 34
- мятежи против Сукарно 96,
173, 183

- Пурвокерто 165, 193, 194
- уничтожение коммунистов
195, 198–200, 332
- яванский язык 75, 93
- Яни, Ахмад 178, 181, 182, 200
- Япония 21, 23, 37, 48, 223, 287,
353, 355
- оккупация Индонезии 52, 89,
107, 109
- оккупация Китая 30
- оккупация Кореи 55
- оккупация Филиппин 59
- экономическое положение
(1960) 353
- Ярна Мансур 222, 223, 349, 362

Н

- Narian Rakyat* («Народная
ежедневная газета») 54,
60, 93, 94, 97, 183, 236

И

- Intentona Comunista* (Бразилия)
141, 143–145, 149, 153,
154, 186, 187, 337
- легенда об I. C. 143, 144, 153,
187, 337
- параллели с Движением
30 сентября 145, 154, 186

L

- Lubang Buaya* (колодец),
Джакарта, Индонезия 346

N

- NASAKOM (Nasionalisme, Aga-
ma (Религия), Komunisme)
157, 166
- The New York Times* 65, 99, 133,
163, 212, 216, 301, 306

о бойне в Мосоте 306
 о бойне в Панзосе, Гватемала 301
 о гражданской войне в Индонезии 163
 о массовых убийствах в Индонезии 212, 217
пуират (добровольная казнь) 206

О

Operação Jacarta 264, 265, 272, 273, 276, 280 см. также план *Yakarta/Jakarta/Djakarta* (Чили)
 Болсонару и О. Ж. 336
 значение 264–266, 272, 273, 280, 284, 290, 304
Operação Radar 265 см. операция «Радар»

Р

Patria y Libertad (чилийская антикоммунистическая группа) 265, 267, 271, 274
 символика 259, 267
 симпатия в отношении фашизма 274
 союз с чилийскими военными 274
Plan Yakarta 265, 267, 271, 274

S

sulfatos (бомбы) 64, 287, 296
Supersemar (письмо Сукарно) 209, 221

T

Taman 65 (организация) 332, 363
Tribuna (газета Национальной партии Чили) 277

Бевинс Винсент

МЕТОД «ДЖАКАРТА»

Антикоммунистический террор США,
изменивший мир

Издатель *П. Подков*

Руководитель проекта *А. Шувалова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *О. Петрова, Е. Сметанникова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Фото на обложке Martinus Rimo

Подписано в печать 09.03.2023. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 27,5 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ № 2144.

ООО «Альпина нон-фикшн»

123007, г. Москва, ул. 4-я Магистральная, д. 5,
строение 1, офис 13

Тел. +7 (495) 980-53-54

www.nonfiction.ru

Интернет-магазин издательской группы «Альпина»

ООО «Альпина Паблишер»

115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Замоскворечье,
ул. Щипок, д. 18, ком. 1; ОГРН 1027739552136

www.alpina.ru

e-mail: info@alpina.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».

432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Знак информационной продукции

(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

ВИНСЕНТ БЕВИНС — американский журналист, долго работавший корреспондентом *The Washington Post* в Юго-Восточной Азии и *Los Angeles Times* в Бразилии. Недавно рассекреченные документы ЦРУ и разговоры с жертвами государственного террора на трех континентах привели его к исследованию тяжелого наследия забытой бойни, устроенной в Индонезии в 1965 году, а затем повторявшейся — по той же модели — в Латинской Америке, Азии и Африке. Винсент Бевинс удостоен множества профессиональных наград. Он писал и пишет для целого ряда изданий, в том числе *Financial Times*, *The New York Times*, *The Atlantic*, *The Economist*, *The Guardian*, *Foreign Policy*, *The New York Review of Books*, *Folha de S.Paulo*, *The New Republic*, *The New Inquiry*, *The Awl*, *The Baffler*, *New York Magazine* и *n+1*. Бевинс родился и вырос в Калифорнии, последнее время живет в Джакарте.

Книга «Метод “Джакарта”» обязательна к прочтению, если вы хотите понять, как разведывательный аппарат США обрел свои нынешние черты, выпотрошив в процессе этой трансформации великое множество стран.

GQ

Бевинс не первый, кто обнаружил, что в странах третьего мира холодная война часто переходила в горячую фазу, но именно он наглядно продемонстрировал тяжелые гуманитарные последствия этой грандиозной идеологической битвы.

The New Republic

Шокирующая картина, забыть которую смогут немногие читатели... Исследование Бевинса производит впечатление основательного, а выводы выглядят убедительно. Полномасштабное освещение очередного темного закулка американской истории.

Kirkus Reviews

ISBN 978-5-00139-824-0

Думай по-своему

заказ книг +7 (495) 120-07-04
и на сайте www.nonfiction.ru

alpinanonfiction

alpinanonfiction